РАДИЩЕВ

ЛЕНИНГРАД
1950

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

РАДИЩЕВ

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени А. А. ЖДАНОВА
1950

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР *М. П. Алексеев*

Радищев в Илимске
(Акварель худ. В. И. Кайдалова, 1949 г.)

От редакции

Предлагаемый сборник подготовлялся Филологическим институтом Ленинградского университета с конца 1949 г. в ознаменование исполнившегося 31 августа того года 200-летия со дня рождения великого русского писателя, мыслителя и революционера XVIII в. — Александра Николаевича Радищева. Начатые в то время Институтом архивные разыскания об А. Н. Радищеве и связанные с ними библиографические работы удалось завершить лишь весною текущего года.

В основу сборника положены доклады, читанные на специальной научной сессии Филологического института, посвященной Радищеву (см. Доклады и сообщения Филологического института, вып. 2, Л., 1950, стр. 167—168), публикуемые здесь в переработанном и расширенном виде; к ним удалось присоединить также и ряд других работ, выполненных в Ленинграде в 1949—1950 гг. в связи с указанной юбилейной датой. В первом разделе сборника печатаются исследования и статьи о Радищеве более крупного объема, имеющие в то же время более общий и принципиальный характер, во втором объединены материалы и сообщения более специального назначения, в том числе и серия «кратких заметок», преимущественно текстологического, биографического и библиографического содержания, в значительной своей части основанных на новонайденных в крупнейших ленинградских архивах и библиотеках рукописных данных. Книгу завершает библиографический указатель юбилейной литературы о Радищеве 1949 года.

Публикуемые в сборнике статьи и материалы имеют разнородный характер: иные из них поднимают важнейшие проблемы мировоззрения и творческой биографии А. Н. Радищева; другие посвящены анализу крупнейших его произведений (в первую очередь «Путешествия из Петербурга в Москву»); третьи, наконец, пытаются дать новую интерпретацию прочих его произведений или различных спорных вопросов его биографии, раскрывают заново ту социально-бытовую среду, из которой вышел Радищев, или ту идейную борьбу на рубеже XVIII и XIX столетий, в которой он принял столь деятельное участие. Составители сборника исходили из убеждения, что и биография и творчество Радищева изучены еще далеко не достаточно и что в истории его жизни и деятельности есть еще множество спорных и неразрешенных вопросов, больших и малых. Вот почему в сборнике нашли свое место и такие работы, которые выдвигают новые проблемы в изучении Радищева, но еще не раз-

решают их окончательно — в ожидании новых соображений, замечаний, находок. Этим объясняется также, почему в различных статьях, объединенных в настоящей книге, можно найти кое-какие несовпадения или противоречия в отдельных частных суждениях о Радищеве, научную полемику о нем, борьбу мнений по отдельным вопросам науки о Радищеве. Редакция не считала себя вправе ограничивать все подобные суждения даже в тех случаях, когда не могла полностью согласиться с отдельными утверждениями авторов или впервые выдвигаемыми здесь гипотезами.

Радищев — многогранный писатель, деятель на многих поприщах научной и общественной жизни. В его творчестве нет «второстепенных» произведений, таких, которые не заслуживали бы особых и специальных исследований. В творческом наследии Радищева интересна и значительна каждая строка, каждый из незавершенных замыслов. Отсюда и тематическая пестрота настоящего сборника и разнообразие исследовательских подходов к изучению Радищева в отдельных статьях этой книги, от публикации новонайденных автографов до широких литературно-философских обобщений и подведения своего рода итогов его изучению вообще: сборник стремится, прежде всего, раскрыть новые черты жизненного и творческого облика Радищева, углубить наше понимание всего того, что этот «рабства враг», этот мужественный поборник свободы и страстный проповедник крестьянской революции, мыслитель ученый, писатель завещал всей последующей русской общественной мысли и художественной литературе.

СТАТЬИ

А. В. ЗАПАДОВ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

Двухсотлетний юбилей со дня рождения великого мыслителя-революционера, выдающегося русского писателя и общественного деятеля А. Н. Радищева явился замечательной датой в истории нашей культуры. Память того, кто «нам вольность первый прорицал», отметила вся советская печать. В дни юбилея 1949 года было опубликовано несколько изданий произведений Радищева, вышел ряд книг, посвященных его жизни и творчеству. На русском, украинском, белорусском, узбекском и многих других языках многонациональная семья народов Советского Союза выражала свое уважение великому человеку и писателю, чьим бессмертным подвигом была книга «Путешествие из Петербурга в Москву», бросившая смелый вызов самодержавно-крепостнической России, воззвавшая к народной революции.

Беспримерна судьба Радищева и его книги. Писатель, издавший в свет литературные произведения, был объявлен опаснейшим бунтовщиком и приговорен к смертной казни. Книга его была уничтожена, она десятки лет запрещалась к переизданию и только Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно сняла запрет с творчества Радищева. Но в России XIX столетия не было ни одного передового, прогрессивно настроенного человека, который не знал бы «Путешествия из Петербурга в Москву» и не чтил имени его автора. Группа поэтов-радищевцев сразу после гибели писателя-революционера принялась пропагандировать высказанные им мысли. Идеи Радищева развивали декабристы. Они были близки Грибоедову, Белинскому, Лермонтову. Пушкин видел свою заслугу в том, что славил свободу «вслед Радищеву», говорил и писал о нем. Герцен за границей переиздал «Путешествие». Радищева знали и чтили революционеры-демократы 1860-х годов.

В 1914 г. В. И. Ленин писал: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне

и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».[1]

Буржуазно-дворянское литературоведение всемерно маскировало революционные и материалистические взгляды Радищева, изображая его последователем западноевропейских идеалистических учений. В «духовные отцы» Радищева зачислялись Лейбниц, Вольф, Платнер, Руссо, Пристли и многие другие. Об этом писали Е. Бобров, Э. Радлов, И. Лапшин, П. Милюков и прочие представители либерального лагеря русской буржуазной интеллигенции. На их ложных и политически враждебных марксизму настроениях воспитывались представители «академической» науки, извращавшие революционный облик Радищева. Привитые ими взгляды оказались живучими и с повторением их пришлось иметь дело в наше, советское время.

Так, в статье М. Жижки «Социально-политические взгляды Радищева» (в кн. «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву», Academia, 1935) Радищев изображался апостолом буржуазного пути развития России. Он якобы «долго верил» в «постепенное освобождение крестьян руками самих помещиков» и ходатайствовал перед правительством Екатерины II о крестьянской реформе. Жижка считал, что Радищев только «условно [?] верил в творчески-созидательную силу крестьян», что он «условно верил» в успех революции в России, словом, что Радищев в лучшем случае был «буржуазным революционером». Радищев трактовался М. Жижкой как воспитанник западноевропейских просветителей, как «трагический одиночка», ни в ком из русских людей не возбуждавший сочувствия и интереса.

Глубоко ошибочно был понят Радищев авторами учебника по истории СССР для вузов, вышедшего двумя изданиями, в 1939 и 1947 гг. По их мнению, Радищев был лишен самостоятельной творческой мысли, мировоззрение его было соткано из идей, заимствованных у десятков западноевропейских авторов, книга же представляет «продукт» многих заграничных «влияний».

Нет надобности в настоящее время доказывать несостоятельность подобных измышлений. Совершенно очевидно, что революционные взгляды Радищева сложились в обстановке русской крепостнической действительности, под непосредствен-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 85.

ным воздействием крестьянской войны 1773—75 годов. Восстание Пугачева нанесло сильнейший удар монархии Екатерины II и произвело неизгладимое впечатление на сознание русского общества. Дворянство, напуганное угрозой расплаты с крестьянами, усиливает реакционный характер политики царизма, поддается мистическим настроениям, поддерживает масонство. Часть дворянских идеологов выдвигает мысль о смягчении жестокостей крепостного права, о создании типа гуманного и просвещенного помещика. Им свойственно признание крестьянина человеком, который может испытывать боль и страдание, над кем нельзя безнаказанно издеваться. Надо, следовательно, хозяйствовать расчетливо, не вызывая ненависти крестьян, быть для них «добрым барином».

Лишь один Радищев в то время громко и властно возвысил голос протеста против крепостного права и самодержавия. С поразительной смелостью и глубиной мысли он выступил с обличением не крайностей эксплоатации, а самого зла, угнетения человека человеком, он потребовал уничтожения царского произвола и освобождения крестьян. Радищев отрицает «доброго барина»: все господа — звери. Напрасны были попытки буржуазно-дворянских историографов изображать Радищева умеренным либералом, поклонником идей западноевропейских просветителей, «учеником императрицы», которая якобы также хотела учредить в России «вольность». Державный мучитель Радищева лучше и раньше всех понял, с каким опасным и непримиримым врагом он имел дело. Для Екатерины Радищев «бунтовщик хуже Пугачева», который «книгою или инако хочет исторгнуть скиптры из рук царей». Потому так яростно преследовала императрица писателя, потому так настойчиво разыскивала единомышленников Радищева. И, зная это, писатель-революционер принял меры к тому, чтобы не назвать на следствии своих друзей, взяв всю вину на себя.

Из всех объяснений Радищева на следствии по поводу причин, побудивших его написать книгу, было принято только одно — что она написана в «подражание Стерну». Эту версию с удовольствием подхватила императрица, которой важно было придать «Путешествию» подражательный характер, чтобы избавить свое правление от обвинений, брошенных Радищевым. За нею сказку о несамостоятельности писателя принялись распространять Милюковы и Павловы-Сильванские, выполнявшие свои классовые буржуазные цели. А между тем, ссылка на «показание самого Радищева» здесь вовсе не имеет цены. Он вспомнил о Стерне на следствии после того, как были забракованы два предыдущих его объяснения, что он издал книгу для того, чтобы «разбогатеть» (!) и «прослыть сочинителем» (не поставив на титульном листе своего имени!). С тех

пор пошла гулять по свету легенда о «подражательности» Радищева.

Буржуазные космополиты изображали мировоззрение Радищева сотканным из чужих мыслей, делали из него эпигона западноевропейских просветителей. Нет ничего враждебнее этих ложных обвинений. На самом деле — Радищев глубоко оригинальный и смелый мыслитель, значительно опередивший своих не только западноевропейских, но и русских современников.

Философские воззрения Радищева, изложенные им в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии», носят материалистический характер и основаны на признании первичности материи, объективности и бесконечности природы. Сознание, разум человека Радищев считал производным, вторичным. Но, развивая эти плодотворные мысли, критикуя метафизические теории, обличая мистицизм и масонство, Радищев все же не смог выйти за рамки метафизического материализма и взглядам его неизбежно свойственна историческая ограниченность.

В русском искусстве Радищев также сказал свое новое слово. Он создал произведение огромной обличительной силы; высокого гражданского пафоса, он впервые глубоко правдиво изобразил жизнь русского крестьянина, показал в художественном произведении социальные характеры. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» явился зачинателем передовой русской литературы, проникнутой свободолюбивыми идеалами.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» (1789) Радищев показывает влияние общественной среды и условий на формирование характера человека. «Общежитие вселяет в нас ряд своих мыслей и побуждает нас то называть добром, что оно добром почитает». Каково общество, таков и человек, таковы его поведение, нравственные принципы, образ мыслей. В государстве, основанном на рабском подчинении, каждый хочет быть повелителем и угнетает слабейших. С другой стороны — угнетение вызывает у человека естественное желание самозащиты, готовность ответить ударом на удар, создает объединение угнетенных.

«Свободы не от их [отчинников] советов ожидать должно, а от самой тяжести порабощения», — говорит Радищев, и рисует в «Путешествии» картины крестьянского возмущения, вызванного насилием помещиков. Он признает справедливой крестьянскую месть и оправдывает ее. Однако ему ясно, что стихийная волна народного гнева еще не может сломить самодержавия. Восстание Пугачева убедительно показало это. Радищев видит, что крестьяне, желая освободиться от крепостного

ига, «искали паче веселия мщения, нежели пользу сотрясения уз». Для того, чтобы разорвать эти узы, необходимо уничтожить одновременно и самодержавие, и крепостное право. И здесь на помощь народу должны явиться лучшие представители дворянской интеллигенции, понимающие губительную роль своего сословия — мучителя крестьян и раба монарха. Радищев обращается к ним со своей книгой, он призывает их на помощь народу, уверенный в огромной организующей роли слова агитатора-трибуна. Несмотря на мрачный колорит картин, изображаемых в «Путешествии», книга эта исполнена большого социального оптимизма. Радищев уверен в наличии единомышленников, набрасывает их портреты в своей книге. Он знает, что сцены народного горя трогают сердца его «сочувственников», и обращает к ним свой страстный призыв.

Радищев верит в силы русского народа, в его талантливость, и уверенно смотрит в будущее. Если крестьяне восстанут и перебьют своих господ, — потеря государства будет невелика, — говорит он в «Путешествии». Скоро бы из среды народа «исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие», — пророчески прибавляет Радищев. Он называет наш народ «к величию и славе рожденным» и, подробно характеризуя его качества, из всего хода русской истории черпает свою уверенность в будущем «блаженстве общественном».

Радищев убежден в неизбежности русской революции, но знает, что время ее еще далеко. Нужно приближать его, нужно действовать в пользу революции. Так поступал сам Радищев, с этой целью он опубликовал «Путешествие». Он твердо уверен в грядущем счастье русского народа:

О народ, народ преславный!
Твои поздные потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным.
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже.

Тюрьма и ссылка не сломили Радищева. Так писал он в 1800—1802 годах по возвращении из Сибири, куда был отправлен за то, что любил свой народ и желал его освобождения от царского произвола.

Резко отделяет Радищева от иностранных авторов и то об-

стоятельство, что он не признает возможности существования идеального государя. Его не обманула либеральная фразеология Екатерины II. В своей книге писатель отчетливо показывает, что зло заключено не в отдельных нарушителях закона, чиновниках и вельможах, а во всей монархической системе правления. «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Радищев разрушает надежды на «просвещенного монарха», столь популярные в среде западноевропейских просветителей. Никакие либеральные посулы не могут скрыть истинного лица самодержца. С огромной художественной силой Радищев развертывает эту мысль в главе «Спасская полесть», изображая государя в окружении раболепных придворных. Одежды его «столь блестящие, казалися замараны кровью и омочены слезами. На перстах виделися... остатки мозга человеческого». Все намерения царя обращаются в бедствия для народа. Таково лицо самодержавного правителя, и нечего надеяться на то, что может быть иначе: все они — одинаковы. «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, седяй на престоле», — говорит Радищев, полагая возможным только один путь борьбы с царизмом — свержение его.

Радищев разглядел и понял противоречия не только феодального, но и складывавшегося капиталистического общества. Он отрицал революционную роль русской буржуазии, и в главе «Новгород» изобразил портреты жадных и жуликоватых купцов, современных ему наследников могучей новгородской вольницы.

В «Беседе о том, что есть сын отечества» (1789) Радищев указывает, что на это высокое звание не могут претендовать рабы-мучители, т. е. те, кто истязает народ и пресмыкается перед властью. Сыном отечества может называться лишь тот, кто бескорыстно служит своей родине, своему народу.

Радищев — глубокий патриот. Он горячо любит Россию и во имя этой требовательной и чистой любви не боится сказать о ее недостатках. Резко критически оценивает Радищев представителей дворянского общества, увлекавшихся заимствованием верхушек иностранной культуры, вверявших воспитание детей заграничным учителям. Он — враг французомании, распространенной в то время болезни дворянского общества, и не раз клеймит ее в своих произведениях.

В начале 1780-х годов Радищев с большим сочувствием отнесся к национально-освободительной борьбе американских колонистов против их владычицы Англии, о чем сказал в своей оде «Вольность». Однако потребовалось всего несколько лет, чтобы Радищев понял лживый характер заокеанской демокра-

тии, утверждавшейся после войны с Англией, и заклеймил ее в тексте «Путешествия». Ему было ненавистно рабство, а именно оно составило основу американского благополучия. В Америке «сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова».

Радищев отказался «назвать блаженною» страну, богатство которой создается трудом невольников-негров. Более того, он проклял ее, сказавши: «О, дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения!».

Орган ЦК и МК ВКП(б) газета «Правда» в передовой статье «Подвиг служения народу» (№ 243, 31 августа 1949 г.) высоко оценила заслуги Радищева. «Александр Николаевич Радищев, — указывает «Правда», — был первым среди образованной части тогдашнего общества, кто возвысил свой гневный голос против царского самовластья и помещичьего произвола. Радищев принадлежал к славной плеяде решительных и смелых русских людей, которые, борясь с мраком невежества казенной псевдонауки своего времени, искали правду и находили ее. По своим философским воззрениям Радищев был материалистом. И хотя взгляды Радищева ограничены рамками эпохи, в которую он жил и действовал, — нам близок его дух свободолюбия, его темперамент борца, его гордое убеждение, что человек в борьбе должен завоевать свободу».

Изучение творчества Радищева является серьезной задачей нашей литературной науки. Результаты выполненной работы явственно сказались в юбилейные дни 1949 г., ознаменованные появлением ряда новых исследований, посвященных Радищеву.

Вышли книги Д. Д. Благого, М. А. Горбунова, Б. Евгеньева, Л. Кулаковой, Г. П. Макогоненко, М. Муратова, Вл. Орлова, Е. Приказчиковой, Н. Л. Степанова и др., появились издания произведений Радищева со статьями Д. Д. Благого, Л. И. Кулаковой, Г. П. Макогоненко, И. Я. Щипанова, вся советская периодическая печать широко откликнулась на юбилей Радищева. Предварительный библиографический учет юбилейной литературы насчитывает около 300 названий.

Творчество Радищева всеми указанными авторами рассматривается в связи с условиями русской действительности, работы заострены против происков буржуазных космополитов, сводивших идеи Радищева к иностранным заимствованиям, против попыток, имевших, к сожалению, место и в наше время, представить его заурядным либералом. Радищев рассматривается как пламенный борец с самодержавием и идео-

лог крестьянской революции, выясняются черты его реалистического подхода к изображению жизненной правды.

Вместе с тем, отдельные утверждения исследователей должны подвергнуться критике и уточнению.

Так, Л. Б. Светлов продолжает писать о том, что «Радищев выступает как представитель активного революционного сентиментализма, складывавшегося у нас в борьбе с крепостничеством и остатками феодализма».[1] Он видит «бесспорное влияние сентиментализма» прежде всего в том, что это литературное направление требовало от писателя «обязательного проявления или выражения своего личного отношения к описываемым или трактуемым фактам и явлениям». Не будем придирчивы к слогу и спросим Л. Б. Светлова — какой писатель после этого «определения» не окажется сентиментальным? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Тургенев, Некрасов, Толстой, Чехов, Горький не таили своего «личного отношения» к фактам действительности, в этом их величие и сила, но все они к сентиментализму не имели ровно никакого отношения.

Взгляды Л. Б. Светлова не встречают поддержки у других исследователей, естественно связывающих творчество Радищева с проблемами становления русского реализма. Именно в реалистическом отношении к действительности заключается величайшая сила писателя Радищева.

В статье В. Щербины, помещенной в газете «Правда», указывается:

«Радищева в полном смысле слова можно назвать предшественником и зачинателем передовой русской литературы, проникнутой высокими свободолюбивыми идеалами.

В России XVIII века еще не созрели исторические условия для создания целостной творческой программы художественного реализма. Тем не менее правдивость, широта и глубина изображения русской жизни в «Путешествии из Петербурга в Москву» послужили фундаментом для последующего развития русского классического реализма».[2]

В отдельных работах, вышедших в дни юбилея, встречаются неточные и неправильные положения.

Так, по мнению Ал. Шмакова, «От французских просветителей автора «Путешествия» отличает... оценка буржуазно-демократического строя, как наиболее прогрессивного в срав-

---

[1] А. Н. Радищев (к 200-летию со дня рождения). Пензенское областное издательство, 1949, стр. 56.

[2] В. Щербина. Александр Николаевич Радищев. «Правда», 1949, 31 августа, № 243.

нении с крепостническим».[1] Дело вовсе не в этом. Французские просветители были врагами феодально-крепостнического строя, их идеи подготовляли буржуазную революцию. Но всем им была присуща надежда на просвещенного монарха, на идеального государя — заблуждение, совершенно не свойственное Радищеву. Глава «Спасская полесть» достаточно ясно свидетельствует об этом. Все надежды свои Радищев возлагал на народ, высокие оценки им замечательных качеств русского народа общеизвестны. Не обольщался Радищев также и прогрессивными качествами буржуазно-демократического строя.

Однако Ал. Шмаков не считает нужным подчеркнуть резко отрицательную оценку буржуазных порядков американской республики, данную Радищевым в главе «Хотилов», и тем самым дезориентирует читателя. Ал. Шмаков в неверном свете представляет факты, говоря о том, что Радищев в трактате «О человеке» высказывает философские суждения, почерпнутые «из передовой теории французских просветителей-материалистов», «все лучшее, что помогало ему двигать вперед отечественную науку об обществе» (стр. 68). Радищев стоял на самых передовых позициях современного ему материализма, он был на голову выше западноевропейских философов и социологов, хотя и его взгляды страдали исторической ограниченностью и имели известные противоречия.

В работе Н. Михайлова содержится тезис о том, что «в самодержавно-крепостнической России XVIII столетия Радищев был одинок, он не имел поддержки народных масс».[2] Легенда об одиночестве Радищева давно уже рухнула под напором фактов, у него были единомышленники и «сочувственники». Радищев черпал свою силу и мысль из опыта революционной борьбы русского крепостного крестьянства, он опирался в своей теории народного восстания на факты социальной действительности России, он искал и находил пути к народу, о чем подробно рассказано в «Путешествии». Сознание важности роли писателя-борца за народ всегда поддерживало Радищева и помогло выполнить его великий жизненный подвиг.

Нельзя согласиться с Н. Михайловым и в определении убеждений Радищева как «революционно-демократических». Термин этот имеет определенный исторический смысл, относится к деятелям разночинского периода русского революционного движения и не может быть применен к Радищеву.

Несомненно правильным и плодотворным является стремление Г. П. Макогоненко вывести творчество Радищева из усло-

---

[1] Ал. Шмаков. А. Н. Радищев. Госиздат УзССР, Ташкент, 1949, стр. 50.

[2] А. Н. Радищев. К 200-летию со дня рождения. Саратов, 1949, стр. 8.

вий крепостнической действительности, связать его с крестьянским движением в России, снять с писателя обвинения в подражательности заграничным авторам. Г. П. Макогоненко говорит о русских предшественниках Радищева — Ломоносове, Козельском, Новикове, об учителе его — Федоре Ушакове, о том, что больше всего учила писателя сама жизнь. Как справедливо указывается в рецензии Н. Л. Степанова на книгу Г. П. Макогоненко «Радищев», «особенно большой интерес представляют те главы книги, в которых автор говорит о превосходстве Радищева над западноевропейскими политическими мыслителями, прежде всего над французскими просветителями XVIII века».[1]

Думается, однако, что, наметив бесспорный тезис, Г. П. Макогоненко доказывает его неверным методом. Стремясь освободить творчество Радищева от несправедливых упреков в подражательности, он фактически объясняет его как ответ отрицательного характера на высказывания западноевропейских мыслителей. Г. П. Макогоненко в своей книге говорит о положении крепостных, о крестьянской войне и Пугачеве, но произведения Радищева объясняются им прежде всего стремлением писателя дать бой заграничным авторитетам — непосредственно или через их русских последователей. Стремясь критиковать просветителей, Г. П. Макогоненко слишком поддается своей неприязни к ним и фактически представляет Радищева как производное зарубежных идей, только заряженное пафосом отрицания. Судьбы Родины, участь крепостного крестьянства заботили Радищева, но творчество его, как показывает исследователь, было ответным импульсом на зарубежные влияния. Он возражал Руссо, Вольтеру, Монтескье, Дидро, Екатерине, подчинившей себе просветителей, — и в этом Г. П. Макогоненко видит главное. С этой целью якобы были написаны «Дневник одной недели», «Житие Ушакова», трактат «О человеке» и в значительной степени само «Путешествие». Далеко не случайным оказалось то обстоятельство, что Н. Л. Степанов в своей рецензии сумел выделить и подчеркнуть именно эту сторону книги — она и есть в ней ведущая, определяющая.

В новой работе, публикуемой в настоящем сборнике, Г. П. Макогоненко рассматривает политические взгляды и творчество Радищева в связи с фактами русской действительности, с народной публицистикой XVIII века, т. е. с речами депутатов Комиссии по составлению Нового Уложения и манифестами Пугачева. Этот гораздо более успешный путь исследования позволил Г. П. Макогоненко наметить знамена-

---

[1] Новые книги о Радищеве. Вестник АН СССР, 1949, № 11, стр. 122

тельные совпадения в текстах Радищева и в документах крестьянской войны 1773—1775 гг. Таким образом, общественно-политические взгляды Радищева получают твердое основание; дальнейшие исследования позволят автору значительно подкрепить высказанные догадки и предположения.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением Г. П. Макогоненко о том, что Радищев как художник был учеником Руссо. «Дневник одной недели», первое, по мнению исследователя, художественное произведение Радищева, показывает, что он отлично усвоил «принципы и стиль своих учителей, и Руссо в первую очередь».[1]

Вопрос о датировке «Дневника одной недели» имеет не маловажное значение. Отнесение его к 1773 г., принятое в литературе, позволяет Г. П. Макогоненко рассматривать «Дневник» как «первое в России законченное сентиментальное произведение» и в то же время как образец полемики с Руссо. П. Н. Берков подвергает критике установившийся взгляд, показывая возникающие из такой датировки несообразности. Он относит «Дневник» к началу 1790-х годов, предполагая, что Радищев мог прочитать «Московский журнал» Карамзина с первым из «Писем русского путешественника» и задуматься над тем, «каковы же переживания человека, не уезжающего, а остающегося на месте, в привычной обстановке, но без любимых друзей».[2]

В настоящем томе «Докладов и сообщений» предлагается иная аргументация отнесения «Дневника» к 1790-м годам. Как кажется, одновременный пересмотр даты «Дневника» двумя исследователями, разными путями пришедшими к одинаковому выводу, убеждает в необходимости исправить хронологию творчества Радищева в отношении «Дневника одной недели».

В целом юбилейная литература несомненно обогащает наши представления о Радищеве, углубляет понимание его творческого наследства. Отрадно думать, что опубликованные работы для многих авторов являются отнюдь не завершением, а началом их дальнейших трудов по изучению великого писателя и что ближайшие годы принесут нам серию новых исследований, в результате которых изучение связанных с Радищевым проблем будет значительно продвинуто вперед.

Внимательному анализу должны быть подвергнуты эстетические взгляды Радищева. В этой области далеко не все пока представляется ясным и установленным. Спорной является

---

[1] Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев. М., 1949, стр. 72 и сл.

[2] П. Н. Берков. «Гражданин будущих времен». Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1949, т. VIII, вып. 5, стр. 414—415.

датировка отдельных произведений Радищева. Публикация новых текстов в готовящемся к печати третьем томе полного академического собрания сочинений Радищева даст толчок к изучению его исторических воззрений, всю глубину которых трудно переоценить. Необходимо продолжение работы над комментированием основного корпуса произведений Радищева. Ряд мест в текстах еще не объяснен и даже не прочитан как следует. Необходимость этой работы показывают публикуемые в настоящей книге материалы.

Двести лет отделяют нас от года рождения Радищева, почти сто шестьдесят — от даты выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву», поистине бессмертной книги, составившей подвиг жизни великого писателя и человека. Но имя Радищева — предмет национальной гордости демократической России — близко и дорого советскому обществу, в котором воплотились мечтания пламенного патриота-революционера XVIII столетия, сложившего голову в борьбе за счастье родного народа.

Ф. Я. ПРИЙМА

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ А. Н. РАДИЩЕВА

В собрании рукописных книг и автографов М. П. Погодина, хранящихся в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде, находятся два автографа А. Н. Радищева, которые с момента их поступления в библиотеку (1852 г.) и до настоящего времени ни разу не обращали на себя внимания исследователей. Между тем, несмотря на свой незначительный объем, названные автографы заслуживают не только приобщения к рукописному наследию А. Н. Радищева, но и внимательного изучения, тем более, что они относятся к последнему, еще мало обследованному периоду жизни и деятельности великого писателя-революционера.

Первый из названных нами автографов — письмо-записка А. Н. Радищева следующего содержания:[1]

Еслибъ я могъ знать въ которой день и въ которое время можно мнѣ видится с Васильемъ Назарьевичемъ, то я за великое удовольствіе почту быть у него.

Радищевъ

В этой записке Радищева нет ни даты, ни фамилии адресата, хотя последний устанавливается без труда: это — Василий Назарович Каразин или, в крайнем случае, лицо, выступавшее в роли посредника при знакомстве и сношениях Каразина с Радищевым.

В обширной литературе о В. Н. Каразине (1773—1842) имя А. Н. Радищева нигде не встречается; почти не упоминается имя В. Н. Каразина и в исследованиях, посвященных жизни и деятельности А. Н. Радищева. Тем не менее, в биографии последнего, написанной его сыном, Павлом Александровичем Радищевым, имя В. Н. Каразина названо в числе очень небольшого круга лиц, «посещавших его [Радищева] во время последнего его пребывания в Петербурге».[2]

---

[1] Воспроизводим со всеми особенностями орфографии подлинника.

[2] Павел Радищев. Александр Николаевич Радищев. «Русский вестник», 1858, т. XVIII, декабрь, кн. вторая, стр. 426.

Так как знакомство Каразина с Радищевым не ограничилось одной встречей, то начало его, а следовательно, и приведенную выше записку Радищева к Каразину правильнее было бы датировать не 1802, а 1801 г., первыми месяцами царствования Александра I, когда Радищев приехал в Петербург и когда В. Н. Каразин совершал свою головокружительную карьеру при особе молодого императора. Записку Радищева невозможно оценить иначе, как о т в е т на предложение завязать знакомство, так как если бы инициатива знакомства принадлежала Радищеву, то его обращение к столь высокопоставленному лицу было бы написано в иных, принятых для подобных случаев, выражениях и форме. Но в таком случае правомерен вопрос: зачем Каразину нужен был Радищев в 1801 г.? Менее всего состоятельным было бы предположение, что Каразин видел в Радищеве своего единомышленника. Даже в 1798 г., когда, «устрашаясь жестокости» правления Павла I, Каразин предпринял неудачную попытку к бегству за границу,[1] его политические идеалы не выходили за рамки конституционного монархизма. Тем абсурднее было бы принимать за единомышленника Радищева Каразина 1801—1802 гг., когда он добился безграничного доверия Александра I, получил право непосредственной переписки с императором, равно как и права вхождения в его кабинет, и с увлечением и верой в успех разыгрывал при молодом самодержце роль маркиза Позы. Вскоре за этим наступивший крах придворной карьеры Каразина нисколько не охладил, однако, его отношений ни к Александру I, ни к царизму в целом. Как известно, с течением времени Каразин отказывается даже от идей умеренного либерализма и той программы социальных реформ, сторонником которых он выступал в начале царствования, и становится на позиции охранительной идеологии. Об этой эволюции общественно-политических взглядов В. Н. Каразина свидетельствуют его речи. «Защищение противу иностранцев существующей ныне в России подчиненности поселян их помещикам» (1817), «Объяснительная записка министру внутренних дел гр. В. П. Кочубею» (1820)[2]

---

[1] См. воспроизводимое В. Н. Каразиным по памяти письмо его от 30 августа 1798 г. к имп. Павлу Петровичу в «Сочинениях, письмах и бумагах В. Н. Каразина» под ред. проф. Д. И. Багалея (Харьков, 1910, стр. 611—612).

[2] В ней Каразин писал. «Я вседушевно не одобряю нынешних конституций... Начала нашего государственного постановления должны быть отысканы в религии и в древних обычаях нашего отечества» (Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, Харьков, 1910, стр. 142).

Страница из рукописи А. Н. Радищева.
(Гос. Публичная библиотека в Ленинграде)

Записка А. Н. Радищева (Автограф)
(Гос. Публичная библиотека в Ленинграде)

и в особенности его политический донос на А. С. Пушкина и В. К. Кюхельбекера 1820 г.[1]

Не видеть различия между взглядами В. Н. Каразина 1801—1802 гг. и его же взглядами 1820-х годов было бы очевидной ошибкой; но еще большей и совершенно недопустимой ошибкой было бы отождествлять идеологические позиции либерала В. Н. Каразина с революционно-демократическими взглядами А. Н. Радищева, равно как и усматривать в интересе Каразина к первому русскому просветителю-революционеру сочувственное отношение к его судьбе.[2] Гораздо логичнее было бы рассматривать этот интерес как выполнение одного из многих заданий, которые в этот период неоднократно возлагались на В. Н. Каразина импер. Александром I и его правой рукой — министром гр. В. П. Кочубеем. Вольно или невольно В. Н. Каразин мог выступить в роли человека, который должен был придавать законоведческой деятельности Радищева желательное для правительства Александра I направление.

Только приняв такое предположение, можно понять двусмысленное поведение В. Н. Каразина по отношению к А. Н. Радищеву, о чем в довольно ясной форме говорится в воспоминаниях Радищева-сына. Последний прямо обвинял Каразина в равнодушном и бюрократически небрежном отношении к законодательным проектам своего отца.

«Проект гражданского уложения, — пишет Радищев-сын,— сочиненный в Петербурге, переписанный набело его (Радищева) рукою, был вверен Василию Назарьевичу Каразину, удержан им и потерян».[3]

В другом месте своей статьи П. А. Радищев в более резкой форме повторяет свое отрицательное отношение к личности В. Н. Каразина и указывает на то, что взгляды последнего расходились со взглядами А. Н. Радищева.

«Особы, посещавшие Радищева во время последнего пребывания в Петербурге, были: Каразин, уверявший, что имеет

---

[1] Об этом см. сообщение А. Ф. Бычкова: «В. Н. Каразин и А. С. Пушкин» («Русская старина», 1899, т. 98, май, стр. 277—279), а также в кн. В. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности». (Петрозаводск, 1949, стр. 162—217).

[2] В. Базанов, в цитированной выше книге, пишет: «Насколько прочна была легенда о Каразине, как о прогрессивном деятеле, почти декабристского толка, свидетельствует статья Герцена «Имп. Александр I и В. Н. Каразин», появившаяся в «Полярной звезде» в 1862 г. ...Герцен видел в Каразине настоящего гражданина и даже сравнивал его с Радищевым... Герцен не только напоминает, что Каразин встречался с Радищевым, но и устанавливает между ними некоторую преемственность...» (стр. 163).

[3] Павел Радищев. Александр Николаевич Радищев. «Русский вестник», 1858, т. XVIII, декабрь, кн. вторая, стр. 424.

большое влияние при дворе и очень много ему обещавший, но только ничего не исполнил; он-то уничтожил Гражданское Уложение, как сказано выше; кажется что идеи Радищева не согласовались с его мнениями; — Бородавицын, Брежинский, Пнин — молодые люди, слушавшие его с восторгом, хотя он и был не совсем красноречив, но все, что он говорил, было хорошо обдумано».[1]

Сомнительно, чтобы столь резкая характеристика В. Н. Каразина являлась результатом личных отношений П. А. Радищева к В. Н. Каразину, хотя желание получить в свое пользование рукописи отца и могло послужить для П. А. Радищева поводом для встречи с В. Н. Каразиным и возникновения между ними определенных личных отношений. Но и в последнем случае мы вправе видеть в отрицательной характеристике Радищева-сына отражение не менее отрицательного отзыва о В. Н. Каразине самого А. Н. Радищева; разумеется, отрицательное отношение к Каразину выработалось у Радищева не сразу, как свидетельствует об этом и приведенная нами записка.

К сожалению, В. П. Семенников, единственный из исследователей А. Н. Радищева, пытавшийся выяснить вопрос об отношениях к последнему В. Н. Каразина, стал на неправильную позицию в определении характера этих отношений. Рассматривая В. Н. Каразина главным образом как автора «либеральной программы царствования» и основателя Харьковского университета, Семенников постарался оправдать и обелить В. Н. Каразина от обвинений Радищева-сына. Потратив немало усилий на попытку доказать, что А. Н. Радищев передал В. Н. Каразину не «Проект гражданского уложения», а записку «О законоположении», и сославшись на случайное и не идущее к делу замечание Я. К. Грота о том, что граф Блудов после смерти Александра I будто бы видел среди его бумаг «записку Радищева об улучшении законодательства», В. П. Семенников сделал совершенно недоказанный и ложный вывод: «Нельзя считать справедливым сообщение П. А. Радищева, что «проект» его отца был утерян Каразиным; очевидно, то лицо, которому Каразин поручил доставить записку императору, эту задачу выполнило, но об этом, повидимому, не знал и сам А. Н. Радищев».[2]

[1] Это место статьи П. А. Радищева мы цитируем не по «Русскому вестнику» 1858 г. (стр. 426), где оно дано с цензурными пропусками, а по книге В. П. Семенникова «Радищев. Очерки и исследования». (М. — П., 1923, стр. 239), в которой напечатан первоначальный рукописный текст названной статьи, хранящийся в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде.

[2] В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—П., 1923, стр. 178—179.

Вопрос о том, доставлял Каразин или не доставлял Александру I законопроекты Радищева — вопрос, на наш взгляд, второстепенный; главное состоит в определении подлинного отношения Каразина к законоведческой деятельности просветителя-революционера.

Некоторый дополнительный материал для суждений по этому вопросу дает в руки исследователя упомянутый нами второй автограф Радищева из собрания М. П. Погодина.

Автограф представляет собой отрывок и, судя по его содержанию и внешним данным, вероятно, последний лист — оглавление — одного из законопроектов А. Н. Радищева. Приводим его здесь в полном виде:

Часть 1. содержитъ статью о главѣ имперіи—о наслѣдіи престола—о правахъ государственныхъ и казенныхъ—о правахъ гражданъ—о раздѣленіи народа на состоянія, дворянство, гражданство, поселянъ, духовенство, и пр.—О правосудіи и исправленіи оскорбленій.

Часть 2.—О правахъ лицъ—вещей—о дѣяніяхъ—о соизволеніи —о правахъ истекающихъ изъ противозаконныхъ поступковъ—о договорахъ—о собственности, и о разныхъ родахъ пріобретенія, сохраненія; и отчужденія—

Часть третія.— О прочтеніи дѣлъ о преступленіяхъ и раздѣленіе оныхъ—о наказаніяхъ—о предварительныхъ средствахъ.

Часть четвертая.—Общее мнѣніе.

На оборотной стороне рассматриваемого автографа одним из его прежних владельцев сделана следующая надпись-атрибуция:

Руки Александра Николаевича Радищева, сочинителя путешествія от С. Петербурга до Москвы, за которое он былъ сосланъ въ Илимскъ въ 1793 (sic) *году. Писано,* (sic) *по возвращеніи его от туда уже при Александре, и по поводу определения его в комиссію законовъ (для Гр. Завадовского).*

Исследование почерка этой надписи не оставляет никаких сомнений в том, что написана она В. Н. Каразиным приблизительно в 30-е годы прошлого века. Почти несомненно, что оба автографа Радищева были подарены самим Каразиным страстному коллекционеру Погодину, так как из переписки Каразина нам известен относящийся к 1842 г. случай дарения им тому же Погодину автографа Екатерины II.

Таким образом, второй автограф Радищева, как и первый, из собрания М. П. Погодина интересен как по своему содержанию, так и именем своего адресата или своего первого владельца.

Публикуемый нами автограф Радищева является оглавлением, наброском или же конспектом законодательного проекта Радищева, писарская копия которого хранится в Воронцовском собрании Института истории Академии наук СССР под названием «Проект для разделения уложения российского» (Переплет 533, лл. 180—184). Генетическая связь нашего автографа с названным «Проектом для разделения уложения российского» подтверждается как сходством их содержения и плана (Проект, как и наш автограф, делится на четыре части: 1) законы государственные; 2) законы гражданские; 3) законы уголовные и 4) общее мнение, в котором Радищев видел «твердейшую опору всех человеческих постановлений» и под которым понимал особое «уложение о заслугах и награждениях»), сходством деления народонаселения на пять групп, сходством терминологии, которая в отдельных случаях может быть названа специфически радищевской (оскорбление преступлением, исправление преступления, предварительные средства, употребление слова «поселяне» вместо «крестьяне», специфическое выражение «права вещей» и т. д.).

Достаточно сравнить одно только начало второго раздела «Проекта» («Законы гражданские имеют своим предметом права лиц и права вещей и относящиеся к ним деяния граждан») с началом второй части нашего автографа, чтобы убедиться в общности замысла происхождения обоих документов.

Так как «Проект для разделения уложения российского» из Воронцовского собрания написан писарским почерком и вопрос о принадлежности его перу Радищева до настоящего времени можно было считать спорным, то наличие конспекта названного «Проекта», написанного рукою Радищева, делает этот вопрос окончательно решенным.

Приведенный нами второй автограф Радищева дает некоторый, хотя и не вполне достаточный материал для суждений о подлинном характере отношений между Каразиным и Радищевым. Несомненно, что наша рукопись попала к В. Н. Каразину не случайно, а была вручена ему Радищевым вместе с полным текстом «Проекта для разделения российского уложения». Не исключена возможность, что Радищев представлял на рассмотрение Каразина все свои законопроекты. Факт выполнения Каразиным роли добровольного или невольного посредника между Радищевым — автором законодательных проектов и правительством Александра I — бесспорен.

Выяснение далеко не второстепенной роли В. Н. Каразина в последнем и роковом для Радищева столкновении его с самодержавием и его вельможными чиновниками потребует от исследователей серьезных усилий. Трудность этой задачи усугубляется тем, что богатейший архив В. Н. Каразина погиб еще при жизни его владельца в 1836 г. от пожара, а от уцелевшей от пожара части его до нас дошло очень немногое. Но даже и сейчас, не зная подлинных мотивов обращения В. Н. Каразина к Радищеву в 1801 г., мы можем сказать, что уже один факт длительного пребывания в руках Каразина несправедливо отвергнутых и не нашедших применения законодательных проектов Радищева при наличии членов семьи последнего, заинтересованных в получении затерянных рукописей умершего, характеризует В. Н. Каразина. Приведенный нами автограф Радищева позволяет, как нам кажется, вопреки мнению В. П. Семенникова заключить, что П. А. Радищев, обвиняя В. Н. Каразина в утере и уничтожении «Проекта Гражданского Уложения» А. Н. Радищева, был близок к истине. Архив осторожного и скрытного царедворца В. Н. Каразина вероятно послужил могилой не для одного, а для многих законопроектов первого русского просветителя-революционера.

Г. П. МАКОГОНЕНКО

НАРОДНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XVIII ВЕКА И РАДИЩЕВ

1

Характеризуя положение крестьян в крепостническую эпоху, В. И. Ленин писал: «Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России».[1] Именно во второй половине XVIII в. гнет крепостничества принял особо жестокие формы. «Права» дворян возрастали из десятилетия в десятилетие, находя свое выражение в специальных самодержавных указах «о вольности дворянской» и «жалованных грамотах». Крестьян полностью отдали на «милость и попечение» помещиков. И те вели себя, как захватчики на чужой земле, как неистовые рабовладельцы. Они заставляли крестьян работать шесть дней на барщине, они сами судили и наказывали, засекая на смерть или сдавая в солдаты за малейшую провинность, они продавали крестьян оптом и в розницу, разоряя семьи, ругаясь над честью, достоинством несчастных, — делали все, что было угодно, так как твердо знали, что дана им высочайшим указом «вольность» дворянская. Екатерина II, еще более усилив бремя крепостничества, запретила крестьянам даже жаловаться на своего барина. Самодержавное государство демонстративно подчеркивало свое нежелание вмешиваться в дела помещика и крепостного. Так крестьянин стал «мертвым в законе». Крепостные превращались почти в невольников, в рабов.

Ответом на эту политику самодержавно-помещичьего государства явились крестьянские восстания, принимавшая из года в год все более ожесточенный характер классовая борьба крестьян со своими поработителями — помещиками.

В 60—70-е годы XVIII в. эта классовая борьба крепостного крестьянства против помещиков, которых поддерживало царское правительство, приняла грозный характер. Умножавшиеся из года в год крестьянские бунты становились факто-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 8, стр. 300.

ром внутренней политики — их боялись уже не только помещики, но и правительство. Год восшествия на престол Екатерины II ознаменовался десятками бунтов. Большие и малые восстания потрясали феодальную Россию в течение всего ее царствования. Напряженный характер этой классовой борьбы определил и ложно либеральную, полную фарисейских обещаний и реформ, а на деле цинично откровенную крепостническую и деспотическую политику Екатерины уже в 60-е годы. Крестьянские бунты, беспрестанная борьба крепостных заставляли ее маневрировать, итти на уловки, заигрывать с дворянской оппозицией. [1] Но все эти заигрывания, все эти широковещательные обещания «нового законодательства» были лишь дымовой завесой, под прикрытием которой проводился решительно и неуклонно курс на полное закабаление крестьянства. Смысл многих указов правительства по крестьянскому вопросу и неоднократных «жалованных грамот» дворянству — в укреплении полицейской силы государства и безраздельной власти помещика над мужиком. В ту пору, когда крестьянские бунты только начинали принимать массовый характер, когда крестьянское движение, лишенное политического союзника, было таким слабым и лишенным какой-либо организации, русским помещикам казалось, что главное средство борьбы с грозной крестьянской опасностью — укрепление своей власти, усиление могущества самодержавного государства. Поэтому дворяне и Екатерина и не помышляли — не то что о каких-либо реформах, но хотя бы о самом ничтожном регламентировании своих отношений с крепостными.

Но не только правительство реагировало на грозный крестьянский вопрос. Лучшие люди из дворян и разночинцев все с большим вниманием присматривались к положению крепостных, прислушивались к голосу их протеста. Настроения крепостных крестьян в какой-то мере и питали оппозицию самодержавному режиму Екатерины, формировавшуюся в среде прогрессивного дворянства, определяя деятельность таких идеологов, как просветитель-философ Яков Козельский, юрист государствовед Поленов, профессор университета, демократ и атеист Аничков, автор конституционного проекта государственного преобразования Десницкий, писатель и просветитель Новиков. В 80-е годы «тяжесть порабощения» опреде-

---

[1] Н. Дружинин указывает, что в 60-е годы одновременно были охвачены волнением 100 тысяч крестьян церковных имений, 100 тысяч крестьян, приписанных к горным заводам, и 50 тысяч крестьян помещичьих имений. Под впечатлением крестьянского движения, пишет Дружинин, создавались дворянские проекты ограничения крепостного права, складывалась политика Екатерины, вылившаяся в форму так называемого «просвещенного абсолютизма». («Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 94).

ляла радикализм и сатирическую силу творчества Фонвизина, просветителя Кречетова и Крылова. Первый русский революционер Радищев уже прямо выражал настроения и чаяния крепостных, развернул в своих сочинениях идею революции.

Крестьянские восстания несомненно помогали лучшим людям из дворянства понять ужас крепостнического положения, чаяния и нужды народа, стихийно и неосознанно бьющегося за свои права. Но в конце 60-х—70-х годов XVIII в. произошло еще одно важное политическое событие — вторжение в господствующую дворянскую культуру идеологии угнетенных крестьянских масс. Вторжение непосредственное, в виде политических писанных документов, в которых самим крестьянством были изложены и свои жалобы и свои требования. Впервые рассказали о положении крепостных и поставили перед «дворянским корпусом» и самодержавным государством вопрос о необходимости смягчить крепостное право в 1768 г. крестьянские депутаты в Комиссии. Через несколько лет, вторично, требование народа и его подлинные желания — отмена крепостного права, конфискация помещичьих земель и т. д., были записаны опять же самими мужиками в указах и манифестах Пугачева. Эти речи крестьянских депутатов в Комиссии и манифесты Пугачева и можно назвать подлинной народной публицистикой. Господствующей в XVIII веке была дворянская литература. Во второй половине века все активнее стали проявлять себя в печати разночинцы и русская буржуазия. Интересы и чаяния народа не могли быть выражены печатно и легально. Но эти свои чаяния и надежды он выражал в устной и письменной, но нелегальной литературе. Последние исследования,[1] основываясь на архивных материалах Тайной канцелярии, устанавливают широкое хождение в больших городах России, и в частности в Петербурге и Москве, подметных писем, подложных манифестов и «пасквилей». В течение всего своего царствования Екатерине приходилось бороться с этой подпольной литературой народных масс, причем бороться не только тайно, полицейскими мерами, но и открыто, — издавая специальные указы о жестоком наказании сочинителей «пасквилей».

Тем большее значение имела народная публицистика, расходившаяся в небывало широких масштабах и даже (выступление крестьянских депутатов) появлявшаяся легально в печати. Крестьянские депутаты приобрели возможность излагать свою точку зрения не только в большом собрании Комиссии, где их слышала образованная часть дворянства, но

---

[1] К. Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки», 1946, № 19.

и перед относительно широкими массами русского читателя через газету. Екатерина, стремившаяся использовать комиссию для создания легенды о просвещенном характере своего самодержавства, приказала печатать отчеты о работе Большого собрания Комиссии в «Санкт-Петербургских Ведомостях». Кстати сказать, отчеты эти составлялись держателями дневной записки, т. е., значит, среди других и Николаем Новиковым.

Вот приказ Екатерины Маршалу Комиссии Бибикову о характере информации, которая должна была сводиться к тому, чтобы работу Комиссии можно было выдавать за работу парламента: — «Господин предводитель. При сем посылаю к Вам журналы английского парламента, дабы Вы могли приказать прочесть оные тому, кому поручите сделать выписку ежемесячную из Ваших дневных записок для напечатания при Ведомостях. Екатерина».[1]

И, действительно, в «Санкт-Петербургских Ведомостях» начали печататься отчеты подобного типа: — «Краткая дневная записка о сочинении проэкта нового уложения. Седьмого на десять дня господа депутаты обоянский от дворянства Михайла Глазов; трубческий от дворянства Григорий Бровцин, хлыновский от города Петр Карякин, воронежской провинции от однодворцев Ефим Фефилов; шацкий от пахотных солдат Дорофей Свешников; нижегородской провинции от пахотных солдат Иван Жеребцов предлагают собранию учиненные ими на читанные в прошедшие заседания законы свои примечания».

Или другой пример: — «Комиссия упражнялась в слушании поданых от господ депутатов астраханского от города Петра Самарского, нерчинского от города князь Павла Кантемирова и казанской провинции от ясашных крестьян Ивана Ковалева, — их примечаний, касающихся до юстиции законов».[2]

Так крестьянские депутаты, выражая чаяния и интересы крепостных масс, легально делали свои «примечания» перед лицом дворянского корпуса, вмешивались в государственные дела и, в частности, в дела «до юстиции законов касающихся». В годы крестьянской войны манифесты Пугачева имели хождение не только среди крестьян районов, охваченных восстанием, — они проникли в центральную часть России, попали в Москву и столицу, получив популярность у городских низов. Многие из дворян имели возможность, живя в Москве и Петербурге, читать эти «прелестные письма». Правительство принимало полицейские меры по изъятию пугачев-

---

[1] Записи о жизни и службе А. И. Бибикова. СПб., 1817, стр. 108.
[2] «Санкт-Петербургские Ведомости», 1768, № 35. Прибавления.

ских манифестов, наказывая тех, кто читал или распространял их.[1]

Совершенно несомненно, что эта народная публицистика, открыто вторгшаяся в господствующую дворянскую культуру, имела огромное политическое значение в общественной жизни России 60—70-х годов. Выступления крестьянских депутатов в Комиссии могли появиться только в обстановке беспрестанных крестьянских бунтов. Вот почему депутаты беспомощно, стихийно, боязливо и робко, сами того не сознавая, выразили революционность крестьянской массы. Манифесты же восставших крестьян, рожденные в год крестьянской войны, это уже действительно документы, выразившие «дух массовой борьбы крестьян прямо и открыто». Итак, общественный смысл вторжения в дворянскую господствующую культуру народной публицистики в том, что в ней крестьяне излагают свои взгляды непосредственно, передавая точно и живо настроение и стремление масс.

XVIII век — век бурного наступления капитализма на Западе, век разрушения феодализма и упрочения господства буржуазной идеологии. Две буржуазные революции свершились за период последнего тридцатилетия — американская и французская. Это были крупные события века. Крепостные крестьяне, эти «пролетарии феодализма» проявили величайшую творческую энергию и в самоотверженной битве уничтожили феодальный режим. Но, как учат классики марксизма, крестьяне одни победить не могут. Они одни способны лишь на стихийные, неорганизованные, всегда обреченные на неудачу разрозненные восстания. Крестьяне, — учит товарищ Сталин, — могут победить в борьбе за свою свободу только под руководством и в союзе с другим общественным классом. Такими историческими классами, которые могут возглавить их борьбу и привести к победе являются или буржуазия или пролетариат. Особенностью всех буржуазных революций Запада является тот факт, что там антифеодальная антикрепостническая борьба крестьянства была возглавлена буржуазией. И. В. Сталин пишет: «Буржуазные революции Запада (Англия, Франция, Германия, Австрия) пошли, как известно, по другому пути. Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представить по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от крепостнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из

---

[1] Ср. статью С. Ф. Елеонский. Пугачевские указы и манифесты как памятники литературы. «Художественный фольклор», 1929.

рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии». [1]

Последнее обстоятельство крайне важно в понимании идеологических вопросов эпохи 80-х годов XVIII столетия. С 1776 по 1783 г. совершалась американская революция. Это была первая в XVIII в. буржуазная революция, и она привела к громадному усилению политического веса буржуазии, к огромному распространению буржуазной идеологии. Характерно в этом отношении небывалое распространение в Европе, буквальное наводнение Европы в 80-е годы сочинениями американских буржуазных идеологов и, в частности, моральными сочинениями Франклина.

Через шесть лет победит вторая в XVIII в. буржуазная революция — во Франции. Эта победа еще больше усилит политический вес и господство буржуазной идеологии. Действительно, в 70—90-е годы мы и наблюдаем факт вторжения, в частности в Россию, этой идеологии. При этом обстоятельства складывались таким образом, что многое из этой буржуазной идеологии приходило в Россию в своеобразно опосредствованном виде, как такое идейное оружие, которое бралось на вооружение самодержавием и дворянством. Так, Екатерина приспособила для своих целей политическую концепцию энциклопедистов. Так, дворяне, проводя идейное перевооружение, вывезли с Запада сентиментализм. Так, масоны усвоили и стали популяризировать утилитарную мораль янки, изложенную в сочинениях Франклина.

Перед русским передовым общественным движением, боровшимся за самостоятельную самобытную русскую культуру, встала с особой остротой задача ограждения русского просвещения и литературы от индивидуалистической, антиобщественной в своей основе, антидемократической буржуазной идеологии. Антибуржуазность — одна из характерных черт русской передовой литературы XIX в. — складывалась именно в 80-е годы XVIII в. Ведущей в критике буржуазной идеологии была деятельность Радищева. Фонвизин и Новиков, каждый посвоему, тоже сделали вклад в это исторически важное дело.

Рост из десятилетия в десятилетие антибуржуазности русской литературы определялся, несомненно, социальными обстоятельствами, особым характером сложившейся в России борьбы с феодализмом. Ее вели, как известно, многие десятилетия русские крепостные. Вели долгие годы одни, без под-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 126.

держки и помощи буржуазии, которая выступала в России, как союзник самодержавия. Рабочего класса, как единственного класса, способного привести крестьянство к полной и действительной свободе, в России ни в XVIII, ни в многие десятилетия XIX в. не было. «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль...».[1]

Как учит И. В. Сталин, русская буржуазно-демократическая революция пошла по пути, отличному от Запада, по пути союза рабочих и крестьян. «Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство) пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к февральской революции 1917 года».[2]

Первыми русскими революционерами, отдавшими свою жизнь делу борьбы с царизмом и крепостничеством, как известно, были дворяне, бесконечно далекие от народа. В 50—60-е годы XIX в. идеологами крестьянской революции явились революционные демократы.

Несомненно, тот исторический факт, что русское крестьянство не было в своей борьбе с феодализмом резервом буржуазии, тот факт, что в России отсутствовала революционная буржуазия, и определил возможность развития антибуржуазных тенденций в русской литературе.

Категорический пересмотр теорий буржуазных идеологов и практики буржуазных революций начал Радищев — первый русский революционер. И его величие определяется, между прочим, и тем, что начал он этот пересмотр и сложение иной, антибуржуазной философии человека, иной — антибуржуазной эстетики, иной — подлинно демократической, политической теории, в основании который лежала идея народной революции, в момент, когда буржуазия была революционной, когда она вела борьбу с феодализмом, выставляя свои интересы за интересы всеобщие.

Постановка вопроса об антибуржуазности русского посвещения, русской литературы не должна быть понята, как антиисторическая попытка очернить великое наследие

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 6, стр. 384.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 126.

французского просвещения XVIII в. Нет нужды доказывать всю историческую прогрессивность их теоретической и практической деятельности, всю объективную революционность их идеологии эпохи борьбы с феодализмом, крепостничеством, абсолютизмом. Всем нам хорошо известны слова Энгельса о просветителях: «Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции, сами выступили в высшей степени революционно». Они совершили переворот в общественной мысли: «Все существовавшие дотоле государственные и общественные порядки, все унаследованные от прошлого воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу. Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения».[1]

Эта антифеодальная направленность французского просвещения была отлично понята русскими просветителями. И они, внимательно следившие за идейной жизнью мира, высоко ценили, и как разящее оружие смело использовали в своей борьбе антифеодальную идеологию. Яков Козельский соберет из энциклопедии Дидро и Даламбера, переведет и издаст два тома статей по вопросам философии, права, морали. Федор Ушаков будет «учиться мыслить» по философским книгам Гельвеция. Фонвизин с любовью относится к творчеству самого демократического писателя Франции — Руссо, с глубоким уважением говорит об его независимости от государей. Новиков, создав в Москве издательский центр, заказывает переводы и выпускает сочинения Вольтера, Дидро, Руссо, Бомарше, Лессинга и т. д. В своем журнале «Московское издание» он демонстративно солидаризируется с просветительским тезисом о большой общественной роли писателя и философа, прямо опираясь на Дидро, пропагандируя его точку зрения на роль философа и философии. Деятель культуры и просвещения последних десятилетий XVIII в. — Рахманинов и в своих журналах, и в своей частной типографии переводит и издает сочинения Вольтера. Наконец, Радищев, высоко ценя философские воззрения Гельвеция, Гольбаха и Дидро, прямо опирается на них и использует в своей борьбе против идеализма, масонства и мистицизма.

Повторяю — все это факты несомненные, очевидные и ясные. Русское просвещение, русская передовая литература XVIII в. действительно была отлично осведомлена об идейной жизни Запада и приветствовала лучшие антифеодальные сочинения, включая их в свой арсенал борьбы. Но ограничи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 357.

ваться констатацией только этой стороны, как это делалось до сих пор, значит обеднить идейное содержание русской литературы, значит исказить исторический процесс сложения самобытной и самостоятельной политической и философской мысли в России.

Сила и своеобразие русского просвещения состоят в том, что оно не слепо, а сознательно и критически подходило к этим идейным ценностям. Оно увидело, например, ограниченность политической теории энциклопедистов, почувствовало индивидуализм, собственнический антидемократический характер философии человека и Руссо, и Дидро, и всего буржуазного направления сентиментализма. Больше того, как мы знаем, дело в России сложилось таким образом, что эти слабые стороны идейных воззрений «великих мужей» использовали в России Екатерина и дворяне. Таким образом, борясь против слабых черт идеологии просвещения, русские деятели оберегали его честь, выдвигая вперед самые сильные его стороны, носившие подлинно объективно революционный характер — его философию, право, атеизм, учение о природе и т. д.

До сих пор эта черта русского просвещения не изучена в должной мере. До сих пор в литературоведческой науке замалчивалась двойственная природа буржуазного просвещения. Это приводило к идеализации литературного наследия «великих мужей», к исторически неверной переоценке их роли. Тем самым оставалась в тени важная особенность русского просвещения — его антибуржуазность. Тем самым снимался вопрос о сложении национально-самобытной, передовой политической теории в России. А между тем Ленин прямо и совершенно точно определил путь и характер этого исторического сложения «передовой мысли в России». Ленин писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом" Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».[1]

Не распространяя эту конкретную характеристику развития марксизма в России на предшествующую эпоху, мы, вместе с тем, хотим подчеркнуть, что уже в XVIII в. «передовая

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, изд. 3-е, стр. 175.

мысль России», развивавшаяся на национальной основе, внимательно следила за последними достижениями общественной мысли и опытом зарубежных стран и постоянно их учитывала. Именно поэтому Радищев после крестьянской войны, возглавленной Пугачевым, обращает свое внимание на борьбу американского народа против «разбойников-англичан». Связь между вооруженными выступлениями народа против рабства и деспотической власти была несомненна. Революция заставила задуматься над коренными вопросами политического и социального бытия государств. Своеобразием России было то, что она оказалась способной не только созерцательно отнестись к важнейшим событиям мировой истории, но и в лице Радищева, прежде всего, отнестись творчески.

По словам Белинского, именно в XVIII в., в самом его начале, в петровскую эпоху, Россия вышла в число тех государств, вместе с которыми стала держать «судьбы мира на весах своего могущества». Решающее значение в создании этого положения имела великая война с Карлом XII — «Россия громами Полтавской битвы возвестила миру... о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования».[1]

Последующие десятилетия еще более упрочили это место и положение России в системе государств мира — ни одно крупное событие века, как бы далеко от России ни было географическое место его свершения, не проходило теперь вне прямого или косвенного участия России, вне влияния русской политики. Это, в свою очередь, не могло не определить особенность развития русской культуры. Пора слепого перенимания, пора некритического освоения идейных ценностей, созданных человечеством, свойственная дворянской культуре петровско-елизаветинского времени, канула в вечность. С середины века, а особенно в последнюю треть его, русские демократические деятели, взявшие на себя функцию руководства делом просвещения, относились к культуре мира с вниманием и интересом. Знакомясь с идейным богатством прошлого и настоящего передовых стран Европы, они умели воздавать должное достигнутым результатам и отвергать и осуждать резко категорично то, что могло нанести вред русскому освободительному движению, делу борьбы с крепостническо-самодержавным государством.

Больше того, в новую эпоху русские идеологи и, прежде всего, Радищев, уже начинали выступать с самостоятельным теоретическим обобщением исторического опыта народов мира. Это явление первостепенной идеологической важности

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 142.

в истории русской общественной мысли, много объясняющее в русской культуре XIX в., определилось как раз в 70-е и 80-е годы XVIII столетия. Безвозвратно кончилась та пора, когда исторический опыт других народов и, прежде всего, опыт общественно-политической, освободительной борьбы приходил в Россию уже в опосредствованном виде, то есть в виде готовых политических, социологических и философских учений. Наступала новая эра — русский народ оказался способным выдвинуть мыслителя такого масштаба, как Радищев, который самостоятельно и, как правило, хронологически раньше или одновременно изучал, осмыслял и теоретически формулировал этот опыт. При этом формулировалась и обобщалась революционная борьба народов мира всегда и неизменно с позиций практических потребностей русского освободительного движения, с высот достижений и опыта русского исторического процесса. Так русская демократическая культура, русская революционная мысль приобретали всемирно-исторический характер.

Без учета этой особенности исторического развития XVIII столетия нельзя понять и истинного содержания русской литературы. Нельзя забывать, что И. В. Сталин, А. А. Жданов, С. М. Киров категорически потребовали такого изучения русской жизни, при котором бы «история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории».[1]

2

Впервые в XVIII в. с изложением нужд крепостных и жалобами на «отягощения» выступили крестьянские депутаты в Комиссии по составлению нового Уложения. Созыв Комиссии был спекулятивным политическим маневром Екатерины, вот почему всю эту затею Пушкин и называл «отвратительной фарсой». Она нужна была новой императрице для обмана дворянской оппозиции, для распространения легенды, что в лице Екатерины пришел на русский престол «просвещенный монарх», желающий «советоваться с представителями нации», выражающий желание создать новое законодательство, жаждущий искоренить «злоупотребления и неустройства». В действительности Екатерина ни в малой мере не собиралась что-либо менять в законодательстве. Не нуждалась она и в каких-либо советах, которые рассматривала, как попытку ограничить ее самодержавие. Комиссия должна была, по замыслу Екатерины, быть тем местом, где собранные депутаты

---

[1] И. В. Сталин, А. А. Жданов, С. М. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника истории СССР. К изучению истории. М., 1946, стр. 23.

«от усердия благодарности» должны были прославлять ее за «человеколюбивый подвиг», за «матернее попечение». Поэтому вся законодательная работа Комиссии была сведена правительством Екатерины к нулю, ее деятельность оказалась бесплодной. Но в то же время заседания Большого собрания Комиссии и разбушевавшиеся там политические споры имели огромное идеологическое значение, являясь крупнейшим политическим событием до восстания Пугачева. И случилось это вопреки замыслам Екатерины, благодаря активности крестьянских депутатов. Эта же активность послужила и причиной роспуска Комиссии в декабре 1768 г., когда перепуганная императрица поспешила исправить свою ошибку.

Летом 1767 г. в Москву съехались депутаты. Из них 28 были назначены от правительственных учреждений, 161 выбраны дворянами, 207 представляли города — преимущественно купцов, 57 — от казачьих войск. Крепостные крестьяне не были допущены в Комиссию, но зато было разрешено выбрать депутатов от пахотных солдат, черносошных крестьян, однодворцев и «иноверцев». Общее число депутатов от податных крестьян составляло 112.[1] И этот факт оказался важнейшим во всей работе Комиссии. Все крестьянские депутаты привезли с собой наказы избирателей, которые наполнены были скорбным перечнем «нужд и забот». Все они приехали сюда с определенно деловым намерением заняться составлением таких законов, которые бы покончили с отягощениями и утвердили начало справедливости для всех сословий. Эти настроения крестьянских депутатов разделяли в известной мере некоторые представители передового дворянства, такие, например, как Козельский, Коробьин. О боевом духе демократически настроенных депутатов, совершенно не приходивших «в некоторый род восторга» от мудрости самодержицы, отлично засвидетельствовал сын маршала Комиссии, Бибикова: «Некоторые из них (депутаты. — *Г. М.*), увлеченные вольнодумием, ухитрялись предписывать законы верховной власти, другие предлагали уничтожить рабство».[2]

Главным в работах Комиссии была, бесспорно, деятельность Большого Собрания. Здесь читались наказы, здесь обсуждались поставленные властью и демократическими депутатами вопросы, здесь разгорались споры, здесь определялся характер и содержание работ всех частных комиссий. Изучение дневных записок Большого Собрания позволяет сделать вывод, что из множества частных вопросов два оказа-

---

[1] Гос. ист. архив в Ленинграде, ф. 1258, д. № 110, «Записка сколько кому знаков выдано».

[2] Записки о жизни и службе Бибикова. СПб., 1817, стр. 124.

лись определяющими, заполнившими большинство заседаний, вызвавшими самые ожесточенные прения; этими вопросами были: права дворянства и права крестьянства.

Вопрос о дворянстве, о его правах, возник в сентябре 1767 г. и обсуждался всю осень, а затем был передан в комиссию «о государственных родах» для сочинения проекта прав «благородных». Комиссия «о государственных родах» занималась этим вопросом до июля 1768 г. и представила проект для обсуждения в Большое Собрание. И снова возникли напряженные споры, продолжавшиеся почти до самого закрытия Комиссии.

Крестьянская проблема возникала беспрестанно при обсуждении разных других вопросов, всегда как косвенная тема, ибо специально ею Екатерина заниматься не позволила. В мае 1768 г. она возникла при обсуждении частного вопроса о законах против беглых крестьян, но благодаря решительному выступлению депутата Григория Коробьина оказалась в центре работ всей Комиссии. После долгого и скандального обсуждения этот вопрос также был передан в комиссию «о государственных родах», которая к декабрю месяцу и подготовила первый вариант проекта (так и не рассмотренный собранием) «О нижнем роде государственных жителей».[1]

Обсуждение Комиссией этих двух вопросов разделило ее на два враждебных лагеря. Дворянские лидеры стремились добиться еще больших прав и укрепления своей власти, пытаясь совсем предотвратить возможность какой-либо регламентации со стороны правительства их взаимоотношений со своими крепостными. Демократические же депутаты со всей решительностью отстаивали необходимость безотлагательного вмешательства власти в отношения помещиков и крестьян — с целью ограничения прав дворянства и защиты «питателей всякого состояния людей». Они поставили вопрос о дворянской жестокости, о бесчеловечных притеснениях лишенного всякой защиты крепостного, о неслыханных «разорительных отягощениях». Как видим, Комиссия оказалась втянутой в обсуждение самых коренных вопросов экономической и политической жизни России тех лет, несомненно отражая зревший в недрах народа естественный и закономерный протест

---

[1] «Проект правам третьего или нижнего рода государственных жителей». Заслуживает внимания определение «нижнего рода государственных жителей»: «Нижний или третий род людей суть те, которые живут в селах и деревнях, упражняясь в земледелии и тем питают как самих себя, так и всякого состояния людей, а некоторые из оных упражняются только в ловле всякого рода зверей, птиц и рыб. И сей есть их жребий». Проект подписан писателем Михаилом Поповым, служившим в Комиссии «сочинительским помощником» (Гос. ист. архив в Ленинграде; ф. 1258, д. 220, л. 360).

против жестокой кабалы крепостничества. Выступления демократических депутатов по крестьянскому вопросу, как бы ни были они осторожны, как ни ограничены были их требования — все же связаны в своей основе с грядущим пугачевским движением.

Дворянский и крестьянский лагери в комиссии выдвинули своих политических лидеров. Со стороны дворянства в первых рядах были князь Щербатов, Семен Нарышкин, Михайла Глазов, князь Вяземский и ряд других. Демократический лагерь выдвинул целую группу политических деятелей, доселе никому неведомых, неплохих ораторов, умевших настойчиво и принципиально защищать интересы крестьян и подавать «примечания» «на голоса» дворян, разбираться в хитросплетениях «Наказа» и всевозможных законов. Этими деятелями были: крестьянин Чупров, казак Олейников, пахотные солдаты Жеребцов и Селиванов, однодворец Маслов и ряд других. К мнению крестьянских депутатов присоединялись: дворянин Григорий Коробьин, философ-просветитель Яков Козельский, депутат города Дерпта ученый Урсинус.

Во время прений стало ясно, что опрометчиво собранная Комиссия, в которой приняло участие немалое количество прогрессивно настроенных деятелей России, превратилась в своего рода съезд, в идейный центр русской демократической мысли, своими работами свидетельствовавший «перед всем светом», что есть в России независимая от правительства, противостоящая сословной дворянской идеологии, демократическая общественность.

Как ни была уверена Екатерина II, что созванная ею Комиссия будет послушным орудием ее политики, она написала специальный «Обряд» для Комиссии, в котором высочайше предупреждала депутатов, чтобы они были осторожны, рекомендовала им всячески проявлять свою благодарность и «верность престолу». Если в манифесте о созыве Комиссии, написанном для широкого распространения, депутатам предлагалось заявлять «о нуждах и чувствительных недостатках народа», то в документах внутреннего пользования, не выходивших из рук маршала Бибикова и только регулярно зачитывающихся для острастки, можно было просто прикрикнуть на депутатов, приказать им не заниматься «своевольством» и проявлять «верность и любовь к престолу».

Демократически настроенным депутатам было ясно, что ни о каких решительных реформах нечего было и думать. Но вместе с тем Комиссия представляла некоторые легальные возможности в постановке важнейших общественно-политических проблем. Вот почему, используя эти легальные возможности, они и поставили крестьянскую проблему, но при

обсуждении ее, в силу своей политической ограниченности и идейной слабости, они ставили вопрос не об освобождении, а лишь об улучшении положения крепостных.

Григорий Коробьин первым довольно осторожно поставил перед Большим Собранием вопрос о необходимости улучшения положения крестьян путем вмешательства власти в отношения крепостных и помещиков, путем некоторого ограничения прав дворянина на труд и собственность земледельца. При этом необходимость этой защиты прав крепостного Коробьин доказывал тем, что взывал к чувствам депутатов, рисовал бедствия «питателя» в руках жестоких дворян, постоянно призывал на помощь «человеколюбие». История дела складывалась так, что когда вопрос ставился не о ликвидации крепостной неволи, а только о некоторых правах крепостных, лишь об улучшении их положения, моральные доводы оказывались наисильнейшими. В самом деле, «право» на труд крепостных дворяне доказывали ссылками на свои «заслуги» в прошлом, на свою службу государству и т. д.; именно о том говорили дворянские идеологи Щербатов, Сумароков и другие. Но что можно было возразить по существу на речи Коробьина, Чупрова, Козельского, Олейникова, которые рисовали картину потрясающей нищеты крепостного, страданий его умирающей с голоду семьи, диких зверств, неограниченных в своих страстях и жестокостях помещиков? Опасность такой постановки вопроса сразу понял наиболее дальновидный из дворянских идеологов Щербатов. Немедленно выступив против громогласного заявления Коробьина, он предупредил депутатов об опасности даже одного обсуждения этих щекотливых и рискованных тем. Он заявил, что считает крайне опасным заявление Коробьина потому, что не должно заниматься обсуждением бедственного положения крепостных: «дабы пленяясь оказуемым им человеколюбием и красноречием сие какого вреда не произвело».

По крестьянскому вопросу выступило 20 депутатов. Весь май месяц 1768 г. шли крайне обостренные споры, порой граничившие со скандалом. Из двадцати выступавших 8 депутатов поддерживали Коробьина — Козельский, Жеребцов, Чупров, Маслов и другие. Дневная записка свидетельствует, что никто из помещичьих защитников не в состоянии был противопоставить хоть сколько-нибудь вразумительные доводы в защиту своей крепостнической точки зрения: оставить положение крестьян без изменения. Переполошившиеся помещичьи идеологи лишь исступленно бранились и грозились по адресу передовых депутатов за то, что те осмелились поставить этот вопрос на обсуждение. Дворянин Глазов грубо клеветал на Коробьина, и последнему приходилось выступать

с объяснениями и оправданиями. Дворянин Кондратьев в ярости обрушился на пахотного солдата (мужика!) Жеребцова за его выступление. Он заявил, что считает выступление пахотного солдата «за один смех и обиду целого государства дворян при других иностранцах, чего ни в какое время того не было». Даже Щербатов не нашелся и, подменив вопрос об улучшении быта крестьян вопросом о правах дворян на крестьянский труд, стал обосновывать это право ссылками на исторические заслуги дворянства. Эту подмену вопроса чутко уловил крестьянин Чупров, который взял слово и дерзко отчитал помещичьего лидера. Щербатов, — сказал он, — «между прочим объясняет дворянскую заслугу издревле российскому государству. На то ответствую: правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо, да, однако же, и всякого звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются, за коим какая должность состоит, чаю, что по возможности своей и все отправляют. Токмо дело не о том идет и господа депутаты не на то собраны, чтобы чести себе приписывать, но о узаконении всех вообще и каждого особенно... потому, кажется, не должно оставлять без определенного закона помещичьевых крестьян».

Так демократический депутат нанес удар общественно-политической концепции дворянства, в частности, развиваемой и Сумароковым и его школой, — об особой исключительной роли дворянства в государстве. И Чупров, и Олейников, и Козельский будут доказывать, что весь народ, все сословия, и крестьяне, прежде всего, имеют не меньшие, а, может быть, и большие заслуги перед государством и «отечеством», что они истинные патриоты, что они своим трудом, питающим всех жителей России, своими ратными подвигами имеют не меньшие, чем дворяне, заслуги и права на уважение. Когда купцы и представители верхушки казачества потребовали себе права владеть крепостными, с отповедью этим крепостническим настроениям выступил возмущенный казак Олейников. «Хотя упомянутые господа депутаты и представляют, что казачьим войскам, атаманам и полковым командирам без крестьян быть предосудительно, то это они показывают напрасно, ибо мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет, и не больше ли будет предосуждения всем господам депутатам и всему нашему государству перед другими европейскими странами, когда по окончании всей высокочтимой Комиссии узаконено будет покупать и продавать крепостного как собаку». Подчеркнул Олейников вздорность и несостоятельность требования о вознаграждении начальников за заслуги. «Во время сражений с неприятелем рядовые казаки такою же кровью венчаются, как и предводители».

Замечательным в деятельности крестьянских депутатов явился тот факт, что они оказались единственными, кто выступил с защитой не своих частных интересов, а интересов большинства русского народа, интересов не представленных в Комиссии крепостных. Все депутаты рьяно защищали только свои классовые и сословные привилегии: дворяне решительно требовали увеличения своих прав над крепостными, требовали новых милостей; трусливая буржуазия в лице купцов истошно просила разрешить им владеть крепостными; казацкая старшина ратовала за уравнение своих прав с дворянами. Чупров и Маслов, Олейников и Жеребцов отстаивали не только наказы тех, кто послал их в Комиссию — пахотных солдат, однодворцев и казаков, но и томящихся в рабстве крепостных. Пренебрегая опасностью, отступив от политики защиты только своего, от собственнического принципа — «своя рубашка ближе к телу», — они подняли голос в защиту отсутствующего, самого большого и самого бедствующего класса в России. Уже одно это свидетельствовало о многом.

Легальные возможности Комиссии крестьянские депутаты использовали отлично — они открыто, громогласно, настойчиво и неоднократно заявляли о «нуждах», «об отягощении» крепостных, о их надеждах и желаниях. Но, выражая интересы крепостных, эти депутаты выразили и их идейную слабость. «Темнота мужика» выразилась в непонимании политической стороны поставленных вопросов — отсюда вера, что Екатерина может улучшить положение крепостных, отсюда и отсутствие антикрепостнических выступлений. Они не отрицали крепостного права, а развивали утопическую идею возможного урегулирования отношений помещиков и крестьян. Вот почему в их выступлениях беспрестанно выражалась надежда на «доброго барина». Каждый из депутатов высказал свой план такого урегулирования, из них план Маслова самый решительный: лишить дворян права владения крестьянами, обязав последних выплачивать определенную правительством сумму как в пользу дворян, так и в пользу государства, «особой коллегии или конторе», которая бы и содержала крестьян «под своею апелляциею». Идея возможного ограничения крепостного права породила деление помещиков на «тиранов», «злодеев», «разорителей» и «добрых», «умных», «человеколюбивых». Деревни, смотря по барину, были или «разоренные» или «благополучные». Соответственно делились и русские крепостные на «несчастных» у помещика-злодея и «благополучных» у помещика, который был «отцом» своим крестьянам.

Итак, в речах крестьянских депутатов в 1768 г. были сформулированы следующие требования: а) изменить существую-

щий в России режим крепостного права. Путь изменения — вмешательство правительства. Основа — урегулирование этих отношений на началах «справедливости», «человеколюбия»; б) ограничить личную власть помещика над крестьянами; защитить его человеческие и гражданские права; в) строго следить за исполнением существующих законов; г) способствовать распространению грамотности в деревне, разрешив крестьянам получать образование.

Эти требования народа были поставлены перед русской передовой литературой, как первоочередные. Она уже не могла пройти мимо них. Обстоятельства способствовали усвоению этих народных требований, знакомству с этими народными чаяниями: «литература» в лице своих лучших деятелей присутствовала в Комиссии, когда произносились эти речи, когда читались крестьянские наказы. Около двух десятков писателей сидело на заседаниях Большого Собрания то ли в качестве депутатов, то ли в качестве лиц, «состоящих у письменных дел». Здесь была группа писателей, сочувствовавшая речам крестьянских депутатов, — Яков Козельский, Николай Новиков, Александр Аблесимов, Михаил Попов, и, в какой-то мере, Василий Майков. Здесь были дворянские литераторы и политические идеологи помещичьего класса — Щербатов, Козицкий, Козловский, сама Екатерина. В Комиссии же, в должности «сочинителя», был будущий поэт Гаврила Державин; работали и молодые литераторы (Золотницкий), воспитанники московского университета (братья Карины) и другие.

Деятельность литераторов после роспуска Комиссии показывает, что и они, как депутаты, разделились на два лагеря — одни продолжали защиту интересов крестьян, другие с еще большей активностью стали защищать сословные дворянские привилегии.

Прежде всего Комиссия «разбудила» Новикова; ее политические споры стали школой его гражданского воспитания. Требования, выдвинутые крестьянскими депутатами, стали в известной мере его программой, их он развивал как писатель-публицист и как просветитель сначала в своих журналах «Трутень» и «Живописец», а потом в своей книгоиздательской и общественной деятельности. Идя по следам крестьянских наказов и выступлений крестьянских депутатов, Новиков начинает писать в своих журналах о крестьянах, о их положении. Общий итог вторжения публицистических выступлений крестьянских депутатов в идейно-политическую жизнь России конца 60-х годов очевиден и безусловен: в литературе появилась крестьянская тема. При этом характер обличения «отягощений», социальный смысл писательских надежд на

смягчение крепостничества путем частичного ограничения крепостного права, писательской веры в «доброго барина» и возможное воцарение «благополучия», если помещик захочет быть «отцом» своим крепостным, — теснейшим образом связаны с речами крестьянских депутатов. Таким образом, сила литературы, поднявшей крестьянскую тему, в ее гласной органической и творческой связи с настроениями и чаяниями самого угнетенного народа. Идейная ограниченность ее также в значительной мере определена связью с этой публицистикой. Она не оказалась способной преодолеть идейные слабости крестьянства и, в частности, его веру в «хорошего» царя и «доброго барина».

3

Осенью 1773 г. на далеком Яике вспыхнуло восстание, которое оказалось началом еще небывалого в России по своему размаху вооруженного движения многих тысяч крепостных крестьян, заводских рабочих, угнетенных башкир. Это крестьянское восстание существенно отличалось от большинства предшествовавших ему и возникавших впоследствии крестьянских бунтов. Такое же стихийное, неорганизованное, лишенное политического понимания содержания своей борьбы (отсюда царистский лозунг), как и всякое крестьянское восстание, оно, вместе с тем, многим отличалось от обычных бунтов. Прежде всего, оно отличалось количеством участников и решительностью, с которой крестьяне отстаивали с оружием в руках свою вольность; обнажением глубокой непримиримой ненависти к дворянам-угнетателям; силой нанесенных правительству ударов (больше года самодержавное правительство, мобилизовав все силы государства, регулярную армию, не могло справиться с «возмутителями»); первыми, правда, крайне робкими, не изменившими стихийную природу восстания, попытками противопоставить крепостническим порядкам — свои, демократические требования. Мы имеем в виду изданные Пугачевым манифесты о ликвидации крепостного права, о возвращении народу вольности, о наделении крестьян помещичьей землей, лесами и водами. Наличие именно этих письменных указов, манифестов, постановлений пугачевской Военной Коллегии, в которых были записаны в виде законов коренные желания русских крестьян, — тоже черта, свойственная лишь этой крестьянской войне.

«Тяжесть порабощения», возросшая при Екатерине, подняла крестьян на стихийный протест. Пушкин, изучавший пугачевское восстание, отметил именно этот антидворянский его характер. «Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи,

но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Так был нанесен решительный удар реакционнейшей патриархальной вере крестьян в «доброго барина». Ход войны, ее массовость, справедливое возмездие, обрушившееся на сотни дворян, свидетельствовало о том, что уже множество крестьян поняло — нельзя ждать подачки от «доброго барина», следует уничтожить все «племя дворян» как «злодеев» и «мучителей». Поэтому в документах восстания мы не встретимся с этой идейной слабостью крестьянства.

Но главное — «темнота мужика», выразившаяся «прежде всего в непонимании политической стороны движения», в непонимании, что бороться надо не только против дворян, но и против царя, лежит и в основании пугачевского движения. Энгельс писал, что русский народ устраивал «бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда*, кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии».[1] Любопытно при этом, что для крепостных решающим признаком того, что Пугачев был действительно царем, явилась дарованная им народу вольность и земля. Пугачев говорил о себе: «а что я ваш подлинной милостивый государь, признавайте и верьте — ныне я вас... освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно... Жалую землями, водами, лесами».

Восстание русских крепостных против Екатерины за своего «хорошего царя» сильнейшим образом подрывало официальную легенду о просвещенном характере екатерининского самодержавства, о наступлении в России «златого века». Крестьянское восстание выявило в небывалых дотоле масштабах деспотизм русского абсолютизма, его реакционно-феодальный характер. Тем самым русской литературе были завещаны две важнейшие темы — борьба с крепостным правом и деспотическим режимом Екатерины.

Но восстание, потрясшее основы самодержавно-феодального строя, не могло победить. Армия Пугачева была и сильной и бесконечно слабой одновременно. Сила ее в народности, — в нее шли угнетенные русские люди «с веселием мще-

---

[1] Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1948, т. II, стр. 49.

ния». Шли крепостные крестьяне, шли бурлаки, как тогда на Руси называли наемных рабочих, шли крепостные, работавшие на заводах, шли пребывавшие в рабстве башкиры и другие угнетаемые царизмом народы. Эта армия действовала решительно, быстро, отважно. И в то же время она была слабой, лишенной единства, неорганизованной, воодушевляющейся более против конкретно знакомых носителей зла, против ненавистных мучителей, чем против всего крепостнического государства. Поэтому, не понимая отчетливо своих общеклассовых и национальных задач, часто руководимая защитой своих непосредственных, узко понятых интересов, она так же быстро распадалась под ударами правительственных войск, как быстро создавалась на почве ненависти к своим угнетателям, на почве твердого желания разбить цепи рабства и обрести желанную свободу. Но как ни слаба была пугачевская армия, она почти полтора года победоносно воевала с отлично подготовленными профессиональными войсками Екатерины. Это было возможно потому, что Пугачев нес вольность, и народ всюду шел за ним, приветствовал его, помогал ему, поддерживал его.

Этому могучему стихийному движению крестьян за свою свободу не суждено было победить. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг».[1]

Восставших все больше и больше теснили хорошо вооруженные войска правительства во главе с екатерининскими генералами. В ноябре 1774 г., выданный царским генералам, Емельян Пугачев был доставлен в Москву, где и казнен 10 января 1775 г. На Волге еще с полгода «гуляли» отдельные отряды бывшей могучей армии. Восстание было жестоко подавлено. Несмотря на этот разгром вооруженная борьба русских крепостных оказала огромное влияние как на всю последующую политику крепостнического государства, так и на общественную жизнь.

---

[1] И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, М., 1938, стр. 9.

Прежде всего правительство Екатерины и дворянство поспешно стали извлекать по-своему понятые уроки — они начали крепить административный аппарат, превращая Россию в полицейское государство. Ярые крепостники, несмотря на панический страх, испытанный за годы крестьянской войны, не пожелали ни в чем поступиться в своих правах, надеясь предотвратить возможную новую «пугачевщину» усилением власти помещика, усилением полицейской мощи государства.

Но крестьянская война как крупнейшее политическое событие определило и идеологическую борьбу в дворянском обществе и литературе. Прежде всего перед передовой и прогрессивной частью дворянства встал целый ряд совершенно категорических требований, совершенно ясных политических вопросов, от которых нельзя было отмахнуться, не считаться с которыми было невозможно. И, как свидетельствуют факты, литературное движение, последовавшее после разгрома крестьянской войны (80-е годы), протекало под знаком решения этих вопросов. Русские передовые писатели каждый по-своему, сознательно или бессознательно, но как-то соотносили свою деятельность с требованиями народа, и в меру преодоления своей дворянской сословной ограниченности разделяли чаяния и надежды страдающего в рабстве народа. Большинство из них испытывало общедворянский страх перед восстанием, революционной энергией народа — и это стало их бедой. Но, не принимая революционного пути решения основной задачи социально-политической жизни России, они в то же время понимали, что нельзя, занимаясь литературой, забывать о положении русских крепостных, о выдвинутых ими требованиях. Единственным писателем, который не испугался восстания, а оправдал его, кто понял до конца справедливость вооруженной борьбы, кто одобрил их требования — был Радищев.

Усилению влияния событий крестьянской войны на передовую дворянскую литературу способствовала народная публицистика, рожденная в ходе вооруженной борьбы. Именно в ней — в манифестах Пугачева, указах пугачевской Военной Коллегии, в «увещевательных письмах» пугачевских полковников были записаны категорические требования народа о вольности и земле, обнаженно передана ненависть к угнетателям-дворянам, проявился пламенный дух борьбы и великая революционная энергия народа.

О зарождении первого манифеста Пугачев рассказывал в Тайной канцелярии (допрос дается в изложении писца): Пугачев со своими товарищами ехал в станицу с намерением объявить о начале восстания. И тогда-то он, обратившись к Зарубину и Почиталину, спросил «что мы едим к Толкаче-

ву собирать народ? Ну как народ сойдется, а у нас письменнова ничего нету чтоб могли народу объявить. И потом сказал Почиталину: «ну ка, Почиталин, напиши хорошенечко», ибо он не знал чтоб сказать: «манифест напиши». И оной Почиталин и все остановясь в поле, писал, что хотел, ибо он ни одного слова не знал, как бы написать надобно, и по написании ему, при Зарубине, Коновалове, Михайле и Сидоре Кожевниковых оную написанную им бумагу прочел». После обсуждения «названный манифест» «понравился больно и оного Почиталина как он [Пугачев], так и все хвалили и говорили, что Почиталин горазд больно писать».[1]

При штабе Пугачева составилась целая группа грамотных людей, которая взяла на себя задачу изложения народных чаяний в борьбе за вольность. Доподлинно известны лишь имена немногих и, видимо, наиболее отличившихся сочинителей: казак Иван Почиталин, Максим Шигаев и Подуров, кстати, последний — депутат Комиссии. В правительственном объявлении по делу Пугачева и других активных участников движения о Подурове было сказано, что он «не только предался злодею и самозванцу, но и писал многие развратительные в народе письма, увещевал казаков», «писал угрозительные письма Оренбургскому губернатору». О Почиталине и Горшкове было записано: «были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государевыми манифестами и указами, через что умножая разврат в простых людях».[2] Именно за эту деятельность пугачевские сочинители, авторы манифестов, указов, «угрозительных» и «увещевательных» писем были: Почиталин и Горшков сурово наказаны (сечены кнутом, вырваны ноздри) и сосланы в Сибирь; Подуров, несмотря на свою депутатскую неприкосновенность, в силу которой он не мог быть казнен, какое бы преступление он ни совершил, — повелением императрицы повешен.

Все политические документы восстания несомненно плод коллективного творчества. Известные нам авторы — Подуров, Почиталин, Горшков, или безымянные сочинители, лишь оформляли идеологию угнетенного народа, сложившуюся в ходе борьбы. Именно поэтому, как подлинное народное творчество, эти документы имели огромную популярность в широких массах крестьян и городских жителей. Указов и манифестов ждали, им верили, они помогали крестьянам понять свое отношение к событиям, и в то же время они являлись

---

[1] Восстание Емельяна Пугачева, Л., 1935, стр. 129.
[2] Там же, стр. 195.

замечательными глашатаями вольности, которую даровал Пугачев, приводя в его отряды сотни и тысячи новых «возмутителей». Выражая народные чаяния, пугачевские манифесты — эта страстная публицистика восставшего народа в известной мере соприкасалась с крестьянскими наказами и речами крестьянских депутатов в защиту «утесненного питателя», «нижнего рода людей». Но соотношение это было особого рода. То, о чем в наказах выражалось лишь в виде просьбы, что излагалось в качестве жалоб или робких надежд, то в манифестах и указах утверждалось, как закон, принятый и введенный в действие самим народом. Поэтому публицистика восставшего народа — это высший этап в развитии идеологии угнетенного народа.

Знакомство с этой народной публицистикой было целым событием и для передовых дворянских писателей. Перед ними открывался неведомый им мир, раскрывался духовный облик их соотечественников, о творческой жизни которых они ничего не знали. В речах крестьянских депутатов была жалоба. С листов манифестов веяло отвагой, благородством, великим воодушевлением сбросившего ярмо народа, разогнувшего свою согбенную спину. Множество мыслей и чувств порождала эта народная публицистика, помогая формировать свою политическую теорию, открывая глаза не только на положение угнетенного народа, но и на его роль в исторической и социальной жизни отечества. Несомненно, что именно знакомство с политическими документами восстания оттачивало политический радикализм передовых русских писателей, выступивших со своими смелыми сочинениями в 80-е годы, их патриотизм, их гуманность. Не модные западноевропейские сочинения, как это утверждают космополиты, определили успехи русской литературы, а жизнь и борьба угнетенного народа. Народная публицистика, рожденная в ходе восстания, бесконечно усиливала и укрепляла эту живую связь «умов с телом народа».

Особое внимание должен был привлечь в пугачевских манифестах вопрос о законности, справедливости, даже гуманности восстания крепостных. В них многократно говорилось о том, что угнетенные вынуждены были силой оружия добиваться своей свободы, вынуждены защищаться от притеснений дворянина — «мучителя». Мысль о праве народа на восстание нашла свое выражение в формуле — «отмщение».[1] Восстание есть лишь восстановление попранной справедливости. Выражалась эта мысль политически ясным языком. Каждый манифест обращался как бы лично к тому или иному

---

[1] Пугачевщина, т. I, 1926, стр. 36.

крестьянину, говоря: с дворянами поступай так, как они поступали с тобой: «кои прежде были дворяне в своих поместиях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так как они, не имея в себе христианства чинили с вами крестьянами».[1] Справедливость и общественное значение этого акта утверждались следующей формулой: «по истреблении которых противников и злодеев дворян всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет».[2]

В этой народной публицистике был сформулирован идеал истинного человека, рожденный в ходе вооруженной борьбы. Прежде всего таким выступил в манифестах литературный образ Пугачева. Замечательно в этом отношении развитие от манифеста к манифесту формулы самохарактеристики. Первый манифест написан еще в подражание официальным бумагам: «самодержавного амператора, великого государя Петра Федоровича всероссийского и прочая и прочая».[3]

Далее эта пустая формула отменяется и дается первая оценка личности «народного царя»: «Российского войска содержателя и великого государя, всех менших и болших уволитель и милосердой, сопротивников казнитель, больших почитатель, меньших почитатель же, скудных обогатитель».[4] В следующих манифестах этот образ развивается в соответствии с демократическим идеалом: истинный человек — это народный защитник. «Я для вас всех един ис потерянных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан».[5] Итак, — истинный человек, — это защитник народа, это отважный «возмутитель», восставший на «всесильного супостата» — дворянского монарха и дворян-«злодеев», это «доброжелатель», «утешитель», «делатель благоденствия», «во всем свете вольный» сам и дарующий «вольность навеки» всем томящимся в рабстве. Таков «народом избранный царь». Таковы должны быть и все подданные этого царя — «вольные», «справедливые», свою вольность получившие в борьбе с дворянами «преступниками законов».

Во время этого восстания родилась и формула демократического понимания человека, замечательная по своей дальнейшей судьбе, — воспринятая передовой революционной рус-

---

[1] Пугачевщина, т. I, 1926, стр. 41.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 25.
[4] Там же, стр. 26.
[5] Там же, стр. 36.

ской литературой и, прежде всего, Радищевым и декабристами, — «истинного сына отечества», «настоящего верноподданного отечеству сына».[1] Это определение замечательно и тем, что восставший народ, воюя за вольность, борясь за справедливое дело, понимал его как патриотическое служение родине. Превращение тех, кто был низведен на положение скота, превращение раба в свободного и вольного человека есть патриотическое дело. Свобода, пробуждая дремавшие и задавленные в рабе силы, возвращала отечеству верных сынов, активных, деятельных граждан, мужественных патриотов.

Таким образом в недрах восставшего народа в период вооруженной борьбы против самодержавно-помещичьего государства, определилась и, что особенно важно, была высказана в манифестах и указах русская демократическая мера ценности личности, демократический идеал человека. Истинный человек в понимании народа — это человек, живущий интересами других людей, и прежде всего интересами угнетенных, сострадающий миллионам закрепощенных, сострадающий «умно»,[2] т. е. с пониманием того, что прекратить страдания миллионов можно только при избиении «дворянского племени». Истинный человек, поэтому, — это отважный борец, с оружием в руках защищающий свободу. Именно все это и определило историческое значение народной публицистики; она, выразив желания, требования и идеи восставшего народа, запечатлев его идеал человека, воздействовала тем самым в значительной мере на развитие и русского просвещения, и русской литературы, и всей русской общественной мысли.

Для Новикова Комиссия с крестьянскими наказами и речами крестьянских депутатов была школой гражданского воспитания. Крестьянская война, возглавленная Пугачевым, явилась своеобразным университетом для Радищева. Радищев был единственным писателем и мыслителем, кто глубоко и исторически верно понял восстание народа, разобрался в идеологии народной борьбы, с благодарностью учел ее политический и философский опыт, сумев, в то же время, как гениальный мыслитель, увидеть и слабые стороны этого движения, и, прежде всего, его политически вредную веру в «хорошего царя». Для Радищева — ненавистника монархической власти, — никакой царь, ни «добрый», ни «просвещенный», ни даже «мужицкий» — не был приемлем.

---

[1] Пугачевщина, т. I, 1926, стр. 37.
[2] А. Н. Радищев. Избр. соч. ГИХЛ, 1949, стр. 249.

4

В свете идейного содержания народной публицистики с особой отчетливостью проступает все своеобразие творчества первого русского революционера Радищева. Космополитическая наука на протяжении многих десятилетий тщилась доказать западное происхождение революционности Радищева. Идеологи французского третьего сословия, корифеи просвещения — Гельвеций и Руссо, Дидро и Рейналь объявлялись учителями русского «прорицателя вольности». Серьезная поверка исторических фактов показала всю фальшь и вздорность этих утверждений.

Прежде всего, обращают на себя внимание такие факты. В период своего активного знакомства с учениями французских просветителей (Лейпциг) Радищев не является революционером. Его произведения 70-х годов, сразу после приезда в Россию, — примечание к слову «Самодержавство» и «Дневник одной недели» — произведения радикальные, несущие на себе следы плодотворного изучения передовой западноевропейской философии, но не революционные. Революционером Радищев становится в России, становится именно после крестьянской войны 1773—1775 гг. Произведения 80-х годов («Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» (1882), ода «Вольность» (1783), «Житие Ф. В. Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву» (1785—1789) — это действительно подлинно революционные произведения.

Далее, именно в пору расцвета своей творческой деятельности Радищев начинает активно и категорически пересматривать общественно-политические воззрения французского просвещения. Так, Радищев выступает против политической теории просветителей (просвещенный абсолютизм), показывает, какой вред она наносит освободительному движению народа, разоружая его. Радищев понимает умозрительность и метафизичность социологических воззрений Монтескье и Руссо. Он раскрывает буржуазную ограниченность философии «уединенного» человека Руссо. Он единственный в XVIII в. развивает идею народной революции, провозглашает новую подлинно демократическую философию человека-деятеля, революционера.

Буржуазная ограниченность порождала, по крайней мере, два важных качества политической и философско-эстетической теории французских просветителей. Первое: глашатаи революционных идей сами были сторонниками мирных путей общественного преобразования. Руссо и Дидро не звали к революции. Они боялись ее. Но читатель Руссо и Дидро делал выводы сам и шел штурмовать Бастилию. Это очень

верно подметил Плеханов: «Не должно впадать в преувеличения и воображать, будто французские просветители *сознательно* подготовляли революционную бурю, разразившуюся в конце XVIII века».

«Некоторые тогдашние проповедники новых идей замечали, что народ теряет терпение и может, пожалуй, восстать против своих притеснителей (Вольтер, Руссо и другие). Но, не будучи сторонниками революционного способа действий, они пугались приближавшегося взрыва, а не приветствовали его. Они от всей души предпочли бы мирную реформу насильственной революции. Это *мирное* настроение проповедников *революционных* идей ярко отразилось как в литературе, так и в искусстве. Буржуазная драма, в образах выражавшая стремления третьего сословия, совсем не знает боевых мотивов».[1]

Эта особенность идейной позиции идеологов буржуазных революций предопределяла возможность взаимно противоположных выводов — из революционной идеологии можно было сделать революционные выводы, из предпочтения мирных путей вытекала возможность упования на мирный исход исторического развития. Первый вывод сделал французский народ, второй — в частности русская императрица Екатерина II и дворянская интеллигенция России, испугавшаяся крестьянской войны. Действительно, Екатерина со дня воцарения, как мы знаем, использовала политическую теорию энциклопедистов в целях укрепления своей самодержавной власти. И Вольтер, Дидро, Даламбер оказались обманутыми русской императрицей и, действуя в соответствии со своими упованиями на просвещенный абсолютизм, стали воздвигать Екатерине «алтарь», как просвещенной монархине, нанося тем самым огромный вред русскому общественному движению. Руссо и европейские сентименталисты (Юнг, Стерн, Геснер) послужили основанием для идеологического перевооружения дворянства. Этому способствовала вторая особенность философско-эстетической концепции французского просвещения, вытекавшая из его буржуазной ограниченности.

В основании этой второй особенности лежала их философия человека, которая по всему своему духу была индивидуалистической, антиобщественной философией. Провозгласив внесословную ценность личности, Руссо и Дидро, а за ними вся школа европейского сентиментализма разрушали идеологический догмат феодализма. Но, как уже заметил Плеханов, человек сентиментализма, противопоставляя имущественному богатству богатство индивидуальности и вну-

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 21.

треннего мира, богатству кармана богатство чувства, был лишен боевого духа. Герой европейского сентиментализма не протестант, он беглец из реального мира. В жестокой феодальной действительности он жертва, он ничто, он нуль, а не человек. Но в своем очаге, в своем уединении он велик, ибо, как утверждал Руссо, — «человек велик своим чувством». Поэтому герой сентиментализма не просто свободный человек и духовно богатая личность, но это еще частный человек, бегущий из враждебного ему мира, не желающий бороться за свою действительную свободу в обществе, пребывающий в своем уединении и наслаждающийся своим неповторимым «я». Этот индивидуализм французского сентиментализма являлся прогрессивным в эпоху борьбы с феодализмом. Но и в этом индивидуализме, в этом равнодушии к судьбе других людей, в сосредоточении всего внимания на себе и полного отсутствия боевого духа уже отчетливо проступает эгоизм, который расцветет пышным цветом сразу после революции. И то, что должно было проступить во Франции после революции, уже существовало в те же годы как неопровержимое явление в английском обществе и английском сентиментализме. Прежде всего, должно назвать творчество Стерна и его «Сентиментальное путешествие» и «Тристрам Шенди». Несомненно Стерн шел в первых рядах этого антиобщественного буржуазного искусства. Герои Стерна и «Тристрам Шенди» прежде всего — это воинствующие эгоисты. Они не просто равнодушны к окружающему их миру и к людям, страдающим от социальной несправедливости, но равнодушны жестоко. Самовлюбленность «Тристрама Шенди», занятого собой и только собой, его принципиальная отрешенность от всего того, что за стенами его дома и что находится вне субъективных впечатлений, лишена простодушия — она антидемократична. Именно эти-то черты европейского сентиментализма и позволили русскому дворянству заимствовать и перенять его философию. Развивая лишь слабые стороны этого идеологического движения, лишь то, что ограничивало его революционность, они превращали, в конкретно-исторических русских условиях (эпоха реакции после поражения крестьянской войны 1773—1775 гг.), сентиментализм в оружие борьбы с передовой демократической и революционной идеологией. Этим и объясняется развитие и становление в России во второй половине 70-х и в 80-х годах, на базе масонства, вывезенного с Запада космополитическим дворянством, литературного направления сентиментализма. Именно в эти годы шла работа по идейному перевооружению дворянства — от идеологии классицизма к идеологии сентиментализма. Херасков, Муравьев, Кутузов, Александр Петров,

Львов, в некоторой мере, Капнист — первые представители русского дворянского сентиментализма. В 90-е годы сентиментализм станет господствующим направлением в дворянской литературе. Во главе целой школы станет Карамзин, выученик Хераскова и Муравьева. Мнение Добролюбова, что характерной чертой сентиментализма является «самодовольное спокойствие человека, не думающего о счастьи других», точно передает консервативность, а порой и открыто реакционное лицо этого направления. Карамзинизм — это откровенная защита дворянских прав и привилегий, проповедь сохранения существующих сословно-крепостнических отношений, т. е. откровенно-дворянская идеология, только развитая в новых исторических условиях, когда на очередь истории был поставлен вопрос о неизбежной гибели феодального режима. Новая дворянская литература сентиментализма, отражавшая кризис крепостнической системы, была воинствующей в своей проповеди пассивности, бессмысленности всяких попыток изменить существующие несправедливые отношения рабства. Противопоставляя мораль политике, утверждая в качестве единственной цели человеческой жизни — нравственное очищение и самоусовершенствование, воспитывая пренебрежение к окружающей действительности, сосредоточивая все внимание на «жизни сердца», этот дворянский сентиментализм в самом своем начале сложился, как течение антидемократическое, антиобщественное, антинародное. «Убеждение в том, что прогресс *общественной нравственности* предполагает усовершенствование *общественного строя,* располагает людей к *общественным реформам.* Наоборот, вера в то, что добродетель состоит в чистоте сердца и зависит от „святости религии", делает их равнодушными к подобным реформам. Консерваторы всегда упирали на «чистоту сердца».[1] И прав был Белинский, утверждавший, что сентиментализм в России связан, прежде всего, с именем Карамзина, который «не изобрел» его, а только «привил» русской литературе, позаимствовав его на Западе, где он зародился и «преобладал в литературе и в нравах».[2]

Первым против складывающегося русского сентиментализма как идеологии дворянства выступил Радищев. Именно этими русскими условиями и объясняется та страстность, с которой Радищев обрушивался на политические воззрения французских просветителей, на их философию человека, на сентиментализм Руссо. Радищев отлично понял тщетность надежд на мирный путь. Проповедуя революционные идеи, он

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 258.
[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 212.

сам приветствовал революцию и звал народ на сражение за свободу. Он не боялся народа и его революционной энергии, а видел в ней единственное спасение. Он создал новую философию человека, всю противостоящую буржуазно-эгоистической и антиобщественной философии европейского сентиментализма. Вот почему идеология сентиментализма была чужда Радищеву и он воевал с ней.

Что же помогло Радищеву в этом его историческом подвиге? Народная публицистика дает ответ — революционный подъем восставших крепостных, сражавшихся стихийно, неорганизованно, под царистским лозунгом, вне политического сознания своей борьбы, но сражавшихся мужественно и благородно, как они умели и могли, «не боясь зверских преследований правительства, экзекуций и пуль».

Разоблачая попытки кадетов фальсифицировать наследие Белинского, Ленин выступил против их контрреволюционного сборника «Вехи», прочно связав деятельность великого критика с настроениями крестьян, боровшихся с крепостным правом и самодержавием. Ленин писал:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи", есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения" (56). „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар". (82).

«Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское" настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар". Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?».[1]

Связь Радищева с настроениями крепостных крестьян, с такой замечательной силой запечатлевшихся в манифестах и указах Пугачева, несомненна. В основании политических воззрений Радищева лежит его идея народной революции. Но, развивая свою революционную теорию, Радищев никогда не произносит слова «революция», а неизменно говорит о «мщении». Революционер-республиканец, он вкладывает в эти слова особый смысл. Мщением он называет крестьянское восстание под руководством Пугачева. Мщением именуется будущая русская революция, в честь которой он пишет оду

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 108.

«Вольность». Этим словом Радищев стремился подчеркнуть справедливое, исторически законное право угнетенных народных масс силой оружия вернуть отнятую у них свободу. Больше того, слово это передает всю веками накопленную суровую ненависть крепостных к своим поработителям и мучителям, всю их решимость и долг — беспощадно расправиться с ними. Манифесты Пугачева свидетельствуют, что Радищев не изобрел, не придумал это слово, а нашел его в борьбе восставшего народа и, найдя, перенял и ввел его в теорию. Тем самым мы сталкиваемся с фактом демократизма Радищева, с его желанием выразить свою теорию словами и понятиями, заключавшими в себе опыт и отношение народа к угнетателям. Проповедуя революцию, призывая русских крепостных «избить дворянское племя», возвести самодержца на плаху, он говорит языком, понятным широким массам народа. Книгу его они, конечно, не могли прочесть, это Радищев знал отлично. Но слово «мщение», сходя со страниц книги, являлось лозунгом, ясной программой действия, вдохновлявшей на великое и правое дело. Итак, в политической теории Радищев выступает против просветителей и их теории просвещенного абсолютизма, опираясь при этом на революционный опыт русского народа, накапливавшийся в его беспрестанных восстаниях против дворян-помещиков.

Другим важнейшим моментом просветительской идеологии является философия свободного человека. И здесь Радищев выступил против частного, уединенного и антиобщественного человека, прямо и открыто опираясь при этом на опыт вооруженной борьбы русских крепостных за свою свободу. В народной публицистике мы находим сложившийся идеал демократического человека как «народного защитника». Именно в манифестах Пугачева мы встречаем формулу «истинный сын отечества» как точное определение этого народного идеала человеческой личности. Истинный сын отечества, — как раскрыли манифесты, — это тот, кто сбрасывает с себя путы рабства, кто в вооруженной борьбе обретает вольность, кто является мстителем. Этот народный идеал оказывается близким Радищевской философии человека-борца, прорицателя вольности и революционера, утверждающего свою личность в деятельности на благо отечества и, прежде всего, в революционной деятельности за освобождение народа. Больше того, Радищев вводит в свою философию формулу «сын отечества». В 1789 г. он пишет даже специальное сочинение «Беседа о том, что есть сын отечества», которое всеми своими корнями уходит в народную публицистику. Там же развивается Радищевым теория «умного сострадания», утверждающая справедливость и гуманность истребления «дворян-

ского племени мучителей». Эта теория — основа радищевского гуманизма, — есть первая попытка философского осмысления опыта освободительного движения угнетенных. Наконец, с народной публицистикой тесно связан и «фольклоризм» Радищева.

5

Восстание угнетенных, по Радищеву, есть высший акт народного творчества. С этих политических позиций и подходит Радищев к фольклору. Герцен отлично понял это, сказав, что в песне Радищев нашел «ключ к таинствам народа».[1]

Устное творчество народа — его сказки, чудесные истории и песни — входило в сознание Радищева с колыбели и сопровождало в течение всей его жизни. Больше всего полюбилась песня, сопутствовавшая ему в его многочисленных путешествиях по отечеству. Живое общение с народом помогло понять его духовное богатство, позволило в песнях открыть «скорбь душевную», «образование души нашего народа». Это открытие заставило сделать политические выводы — народное творчество выражало основы истинно демократической идеологии, противостоящей и дворянской и буржуазной, идущей с Запада.

Такое понимание народного творчества оказалось возможным только благодаря вторжению в идейную жизнь России демократической культуры и, в частности, народной публицистики, смело сказавшей о народных чаяниях. Действительно, с качественно новым, приближающимся к радищевскому пониманию фольклора, мы сталкиваемся в конце 60-х годов, т. е. после работы Комиссии. Именно Новиков, положивший в основу своей писательской и просветительской деятельности требования, изложенные самим народом, смог первым определить и новое отношение к фольклору. В устном творчестве народа он увидел художественно воплощенный опыт его социально-политической жизни. Вот почему в первом же своем журнале «Трутень», а затем в «Живописце» он станет популяризировать пословицу, как тот жанр творчества, в котором с особой остротой запечатлелось отношение народа к отдельным фактам и явлениям политического режима крепостнического государства. Практика судьи-взяточника, вора-воеводы, помещика-тирана, вельможи, даже самого царя, была запечатлена в народных пословицах. Своеобразие новиковского отношения к устному творчеству в том и состояло, что он использовал его как оружие в своей деятельности, вклю-

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 171.

чая в свое творчество, обогащался им. Народное творчество и, в частности, пословицы помогали ему смотреть на явления социально-политической жизни России глазами угнетенных, судить и обличать «зло» и «отягощение» с их позиций. Поэтому новиковский фольклоризм противостоял тому интересу к устному творчеству, которое проявляли не только со своих дворянских позиций Сумароков, но и разночинец Чулков. Чулковский интерес определялся этнографизмом. Он знакомил русское дворянское общество с отдельными песнями, загадками, ограничивая свою задачу иллюстративными целями, стремясь продемонстрировать как некую «диковинку» ту или иную песню или загадку, сочиненную безвестным автором из народа. Но даже при таких позициях Чулков проявлял необыкновенную робость, стыдясь за демократический характер песен перед «взыскательными» вкусами дворянского читателя, чем и объяснялась его правка этих песен. Пассивное, созерцательное отношение к этому творчеству определило и подбор песен и загадок. Чулков печатал только то, что отражало явления быта, бесконечно боясь острых политических тем.

Крестьянская война 1773—1775 гг., породившая страстную политическую публицистику угнетенных масс, с еще большей силой подчеркнула социальный смысл народного творчества. Даже дворяне и Екатерина после появления манифестов поняли, что устное творчество народа выражало демократическую, противостоящую дворянской и политически крайне опасную идеологию. Это понимание заставило принимать меры. Екатерина, желая предотвратить распространение и влияние этой идеологии, принялась за фальсификацию народного творчества. Так появились исторические и литературные «работы» Екатерины в 80-е годы, доказывавшие, что «смирение и послушание» есть национальные черты русского народа. Так стали печататься Богдановичем составленные им «Народные пословицы» — чудовищная и наглая фальсификация, плод циничного усердия престолу.

Но эта фальсификация успеха не имела. Через передовую литературу и творчество Новикова и Радищева, прежде всего, народное творчество, понятое как «образование души народа», прочно и навсегда вошло в русскую литературу. Могло это произойти потому, что в решении своей новаторской задачи писателя-революционера Радищев опирался на народное творчество и, в частности, на песню.

Несомненно, увидеть в песне мировоззрение народа помогла Радищеву народная публицистика, которая была для него подлинным коллективным творчеством угнетенных масс. Манифесты Пугачева, выражавшие в наиболее острой и пол-

ной мере надежды и чаяния народа, его характер, идеалы и его решимость в борьбе за отнятую вольность, позволили открыть политическую сторону фольклора. Это заставило с особым вниманием и любовью отнестись к поэтическому творчеству народа. Поэзия народа и, прежде всего, его песня воссоздала перед Радищевым не только высоконравственный мир труда, моральную чистоту труженика, но и судьбу народа, его особый, неповторимо национальный склад. Тем самым фольклор противостоял классовому дворянскому мировоззрению. Песня пробуждала в Радищеве национальное чувство, давала волнующие ощущения счастья от осознания себя русским, воспитывала и развивала любовь к своей родине, к необозримо великой и прекрасной России. Но чем сильнее была благодарность песне за эти чувства, тем острее была боль за народ, пребывавший в рабстве и угнетении. Так поэзия угнетенных масс в свою очередь толкала на путь действия, на путь борьбы, на путь революции. Такое отношение к фольклору и позволило Радищеву решить центральную задачу писателя-революционера — изобразить народ, сделать крепостных героями литературы.

До Радищева народ не был героем искусства. О народе говорили, народ упоминали, о судьбе народа даже сожалели— но никогда народ не изображали. Классицизмом народ был объявлен «низкой» темой. Низведенный крепостническим режимом до положения тяглого скота, трудящийся народ был объявлен дворянской идеологией лишенным культуры, духовной жизни, достоинства, чести, патриотизма. Народ для дворян не имел истории, не имел настоящего и не мог иметь будущего. Он обязан был лишь работать и питать дворянина, творившего жизнь, историю, культуру, управлявшего государством. Уподобляя государство человеку, дворяне считали себя головой, предоставляя крестьянам функцию рук и ног. Поэтому героем искусства был дворянин. Мужика можно было изобразить только в низком жанре — комедии или басне. Но и там он был всегда или комическим персонажем, или объектом дворянской забавы, или, в лучшем случае, предметом жалости.

Новое антифеодальное искусство сентиментализма разрушило сословный принцип и ценило любого человека вне зависимости от его происхождения и положения. Но, изобразив свободного человека, сентиментализм, как правило, всегда избирал героем представителя третьего сословия, то есть мелкого буржуа. Народ, его судьба, его жизнь оказались не по плечу буржуазному искусству.

В русской литературе первое изображение крепостного мы встречаем у Новикова в «Трутне». Там было помещено про-

изведение под названием «Крестьянские отписки», содержащее два письма крепостных: Филатки и старосты Андрюшки своему барину. Эти письма раскрывали впервые в художественной литературе трагическую, безысходную в своем рабстве и бедности жизнь крепостного. Но и здесь Новиков, верный своим убеждениям, изображает крестьян как объект сочувствия. Показывая их униженную рабством жизнь, он взывает к чувству, человеколюбию, к жалости дворян. Отсюда и характер изображенного крепостного — «плачущий Филатка». И, действительно, несчастный Филатка лишь скорбно «плачется» на свою судьбу, лишь изливает свою жалобу на безмерные отягощения, лишь просит барина, в котором он единственно и видит спасение.

Только Радищев смог первым изобразить народ и сделать русского крепостного, в его подлинно исторической жизни, героем своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Тем самым Радищев совершил новаторский переворот в эстетике. Возможность этого переворота определялась революционным мировоззрением Радищева. Поэзия угнетенных легла в основание его новой эстетики. Открытие Радищева состояло в том, что, изображая русских крепостных крестьян, людей, отягощенных рабством, низведенных крепостничеством на положение рабов и невольников, он героизировал их, видя в каждом современном ему мужике ту дремлющую до случая в народе силу, которая сделает его истинным сыном отечества, патриотом, деятелем революции. Сила, обаяние, нравственная красота русских крепостных радищевского «Путешествия» именно в том и состоит, что мы чувствуем в каждом из них будущего деятеля, освободителя России. Через индивидуальный облик каждого просвечивает его потенциальная судьба свободного человека. Именно поэтому Радищев и мог писать о русском народе, что ему предстоит решить судьбу русского государства.

Создавая образ русского народа, Радищев многократно подчеркивал при этом прямую связь эстетики с русской песней. Уже в главе «София» Радищев указывает — песня, обнажая «образование души народа», раскрывает его характер. И здесь важно подчеркнуть, что для Радищева народ не абстрактная категория: перед его умственным взором стояли русские крестьяне его соотечественники, — «пленники в отечестве своем». Отсюда первая в русской литературе картина — русская ямщицкая песнь на фоне русской природы, русской бескрайней равнины: «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню по обыкновению заунывную». Далее следует замечательное наблюдение о политическом значении поэзии народа: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается,

что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа».[1] Высказав это свое наблюдение над русской песней, Радищев тут же делает свое первое принципиальное заключение о главных и общих чертах характера русского народа. «Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагренный кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской».[2]

Этот вывод из песни и ляжет в основание эстетического изображения крестьян: сегодня они отягощены рабством, темны, забиты, но изменятся обстоятельства (как это было в эпоху крестьянского восстания, возглавленного Пугачевым), и эти новые обстоятельства станут случаем «на развержение великих дарований».

Так в ряде глав изображается судьба русского народа, страдающего в невольничестве. Особая бедственность положения угнетенных заключалась в распродаже крепостных и в рекрутчине. И обе главы — «Медное» и «Городня», рассказывающие об этих будничных бедствиях крепостного, начинаются с песен. В «Медном» водят печальный «хоровод молодые бабы и девки», поющие — «во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла». Эта песня открывает рассказ «о варварском обычае» продажи крепостных с молотка, а распродажа помогает читателю понять, почему в русских песнях «заключено нечто, скорбь душевную означающее». Этим «нечто» было рабство. Но эта же песня, свидетельствуя о духовном богатстве народа и передавая его в поэтической форме, есть основание для великого оптимистического вывода, который путешественник делает после наблюдения очередного преступного акта власти — продажи на аукционе семьи крепостного в розницу: «А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения».

В «Городне» ужас рекрутчины как подлинного народного бедствия прямо раскрыт через причитания, через народный плач. Радищев-писатель сознательно, нарочно отступает, предоставляя слово самому народу, запечатлевшему в скорбных словах свое проклятие поработителям. Здесь мы видим в мощ-

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 76.
[2] Там же.

ном действии принцип политического понимания фольклора. И опять же эти причитания, передающие ужас и безмерную бедственность судьбы крепостного, являются в то же время неоценимым доказательством живого творческого и духовно богатого начала в народе, которое в свою очередь есть прямое и непосредственное свидетельство потенциальной революционной энергии народа, ждущей своего исхода, чтобы уничтожить ненавистный антинародный строй крепостничества и самодержавия. Прямо из поэзии народа, из политического понимания ее существа, передающей дух вольнолюбия и непримиримой ненависти к помещикам-мучителям, вытекает решительный вывод путешественника — его призыв к революции: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».[1]

Последнее признание чрезвычайно важно — на крыльях песни народа мчалась мечта Радищева навстречу будущему, вдохновляя на подвиг, на преодоление великих мучений, ожидающих его, как первого «прорицателя вольности». И эта мечта не была фантазией — ее реальность, ее свершение в будущем покоились на самом твердом и реальном основании — историческом опыте народа, его неукротимом вольнолюбии, его беспрестанной, неослабеваемой борьбе с дворянами, его твердом характере. А этот характер, так полно и поэтично раскрывшийся в фольклоре, был отлично понят Радищевым: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О, народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!»[2] Именно эта тема была раскрыта в поэме (не оконченной) «Песни, петые на состязаниях». Песня запечатлела историческое прошлое русского народа и передала живую веру в его светлое будущее. Один из героев поэмы, певец, пришедший на состязание, исполняет песню-повесть о героическом сопротивлении русских захватчикам-норманам. Эта песнь заканчивается пророческими словами о будущей победе русского народа над своими тиранами и поработителями.

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 217.

[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. II, 1941, стр. 146—147.

«О, народ, народ преславный! Твои поздные потомки Превзойдут тебя во славе Своим мужеством изящным, Мужеством богоподобным, Удивление всей вселенной; Все преграды, все оплоты Сокрушат рукою сильной, Победят — природу даже, — И пред их могущим взором, Пред лицем их озаренным Славою побед огромных Ниц падут цари и царства».[1] Нет никакого сомнения, что эти слова и эти мысли прямо перекликаются с мечтой радищевского путешественника, высказанной в главе «Городня».

Наконец, Радищев разработал вопрос и о той огромной общественной роли поэзии народа, какую она играет в идейном развитии тех лучших дворян, которые порывают со своим классом, вставая на путь борьбы с крепостным правом. Эта тема развита в главе «Клин». Там путешественник, разрывая с дворянством, вставая на путь мщения, на опасный, в условиях самодержавного государства, путь борьбы за вольность народа, страстно стремится получить благословение тех, за свободу которых он решил отдать свою жизнь. Многократные его попытки сблизиться с крепостными терпят неудачи. Глубокая пропасть отделила дворян от угнетенного народа. Вековое мучительство вызвало у крепостных неугасимую и справедливую ненависть к своим господам. Это понимали Радищев и путешественник — они по рождению принадлежали к дворянам, к племени мучителей, и потому должны были расплачиваться за все злодейства, сделанные собратьями по классу. Но эта страшная далекость от народа тяготила Радищева-революционера. Вот почему он заставляет вновь и вновь своего героя искать путей сближения с крестьянами. На станции Клин, наконец, свершается заветное желание путешественника. Он получает благословение народа, он оказывается способным сблизиться в какой-то мере с ним. Что же обеспечило успех? Песня. Слепой певец исполняет «народную песнь», толпа крестьян окружила певца. «Не искусный хотя напев» нищего покорял слушателей, и покорял правдой, искренностью и «нежностью изречения». Это искусство народа так отличалось от холодного, лицемерного, «пресмыкающего искусства» дворян, оно «проникало в сердце слушателей», в сердца, открытые чувству скорби, сострадания, мести. Оно окрыляло и просветляло души людей, томившихся в рабстве. Все собравшиеся, не стыдясь, переживают с волнением песнь старика. Среди крестьян стоял и путешественник-дворянин. И он оказался покоренным этим искусством. «Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет и оного чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собра-

---

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 348.

нием... О, мой друг, мой друг! Почто и ты не зрел сея картины? Ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее».[1] Так поэзия народа открыла дорогу к нему для лучших из дворян, порывавших со своим классом. Так Радищевым была введена в литературу великая и неумирающая тема — песня, открывающая пути постижения национального духа народа, его характера, его идеала, его великой судьбы. Уже в «Путешествии из Петербурга в Москву» эта тема нашла свое воплощение в картинах и образах неповторимо русских, родных и волнующих сердце всякого любящего свою родину. Эту песню Радищев подслушал на бесконечных русских дорогах, на необозримых равнинах, подслушал от ямщиков, певших ее под звон колокольчиков, что неумолчно звенели под дугой мчавшихся троек. Так определилась в русской литературе тема народности в поэтическом образе песни, дороги, птицы-тройки.

Именно с этих пор была заложена традиция через песню вводить в литературу народ, в устном творчестве «находить ключ к таинствам народа», через его поэзию раскрывать истинно демократическую идеологию и утверждать жизнь и труд народа, его историческую деятельность и духовное богатство, его нравственную красоту и отважный патриотизм в качестве положительного идеала.

Пушкин закрепил и бесконечно углубил радищевское политическое понимание народного творчества. Оттого именно он обращался прежде всего к поэзии борьбы угнетенных. Особо характерен в этом отношении его интерес к манифестам Пугачева и к песням о Разине. Ознакомившись с «возмутительными воззваниями Пугачева», Пушкин записал, что они «есть удивительный образчик народного красноречия». Далее Пушкин отметил их популярность, их доходчивость, их подлинную народность, их враждебность основам дворянской культуры: «Несмотря на грамматические ошибки, они тем более подействовали на умы, что обличения начал всёго были писаны вяло, длинными фразами с глаголами на конце». Другой вождь крестьянского восстания—Степан Разин—был открыт Пушкиным в песне. Он привлек его пристальное внимание, став для него самым поэтическим лицом в русской истории. На основе изучения народных песен он сам пишет гениальные стихи «Песни о Стеньке Разине». В этих стихах поэт, исходя из творческого опыта народа, из основ народной идеологии, как она выразилась в поэзии его борьбы, создаст облик бунтаря и мстителя, обаятельный образ человека, передаст мощную и притягательную силу вооруженной борьбы угнетенных.

---

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 222.

Н. К. ПИКСАНОВ

РАДИЩЕВ И ГРИБОЕДОВ

1

Великий мыслитель и гражданин А. Н. Радищев впервые — и с необычайной смелостью, остротой и глубиной — поставил перед русским обществом и литературой ряд проблем, самых существенных для понимания прошлого, современности и будущего в судьбах русского народа. Лучшие современники Радищева, а в последующие времена Пушкин, декабристы, Белинский, Герцен — все прошли через школу Радищева, прямо или опосредствованно, все они должны быть соотнесены нами, историками, с Радищевым.

В соотношении с Радищевым должно быть осмыслено и историческое значение Грибоедова — его мировоззрение и его творчество.

Эта задача не была выполнена в юбилейной радищевской литературе 1949 г. Даже в специальной книжке Вл. Орлова «Радищев и русская литература» Грибоедову посвящена только неполная страничка, где затронуты всего три эпизода.[1]

Между тем, сближаемых моментов несравненно больше, да и задача должна быть поставлена не только как сопоставление сходных мест, «параллелей», в произведениях двух писателей, — а глубже, шире.

Мне самому издавна приходилось сопоставлять Грибоедова с Радищевым. Еще в 1922 г. я возражал Алексею Н. Веселовскому, который ставил крылатую тираду Молчалина об угождении «всем людям без изъятья» в зависимость от короткой бледной фразы о собачке Генриэты в пьесе Мольера «Ученые женщины». Я указывал, что имеется более близкая аналогия в развернутой сатирической тираде у Радищева. Именно: в «Житии Федора Вас. Ушакова», написанном Радищевым в 1789 г., мы читаем: «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна

---

[1] Вл. Орлов. Радищев и русская литература. Гослитиздат, М., 1949, стр. 95—96.

приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается, и для того употребляют ласки, лесть, ласкательства, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но и ко всем его приближенным, как то к Секретарю его, к Секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят». Эта тирада несомненно ближе, — писал я, — чем фраза Генриэты, подходит к словам Молчалина:

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья;
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла
Собаке дворника, чтоб ласкова была.[1]

Действительно, эта короткая шутливая фраза о комнатной собачке, которой старается понравиться любовник Генриэты, гораздо скуднее развернутой сатирической тирады у Радищева, где создается целая бытовая картина угодничества просителей в казенных учреждениях. Компаративистов— формалистов (Веселовский, Легрель, Оман) подкупал буквализм: ласкаемая собачка, а идейным смыслом они пренебрегали.

В 1934 г., в борьбе с механическим компаративизмом, мне приходилось полемизировать против подчинения той же тирады Молчалина древнему римскому комедиографу Плавту, у которого, в комедии «Ослы», Клеарета говорит о своем любовнике, что тот в угоду возлюбленной подольщается к ее собачке.[2]

Позднее я обращал внимание литературоведов на близость к обличениям Чацкого характеристики столичного раболепства в «Путешествии» Радищева, в главе «Крестьцы»; в главе «Чудово» я усматривал аналогию последнего монолога Чацкого гневному монологу одного гражданина против бездушного чиновника и равнодушного светского общества.[3]

Но в целом тема «Радищев и Грибоедов» не была мною развернута.

---

[1] Н. К. Пиксанов. Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции. ГИЗ, М., 1922, стр. 31, 47. — Это сближение поддержал В. П. Семенников в своей книге «Радищев» (М. — П., 1923, стр. 442—443).

[2] Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934, стр. 233.

[3] Н. Пиксанов. Великий драматург-реалист. «Известия», 1937, 11 февр., № 34.

2

Прежде всего — предварительный вопрос: читал ли Грибоедов сочинения Радищева?

Прямого ответа на этот вопрос не находим в бумагах Грибоедова, в его произведениях, его переписке, в воспоминаниях о нем. В этом отношении с Пушкиным дело обстоит куда лучше.

Но нельзя допустить, чтобы Грибоедов не читал Радищева.

Еще в давней книге В. И. Семевского о декабристах (1909) установлено, что сочинения Радищева были издавна широко известны русской радикальной молодежи, в частности — в среде студентов Московского университета времен Грибоедова. Будущий декабрист Н. И. Тургенев прочел «Путешествие» в возрасте 17 лет, что видно из его дневника 1807 г. «Собрание оставшихся сочинений покойного Радищева» вышло в Москве в 1811 г.; Грибоедов был уже тогда кандидатом прав и собирался приступить к испытаниям на степень доктора юридических наук; издание сочинений Радищева (в шести частях) печаталось при содействии профессора А. Ф. Мерзлякова, которого слушал Грибоедов в Московском университете. Немыслимо, чтобы Грибоедов не читал этого издания. Многие мысли из «Путешествия» откликнулись в этом издании. Оно было известно Пушкину еще в Лицее.

Что касается самого «Путешествия», то общеизвестно, что оно скоро и довольно широко стало распространяться в передовых кругах русского общества в рукописных копиях. Уже при возвращении в Россию из ссылки сам автор имел радость видеть в г. Кунгуре один из таких списков. В 1794 г., в Кременчуге, у арестованного майора В. В. Пассека были обнаружены два списка «Путешествия» и отдельные выписки оттуда.[1] В 1805 г., в журнале «Северный вестник», издаваемом И. И. Мартыновым, единомышленником Сперанского, была перепечатана из «Путешествия» Радищева глава «Клин» (анонимно): Грибоедов в это время уже учился в университетском пансионе. Списки «Путешествия» ходили по рукам в Петербурге, в общественно-литературных кругах в те годы, когда в столице жил Грибоедов перед отъездом на Кавказ в 1818 г. В своем письменном показании Следственной Комиссии по делу декабристов 17 февраля 1826 г. друг Грибоедова В. К. Кюхельбекер пишет, что читал «Вадима» Княжнина и «Путешествие» Радищева, и делает любопытную приписку: «их переписывают с жадностью и дорожат каждым

[1] Л. Б. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1949, т. VI, № 5, стр. 476.

дерзким словцом, которое находят в них».[1] Еще в 1833—1835 годах Пушкин мог писать (для печати) о «Путешествии» так: «ныне — типографическая редкость», «случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика».

Из всех таких и многочисленных подобных фактов мы вправе сделать вывод, что Грибоедов знал «Путешествие» и другие произведения Радищева наверно еще в Москве, в студенческие годы, а потом, вероятно, перечитывал их в Петербурге, во времена раннего декабризма.

Будущий автор обличительного «Горя от ума», антикрепостнической «Грузинской ночи», драмы о крепостном-ополченце Двенадцатого года, трагедии «Радамист и Зенобия», где изображается народное восстание, единомышленник декабристов, — Грибоедов, очевидно, был одним из самых вдумчивых, глубоких читателей Радищева.

Следует внимательно пересмотреть и продумать все сближения двух великих писателей в идеях, образах, настроениях, — чтобы раскрыть все традиции, идущие от Радищева к Грибоедову.

3

Только заранее необходимо установить, что не следует сводить поиски к буквальным совпадениям, к так называемым «заимствованиям» и т. п.

Грибоедов сам был гениальным художником-мыслителем. Его творческая самобытность самоочевидна. То, что он получал от других, — по-своему претворялось в его сознании, сращивалось с его собственными новаторскими воззрениями.

С другой стороны, сама русская жизнь стимулировала и определяла собою творчество Грибоедова. Мне неоднократно приходилось писать, что идеология «Горя от ума», его патетика является точным отображением того, что имелось в самой русской жизни перед 14 декабря. Влияние литературной традиции ограничивалось властным влиянием жизни.[2]

Мыслим такой случай, когда Грибоедов не знал или забыл тот или иной текст Радищева и все же совпал с ним в том или ином образе, или идее, или переживании. Но и в этом случае сопоставление двух писателей законно, ибо здесь раскрывается объективная, историческая закономерность их творчества, определяемая велениями живой жизни.

Сближений между Радищевым и Грибоедовым много. Но не все они одинакового достоинства.

---

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. II, М., 1926, стр. 167.
[2] См. Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Л., 1934, стр. 272.

Приведенное выше сопоставление тирад из «Жития Ушакова» и из «Горя от ума» — об универсальном угождении — при всей образной выразительности, сатирической остроте, текстовой близости не обладает большой идейной ценностью.

В том же «Житии Ушакова» есть сатирическое изображение того, как получаются, при посредстве вельмож, расторопными и угодливыми служаками чины и награждения. У Радищева читаем: в делах житейских «все зависит от расчета и уловки». «Благоразумие а иногда один расторопный поступок далее возводят стяжающего почестей, нежели все добродетели и дарования совокупно». Государь «награждает того, кого назначают вельможи». Чиновники, получающие место или чин, или награждение, обязанными почитают себя благодарить за то вельможей. Это напоминает монолог Фамусова об екатерининском вельможе Максиме Петровиче:

В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович!

Однако и этот эпизод не имеет сам по себе существенного значения.

Гораздо значительнее и глубже сближение Радищева и Грибоедова в том, что они говорят о придворном раболепии.

Мы помним, как, в споре с Чацким, Фамусов расхваливал своего дядю, того же Максима Петровича:

А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался в перегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой:
Был Высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? По-нашему смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!

Чацкий пылко возражает:

Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом.
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,

Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Все под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Его не возмутим мы праха;
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичёк,
Иной, глядя на тот скачёк,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде...

У Радищева эта сатира глубже, он переносит ее удары с вельмож на самого царя: царь, пишет Радищев в «Путешествии» (глава «Выдропуск»), — «живет с ласкателями, беседует с ласкателями, спит в лести, хождает в лести. И лесть и ласкательство соделают его глуха, слепа и неосязательна».

В другой главе («Спасская полесть») Радищев создает поразительную по своей дерзновенности сатиру на раболепное придворное вельможество и вместе — на «Царя, Шаха, Хана, Короля, Бея, Набаба, Султана или какое-то сих названий нечто, седящее во власти на Престоле». Из обширной сатиры я возьму только отрывок. С едким сарказмом Радищев пишет, как государственные чины и придворные дамы раболепно окружали престол, ловили взоры монарха и с одинаковым подобострастием отзывались и на его позевоту, и на его чиханье, и на его улыбку. При улыбке царя «все начали восклицать: да здравствует наш великий Государь, да здравствует на веки... Иной вполголоса говорил: он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. Другой восклицал: он обогатил Государство, расширил внутреннюю и внешную торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие... Иной с важным видом возглашал: он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание. Юношество, с восторгом руки на Небо простирая, рекло: он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех Царей велик, он вольность дарует всем».

И все эти лживые, льстивые речи обращались к тому властителю, которому потом Странница-Истина сказала: «ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший

разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общей тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого». И когда Истина сняла с обоих глаз царя бельмы, он увидел: «одежды мои, столь блестящия, казались мне замараны кровию и смочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого».

Мы помним, как сурово осудил Грибоедов хищное, насильническое вельможество устами Чацкого:

Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.

Эта гневная инвектива, как и цитированный выше монолог Чацкого, родственны суровой речи Радищева в «Путешествии» (глава «Завидово»): «Блаженны в единовластных правлениях вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им повинуется. Даже несмысленные скоты угождают их желаниям». Между тем, вельможа — «в душе своей он скареднейшее есть существо»; «обман, вероломство, предательство, блуд, отравление, татьство, грабеж, убивство не больше ему стоят, как выпить стакан воды»; «он друг всякого придворного истопника, и раб едва-едва при дворе нечто значущего. Но властелин и презирающ неведающих его низкости и ползущества».

4

Душевной низости, «скаредности», подобострастию, раболепству знати Радищев противопоставляет чувство чести и достоинства у истинного гражданина. В «Путешествии» (глава «Крестьцы») Радищев обращается к молодым, еще не развращенным, не испорченным дворянам с горячим призывом: «Старайтеся паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение... Следуя сему правилу, удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболепствования... Да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания».

В «Беседе о том, что есть сын отечества» Радищев создает целое учение о чести, — «чести истинной», ибо ложная честь «никогда не успокоит сердца человеческого». Честь в учении Радищева — не сословная, дворянская, в существе

антиобщественная, но честь социальная, честь как совесть, как самоуважение, как гражданский долг, как общественное достоинство. Человек без чести как без души, учит Радищев. Как гуманист, Радищев убежден, что «нет ни одного из смертных толико отверженного от Природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению Чести». Радищев знает, что наибольшая часть людей «погружена во мрачность варварства, зверства и рабства». Но причиной тому — «насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству». Радищев помнит, конечно, что драматург и лирик Сумароков, создавший в своих пьесах целый культ дворянской чести, отличал, однако, господскую честь от холопской и утверждал, что «низкий народ никаких благородных чувств не имеет». Радищев же в «Путешествии» воздает хвалу именно народной, крестьянской чести и гневно пишет о бесчестных нравах в дворянской среде, особенно — среди знати.

Весь строй гражданских чувств у Чацкого имеет родственные черты с учением Радищева о человеческом достоинстве и гражданской чести. Эти чувства заставляют Чацкого обличать придворную знать за «охоту поподличать» перед царской властью; они же заставляют его бросить блестяще начатую государственную службу и порвать «связь с министрами», так как Чацкому «прислуживаться тошно»; за отсутствие личного достоинства Чацкий презирает Молчалина.

Следует добавить, что те же чувства чести и достоинства глубоко переживались декабристами. Когда на допросе Николай I упрекал братьев Раевских, что они нарушили присягу, зная о тайных обществах и не донося о них, Александр Раевский ответил: «Государь! Честь дороже присяги; нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще».[1] В письме к польскому поэту Ю.-У. Немцевичу в январе 1823 г. К. Ф. Рылеев говорит, что Немцевич своими «Думами историческими» возбуждал в сердцах «ревность к чести народной».

Следует признать, что гражданская настроенность Чацкого-Грибоедова, их социально-политический лиризм, патетика близко родственны настроенности Радищева, писателя необычайно эмоционального, лирического.

В главе «Чудово» Радищев характеризует одного своего единомышленника, который был до глубины души возмущен бездушным отношением чиновника к положению группы

---

[1] Н. И. Лорер. Записки декабриста. «Русский архив», 1874, I, стр. 389.

людей, попавших в бедственное положение, грозившее смертью, а также — равнодушием светского общества к таким фактам. И вот какой монолог вкладывает Радищев в уста своего героя: «Теперь я прощусь с городом на веки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие грысть друг друга; отрада их томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе. Нет, мой друг, говорил мой повествователь, вскочив со стула, — заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно. Прости; — сел в кибитку и поскакал».

Это живо напоминает нам последний монолог Чацкого:

С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых.
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором,
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!

На фамусовском балу у Чацкого происходят одно за другим столкновения с косным дворянским обществом. После встречи с французиком из Бордо Чацкий «воссылал желанья»,

Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою возжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой...
...Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Чацкого не хотят слушать; «все оставили его». И в соседней комнате, в зале, происходит то же самое; прислушавшись к его словам:

И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь...

— слушатели демонстративно расходятся.

Такому же общественному бойкоту подвергается один из героев «Путешествия» Радищева. Речь идет о честном, неподкупном судье, однодворце по происхождению, демократе по взглядам, «превосходные качества» коего доставили ему место председателя уголовной палаты. Ему пришлось разбирать уголовное дело: убийство крепостными крестьянами целой семьи их господ, дворян-крепостников. Сам отец семейства крестьян «сек розгами, плетьми, батожьем или кошками», «надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатки». «Плетьми или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери» — и «многих изувечили». И вот, доведенные до крайности, крестьяне перебили крепостников. Изучив дело, председатель уголовной палаты стал на защиту крестьян. Это вооружило против него всё местное дворянство. Его называли «поощрителем убийства», «сообщником убийц». Чтобы замять дело, наместник области устроил званый обед, куда пригласил и председателя палаты, и его товарищей по суду, и представителей дворянства — в надежде на примирение. Но непреклонный правдолюбец и на обеде произнес горячую речь в защиту крепостных и против крепостников. Сам он потом рассказывал автору: «— Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала ярость безсилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу... Все отвращали от меня свои очи. Казалося, что близь стоящих меня объял ужас. Неприметно удалилися они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикаго смешения гордыни с нижайшею подлостию, я удалился из сего собрания льстецов».

«Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния», — так заканчивает герой Радищева свой рассказ («Путешествие», глава «Зайцево»).

Вспомним у Чацкого:

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.

5

У Грибоедова имеются план и наброски сцены из гениально задуманной драмы «1812 год». В общую историческую картину борьбы русского народа за национальную свободу Грибоедов хотел включить личную драму ополченца-крепостного,

который участвует в героической защите родины, совершает подвиги, но по окончании Отечественной войны «отпускается во-свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию». Наброски пьесы кончаются жуткими словами: «Прежние мерзости. М* возвращается под палку господина... Отчаяние... самоубийство».

Эта трагическая судьба крепостного, из обыденной жизни поднявшегося к гражданскому, патриотическому подвигу, к служению родине, напоминает эпизод с крепостным-интеллигентом, рассказанный Радищевым в главе «Городня». Молодой крепостной, по капризу барина, был отправлен с его сыном за границу — с сентиментальным наставлением: «Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен». Однако после пятилетнего пребывания за границей, неосвобожденный крепостной «попадает под палку» молодой барыни-крепостницы. Вскоре, за смелые ответы, «отведен он был на конюшню и сечен нещадно кошками». Интеллигент-крепостной не кончает самоубийством, но рад уже и тому, что жестокая барыня сдает его в солдаты.

В главе «Медное» Радищев рисует потрясающую картину продажи крепостных с публичного торга. Это — тот же американский невольничий рынок.

«Покупщики съезжаются. В зале, где оная производится, стоят неподвижны, на продажу осужденные. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцем господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унес на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал переезжая на пароме, и с опасностию своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги, в бытность свою в гвардии унтер-офицером. — Старуха 80 лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою, и имела надзирание за домом, до самаго того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своея, ничего у господ своих не утратила, ничем не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием. — Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодаго своего барина. И до днесь чувствует она еще к нему некоторую нежность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери».

Приведенная цитата живо напоминает дошедшие до нас отрывки из трагедии Грибоедова «Грузинская ночь». Грузин-

ский князь выкупает своего любимого коня у другого князя ценою отдачи тому в рабство сына своей кормилицы. Кормилица умоляет князя переменить решение, падает пред ним на колени. Но князь неумолим:

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха.
Не раздражай меня, не вызывай на гнев
И не терзай мне жалобами слуха...

Тогда кормилица в отчаянии произносит проклятие:

Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!..
...Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего...

Изображения и обличения крепостного права в «Горе от ума» общеизвестны. Здесь напомню только то, что сближает речи Чацкого с «Грузинской ночью» и с изображением аукциона крепостных у Радищева. В монологе «А судьи кто» Чацкий сурово разоблачает двух помещиков-рабовладельцев:

Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они, в часы вина и драки,
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в зефирах и амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе.
Но должников не согласил к отсрочке: —
Амуры и зефиры все
Распроданы по одиночке!!!

6

От ужасов крепостного права смелая, истинно революционная мысль Радищева делал вывод к народному восстанию.

В своих государственно-правовых воззрениях Радищев исходил из идеи народовластия, из признания суверенных прав народа. Народ является источником власти и правосудия. Народу принадлежит верховное право судить царя, нарушившего закон и долг. За народом сохраняется право политического и социального возмездия. В знаменитой оде «Вольность», пора-

зительной по своему революционному пафосу, Радищев, еще задолго до «Путешествия», приветствовал казнь царя-тирана:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

«Мщенное право» народного суда и возмездия:

Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти мною данной!
«Вещай, злодей, мною венчанной,
«Против меня восстать как смел?
«...Единой смерти за то мало,
Умри, умри же ты сто крат!»

Но угнетенный, порабощенный народ может применить свое «мщенное право» не только против политической тирании, но и против социального угнетения. В «Путешествии» Радищев горячо защищает крепостных, убивших помещика и его трех сыновей, доведших крестьян до отчаяния своею жестокостью. В другом месте (глава «Вышний Волочок»), изобразив помещика-кровопийцу, Радищев обращается к согражданам своим с революционным призывом: «Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы, и развейте пепл по нивам, на них же совершалося его мучительство, ознаменуйте его, яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером».

Радищев не боялся народного восстания. В главе «Городня» читаем: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их изторгнулися великие мужи, для заступления (замещения. — *Н. П.*) избитаго племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны. — Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

В оде «Вольность» Радищев высказывает еще одно гениальное предвидение. Революционер-мыслитель допускает, что после низвержения царизма огромная империя может временно распасться на части; но Радищев убежден, что потом «из недр развалины огромной» возникнет союз братских народностей. Они —

> Незыблемы свои кормила
> Украсят дружества венцом,
> На пользу всех ладью направят
> И волка хищного раздавят.

Проблема народного восстания была труднейшей, мучительной проблемой декабристского времени. Она стояла и перед сознанием Грибоедова. И надо догадываться, что он не однажды возвращался своею тревожной, ищущей мыслью к тому, что писал о народном восстании Радищев.

В одном своем незаконченном произведении, в трагедии «Радамист и Зенобия», Грибоедов хотел изобразить свержение государя-деспота. Дело начинается заговором вельмож о дворцовом перевороте. И Грибоедов делает знаменательное примечание: «народ не имеет участия в их деле, — он будто не существует». Но дальше драматург пишет: «В 3-м уже действии возмущение делается народным» и, добавлю, победоносным.

Однако необходимо пояснить, что речь идет о политическом перевороте, о восстании народа против властителя-деспота. В трагедии еще не ставится проблема борьбы народа за свое социальное освобождение.

Всем ходом русской жизни после крушения декабризма мысль Грибоедова придвигалась к этой проблеме.[1] Но судьба насильственной рукой оборвала его жизнь и творческий путь, и мы не знаем, к каким выводам пришла бы мысль Грибоедова.

Пушкин был счастливее: он еще успел написать «Дубровского», «Историю Пугачева», «Капитанскую дочку», «Сцены из рыцарских времен».

Охарактеризованная выше общность в мировоззрении Радищева и Грибоедова обусловлена историческим развитием России. Сама жизнь, с ее непреодоленными социальными антагонизмами, продолжала требовать прямых ответов на те же проклятые вопросы; она сближала двух писателей-патриотов, борцов против крепостничества и царизма. Оттого так много общего в их творчестве.

---

[1] Об этом см. Н. К. Пиксанов. К проблеме реализма в «Горе от ума». Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, вып. 1, Л., 1949.

Тем не менее, отождествлять их противоречило бы исторической действительности. Грибоедов следовал за Радищевым, но он не стал с ним на один уровень ни в понимании проблем крестьянской революции, ни в просветительском пафосе философа-материалиста, каким был Радищев — величайший из русских революционных мыслей XVIII века.

7

Необходимо изжить грубую ошибку, которая определяет метод Радищева как сентиментализм. Радищев не сентименталист, а реалист, более глубокий, чем другие русские реалисты XVIII века.

В связи с реализмом своего мышления — философского, исторического, политического, социального — Радищев применяет реалистический метод и в своем художественном творчестве. Образам своих героев он придает житейскую простоту, естественность, социально-бытовую характерность. Это ярко проявляется в речах действующих лиц. Крестьянин, семинарист, купец, дворянин говорят у Радищева каждый по-своему. Реалистически зарисовывает Радищев бытовую жизнь — мужицкую, помещичью, купеческую. Реализм писателя-социолога, экономиста сказывается на создании широких картин народного и государственного хозяйства (например, Вышневолоцкого канала). В контрасте с дворянским сентиментализмом Радищев изображал не идиллических пейзан, а подлинный народ, и не только в его «мирном труде», но и в его революционных движениях. Глубок, новаторски смел социальный реализм у Радищева в изображении знати и дворянства, крепостнических насилий, роста народного гнева и классовой борьбы.

Определять Радищева как сентименталиста значит тянуть его назад. Как далеки произведения Радищева от дворянской сентиментальной литературы легко убедиться, сопоставив карамзинскую «Бедную Лизу» с изображением крестьянской девушки Анюты в главе «Едрово» в радищевском «Путешествии».

Основная черта и достоинство Радищева — его социальный реализм. Это роднит его с реализмом Грибоедова.

В истории борьбы за народное благо Радищев и Грибоедов находились на разных этапах, действовали в разных социально-исторических условиях и сами, как писатели, были своеобразны и во многом несравнимы. В социально-политических воззрениях Грибоедов включался в орбиту декабристов, т. е. дворянских революционеров. Радищев же, как это теперь становится все яснее, предвосхищал во многом воззрения позднейших революционных демократов. Все это не могло не сказываться и на литературном творчестве обоих писателей.

Ю. М. ЛОТМАН

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЫ 80-х годов XVIII века

А. Н. РАДИЩЕВ И А. М. КУТУЗОВ

1

Жестокий социальный кризис, охвативший в последней трети XVIII в. крепостническую Россию, до предела обострил идейную борьбу в русской литературе и философии этого периода. Осуществилось условие, на которое указывал Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии», говоря, что «он (раскол нации на два больших лагеря. — *Ю. Л.*) мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплоатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи».[1]

Под влиянием непрекращающихся крестьянских восстаний происходит формирование русской демократической идеологии XVIII в., высшим достижением которой явилась многосторонняя деятельность Радищева. Это формирование совпадает с периодом глубокого кризиса идеологии дворянского либерализма. Если в начале 70-х годов XVIII в. сотрудничество между деятелями этих лагерей было еще возможно, то эволюция взглядов обеих групп в послепугачевский период не только исключала совместные действия, но и необходимо вынуждала вождя демократического лагеря А. Н. Радищева вступить в решительную борьбу с идеологами дворянского либерализма.

Существенное место в идейной борьбе, которую вел Радищев в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в., занимает история взаимоотношений его с Алексеем Михайловичем Кутузовым, воззрения которого, складывавшиеся в те же годы, явились наиболее полным и крайним выражением кризиса, переживаемого идейной системой дворянского либерализма в эпоху острых социальных конфликтов 70—90-х годов XVIII в.

Философия Кутузова явилась теоретической основой литературно-общественной деятельности кружка московских масо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 126.

нов 80-х годов XVIII в. с их проповедью филантропии и просвещения народа, сочетавшейся с боязнью социальных перемен и резко отрицательным отношением к революции.

Многочисленные издания московских масонов активно распространяли кутузовские идеи в среде русских читателей конца XVIII в. Насущные потребности освободительной борьбы вынуждали вождей демократического лагеря дать бой масонской системе взглядов и, прежде всего, «философии» А. М. Кутузова.

Резкое размежевание идейных лагерей в условиях напряженной классовой борьбы конца XVIII в. привело к тому, что оба писателя, несмотря на лично дружественные отношения, вели упорную философскую и литературную борьбу.

Идейная позиция Кутузова не получила еще достаточного освещения в литературе. Не ставя перед собой задачи всестороннего рассмотрения деятельности Кутузова, мы постараемся коснуться лишь тех сторон вопроса, которые важны для понимания идейных взаимоотношений его с Радищевым. При этом мы будем говорить только о произведениях Радищева, появившихся до «Путешествия из Петербурга в Москву», так как изучение влияния, которое оказала на «Путешествие» философская полемика конца 80-х годов, связано с анализом всего произведения в целом и должно явиться предметом специального исследования.

Почти совершенно забытый последующими поколениями Алексей Михайлович Кутузов был заметной фигурой в общественной жизни своего времени. Личная дружба, связывавшая его с А. Н. Радищевым, Н. И. Новиковым, Н. М. Карамзиным, семьями И. П. Тургенева и М. И. Голенищева-Кутузова, в полку которого он служил несколько лет, вовлекла его в центр литературно-общественных интересов того времени, а активная журнальная деятельность обусловила признание за ним авторитета одного из идеологов московских масонов, к кружку которых А. М. Кутузов примкнул в 80-х годах.

Рассмотрение, хотя бы беглое, теоретических взглядов Кутузова позволяет оценить смысл борьбы, которую упорно, на протяжении ряда лет вел с ним в своих произведениях Радищев.

В основе философии Кутузова лежат агностические представления, многократно высказываемые им, как в журнальных статьях, так и в частных письмах. Чувства наши «сами дают те богатства, которыми они наслаждаются», они «плодам даруют их приятность, а лесам доброгласие их, злату и пылающему источнику оного сообщают ослепляющие лучи их». Окружающая человека объективная действительность является, по мнению Кутузова, лишь поводом для проявления

душевных потенций человеческой личности. «Предметы суть единые случаи, нам принадлежит деяние... Как Мильтонова Ева, когда взирала на себя в море, так и человек творит несравненный образ, которому человек удивляется».[1]

В 1788 г. в философском письме к И. П. Тургеневу Кутузов писал: «Натура же (т. е. природа. — *Ю. Л.*) повинна следовать действиям своего владыки (имеется в виду человек.— *Ю. Л.*): бывать во всякое время сообразно ему. Здесь для избежания всякого недоумения должен я изъясниться. Говоря сим образом, ни мало не думаю, чтобы человек мог пременить существо натуры... Еще того менее думаю я, будто человек может управлять светилами или звездами небесными; они всегда действуют и будут действовать согласно тем свойствам, которыми одарило их существо все сотворшее... Итак, под ее пременами разумею единственно те, которые относятся к человеку, т. е. каков человек, таковые и действия имеет на него натура, и таковым образом на него действуют сия действия». И дальше: «скажут мне: мы видим такое множество наших сочеловеков, да и себя самих ощущаем видимых и правильных внешностью, отчего же сие происходит? От самого человека. Он покоряет натуру, а не натура покоряет его».[2] Таким образом, Кутузов утверждает, что человеческое сознание бессильно познать природу и воздействовать на нее. Однако субъективный образ «натуры» подвластен человеку, так как отражает не действительную картину мира, а состояние наблюдателя.

Исходя из обычной для агностической философии предпосылки, что «познание разгораживает (разделяет) природу и человека»,[3] Кутузов закономерно приходил к принципиальному отрицанию влияния окружающей среды на человека, к тому, «что внешние предметы ни мало не виноваты в наших поступках, но истинные причины оных лежат в самом человеке».[4] В статье «Почему не хорошо предузнавать судьбу свою» он писал: «Сила, которою наперед на меня уже они (внешние

---

[1] Перевод Кутузова «Нощи VI Юнга» («Утренний свет», 1779, ч. VII, стр. 21—22). — Многократно перерабатываемый Кутузовым перевод «Ночей» Юнга связан был философскими воззрениями переводчика; на совпадение высказываемых в нем взглядов со своей «системой» указывал сам Кутузов.

[2] Письма А. М. Кутузова к И. П. Тургеневу, впервые обнаруженные В. В. Фурсенко, хранятся в рукописном собрании Института русской литературы АН СССР. Цитированное письмо от 4/15 ноября 1788 г. см. «Архив семьи Тургеневых» № 98, л. 22 и 22 об.

[3] В. И. Ленин. Философские тетради. Изд. ЦК ВКП(б), 1934, стр. 93.

[4] Архив Института русской литературы АН СССР, «Архив семьи Тургеневых», № 98, л. 24.

обстоятельства. — *Ю. Л.*) действуют... находится не столько в них самих, как в свойствах характера моего».[1]

Это убеждение служило основанием сложному идеалистическому построению. Виновником зла, царящего в мире, объявлялось не общественное устройство, а «злая», «эгоистическая» природа человека. Бороться за переустройство общества в этих условиях бессмысленно. «Если тварь, долженствующая быть кроткою, благою, гармоническою, невинною и нелицемерною претворяется в гордую, жестокую, злую и лукавую, в таком случае, хотя бы творец наш поместил нас в раю, блаженства исполненном, то и тогда несчастными мы пребыли: свирепствовал бы ад в сердцах наших, наипрекраснейшие предметы, нас окружающие, напоил бы ядом».[2] «Всякое внешнее зло не есть причина несчастия нашего, но следствие зла, внутри его самого (человека. — *Ю. Л.*) обитающего», — писал Кутузов в другой статье.[3]

Отрицая необходимость социальных перемен, А. М. Кутузов выдвигал на первый план борьбу с человеческим «эгоизмом», самоограничение, отказ от «самости». Если каждый человек — эгоист «с очами внутрь себя обращенными» и «уподобляется баснословному юноше, самому в себя влюбленному, величайшее веселие его состоит в том, чтобы рассматривать самого себя»,[4] то человеческое общество представляет собой скопление анархически борющихся единиц. Реальную классовую борьбу общественных сил России XVIII в. Кутузов объявлял проявлением исконного эгоизма человеческой натуры. В данной связи особенно значительна его статья, декларативно озаглавленная «О приятности грусти». Смысл ее в утверждении неопределяемой внешними условиями, «злой» и иррациональной природы человеческой личности. Эта мысль доказывается примером «двух человек, из которых один пьет воду, а другой вино». Удовольствие, которое они при этом получают, определяется не напитком, а характером каждого из них, так как человек, питающий отвращение к вину, «не столько ли... в своем роде будет доволен водою своею, как тот вином своим».

По мнению Кутузова, не окружающие условия виноваты в искажении человека, а сам он зол по своей природе. Этим объясняет Кутузов свой тезис о том, что страдание, доставляемое себе и другим, может приносить удовольствие. «Кто сие

---

[1] «Московское ежемесячное издание», 1781, ч. III, сентябрь, стр. 59.

[2] «Утренний Свет», 1778, ч. III, стр. 305.

[3] А. М. Кутузов. Рассуждения о нарушении порядка. «Магазин свободно-каменщический», 1784, т. I, ч. 2, стр. 29.

[4] Нощь осьмая. Перевод А. М. Кутузова. «Утренний свет», 1780, ч. VIII, стр. 147 и 149.

отрицает, тот пускай изъяснит нам для чего многие люди так охотно разгорячаются, так охотно бранятся, да еще с жестоким волнением крови и духов жизненных».[1] Поэтому средством уничтожения общественного зла Кутузов считал не социальное переустройство, а моральное самоочищение. Существенную роль в духовном возрождении человека, по его мнению, должно было сыграть образование и просвещение.

Однако необходимо провести резкую грань между революционным просветительством Радищева и этой стороной взглядов Кутузова. Если первый видел в просвещении средство возбуждения революционной активности, воспитания сознательных борцов с общественной неправдой, а в самом процессе познания — путь к утверждению могущества человека над окружающим его миром, то для Кутузова и его единомышленников важен был не объективный результат познания а его моральное действие, что и понятно при учете его общих агностических установок. Упражняясь в науках, человек обогащает свой душевный мир, раскрывая перед самим собой заложенные в нем потенции, научается управлять своими страстями. «Ты посвящаешь себя наукам, — читаем в статье Кутузова «Наставление отца сыну, которого отправляет он в Академию», — долженствующими исправить разум твой и сердце».[2] В непосредственно за ней помещенной статье под характерным заглавием: «О действии наук над сердцем и нравами человеческими» — учение о моральном значении просвещения развивается в духе кутузовской теории о внешних обстоятельствах, как средстве проявления врожденных качеств человека.

«Не утверждаю я сим, что изучение свободных наук вкореняет в нас самую добродетель, но что оно те добродетели, которыми обязаны мы природе или паче святому закону, делает для нас приятнейшими и употребительнейшими».

Радищев подчинял идею просвещения задачам подготовки народной революции, а Кутузов видел в нем средство избежать ее, бескровным путем достичь «блаженного времени платоновской республики мудрецов», когда всеобщее «самоограничение» и добродетель сделают всякое насильственное ограничение человека государственной властью излишним. Социальный смысл подобного «республиканизма в душе» делается особенно ясным при рассмотрении отношения деятелей, подобных Кутузову, к важнейшим вопросам эпохи: проблемам крепостного права и государственной власти.

---

[1] «Московское ежемесячное издание», 1781, октябрь, стр. 148—150.
[2] Там же, август. стр. 260.

Исходя из представления о дикой, необузданной природе «естественного» человека, они делали вывод о необходимости насильственного обуздания анархического «эгоизма непросвещенных людей». Крестьян надо просвещать, а не освобождать. Последнее произойдет само собой, когда просвещенный «светом истинной мудрости» народ научится сдерживать свои «эгоистические» порывы. Автор статьи «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России» писал: «оставить первобытную свободу буйной черни есть то же, что пустить буйных медведей между людьми... Правительство Российское благоразумно рассудило многочисленное сие в государстве сословие людей грубых, непросвещенных и готовых на всякое буйство, обуздать привязанием их к земле». Отмечая, что только непросвещенность крестьян, «каковые причины остаются еще и поныне», оправдывает крепостное право, автор добавляет: «Но отними сию у крестьян грубость, просвети души их... тогда все сказанные причины сами собой упразднятся».[1] Стремясь к осуществлению утопической мечты о просвещенной республике будущего, Кутузов и его единомышленники наиболее подходящей формой государственного устройства для настоящего состояния общества считали монархию, в которой они видели не проявление власти «великих отчинников», как Радищев, а силу, стоящую над обществом и способную «спасти» людей от взаимного истребления, ограничив их «необузданный» эгоизм. Если задача государства обуздывать людей, то цель морали приучить их к самоограничению и альтруизму.

Отрицание возможности внешнего воздействия на человека приводило к тому, что определяющим в человеческом характере объявлялись врожденные свойства. «Уверен также, — писал Кутузов Тургеневу, — что мы не можем произвести ничего нового, что не вложил в нас создатель».[2] На первое место выдвигались «страсти» как неизменные «темпераментальные» свойства человеческой натуры. Социальное подменялось психологическим. Даже такие свойства человека, как жадность к деньгам, роскоши, стремление к угнетению других людей, считались производными от врожденных наклонностей и страстей. Так, например, Лопухин в письме Сперанскому утверждал: «У меня бессеребреничество природное, темпера-

---

[1] Древняя Российская Вивлиофика, т. XX, изд. 2-е, 1791, стр. 267 и 270. — Предположение о возможности принадлежности этой статьи перу Новикова высказал Я. Л. Барсков (см. статью: Л. Я. Фридберг. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова в Москве. «Вопросы истории», 1948, № 8, стр. 23—42).

[2] Архив Института русской литературы АН СССР, «Архив семьи Тургеневых», № 98.

ментальное». Человек не в силах выработать у себя новых свойств характера, но может, приучая себя к «альтруизму», ограничивать врожденные ему дурные задатки. Мораль московских «мартинистов» основывалась на проповеди жертвы как высшего проявления отказа человека от собственного эгоизма, что вытекало из убежденности в фатальной противоположности эгоистических волеизъявлений отдельных людей, в непримиримости частного и общего интереса.

Несмотря на безусловную субъективную честность и личное бескорыстие А. М. Кутузова, бесспорен и классово-дворянский характер этой идеологии и объективный вред, который приносила она развитию освободительной борьбы народа в России. Как бы искренне ни говорил он о необходимости облегчить участь русского крестьянства, объективно он оправдывал крепостное право и самодержавие, теоретически приходя к тем же задачам и решениям, к которым рядовые представители дворянства приходили практически. Его стремление уничтожить царящее в мире зло диктовалось надеждой избежать народной революции. Разоблачая классовый смысл проповеди самоусовершенствования как подмену социальных взглядов этическими, Г. В. Плеханов писал: «Уничтожить копейку»! Прекратить ту жестокую и позорную борьбу за существование, которая ведется теперь в человеческом обществе! Величием этой цели вполне способен проникнуться даже и человек, стоящий на точке зрения «высших классов». Но мы уже видели: для него стремление к «копейке» равносильно стремлению приобрести новые средства к удовлетворению материальных потребностей. Поэтому для него вопрос об «уничтожении копейки» не затрагивает общественных отношений, а переносится в область морали. Уничтожить власть копейки — значит жить просто, не приучать себя к роскоши, довольствоваться малым. Уничтожить копейку — значит уничтожить в себе самом алчность и другие пороки. Справьтесь с самим собою, и все пойдет хорошо. «Царство божие внутри вас».[1]

Мировоззрение Кутузова складывалось в условиях жестокой потемкинской реакции, последовавшей после разгрома крестьянского восстания, руководимого Емельяном Пугачевым. Реакционная сущность этого мировоззрения особенно ясно стала проявляться в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в., когда обстановка в стране резко изменилась.

Эти годы в истории России отмечены новым общественно-политическим подъемом. Помещичий террор, которым сопровождалось подавление пугачевского восстания, не мог «умиротворить» русскую деревню. Крестьяне помнили Пугачева.

[1] Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 753.

«В крестьянах видим явно готовящийся бунт весьма похожий на Пугачевский, — писал в 1796 г. Поздеев И. В. Лопухину, — ибо все крестьяне имеют оставшегося от времени Пугачева духа — дабы не было дворян, да и теперь же у них слышится, что и городов не будет».[1]

Усилившаяся в конце XVIII в. эксплоатация крестьян приводила к росту крестьянских волнений. К началу 90-х годов стало ясно, что Россия стоит накануне нового подъема движения крепостных. Начались восстания против помещиков на Украине и в Польше. В 1789 г. «СПб. Ведомости» (№ 44 от 1 июня) сообщали из Варшавы, «что из числа бунтующих в Украине крестьян переловлено уже человек до пятидесяти. По обличении в вине отрублены у некоторых руки и ноги и в страх другим прибиты на дорогах к столбам». Антипомещичий характер волнения на Украине был ясен современникам. С. А. Тучков в своих записках сообщает интересный разговор Потемкина с казачьим атаманом Головатым. Последний, предполагая поддержать восставших крестьян, брался завоевать Польшу с полком солдат: «Я пойду отсюда с 500 казаков, а приду в Варшаву с 500 тысяч войска. Но зато ни одного ксендза, ни одного ляха не останется в живых. Это покажется загадкой, — разъясняет Тучков, — для тех, кто не знает хорошо Польшу. Ксендзами называют там попов римского исповедания, а ляхами или панами — помещиков и дворян... Господа же польские... самым тиранским образом обращались с народом. Головатый знал сии струны, был человек народный, а потому, разрушая оные, конечно бы успел в своем обещании, но Потемкин рассмеялся, а политика государственная тому воспрепятствовали».[2]

Вспомним характеристику Энгельса, писавшего о кампании Суворова в Польше, что это был «превосходный образчик классовой войны, когда русские солдаты и малорусские крепостные вместе шли и сжигали замки польских аристократов».[3]

Правительство Екатерины II ничего не имело против захвата Польши, но поддерживать крестьян не собиралось, тем более, что аналогичные волнения происходили и по эту сторону русской границы.

«Крестьяне, — писал один из современников, — говорю я, готовы (больше, чем об этом думают) сбросить ярмо тирании своих господ».[4]

---

[1] М. Ф. Де-Пуле. Крестьянское движение при имп. Павле. «Русский архив», 1869, стр. 536.

[2] Записки С. А. Тучкова. СПб., 1908, стр. 24.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 160.

[4] См. А. Я. Кучеров. Французская революция и русская литература XVIII в. Сб. «XVIII век», М. — Л., 1935, стр. 283.

Вполне понятно поэтому, что как в умах передовой части общества, так и в мнении правительства волнения крестьян в России и Польше и начавшийся подъем революционного движения в Европе связывались воедино. В том же самом номере «СПб. Ведомостей», в котором было помещено цитированное сообщение о расправе с украинскими повстанцами, печаталось извещение об открытии Генеральных Штатов во Франции. Отношение к начавшейся революции в Париже становится одним из фактов политической борьбы в России. Из дневника Храповицкого мы знаем, что известие о казни Людовика XVI, «с получением которого ея величество слегли в постель», вызвало у Екатерины II знаменательное сопоставление: «Замечательное стечение чисел. 10 января 1775 г. в Москве казнен Пугачев» (Людовик XVI был казнен 10/21 января 1793 г.). Борьба правительства Екатерины II с французской революцией была, прежде всего, борьбой с призраком крестьянской революции в России.

Общественный подъем возрастал. «Никогда человеческая грудь не была полна надеждами, как в великую весну девяностых годов: все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного», — писал Герцен. [1]

Наставник великого князя Александра священник Самборский в письме Салтыкову писал о всеобщем «вольноглаголании о власти самодержавной». Показания многочисленных мемуаристов (С. Глинка, Свербеев, Каразин и др.) также рисуют яркую картину общественно-политического оживления в России этих лет. Правительство, занятое разорительной войной с Турцией, не сразу смогло собрать силы для противодействия нарастающему движению. Грянувшая во второй половине 1788 г. и продолжавшаяся до августа 1790 г. война со Швецией, придвинув театр военных действий непосредственно к столице, усугубила трудности, возникшие перед правительством Екатерины II. Обстоятельства складывались, казалось, благоприятно для революционного выступления.

Общественный подъем конца 80-х годов XVIII в. застает Радищева вполне сформировавшимся мыслителем-революционером. Краеугольным камнем его общественно-политических взглядов является убеждение в необходимости и спасительности для России народной революции. Вместе с тем, мыслитель огромного масштаба, он не мог не видеть идейной и организационной слабости крестьянских восстаний XVIII в., участники которых «в невежестве своем», «прельщенные грубым самозванцем, текут ему во след». Радищев ставил перед собой задачу подготовить сознательных революционеров, вож-

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, стр. 270.

дей будущего народного восстания. Решение этой задачи сопряжено было с огромными трудностями. Революционной мысли приходилось бороться не только с откровенной правительственной реакцией и цензурным гнетом. Именно на эти годы падает расцвет либерально-филантропической деятельности Новикова, окончательно формируется кутузовская «философия».

Философия эта была тем опаснее, что ее антидемократическая сущность скрывалась под либеральными лозунгами «духовного равенства», «внутренней свободы», «практической филантропии» и просвещения, а в умах современников она связывалась с просветительской деятельностью Н. И. Новикова.[1]

Имея гораздо большие возможности к распространению своих взглядов, чем деятели революционно-демократического лагеря, идеологи московского масонства быстро расширяли сферу своего влияния. Захват масонскими руководителями самого мощного просветительского центра страны — Московского университета, а также необычайно энергичная издательская деятельность Новикова способствовали распространению их взглядов не только в среде дворянских деятелей, где они являлись органичными и поддерживались классово-эгоистическими интересами, но и в среде довольно многочисленной к концу XVIII в. русской демократической интеллигенции. Этим создавалась угроза подчинения мировоззрения демократической интеллигенции дворянской идеологии. Мысли о быстротечности человеческой жизни, о «греховной», злой природе человека, о необходимости самопросвещения и морального возрождения получают в эти годы широкое распространение. Даже такой далекий от философской позиции масонов человек, как Г. Винский, отмечал в своих записках: «Говори, пой, кто хочет, обманывай несчастных смертных, будто человек по природе ни худ, ни добр, тем и другим делается по воспитанию, но взойдя всяк в беспристрастное разыскание своих деяний и чувствований, не должен ли будет по совести признаться, что он всегда открывает в себе более наклонности ко злу, нежели к добру... Из всего в природе ужасного человек есть ужаснейшее».[2]

Вопросы субъективистской философии обсуждались в гостиных. Болотов, споря со светским щеголем, вспоминал, что «целая секта эгоистов утверждала, что на свете более одного

---

[1] Мы не рассматриваем взаимоотношения идейных позиций А. М. Кутузова и Н. И. Новикова. Вопрос этот требует самостоятельного исследования, выходящего за рамки настоящей работы.

[2] Г. С. Винский. Мое время. Записки. Под редакцией П. Е. Щеголёва. Изд. «Огни», стр. 54—55.

человека нет, а что мы других людей видим, то ничего, как только нам так кажется».[1]

Журнал группы студентов Московского университета «Покоящийся трудолюбец» в первом же номере, повторяя основные положения кутузовской «системы», декларативно писал: «Чувственный мир наполнен такими неисповедимыми и удивительными вещами, о которых бытии мы не сомневаемся по их действиям, но которых внутреннее естество понимаем мы столь же мало, сколь и образ их действий... Причина сей медлительности в исследовании столь многих таинств природы находится очевидно в расположении наших органов и в пределах способности души нашей».[2]

Агностическим представлениям, связанным с отрицанием определяющего влияния среды на характер человеческой личности, противостояла материалистическая в философском и антидворянская в социальном отношении точка зрения.

Радищев был идеологом демократического лагеря. Философские взгляды его были диаметрально противоположны системе Кутузова. Вожди русской демократии конца XVIII в., переживавшей революционный подъем, были жизненно заинтересованы в познании путей переустройства условий жизни людей. Проблема познаваемости мира носила острый социальный и политический характер.

«Человек имеет силу быть о вещах сведому, — писал Радищев, — ...бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе».[3]

Признание правильности чувственных данных обусловило веру в силы человеческого познания. Основой познания объявляется опыт. Человек для Радищева — «существо всесилию и всеведению сопричастное»[4] ...он «воздвигнул пространное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенной, куда бы смелый его рассудок ни устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосязаемом; беспредельному и вечному дал меру... О, смертный! воспрянь от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо она есть искра божества!»[5]

Из материалистических гносеологических предпосылок Радищева вытекали выводы о необходимости коренных социальных перемен.

Говоря о связи стремления к справедливому социальному переустройству мира с материалистической теорией познания,

---

[1] «Литературное наследство», № 9—10, 1933, стр. 186.
[2] «Покоящийся трудолюбец», 1784, ч. I, стр. 38.
[3] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. II, стр. 59.
[4] Там же, стр. 40.
[5] Там же, стр. 60.

К. Маркс писал: «Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нем воспитывать в себе человеческие свойства. Если правильно понятый интерес составляет принцип всякой морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами». «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными».[1]

С свойственной ему философской смелостью Радищев сделал выводы подобные этим. Из представления о познаваемости мира, о господстве обстоятельств над человеческой личностью он сделал вывод о необходимости революционного переустройства общества. Материалистическая теория познания Радищева тесно связана с его идеей народной революции. В свете этого становятся ясными и неизбежность столкновения его с теоретиками русского дворянского агностицизма, и острый социально-политический смысл напряженной философской борьбы тех лет.

2

Первым по времени выступлением Радищева в печати с развернутой критикой кутузовской системы идей и одновременно с широко разработанным изложением положительной стороны своих взглядов было появившееся в 1789 г. «Житие Федора Васильевича Ушакова». Опубликованные в качестве приложения к нему бумаги Ушакова, составляющие вторую часть книги, органически связаны со всем замыслом произведения. Более того, составляя философскую основу социально-политических построений, заключенных в первой части, они содержат изложение системы, полемически противопоставленной философии Кутузова. «Публикация» бумаг Ушакова представляла собой острое полемическое выступление, первый удар по кутузовскому идеализму в философской борьбе Радищева в 1789—1790 годов.

Для характеристики места «Жития Ушакова» в идейной борьбе тех лет особенно значительны «размышления» Ушакова «О праве наказания и смертной казни» и «О любви». Здесь изложены основы материалистических представлений о человеке, обществе и общественной морали. Философской основой этих представлений является сенсуалистический мате-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 160.

риализм. Уверенность в познаваемости мира, в правильности данных чувственного опыта являлась основой убеждения в влиянии внешних обстоятельств на человека. Убеждение это, в самой основе своей противоположное идеализму Кутузова, составляет основу этико-юридических рассуждений Ушакова. «Человек, — пишет он, — рождается ни добр, ни зол. Утверждая противное того и другого надлежит утверждать врожденные понятия, небытие коих доказано с очевидностью. Следственно, злодеяния не суть природны человеку; следственно люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся».[1]

В отрывке «О любви» читаем: «различное соитие внешних предметов, на нас действующих, долженствует неотменно производить различное чувствование».[2] И далее: «Человек есть хамелеон, принимающий на себя цвет предметов его окружающих. Живущий с мусульманами мусульманин, с куклами кукла общества, в коем мы обращаемся. Общежитие вселяет в нас род своих мыслей, и побуждает нас то называть добром, что оно добром почитает».[3]

Высказанное с такой определенностью убеждение в социальной обусловленности человеческой личности было прямо противопоставляемо масонско-кутузовской доктрине о злой и «темпераментальной» (т. е. определяемой врожденными задатками) природе человека. Понятно, что создаваемая на этой основе социологическая концепция шла вразрез с построениями в этой области московских «просветителей».

Для них общество возникало как следствие необходимости прекратить войну всех против каждого и должно было силой примирить исконный эгоизм «многоразличных воль». Человек враждебен обществу. Последнее может существовать лишь на основе насильственного обуздания или добровольного самоотречения составляющих его членов. Существование общества, необходимое для людей в целом, враждебно каждому человеку в отдельности. Насильственное обуздание личности — цель государства, аскетическое самоограничение — задача морали. Насилие над личностью лежит в самой основе природы общества.

Совершенно противоположны социологические построения Ушакова и Радищева. Характер человека определяется условиями жизни. Общество возникло не от стремления спасти всех от каждого, а для взаимной выгоды, вытекающей из общественной природы человека и порожденной стремлением

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 191.
[2] Там же, стр. 199.
[3] Там же, стр. 200.

объединить усилия для борьбы с природой и общими врагами.

«Немощны, дебелы, расслаблены во единице, едва не всесильны стали в сообщении, творят чудеса яко боги», — писал Радищев в наброске «О добродетелях и награждениях», написанном им в те же годы.[1] Основу общества составляет «соединение общей корысти с частными корыстьми».[2] Таким образом общество, возникающее для взаимных выгод каждого его члена, основывается на «правильно понятом интересе»[3] каждой отдельной личности. Стремление каждого члена общества к личному благополучию не разрушает социального здания, а наоборот составляет его прочнейший фундамент. «Любовь самого себя, или своего благосостояния, есть основание всех человеческих деяний. Сие чувство, природой в нас впечатленное, есть всеобщее. . .»[4] Народ в таком понимании представляется не механическим конгломератом замкнутых в себе и враждебных друг другу личностей, а органическим единством, массой, спаянной общностью интересов. Изложение этой мысли в первом «Размышлении» Ушакова содержит прямой полемический выпад, возможно, внесенный Радищевым, переводившим произведения своего покойного друга на русский язык, при их публикации.

«Народ, — читаем мы здесь, — есть общество людей, соединившихся для снискания своих выгод и своея сохранности соединенными силами, подчиненное власти в нем находящейся: но как все люди от природы суть свободны, и никто не имеет права у них отнять сея свободы, следовательно учреждение обществ предполагает всегда действительное или безмолвное согласие. О сем иные сомневаются, почитая народ собранием единственников. Но оно представляет нравственную особу, общим понятием и хотением одаренную. . .»[5]

Если общество представляет добровольный союз, заключаемый людьми для взаимной выгоды, то как только власть нарушает права человека, последний обязан оказывать ей сопротивление. Следствием из этой же посылки является вывод о том, что никакая власть не имеет права лишить человека жизни, так как сохранение жизни являлось целью создания общества. Смертная казнь могла появиться только как следствие забвения договорной основы социального здания.

---

[1] См. А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 636.

[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 193.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 160.

[4] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 187.

[5] Там же, стр. 188. — Здесь и всюду в дальнейшем разрядка моя. — *Ю. Л.*

Отрицание смертной казни подробно развито в рассуждениях Ушакова на эту тему, и в наброске статьи «О добродетели и награждении» Радищева, где наряду с указанием на несовместимость ее с договорными основами общества доказывается, что виновником преступления является не отдельный человек, а вся сумма окружающих его условий.

Не трудно усмотреть, что юридические построения, основанные на представлении о необходимости обезопасить общество от злой природы человеческой личности (несмотря на личную гуманность юристов-масонов вроде И. В. Лопухина), теоретически обосновывали жестокую практику дворянской юриспруденции XVIII в. Для демократической и материалистической мысли этого периода отрицание смертной казни не было следствием мягкосердия, а органически вытекало из понимания природы общества. Если в области социологии мыслители этого типа настаивали на коренной перестройке порождающего преступления общества, то, как юристы, в основу своей системы они клали веру в возможность исправления преступника, доброго по своей природе, но искаженного окружающей средой. Это определяло совершенно иное понимание кары, которая мыслилась как одно из средств выполнения этой задачи. Вместе с тем, особенно важное место в их системе, чуждой идеологам «жертвы» и «бескорыстного подвига», занимает категория награждения.

«...Наидействительнейшее средство подчинить частное хотение хотению всеобщему, и принудить граждан поступать только сходственно с намерениями законоположника, есть учреждение награждений и наказаний», — писал Ф. Ушаков.[1] Желая возродить в преступнике искаженные черты добродетели, Ушаков и Радищев особенное внимание уделяли моральной стороне наказания. «...Преступник, зря себя покрыта бесчестием и срамотою, у всех в презрении, един среди всех, и преданный себе самому, прибегает к раскаянию, яко к единой нещастных отраде, которая поистине сильнее, нежели думают».[2]

Особенное значение в этой системе взглядов занимала теория наград, вытекающая из представления о связи морали и материальной заинтересованности людей, прямо противоположная масонскому пониманию добродетели как аскетического отказа от «самости». Система наград привлекала внимание и Ушакова и Радищева.

В «Путешествии» автор упрекал царя за то, что «знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого ра-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 188—189.
[2] Там же, стр. 192.

болепия».[1] Аналогичный упрек бросает народ царю в оде «Вольность»:

«В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить».

Однако наиболее подробно этот вопрос должен был быть разработан в статье «О добродетелях и награждениях», над которой Радищев работал в конце 80-х начале 90-х годов. Не говоря уже о красноречивом заглавии, этот отрывок (статья не была закончена) содержит развернутое обоснование связи радищевского понимания природы человеческой личности с проблемами морали и права.

Касаясь теории наград, Радищев писал здесь, что «человек... назначил за стяжание общественного блага награждение, познав воистину, что всякое действие его во благе и во зле есть мздоимно».[2] В основе материалистической морали Радищева лежит представление «о нравственном праве на наслаждение».[3] Мы видим, что взгляды Ушакова — Радищева прямо противоположны Кутузову. При подобной постановке вопроса посвящение «Жития Ф. В. Ушакова» Кутузову приобретало полемический характер. Это отметил сам Кутузов в письме Е. И. Голенищевой-Кутузовой. «Книжку сию («Житие Ф. В. Ушакова». — *Ю. Л.)* приписал он мне. Признаюсь, что большую часть его положений касательно религии и государственного правления нашел я совершенно противоположною моей системе».[4]

Если вторая, философская часть «Жития» ставила вопрос об ответственности общества за судьбу и характер отдельного человека, то первая изучала пути изменения этого общества. Идея необходимости коренного переустройства общества органически вытекала из материалистических принципов философии.

«Если человек зависит от окружающей его среды, — писал Г. В. Плеханов, характеризуя основные связи материалистической философии XVIII в. и освободительной борьбы, — если он обязан ей всеми свойствами своего характера, то он обязан ей, между прочим, и своими недостатками, следовательно, если вы хотите бороться с его недостатками, то вы должны надлежащим образом видоизменить окружающую его среду, и

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 254.
[2] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 639.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 160.
[4] Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. Птг., 1915, стр. 65.

притом именно общественную среду, потому что природа не делает человека ни добрым, ни злым».[1]

Радищеву было ясно, что для уничтожения общественной неправды существует только один путь — путь народной революции.

На материале студенческого «бунта» и роли в нем Ф. В. Ушакова Радищев изучает проблему народной революции и значения в ней революционера-вождя и организатора. Безобидный эпизод столкновения детей со своим воспитателем излагается в произведении так, что неизбежно должен возбуждать ассоциации с большими революционными событиями.

«Имея власть в руке своей и деньги забыл Гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов возмнил, что он не для нас с нами»[2] и далее «кои из нас были постарее, и в числе оных первой был Федор Васильевич, делали ему весьма кроткие представления гораздо кротче, нежели когда либо Парижский Парламент делывал Французскому Королю. Но как таковые представления были частныя, как то бывают и парламентские, а не от всех, то Бокум отвергал их толико же самовластно, как и Король Французский, говоря своему народу «в том состоит наше удовольствие».[3] Дальше продолжается все та же двузначность. Говоря о «некоем из единоземцев и главном подстрекателе» Бокума, Радищев дает сноску: «Сказывали, что сей молодец за деньги достав себе звание министра при каком то дворе, должность свою отправлял с похвалою».[4] Все это позволяет автору делать на материале ученического «бунта» далеко идущие выводы: «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы, и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего то притеснители частные и общие по щастию человечества, не разумеют и простирая повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодрственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человека мглою. Не ведают мучители, и даждь господи, да в неведении своем пребудут ослепленны навсегда, не ведают, что составляющее несносную печаль сему, другому не причиняет ниже единаго скорбнаго мгновения, да и в оборот то, что в одном сердце ни малейшаго не произведет

---

[1] Г. В. Плеханов (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Госполитиздат, 1938, стр. 8.
[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 166.
[3] Там же, стр. 167.
[4] Там же, стр. 169.

содрогания, во сте других родит отчаяние и изступление. Пребуди благое неведение всецело пребуди нерушимо до скончания века, в тебе почила сохранность страждущаго общества». [1]

В таком освещении руководитель студенческого «бунта» Ф. В. Ушаков приобретает черты революционного вождя и делается понятной торжественная приподнятость заключительной фразы: «Тот кто провидит в темноту будущего и уразумеет что бы он мог быть в обществе, тот чрез многие века потужит о нем».

Выступление Радищева с критикой идеологической системы А. М. Кутузова не было ни случайным, ни единичным. «Житие» явилось лишь началом напряженной философской борьбы, которую развертывает в эти годы писатель.

Есть сведения, обладающие значительной долей достоверности, что именно в эти годы имела место деятельная философская переписка Радищева с Кутузовым — факт, до сих пор не оцененный в достаточной мере исследователями философских взглядов писателя. В биографии его, написанной сыном, П. А. Радищевым и частично опубликованной Н. Кашиным, есть указание на то, что Кутузов, сделавшись мартинистом, «приглашал, но безуспешно, Радищева вступить в это общество, о чем у них была философическая переписка». [2] Особенно любопытно, что другой сын писателя — Н. А. Радищев, перечисляя сочинения своего отца и упоминая об этой переписке, ставит ее в один ряд с общественно-политическими, историческими и литературными произведениями писателя. «Он написал «Историю Российского Сената», которую уничтожил впоследствии, имел философическую переписку с другом и товарищем своим А. М. Кутузовым, одним из первых мартинистов. Кутузов желал привлечь в сие общество и друга своего, но Александр Николаевич никогда на то не соглашался, из чего произошла пространная переписка, которая могла бы составить важную книгу, но из сей переписки не осталось ничего». [3]

Переписка Кутузова с Радищевым пока не обнаружена. Однако изучение писем первого к И. П. Тургеневу, так же как и отмеченная диаметральная противоположность философской позиции обоих корреспондентов делает бесспорным ее полемический характер. Следы этой полемики наложили от-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. т. I, стр. 166—167.

[2] Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1912, кн. 2, отд. 3, стр. 4.

[3] «Русская Старина», 1872, т. VI, стр. 579.

печаток не только на «Житие Ф. В. Ушакова», но и на последующие произведения Радищева этого периода.[1]

3

На эти же годы падает деятельность Радищева в «Обществе друзей словесных наук», смысл которой состоял в стремлении расширить круг влияния революционных идей на передовую молодежь столицы. «Общество друзей» состояло из молодых моряков балтийского флота, сенатских чиновников и разночинцев-писателей, воспитанников Московского университета. Возникло оно как своеобразный филиал новиковского «Дружеского ученого общества» и находилось под сильным влиянием масонских идей. Можно предполагать, что связи эти

---

[1] О содержании переписки Радищева и Кутузова мы можем догадываться по косвенным отражениям ее. Так, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» приятель автора Крестьянкин, утверждая определяющую роль внешних обстоятельств для поступков человека, говорит: «Если идущу мне, нападает на меня злодей, и вознесши над головой моей кинжал, возхочет меня им пронзить, убийцею ли я почтуся, если предупрежду его в злодеянии, и бездыханного его к ногам моим повергну». Напрашивается сравнение с аналогичным примером, который использует Кутузов в письме Тургеневу для обратного решения этого вопроса, — утверждения независимости поступков человека от окружающих его условий. Письмо написано в 1788 г., т. е. в то же время, когда происходила «философическая переписка» Кутузова с Радищевым и вполне возможно, что подобный пример Кутузов использовал и в письме последнему. «Одно происшествие, видимое различными особами, — писал Кутузов Тургеневу, — производит на них различные действия. Например, три человека, идущие прогуливаться, встречают двух злодеев, нападающих на одного прохожего, стараясь его лишить жизни и потом его ограбить». Описывая, как в то время, как один из гуляющих убежал, другой пребывал в нерешительности, а третий вступил в бой с грабителями, Кутузов делает вывод: «Не один ли предмет представился прогуливающимся? Не на всех ли трех действовал он посредством зрения? От чего же в них такое различие? От того, что они сами различны. Ежели не ошибаюсь, сей последний пример показывает нам ясно, как все, находящиеся вне нас предметы, суть по большей части невинны в том, что мы делаем, ибо действуют на нас не иначе, как сообразно собственному нашему состоянию».

Достаточно вспомнить содержание процитированной главы из «Путешествия», чтобы представить себе остроту радищевского разоблачения философии Кутузова. Привлекая абстрактно-философский пример последнего при рассуждении об ответственности крестьян за убийство своего помещика, Радищев показывал социально-политический смысл кутузовских построений как оправдания крепостнической практики. Если для Крестьянкина (а с ним и автора «Путешествия») невиновность крестьян, убивших помещика, «была математическая ясность», т. к. действия их были обусловлены жестокостью «Ассессора», то, применяя принципы кутузовской философии, причиною бунта крестьян следовало бы считать, по выражению одной из статей «Утреннего света», «врожденные простого народа худые склонности».

не прерывались и в дальнейшем. С. А. Тучков вспоминал: «Я не забыл перед отъездом моим побывать в Университете, чтобы проститься с моими сочленами и получил от них письма в другое такого же рода общество, основанное в Петербурге, под названием друзей словесных наук». Во главе общества стояли выученики московских масонов — Антоновский, Лубянович,[1] Бобров, С. А. Тучков и др. Таким образом, первые же шаги, предпринятые Радищевым для пропаганды своих идей, натолкнули его на необходимость отвоевывать аудиторию у «московских просветителей».

«Общество друзей» получило известность только после опубликования записок Тучкова. П. Е. Щеголев был первым исследователем, обратившим внимание на имеющееся в этих записках прямое указание на участие Радищева в «Обществе». В статье «Из истории журнальной деятельности Радищева (1789 г.)» он на основании мемуаров Тучкова поставил вопрос о принадлежности перу Радищева помещенной в «Беседующем гражданине» статьи «Беседа о том, что есть сын отечества».

Значительно более подробному рассмотрению «Общество друзей словесных наук» и издаваемый им журнал были подвергнуты в работе В. П. Семенникова «Литературно-общественный круг Радищева». Работа содержит целый ряд важных фактических разысканий, не потерявших значения до настоящего времени. В ней автор указывает на связь «Общества» с московским кружком Новикова и журналом «Утренние часы» и делает попытку установить размеры участия Радищева в журнале.

Правильно указывая на борьбу Радищева с масонскими течениями в «Обществе», автор однако не излагает основных идейных положений ни Радищева, ни его антагонистов, что делает оценку позиции Радищева противоречивой, а атрибуцию, основанную на случайных признаках, зачастую не-

---

[1] Несмотря на допустимость известного влияния Радищева на Лубяновича, сказавшегося, возможно, в опубликовании им «Списка с дневной записки городской думы града святого Петра», у нас нет никаких оснований зачислять его в разряд единомышленников Радищева. Близко знавший Лубяновича и живший с ним долгое время в одном доме В. П. Сафонович вспоминал о нем: «Он был мистик и со страстию предавался чтению мистических книг, которые тогда были в большом ходу, как-то Эккартсгаузена, Штиллинга и др. Книги эти валялись у него повсюду». («Русский архив», 1903, ч. 1, стр. 163). — Ознакомление с формулярными списками сенатских служащих позволяет опровергнуть мнение о репрессиях, якобы постигнувших Лубяновича после ареста Радищева. В течение 90-х годов (как впрочем и позже) он продолжал службу в сенате, получая из года в год повышения. (См. его формулярный список в ЦГИА в Ленинграде, фонд № 1349, опись 4, ед. хр. 28 18001, № 28).

убедительной. Семенников склонен считать статью «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия» принадлежащей перу Радищева. В статьях «Рассуждение о связи естественного права с гражданским» и «О человеке и его способностях» он усматривает «соответствие взглядам Радищева», оговариваясь, что не решается «ставить вопрос о принадлежности статьи «О человеке» перу Радищева, хотя это и возможно». Одновременно он указывает на возможное авторство П. А. Озерова.

Не рассматривая подробно аргументации Семенникова, отметим лишь, что разбор первых двух из упомянутых статей не дает никаких оснований для аттрибуции их Радищеву. Анализ «Рассуждения о разуме любомудрия» заставляет предполагать, что автором его был Лубянович.

Статья «О человеке и его способностях», видимо, действительно написана Радищевым, доказательство чему мы постараемся привести дальше. Пока укажем только, что она не обнаруживает никакого сходства (кроме одной фразы с аналогичным словоупотреблением) со статьей П. Озерова «О пользе и необходимости нравственной науки», на которую указывал В. П. Семенников.

Рассмотрение материалов журнала заставляет существенно уточнить вывод Семенникова о наличии в нем двух лагерей: реакционно-мистического, возглавленного Антоновским, и революционного, с Радищевым во главе. Ни одна из статей журнала, кроме тех, относительно которых мы можем предполагать возможное авторство Радищева, не выходит за рамки взглядов московских масонов. Все они (несмотря на индивидуальные особенности статей К. А. Лубяновича) характеризуются смесью мистицизма и дворянского либерализма, сочувствия крестьянам с убежденностью в незыблемости крепостного права, проповедью просвещения и самовоспитания со знакомыми уже нам утверждениями об эгоистической, злой природе человека, непознаваемости мира и т. д. Статьи «Беседующего гражданина» не отличаются теоретической продуманностью новиковских журналов, на многих из них лежит печать дилетантизма. Конечно, не Антоновский был достойным Радищева идейным противником. Через голову петербургских эпигонов философии московских мартинистов Радищев на страницах «Беседующего гражданина» дал бой их идейным вдохновителям, и, прежде всего, своему другу и «сочувственнику» Алексею Михайловичу Кутузову.

Эту задачу он осуществил, — как мы имеем основания предполагать, — в состоящем из трех статей цикле, опубликованном им в последних номерах «Беседующего гражданина». Статьи эти: «Рассуждение о человеке и его способностях»,

«Рассуждение о труде и праздности» и «Беседа о том, что есть сын отечества» — напечатаны в журнале анонимно.

Прямое и точное указание С. А. Тучкова сделало давно уже бесспорной принадлежность Радищеву последней из них. То, что все три последовательно помещенные[1] статьи составляют органическое единство, разбивая основные положения кутузовской философии, и отсутствие в журнале каких-либо близких к ним в философском и политическом отношении статей наводит на мысль о принадлежности их перу одного автора, а сила и последовательность революционной мысли делает вероятным предположение, что автором этим был Радищев.

Все три статьи, разбивая масонскую «философию», одновременно используют полемику для высказывания революционной в социальном и материалистической в философском отношении точки зрения. Следует однако иметь в виду, что при изложении своих взглядов автор был сильно стеснен необходимостью придавать им приемлемый для цензуры характер. Все статьи, включая и бесспорно радищевскую «Беседу о том, что есть сын отечества», нуждаются в некоторой расшифровке.

Первая из интересующих нас статей, «Рассуждение о человеке и его способностях», направлена против тезиса о злой природе человеческой личности. «Давно уже стараются, — пишет автор, — унизить человека. Ругатели его сделали его чудовищем. В ярости своей они обременили его оскорблениями; одно виновное удовольствие, унизить его, провело сии язвительныя черныя черты. Кто ты, дерзающий тако ругаться над подобным тебе, из чьих ложесн ты изшел? Во внутренности ли твоего сердца почерпнул ты толикие хулы?».[2]

В противовес этому утверждению, автор, прямо полемизируя с Кутузовым и своими сотрудниками по журналу, выдвигает положение о социально определенном характере человека.

«И так сие бытие, рожденное для добродетели, которой семя напрасно силятся заглушить, которая ни когда без грызения совести не раздражается, и которую почитают и тогда,

---

[1] «Рассуждение о человеке и его способностях» — было напечатано в журн. «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, октябрь; «Рассуждение о труде и праздности» — там же, ч. III, ноябрь, стр. 202—211; «Беседа о том, что есть сын отечества» — там же, ч. III, декабрь, стр. 308—324. Таким образом, статьи напечатаны в трех последних номерах журнала; во всех случаях — на втором месте. Следует отметить, что порядок помещения материала в журнале, как на это указывала сама редакция, не был случайным.

[2] «Беседующий гражданин», ч. III, стр. 134—135.

когда оная бывает причиною угнетения или уничижения, везде есть злое».[1]

В процитированной фразе содержатся сразу два полемических выпада. Утверждение, что человек «никогда без грызения совести не раздражается», направлено против разобранной нами статьи Кутузова «О приятности грусти», где, как нам известно, утверждалось, что человеку приятно «разгорячаться» и «браниться», да еще с жестоким волнением крови». Слова о том, что добродетель почитается и тогда, «когда оная бывает причиною угнетения и уничижения», направлены против рассуждений о релятивности морали и, в частности, против статьи «Обращенный неверствующий или беседа прямого гражданина». Автор последней доказывал, что понятие добродетели определяется выгодой каждого отдельного человека, что при общих субъективных позициях приводило к выводу не о социальном характере морали, а о полной ее релятивности. «Человек, — писал он, — коему все в мире благоприятствует, может свободно пленяться добродетелию. ... но воззрите на сего же самого человека в несчастии, когда он гоним за добродетель бывает... думаете ли вы, чтоб нравственное чувствие было довольно сильно к удержанию его в надлежащих границах? И воспретит ли оно ему сказать с Брутом: «О! добродетель, ты меня обманула».[2]

Изложив свои взгляды на характер человеческой природы, автор статьи «О человеке» далее недвусмысленно дает понять, что именно общество, его социально-политическое устройство виновато в искажении человека.

«Итак, сие бытие, которое всегда воздыхает по блаженстве, основании истинных его должностей и его счастия, есть повсюду несчастно, повсюду оно стонет при немилосердных Владыках; повсюду оно мучит себе подобных, равно как и от оных бывае мучимо, повсюду воспитание его портит, и предрассудок отравляет при самом рождении».[3]

Из этого делается непосредственный вывод об ответственности, которую несет общество за своих членов. Рабство объявляется причиной несчастия людей. Подобный подход находится в коренном противоречии со всей масонской «социологией», противопоставляющей психологическое как основное, социальному как внешнему.

«...Простой народ, который должен составить основание и предмет общественного устройства, сие множество людей, ко-

---

[1] Там же, стр. 122.
[2] Там же 1789, ч. II, стр. 50.
[3] Там же 1789, ч. III, стр. 122.

торое во всех Государствах преносит трудные работы и тягости общественные, бывает ли счастлив в тех государствах, где следствия войны и несовершенства правительства ввергнуло оный в рабство или в тех правлениях, где успехи роскоши и Правительство ввели оный в работу».[1] Заключение фразы особенно интересно. С редкой проницательностью автор отмечает, что причиной несчастья народа, наряду с рабством, происходящим от «войны и несовершенства правительства» (т. е. крепостным правом), может быть и «работа», происходящая от «успехов роскоши», т. е. эксплоатация лично свободных работников.

При перемене социальной структуры общества изменится и человек. «Воображать его в сем скотском состоянии (т. е. при рабстве. — *Ю. Л.*) таковым каков он есть в просвещенном,[2] т. е. действующего, беспрестанно примечающего и вместе вдающегося во все крайности, значит погрешать грубо».[3]

Далее развивается характерная для Радищева мысль о том, что крепостное рабство, искажая человеческую сущность крестьян, губительно сказывается и на их господах. Рабство делает рабов. Но так как среда формирует человека, то и господин оказывается искажен окружающим его рабством: «У всех почти людей понятия открываются по мере вещей. Нет ничего высокомернее человека, живущего почти всегда с низшим себя».[4] Против лозунга «внутренней свободы» автор разбираемой статьи выставляет требование материального обеспечения жизни каждого члена общества. «Что ему (человеку.—*Ю. Л.*) потребно, чтобы учиниться столько счастливым, сколько он может быть? Пропитание для настоящего времени и, естьли он думает о будущем, надежда и известность сего первого блага».[5] В соответствии с этим он резко выступает против требований «самоограничений», «борьбы с собственным эгоизмом», исходя из материалистического представления, что «правильно понятый интерес составляет принцип всякой морали».[6]

Автор выступает против морального релятивизма. Основы объективной морали заложены в человеческой природе: «Не взирая на разность набожных систем и почитаний, все Народы чувствовали, что должно быть справедливым; все Народы почитали добродетелями: благость, сострадание, дружбу, верность, искренность, признательность, любовь к Отечеству,

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, стр. 134.
[2] О специфичности понятия просвещения у Радищева см. выше.
[3] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, стр. 130.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 132.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 160.

отеческую горячность, сыновнее почтение, все напоследок чувствования, которые суть толикие же союзы, способные соединить человеков. И так Происхождение сего единодушия суждения, толь постоянного и толь всеобщего, не должно искать среди противоречащих и преходящих мнений».[1] Подобная постановка вопроса прямо противоположна этическим построениям кутузовского толка, отрицавшим возможность морали вне идей божества и бессмертия души.

В страданиях человека виноват общественный строй. «Дикий» человек, человек до возникновения общества, несмотря на беззащитность свою перед лицом природы, был свободен от угнетения. «Дикий страждет от одних токмо естественных зол».[2] В современном же обществе человек угнетен, и рабство, искажая человеческую природу, делает его несчастным. Никакие половинчатые меры не решат вопроса. Только полное уничтожение угнетения способно гарантировать граждан от тирании. «В средних Правительствах проникает некоторый луч блаженства под тению свободы; но какою ценою покупается сия безопасность! — усилиями, отвращающими на несколько времени мучительство, для того, чтоб с большею яростию и лютостию повергнуть оное на народ, который рано или поздно будет угнетен. Воззри, как Каллигула и Нерон отмстили изгнание Тарквинов и смерть Кесареву!».[3]

Мы не знаем среди журнальных статей конца 80-х и 90-х годов XVIII в. ни одной, которая так ясно указывала бы читателю на бесполезность всякого рода либеральных попыток «улучшить» существующий строй. Убежденность в том, что всякого рода либеральные меры самодержавного правительства, любая ограниченная законами монархия являются лишь масками, которыми временно прикрывается тирания, многократно высказывалась Радищевым. Это является, в частности, одной из основных мыслей «Песен исторических», где та же идея доказывается на тех же исторических примерах.

«И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новой
Будет благ и будет кроток:
Но на долго ль, — на мгновенье.
А потом он усугубя
Ярость лютости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.
Как Калигула таков был,
Милосерд, но лишь в начале».[4]

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, стр. 136.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 134.
[4] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 108.

(Сравни «с большею яростию и лютостию повергнуть оное на народ» в «Рассуждении» и «ярость лютости и злобу» в «Песнях исторических»).

Наш разбор статьи «Рассуждение о человеке и его способностях» не охватывает всего богатства поднимаемых в ней проблем. Так, например, в ней содержатся чрезвычайно интересные рассуждения о роли войны и торговли в создании человеческого государства и многие др. [1]

Открывая цикл, настоящая статья органически связана с двумя последующими. Кроме последовательности развиваемых идей, отдельные тезисы ее остаются непонятными без сравнения их с другими статьями. Так, например, содержавшиеся в ней выпады против праздности раскрываются из сравнения со второй статьей цикла, а рассуждение о том, что «честь возвышала оный (т. е. народ. — *Ю. Л.*) в собственных его глазах... честь была его душою, стремлением и занимала место той свободы, которая в Афинской и Римской республиках родила все остроумие», делается понятным при сравнении его с «Беседой о том, что есть сын отечества», где «честь» определяется, как способность к сопротивлению угнетению. «Нет, — читаем мы там, — человека, который не чувствовал прискорбия, видя себя уничижаема, поносима, порабощаема насилием, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием, и не обретая нигде утешения своего. — Не доказывает ли сие, что он любит Честь, без которой он как без души».

Если разобранная нами статья посвящена доказательству зависимости человеческой личности от окружающих ее условий, то вторая прямо указывает на крепостное право, как основную причину искажения личности. Статья эта, озаглавленная «Рассуждения о труде и праздности», невелика по своему объему, но чрезвычайно существенна по содержанию.

---

[1] Анализ «Рассуждений о человеке» сопряжен с известными трудностями, вызванными специфической формой статьи. Она содержит ряд отрывочных положений, иногда не связанных между собой и, в некоторых случаях, не поддающихся расшифровке. Можно предположить, что статья представляет собой ответы Радищева на какие-то вопросы, неизвестные нам, но знакомые членам «Общества друзей», или ответ его на письмо Кутузова (вполне возможно, что и остальные статьи возникли из упомянутой философской переписки). Сравнение с текстом бумаг Ушакова, опубликованных Радищевым, также заставляет предполагать известную связь между ними. Некоторые труднообъяснимые места статьи находят в них свое разъяснение; так, например, заключительный абзац («Действие сильных страстей и великих опасностей есть поражение души и ввержение в некоторую обуялость, которая лишает оную употребления сил. Мало по малу приходит она в себя...») находит свое объяснение в первом «Размышлении» Ушакова, где сходные мысли составляют часть возражения против пользы смертной казни для исправления нравов.

В основу «Рассуждения о труде и праздности», видимо, положен текст переводного характера. Предположить это можно на основании того, что в 1806 г. в журнале «Московский Собеседник» был опубликован другой перевод близкой к ней статьи.[1] Сравнение этих двух текстов (перевод «Собеседника» не носит следов литературной обработки и, видимо, ближе к оригиналу, хотя, пока последний не обнаружен, это можно только предполагать) позволяет говорить о принципиальном характере переработок, которым подверглась статья в «Беседующем гражданине».

Пространное рассуждение о том, что «добрые нравы отличаются под управлением мудрых скипетродержателей», выброшено и заменено противоположной мыслью о том, что «польза нравов», происходящая от свободного труда, согласуется с «сущностью благополучия государственного». Изъято также соображение о том, что каждому сословию, как различным членам тела, определен особый вид труда. Вместо слов «Гордость ли противится охоте к трудам, побеждай ее трудолюбием и к р о т о с т и ю в п о в и н о в е н и и т в о е г о н а ч а л ь с т в а» в «Беседующем гражданине» читаем: «Если начало гордости противоборствует началу труда, изпровергните сию гордость гордостию благородною».

Взамен читаемого в «Собеседнике»: «безуспешность же происходит от некоторых препятствий, безрассудно чинимых в прилежании, или от некоторых обманов, чинимых же начальству...» в «Беседующем гражданине» находим: «если уныние следствием некоторых уз, наложенных безрассудно на рачение, или какого-нибудь обмана власти, или погрешности Правительства, поспешайте поправить заблуждения, искоренить злоупотребления и разорвать цепи рачения». Во втором случае не только вставлены слова о вине правительства, но и вся фраза перестроена так, что «власть» воспринимается как источник, а не жертва «обмана».

Подобные примеры можно было бы продолжить. Отталкиваясь, возможно, по цензурным соображениям, от чужой статьи, «переводчик» ее в «Беседующем гражданине» фактически создал совершенно новое, политически острое произведение.

---

[1] О трудолюбии и праздности. «Московский Собеседник или Повествователь», 1806, ч. I, стр. 72—80.—Журнал этот, издателем которого, видимо, был А. Решетников, принадлежит к числу незаслуженно забытых. Хотя в основе его и не лежит четкой программы, «Московский Собеседник» заслуживает внимания исследователя. На страницах его были опубликованы, вперемежку с третьесортными материалами, наиболее острые статьи из «Живописца» Новикова. В том числе полностью перепечатаны: «Путешествие в... И... Т...» Радищева, «Письма к Фалалею» и близкая к ним по резкости обличения статья: «Следствия худого воспитания», печатались переводы из Руссо и т. д.

Сравнение двух текстов позволяет также говорить о высоте литературного мастерства автора текста «Рассуждения», помещенного в «Беседующем гражданине».

Продолжая мысль, высказанную еще в «Рассуждении о Человеке», «Рассуждение о труде и праздности» рисует многочисленные беды и общественные пороки, проистекающие от праздности, однако из заключения статьи делается ясно, что под этой «безобидной» формулой следует понимать всю сумму общественных отношений, основанных на крепостном угнетении. Рассуждения о необходимости любви к труду приобретают остро социальный характер.

«Кто говорит о любви, — читаем мы здесь, — говорит о свободном чувствовании, исключающем всякое понятие о принуждении, ибо не можно, принуждая людей к труду, вдохнуть им любовь ко оному; не каторжные нужны для общества, но свободные и произвольные работники».[1] Для автора статьи совершенно ясно, что причины «лености» надо искать не в абстрактных и асоциальных страстях, а в крепостном праве, лишающем крестьянина возможности наслаждаться плодами своих трудов.

«Естьли отвращение от труда берет свой источник в страхе не наслаждаться плодом своего труда и видеть оный чрез покровительствуемых похищенным, естьли уныние следствием некоторых уз, наложенных безрассудно на рачение или какого-нибудь обмана власти, или погрешности Правительства, поспешайте поправить заблуждения, искоренить злоупотребления и разорвать цепи рачения».[2]

Из приведенных цитат ясно, что причиной «лености», «праздности» и «отвращения от труда» автор считает крепостное право. В подобном контексте слово «праздность» приобретало характер цензурного заменителя определения крепостнических отношений. Статья имеет остро-политическое звучание. Уже первые фразы ее посвящены утверждению того, что «нет ни одного такого человека, которому бы не известно было сие прислове: «Праздность есть мать всех пороков».[3]

«Праздность наполняет улицы нищими, торжища мошенниками, вольные домы непотребными женщинами и большие дороги грабителями».[4] Именно праздность (т. е. система отношений, порождаемых крепостным строем), а не извечные свойства человеческой натуры делают людей эгоистами.

Ниспровергая основное положение учения «Московских просветителей», автор статьи утверждает, что просвещение

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, стр. 206.
[2] Там же, стр. 210.
[3] Там же, стр. 202—203.
[4] Там же.

само по себе, без коренных социальных перемен, не может разрешить общественные противоречия. «Не довольно, чтобы народ был просвещен, надобно быть ему трудолюбиву (т. е. свободному от угнетения. — *Ю. Л*), а без сего его просвещение больше будет вредно, нежели невежество».[1]

В статье развивается характерная для Радищева мысль о том, что уродливые общественные отношения искажают человеческую природу как угнетаемых, так и угнетателей и одинаково гибельны и для тех и для других. Гибельны они и для государства в целом, так как мертвящий дух рабства тормозит всю общественную жизнь и особенно препятствует процветанию земледелия.

«Науки, рачение, торговля, обилие, напоследок богатства удаляются при приближении лености; ни плодородие земли, ни умеренность климата, ни преимущества счастливого положения, не могут вознаградить зол или потери, причиняемой оною: все простывает, все в коснелости, где оная царствует, между тем как все одушевляется и удачно, не взирая и на самые естественные противоборствия, в местах, где царствует то свойство деятельности, которое все приводит в движение».[2]

Высказанная здесь очень важная мысль об определяющем характере социального фактора в жизни общества и о вторичности роли географического и особенно убеждение в гибельности крепостных отношений для производительности труда многократно высказывались Радищевым (ср. оду «Вольность»).

Утверждая благодетельное влияние труда на человека, автор «Рассуждения» заранее отгораживается от возможности использования его рассуждений для оправдания жестокой эксплоатации крестьян. Труд должен быть достоянием всех членов общества и, равномерно распределяясь, сочетаться с отдыхом.

«Мы не согласны, — пишет он, — чтобы человек, хотя и осужден ясти свой хлеб в поте лица своего, осужден был на всегдашний труд, он по крайней мере должен иметь время отереть свое чело и ясти свой хлеб спокойно; утруждение дает право на отдохновение».[3]

Вместе с тем «праздность» развращает и самих угнетателей «От бесполезного человека к человеку вредному не более одного шага; кто не делает никакого добра в мире, тот необходимо должен делать зло».[4]

В статье выражен резкий протест против возможности присваивать плоды чужого труда.

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789. ч. III, стр. 203—204.
[2] Там же, стр. 206.
[3] Там же, стр. 210—211.
[4] Там же, стр. 203.

Социальный строй, рождающий праздность, гибелен для общества. Рассматривая следствие его и для угнетаемых и для угнетенных, автор статьи приходит к выводу о необходимости быстрейшей его ликвидации: «От праздности бедный оскудевает, а от скудности все пороки, которые по необходимости рождают желание освободиться от оной, во что бы то ни стало. От праздности богач бывает скучен, а от скуки все пороки, которые причиняет необходимость избыть оные». [1]

Статья заканчивается страстным призывом уничтожить крепостное право, разорвать «узы, наложенные безрассудно на рачение».

«Естьли примечается, что установления питают дух праздности, — пишет автор непосредственно вслед за рассуждением о том, что «не можно, принуждая людей к труду, вдохнуть им любовь к оному», — и подают повод к лености, тотчас соделайте спасительную оным перемену, каковы бы в прочем не были правила их установления, не попустите, чтобы хлеб милостыни был пищею лености, но, на против того, да будет оный наградою труда; воспомните заповедь Апостола: праздный да не яст». [2]

Сравнение «Рассуждения о труде и праздности» с высказываниями Радищева по этому поводу позволяет говорить о полном соответствии взглядов. Радищев считал труд основой нравственности, а безделие и тунеядство причиною развращения. Поэтому крестьяне, по его мнению, несмотря на жестокое угнетение, всегда морально превосходят паразитически живущих за счет чужого труда дворян. Видя, что крепостное право препятствует заинтересованности крестьян в труде, Радищев считал, что оно не только экономически вредно для общества, но и этически чрезвычайно опасно, подрывая основу морального совершенства благороднейшего сословия русского общества — крестьян.

В главе «Тверь», пересказывая строфы оды «Вольность», Радищев фактически кратко передает содержание разбираемой статьи: «...все злые следствия рабства, как то беспечность, леность, коварство, голод и пр.». [3]

Еще более развиты эти мысли в главе «Хотилов», которая почти полностью воспроизводит основные тезисы «Рассуждения». «Нива у них (крестьян.— *Ю. Л.*) чуждая, плод оныя им непринадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и нерадеют о том незапустеет ли среди делания... и так

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, стр. 203.
[2] Там же, стр. 210.
[3] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 357.

все плоды трудов земледелателей, мертвеют, или паче невозраждаются, они же родились бы, и были живы на насыщение граждан если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно».[1]

Критика «лености», как следствия рабства, сочетается с разоблачением принудительного труда, доводящего крестьян до изнеможения. «Тако нива рабства неполный давая плод, мертвит граждан, сим же определены были природою избытки ея. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд, присовокупили работу до изнеможения».[2]

В описании Тобольского наместничества Радищев опять возвращается к проблеме лености и разрешает ее снова в том же смысле, что и в «Рассуждении о труде и праздности». Условия ссылки и характер отношений автора с адресатом — А. Р. Воронцовым явились причиною гораздо более завуалированной, чем в «Рассуждении о труде и праздности» (не говоря уже о «Путешествии»), формы высказывания. «О нем (местном крестьянине. — *Ю. Л*) можно сказать, что лучше любить праздную леность, нежели трудолюбивый достаток. Слово страда, означающее в их наречии жатву, довольно выражает отвращение его к работе. Может быть, что сия склонность к лености и распутству[3] имеет другие причины (имеется в виду, кроме обширности земель, о чем речь была выше. — *Ю. Л.*), коих начало существует в первых переселениях или происходит от образа управления до сих пор существовавшего. Но если первые не иначе истребиться могут, как течением времени с введением лучших нравов в будущия поколения, последния исчезнут, конечно, от благодетельности нашея великия законодательнецы, яко злые пары нощи исчезают при восхождении солнца».[4]

Таким образом, Радищев высказывает здесь мысль, что леность крестьян может быть следствием порядка их жизни в тех местах, из которых они переселились («первых переселений») — т. е. крепостного права (в Сибири крестьяне были лично свободны) и произвола властей (образа управления).

Общий смысл разбираемой статьи в системе журнального цикла состоит в том, что, продолжая «Рассуждение о человеке и его способностях», утверждавшее социально-определенный характер человеческой личности и общественную природу уг-

---

[1] Там же, стр. 319.

[2] Там же.

[3] Типичная для Радищева связь понятий.

[4] А. И. Андреев. Неизвестный труд А. Н. Радищева о Сибири. «Советская Этнография». 1947, т. VI—VII, стр. 228.

нетающего ее зла, она указывала на крепостное право, как конкретную причину искажения человека, и опровергала возможность разрешения социальной коллизии путем просвещения без коренной ломки общественного устройства.

Последняя в цикле «Беседа о том, что есть сын отечества» посвящена опровержению кутузовского понимания патриотизма и декларации радищевского тезиса единства освободительной борьбы и любви к родине.

Смысл этой статьи не может быть понят вне учета общего характера идейной борьбы, проводимой Радищевым в «Обществе друзей».

В. П. Семенников в очерке «Радищев и масоны» обратил внимание на текстуальное совпадение одной из фраз разбираемой статьи с «Уставом Вольных Каменщиков», принятым на «Всеобщем совете Конвента», бывшем в Вильгельмсбаде в 1782 г. и утвержденном в России в 1787 г. Наличие текстового совпадения при неясном представлении о характере идейной позиции Радищева дало основание для неверного вывода о том, что «Беседа о том, что есть сын отечества»... может быть признана... вариацией на темы масонского устава, сохраняющей иногда даже особенности его стиля».[1] Это утверждение В. П. Семенникова привлекалось для допущения принадлежности Радищева к масонской организации. Работы советских исследователей достаточно убедительно показали полную несостоятельность подобных выводов, рассмотрение же кутузовско-масонской системы и радищевской борьбы с последней за материалистические принципы философии окончательно опровергает подобные предположения. Однако, пути, по которым могла проникнуть в статью Радищева цитата из старого законспирированного, внутриорденского документа, до последнего времени оставались неясны. Изучение «Беседы о том, что есть сын отечества» убеждает нас, что она представляет своеобразный полемический ответ на статью А. М. Кутузова «Рассуждение о нарушении порядка, которое происходит от неисполнения законов и о той любви и благодарности, которыми каждый истинный с. к. (т. е. свободный каменщик, — *Ю. Л.*) обязан своему отечеству, преимущественно пред всеми прочими согражданами». Статья эта заключается большой цитатой из масонского устава, содержащей фразу, встречающуюся и в «Беседе» Радищева.

Содержание статьи Кутузова посвящено одной из наиболее острых тем конца XVIII в. — проблеме патриотизма. Написанная с большой силой патриотического пафоса, статья Кутузова

---

[1] В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М. — П., 1923, стр. 91.

посвящена обязанностям «гражданина-каменщика». «Люби твое отечество, — призывал Кутузов, — и пролей с радостию за оное кровь твою, коль скоро потребует сего нужда».[1] «Ужели глас отечества, раздававшийся с толикою силою в собраниях Греков и Римлян, гремевший в ушах умирающих любителей отечества и уже при последнем их издыхании возбуждавший в них приятную улыбку, ужели могущественный глас сей потерял между нами силу свою... Нет у нас публичных мест, в которых бы стекались граждане для советывания о благе отечества; нет у нас ни Демосфенов, ни Цицеронов, которые бы возбуждали внимание наше к гласу сему; нет у нас и публичных изображений мужей, служивших и принесших жизнь свою в жертву сей матери, всех нас Россиян породившей, которые бы взирающим на них вещали: умри за отечество».[2] Несмотря на всю привлекательность и искренность подобной проповеди, в ней были черты, делающие ее решительно неприемлемой для Радищева, противопоставлявшего ей свою революционную и демократическую концепцию патриотизма. Кутузовская проповедь была органически связана с общефилософскими установками его группы этих лет. Не случайно в этой самой статье он повторяет свои основные положения о внешнем мире как образе наших чувств и о независимости человека от окружающих его условий. «Внутри нас происходит самая та перемена, каковую мы причиняем со вне».[3] И дальше: «Всякое внешнее зло не есть причина несчастья нашего, но следствие зла, внутри его самого (человека) обитающего».[4]

Если так, то задача состоит не в изменении социальных условий, а в преодолении человеческого эгоизма, в альтруистическом объединении людей. Именно такой асоциальный характер приобретала идея патриотизма в интерпретации дворянских идеологов из среды московского масонства. Близко к подобной трактовке любви к родине стоит проповедуемое в новиковских журналах понимание благотворности войны. Автор одной из статей, посвященных этому вопросу, отметает упреки в вредном влиянии, которое война оказывает на нравы людей, обычным указанием на независимость человеческих поступков от условий внешней среды. Польза же, которую оказывает справедливая война, объединяя разрозненные человеческие воли для внеэгоистического дела, по его мнению, бесспорна. «Люди, производящие войну, не те же ли самые, ко-

---

[1] «Магазин свободно-каменщический», т. I, ч. II, стр. 16.
[2] Там же, стр. 14—15.
[3] Там же, стр. 6.
[4] Там же, стр. 24.

торые были прежде начатия оной и не менее ли они имели злых склонностей? Конечно нет. И сделали бы те же преступления, но только в различных местах своих жилищ... делали бы тайно двое или один, вместо того во время войны нужда требует соединиться людям всякого рода в одно место и составить общество».[1]

Другой стороной подобной постановки вопроса было требование полного самоотречения, отказа от «самости» и свободного проявления своей воли. Гражданский подвиг, который проповедовали Кутузов и его единомышленники, был ценен для них не своим объективным результатом (т. к. с субъективистских позиций объективный результат действия оказывается вообще вне пределов человеческого познания), а субъективным намерением, жертвой, отказом от эгоистической заинтересованности: «Но ежели он поощряется к тому (подвигу. — *Ю. Л.*) для собственной выгоды, то хотя сделает похвальное, но похваляем не будет».[2] Вместе с апологией жертвы подобное представление подразумевало и стремление к отказу от свободного проявления воли. Стремление поставить свою волю в зависимость от внешней власти тесно связано с таким, например, явлением, как суровая орденская дисциплина в масонских организациях. В одном из рукописных масонских сборников есть характерная жалоба: «С сердечным прискорбием вижу, что остановлен весь обряд и Орденским начальством и Гражданским; поставляя долгом повиноваться и тому и другому, но не менее скорбит сердце мое, видя сколь тягостно без сей священной цели, без сей подчиненности...»[3]

Первая же часть «Магазина свободно-каменщического» открывалась статьей под красноречивым заглавием: «Рассуждение о повиновении, которое есть деятельное покорение воли нашей воле мастеров наших, и о том, что гордость и непослушание суть причины заблуждений наших им».

Подобная постановка вопроса закономерно приводила и к требованию «повиновения» государственной власти.

«Чувствительный человек! — заканчивал свою статью Кутузов, — чти родителей твоих, равно как и отцов государства; они суть особы, представляющие божество на земле сей».

Идеалистической с философской точки зрения и дворянской в социальном отношении концепции Кутузова Радищев противопоставил свою материалистическую и демократическую. Не объединение асоциальных личностей, а борьба за

---

[1] «Московское ежемесячное издание», 1781, июль, стр. 188.

[2] Там же, стр. 189.

[3] Альбом Ланского. Архив Института Русской литературы АН СССР, шифр: 1880/XXV0, стр. 159.

освобождение угнетенного народа является задачей и мерилом патриотизма. Истинная любовь к отечеству, по его мнению, присуща только революционному сознанию.

В «Беседе о том, что есть сын отечества» Радищев, полемизируя с Кутузовым, продолжает и развивает идеи двух предшествующих статей цикла. Если в них доказывалась зависимость человека от окружающих условий, то здесь на основании этого делается вывод о необходимости борьбы за справедливое общественное устройство. Невежество и «зверство» не есть «следствие зла внутри нас обитающего», а объясняется «родом провождаемой жизни», «рабством».

Человек прекрасен по своей природе, он «стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. Все сие обретает он в едином последовании естественным и откровенным законам». [1]

Уклонение от справедливого общественного устройства искажает человека. Рабство родит рабов и тиранов; ни те, ни другие не достойны звания сынов отечества. Радищев решительно отвергает возможность «украшаться сим именем» угнетателям народа, сатирические образы которых он набрасывает в «Беседе». Но и крестьянин, пока он не возмутится против угнетения, не достоин звания патриота. «...Здесь не касается разсуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тягловому скоту... Не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума, и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца». [2]

Ход мысли автора таков: человеку органически присуща свобода, которую искажающее общественное устройство у него отнимает. Только неискаженный человек достоин звания сына отечества, а так как в условиях социальной несправедливости только борец за народное благо, изъявший себя из числа и угнетателей и угнетенных, не подвержен искажающему влиянию социального зла, то только революционер достоин имени патриота. В несправедливом обществе для того, чтобы стать подлинным человеком, надо восстать против общественных отношений. Мысль эта, высказанная автором в «Беседе», по по-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 215.
[2] Там же, стр. 215—216.

нятным условиям в сильно завуалированной форме, составляет основу радищевской концепции патриотизма. Для Радищева, только истинный человек, т. е. революционер, есть патриот «Истинный человек и сын отечества есть одно и тоже», «Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» Особый смысл приобретает автохарактеристика Радищева: «Не скот, не дерево, не раб, но человек!» Очень существенна эта мысль и для принципа художественного построения образа революционера (Ф. Ушаков, крестецкий дворянин), который, в отличие от других героев Радищева, не несет черт породившей (т. е. по мнению Радищева, исказившей) его среды.

Порожденный «тягостью порабощения» герой-революционер изымает себя из-под влияния обстоятельств и сам начинает активно переделывать окружающую его среду. Поэтому, в отличие от других людей, он свободен. Проблема человеческой свободы получает у Радищева решение, противоположное кутузовскому.

«Беседа о том, что есть сын отечества», написанная с позиций, диаметрально противоположных кутузовским, наносила сильнейший удар философии последнего. Со страниц «Беседы» Радищева, писавшего «что истинный человек и сын отечества есть одно и то же» вставал образ революционера — борца за благо народа и вождя народа. Эта статья подводила итог идейно-философской борьбе Радищева в «Беседующем гражданине».

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАССУЖДЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО СПОСОБНОСТЯХ[1]

Четвероножныя общественныя, обитая в ненаселенных и со всем противоборствующих их размножению странах, повсюду жили не соединенно, не сродны будучи соединиться в общества и разпространить своих познаний; и человек, доведший их до сего бедственного состояния, радуется унижению, в которое он их ввергнул, почитая себя вышшия Природы, и приписывая себе разумение, полагающее вечную преграду между своим и всех других тварей родом.

Человек... не обязан ли наипаче преимущественным своим членостроением превозходству его рода над всеми другими? — Не потому он есть Царем животных, что зрит горе, подобно как все птицы; но потому, что вооружен гибкою, скорою, рачительною, ужасною и вспомогательною рукою. — Рука его есть его скиптр.

Неужели одно только зло, которое о человеке говорят, истинное? Одна его бедность и злость суть неоспоримы? — Итак сие бытие, рожденное для добродетели, которой семя напрасно силятся заглушить, которая никогда без грызения совести не раздражается, и которую почитают и тогда, когда сная бывает причиною угнетения или уничижения, везде есть злое. Итак сие бытие, которое всегда воздыхает по блаженстве, основании истинных его должностей и его счастия, есть повсюду несчастно, повсюду оно стонет при немилосердных Владыках; повсюду оно мучит себе подобных, равно как и от оных бывае мучимо, повсюду воспитание его портит, и предрассудок отравляет при самом его рождении; повсюду оно предается честолюбию, славолюбию, сребролюбию, мучителям, наперерыв нас терзающим, нас печальные жертвы, коих они оставляют на краю только гроба. Неужели земля вся объята беззаконием?

Повсюду, где только люди не могут основать твердого счастия, или предать онаго своим потомкам, тщатся, совокупить все свои удовольствия в одно время в которое в нем бывают безопасны. Они среди благовоний и прелестного пола истощевают и все свои удовольствия и все бытие.

Были и во всякое время будут предприимчивые люди. Че-

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, октябрь, стр. 121—137.

ловек носит в себе естественную деятельность, его мучащую, и вкус; своенравие и скука доводят его к самым чрезвычайным покушениям он любопытен, ему хочется познать, испытать. Хотя желание познания не так всеобще, но сильнее алчности ко злату. Путешествуют в дальныя страны для собрания предметов к беседе, для заставления говорить о себе в своем Государстве. Что желание славы производит в одном, то нестерпимость бедности раждает в другом; думают, что скорее быть можно счастливым в отдаленейших, нежели в ближайших, странах. В дальнейшие страны путешествуют для получения без труда того, на что потребовалось бы неусыпное старание. Путешествуют по лености. Ищут невежд и обманутых. Есть такие несчастные твари, которые думают обмануть судьбу, убегая оной. Есть неустрашимые, которые предаются опасностям. Некоторые без бодрости и добродетелей не могут сносить бедности, унижающей в обществе их породу и состояние. Раззорения нечаянно приключившияся, или от игры, или от расточения или от худо измеренных предприятий, доводят других до бедности, с которою они будучи несродны, стараются сокрыть оную под полюсом, или равноденственною линиею. К сему присовокупить можно всегдашние преселения, насильство худых правительств, и частыя поносныя наказания, гонящия виновного из той страны, в которой ему должно бы было ходить с потупленною головою, в ту страну, где он бесстыдно может выдавать себя за честного человека, и зреть подобных себе в лице.

Худо разсматривали человека, когда думали, что для учинения счастливым должно приучить его к бедности. Правда, что навык к бедности умаляет количество наших несчастий, но отъемля больше у нас удовольствий, нежели печалей, доводит человека скорее к нечувствительности, нежели к блаженству. Естьли он от Природы получил чувствительное сердце, естьли его воображение занимается противу его хотения предметами, или мечтами счастия, его ласкающего: то оставь его безпокойной душе обтекать пространное поле удовольствий. Разум наш да научит нас во благах, которыми наслаждаемся, познавать средства не жалеть о тех, коих мы достигнуть не в состоянии. Вот плод мудрости! — Но требовать отвержения того, что мы можем присовокупить к тому, чем уже обладаем, значит противиться самой Природе, а может быть и уничтожать первые основания общежительства; преображать Вселенную в пространное пустынножительство, а людей в праздных пустынножителей. Положим, что сие исполнено, и кинув глаза свои на сей мир, вопросим самих себя, больше ли бы он нам полюбился, естьли бы таковым мы его видели, нежели каков он есть.

Как принудить человека довольствоваться тем самым, что предписует нравоучители его нуждам? — Как можно положить границы необходимости, переменяющейся по состоянию, просвещению и прихоти. Едва он соделал удобнейшими средства чрез свое рачение для доставления себе пропитания, на что прежде употреблял он то время, которое теперь выиграно для распространения предела своих способностей и умножения своих забав. От сего родились все мнимые нужды. Открытие новых чувствований возбудило желание сохранить оные, и любопытство изобресть посредством оных другие. Совершенств одного искусства ввело сведение о многих. Успех войны, родившейся от голоду или мщения, подал причину к покушениям на завоевания. Случай плавания ввергнул людей в необходимость искоренять друг друга, или соединяться. Торговые договоры были между Народами, отделенными морем, подобно союзам общественным между людьми, рассеянными и сближенными Природою на одной земле. Все сии сношения начинаемы были войною, и кончены миром. Война и плавание смешали общества и населения. С тех пор люди стали сопряжены зависимостию, или сообщением. Совокупление Народов, соединенных войною, очищено и просвещено торговлею. Торговли предмет есть, чтоб все люди почитаемы были одним обществом, которого каждый член равно должен участвовать во благе всех. В своем предлоге и средствах торговля предполагает желание и единогласную свободу между всеми народами делать всякие мены, могущие приличествовать взаимному их удовлетворению. Желание и свобода в наслаждении, два только начала между людьми.

Сии почти слова руководствуют человеков, и управляют их движениями и мнениями.

Устрашенный человек видит в одном бедствии, раждающуюся тысячу других. Он ожидает их и от земли и от неба; ему кажется, что он видить смерть над головою и под ногами. Произшествия, случайно стекшиеся, кажутся ему соединенными в самой Природе и порядке вещей. Как ничего не приключается на земле, что бы не было примечено под каким нибудь созвездием: то все те несчастия приписываемы бывают звездам, которых причина не известна; и простые отношения обстоятельств и планет имеют для разума человеческого, всегда искавшего во мраке начало злу, непосредственное и необходимое влияние на все превращения, которые следуют, или сопряжены с оными.

Но происшествия правительственные, как самоважнейшие для человека, были всегда в глазах его в весьма тесном союзе с движением звезд. Оттуда ложные предсказания и ужасы оными вдохновленные, ужасы, которые всегда возмущали зем-

лю, и которым неведение есть начало и мера. Не довольно для блаженства человеческого быть достаточну; ему нужно, чтобы можно было дать.

Каким же образом случай всегда более участвовал в открытиях, нежели разум? — Потому, что случай работает безпрестанно между тем, как разум приостанавливается леностию, переменяет предметы по непостоянности, успокоется или от усталости или от скуки, и бывает ввергаем в недействие безчисленными причинами, нравственными или естественными. Итак случаю, или тому безчисленному собранию людей, которые действуют всячески, и обращают внимание свое на все предметы, их окружающие и поражающие, часто без намерения испытать, без мысли открыть, а единственно потому, что имеют глаза, им-то должны мы большею частию наших открытий. У многих Народов честию почитается больше страх стыда, нежели любовь ко славе.

Человек только достоин того, чтоб блаженством его занимался человек же.

Человеки, вы все братья. Доколе же удалятся будете от признания себе таковыми, доколе не будете видеть что Природа, общая ваша мать, равную пищу представляет всем ее чадам? Что причиною, что вы терзаете друг друга, и что груди питающие вас, беспрерывно обагряются вашею кровию? — То, что бы возмутило и животных, вы делаете почти с начала вашего существования. Или вы страшитесь, чтоб слишком не умножиться? Оставьте попечение о своем истреблении заразительным болезням, жестокости стихий, трудам вашим, страстям, порокам, предрассуждениям, слабости ваших членов, краткости вашего пребывания! Премудрость Существа, которому вы обязаны бытием своим, предписала вашему размножению, равно как и всем существующим тварям, пределы, которые ни когда не будут нарушены. Не довольно ли имеете в ваших нуждах безпрестанно возраждающихся неприятелей, соединившихся противу вас, не делая и заговора с ними? Человек славится своим превосходством перед прочими бытиями природы, и жестокостию, каковой нет и в роде тигров. Человек есть ужаснейший бич человека! — Естьли бы тайное его желание было услышано, вскоре на всем шаре, кроме одного его, ни кто бы не существовал.

Человека рассматривающий пребывает на одном месте, а путешествующий есть или невежа, или лжец, одаренный остроумием слушает, входит в тонкие подробности опыта, а упражняющийся в опытах, всегда почти без остроумия. Между множеством действователей употребляемых Природою, мы познаем токмо некоторых, да и то не совершенно. Кому известно что нет из оных таковых, которые, по своей природе,

всегда не постижимы будут для ваших чувств, наших орудий, примечаний, опытов. Естество из двух существ составляющих вселенную, *разум* и *существо*, всегда будут таинством.

У всех почти людей понятия открываются, по мере вещей.

Нет ничего высокомернее человека, живущего почти всегда с низшими себя.

Человек страждет для того, что не знает средств прекратить страдание. Коснеет в несчастии по слабости. Воображать его в сем скотском состоянии таковым, каков он есть в просвещенном, т. е. действующего, безпрестанно примечающего, и вместе вдающегося во все крайности, значит погрешать грубо. Опыт доказывает, что для изведения его из естественного невежества потребны целые веки, и что его рачение, заключено будучи в тесные и ограниченные малым числом его нужд пределы, никогда не возбудится само собою. Какое же средство прекратить время его праздности, обуялости, бедности чтоб показать ему деятельныя бытия, привесть во всегдашнее сообщение с трудолюбивым Народом. В скоре откроет он изумленные глаза, почувствует, что и он там же имеет руки. Трудно будет ему понять, для чего он прежде не вздумал сделать из них употребление? — Зрелище увеселений, получаемых от труда, вдохнет и ему желания оные разделить, и он начнет работать. Изобретение свойственно остроумию. Подражание свойственно всякому человеку. От подражания все редкие вещи делались и делаться будут общими.

Тот, которого ты оподлил в его глазах недоверенностию, поелику не остается ему ничего уже больше терять пред тобою, не усумнится при случае показать себя коварным, низким, подлым, обманщиком, таковым каков он есть, а может быть еще и идаким, не каков он есть, но каковым ты его судил еще и таким, не каковым он есть, но каковым ты его судил быть; между тем как тот, которому ты оказал почтение, не унизит уже сам себя, естьли он это заслужил, или не поострится к тому, естьли он того еще не заслужил. Почитать людей добродетельными или порочными, часто есть средство родить в них то.

В шестом — надесять веке в Италии, а во Франции во времена Людовика XIV, приметно было, что остроумие объяло все способности человеческие; оно дышало в мраморе и в тканях, в народных зданиях, садах, равно как в витийстве и стихотворстве. Все оному покорствовало. Замысловатые искусства, руками делаемые, равно как и те, которые единственно зависят от господства мыслей, все чувствовало его силу. Зримые цветы естества оживотворяли творения воображения, и человеческия страсти одушевляли кисть Живописца. Человек дал духу веществу, и тело духу. Но надобно заметить, что

сие было в то время, в которое любовь ко славе воспламеняла великий и сильный положением и пространством своего Государства Народ; честь, возвышавший оный в собственных его глазах, отличавшая его тогда пред всею Европою, честь была его душою, стремлением и занимала место той свободы, которая в Афинской и Римской Республиках родила все остроумия, Художества, которая оживила оные во Флоренции, принудила расцвесть на облачных и хладных брегах Темзы.

В самом естестве человека должно искать его блаженства. Что ему потребно, чтобы учиниться столько счастливым, сколько он может быть? Пропитание для настоящего времени, и естьли он думает о будущем, надежда и известность сего первого блага. Итак тот дикий человек, который просвещенными Обществами не загнан, и не находится в ледовитых поясах, не достаточествует ли в сем необходимом? Естьли он не запасает ничего, то земля и море суть для него кладовые и житницы, всегда открытые к его нуждам. Рыбная и звериная ловля бывают повсегодно, или по крайней мере заменяют заматерелость неурожая. Дикий не имеет крепких домов и выгодных покоев; но его мехи служат ему покровом, одеянием и печью. Он работает единственно для своих выгод, спит, когда устанет, не знает ни бдений, ни безсонниц. Война для него есть произвольна; опасность как и труд для него есть природное состояние, а не звание породы; должность Народа, а не служба семейства. Дикий важен, но никогда не бывает печален; редко примечаются на его челе знаки страстей и болезней, оставляющих глубокие и бедственные черты. Он не может в том иметь недостатка, чего не желает, ниже желать неизвестного. Выгодности жизни большею частию суть изцеление зол, которых он не чувствует. Удовольствия суть облегчение похотений, которых ничто в его чувствах не возбуждает? Скука никогда не входит в его душу, которая ни терпит никакого недостатка ни нужды, чтоб чувствовать, или действовать, ниже той пустоты, которая рождена тщетными предразсудками, словом Дикий страждет от одних токмо естественных зол.

Но что, потребно просвещенному человеку для его блаженства? Его пища гораздо здоровее и нежнее пищи дикого; он имеет одеяние гораздо мягче, защищен от жестокости непогод. Но простый Народ, который должен составить основание и предмет общественного устройства, сие множество людей, которое во всех Государствах преносит трудные работы и тягости общественные, бывает ли счастлив в тех государствах, где следствия войны и несовершенства правительства ввергнуло оный в рабство, или в тех правлениях, где успехи роскоши и Правительство ввели оный в работу. В средних Правительствах проникает некоторый лучь блаженства под тению

свободы; но какою ценою покупается сия безопасность!—усилиями, отвращающими на несколько времени мучительство, для того, чтоб с большею яростию и лютостию повергнуть оное на народ, который рано или поздно будет угнетен. Воззри, как Каллигула и Нерон отмстили изгнание Тарквинов и смерть Кесареву!

Давно уже стараются унизить человека. Ругатели его сделали его чудовищем. В ярости своей они обременили его оскорблениями; одно виновное удовольствие, унизить его, провело сии язвительная, черныя черты. Кто ты, дерзающий тако ругаться над подобным тебе, из чьих ложесн ты изшел? Во внутренности ли твоего сердца почерпнул ты толикие хулы? Естьли бы твоя гордость не так была слепа; твое свойство менее жестоко, варварско, то бы признал его не иначе, как бытием всегда слабым, часто обманывающимся, по погрешности, иногда заблуждающим от воображения; но изошедшего из рук Природы с честными наклонностями.

Человек рождается с семенем Добродетели, хотя он не рождается добродетельным. Он достигает до сего возвышенного состояния не иначе как по получении навыка исполнять оное. Наука, доводящая до сего высокого степени совершенства, называется Нравственностию. Она есть правило деяний, и ежели можно так сказать, наука Добродетели. Потребны поощрения, потребны похвалы тем трудам, которые предприняты для удаления зол, нас угнетающих, для украшения сна нашей жизни, для возвышения, совершенствования, прославления нашего рода. Блаженны стократно те, которых неусыпностию или дарованиями доставлены роду человеческому некоторые из сих преимуществ! — но первый венец назначается Мудрому, которого трогательныя и ясныя сочинения имели цель гораздо благороднейшую, т. е. соделать нас лучшими. Невзирая на разность набожных систем и почитаний, все Народы чувствовали, что должно быть справедливым; все Народы почитали добродетелями: благость, сострадание, дружбу, верность, искренность, признательность, любовь к Отечеству, отеческую горячность, сыновнее почтение, все напоследок чувствования, которые суть толикие же союзы, способные соединить человеков. И так Происхождение сего единодушия суждения, толь постоянного, и толь всеобщего, не должно искать среди противоречащих и преходящих мнений.

В судилище Любомудрия и рассудка Нравственность есть наука, имеющая предметом сохранение и общественное рода человеческого благо. К сему то сугубому предмету должны клонится ее правила; естественное их начало постоянно и неизменяемо есть в самом человеке, и в подобии членостроения людей, которое влечет те же самые нужды, те же забавы, те

бедствия, ту силу, слабость, источник необходимости общественной или общей борьбы противу опасностей общих, исходящих из недр самыя Природы и угрожающих человеку со всех сторон. Вот происхождение частных союзов и частных добродетелей! происхождение общих союзов и общественных добродетелей — вот источник понятий личной и общей пользы; вот источник всех частных договоров и всех законов! —

Большая часть людей рождается не злыми, и не желают делать зла; но даже и между самыми теми, которых Природа, кажется, произвела справедливыми и добрыми, весьма мало есть таких, которые бы имели столько бескорыстия, бодрости и великости духа, чтоб делать добро с некоторою собственною потерею.

Действие сильных страстей и великих опасностей есть поражение души и ввержение в некоторую обуялость, которая лишает оную употребления сил. Мало по малу приходит она в себя. Все ее способности, на некоторое время приостановленные, открываются с большим действием; она действует всем своим напряжением и возвращает все свои силы.

РАССУЖДЕНИЕ О ТРУДЕ И ПРАЗДНОСТИ[1]

В каком бы состоянии, чине, звании провидением Божиим ни поставлен был человек, известно, что нет из оных ни одного такого, которое бы делало его совершенно свободным от всей должности в рассуждении Общества, которого он составляет часть, и которое бы ему давало совершенное право быть бесполезным. Естьли бы было такое исключение, то оно было бы очень презрительно и купно крайне опасно. От бесполезного человека к человеку вредному не более одного шага; кто не делает ни какого добра в мире, тот необходимо должен делать зло, и по сему то нет ни одного такого человека, которому бы неизвестно было сие присловие: «Праздность есть мать всех пороков». Нет ничего, при чем бы рассудок и опыт лучше могли обнаружить Истину, и ни когда связь дел не доказана лучше. От праздности бедный оскудевает, а от скудности все пороки, которые по необходимости рождают желание освободиться от оной, во что бы то ни стало. От праздности богач бывает скучен, а от скуки все пороки, которые причиняет необходимость избыть оные.

Праздность наполняет улицы нищими, торжища мошенниками, вольные домы непотребными женщинами и большие дороги грабителями. Праздность питает ту вероломную негу,

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, ноябрь, стр. 202—211.

то предание себя роскоши, которые толь часто ввергают в пропасть преступления имевших несчастие слушать их советов; в лоне праздности гнездятся самые ужаснейшия предначинания, коих связь укрепляет бесславие и развратность, и здесь-то начинаются и самые беззакония. Никогда не бывает столько опасен злой человек, как когда он находится без дела; в прочем навык к праздности неприметно погашает чувствование, сопрягающие нас с подобными нам. Он делает нас глухими ко гласу Природы, вещающему нам в их пользу: хладными и безпристрастными при воззрении на них, и приучает к забвению всех наших должностей. Трудолюбивый Народ имеет свои пороки: но невозможно, чтобы праздная страна сохранила благонравие. *

Не довольно, чтобы Народ был просвещен, надо быть ему трудолюбиву, а без сего его просвещение больше будет вредно, нежели невежество; ибо невежа праздный гораздо меньше удачен в злодеяниях, нежели ленивец чтонибудь знающий. Но какое средство соделать трудолюбивым весь свет? — И кто может ласкать себя, что он в состоянии изгнать совершенно праздность из обществ, наилучше устроенных? Что делать с сим нетрогающимся духом, который ни за что не хочет приняться, с сим ветренным, который ни в чем не может иметь удачи? Что делать с сими суетными человеками, которые думают, что они заняты, потому, что не совершенно без движения остаются, которые и сами не сомневаются о их праздности; но коих жизнь представляет всегдашнюю пустоту, исполненную безпрерывного последования ничтожеств, и которых наилучшее употребление времени заключается в ничем? Что делать с сими праздными богачами, которые, поелику счастие их поставило выше нужд, думают, что в то же самое время соделало оно их чуждыми быть полезными в чем нибудь, которые почитают, что все их старание должно закючаться в том, чтоб жить в наслаждении и пресыщении, и которые всяким трудом гнушаются? Что на последок делать с сими гордыми нищими, которые, обольщены будучи одним мнением, ни чего не почитают толико прекрасным и высоким, как чтобы ни чего не делать, и думают, что леностию возвышаются в степень обилия? Мы согласны, что трудно таковых людей с пользою употреблять к должностям, и что не должно ожидать о них великих услуг; но и не должно также ласкать их наклонностям, ни уполномачивать образ их мыслей. И благоразумие

* Станется, что в возражении представят пример Испанского Народа, который почитают праздным, и который однакож не потерял своего благонравия. Сие быть может, но отыми у него с одной стороны его гордость, а с другой умеренность, и скажи, что последует тогда с его нравами?

требует, чтобы старались больше о истреблении таковых начал праздности, и препятствовали далее оным распространяться.

К счастию польза нравов встречается здесь совершенно с тем, что почитается вообще, как бы составляющим сущность благополучия Государственного. Науки, рачение, торговля, обилие, на последок богатства удаляются при приближении лености; ни плодородие земли, ни умеренность климата, ни преимущества счастливого положения, не могут вознаградить зол или потери, причиняемой оною; все простывает, все в коснелости, где оная царствует, между тем как все одушевляется и удачно, не взирая и на самые естественные противоборствия, в местах, где царствует то свойство деятельности, которое все приводит в движение. Итак нет ни чего достойнее, по всем причинам, внимания Правительства, как стараться чрез действительнейшие средства изгнать дух праздности, и вдохнуть напротив того любовь к труду.

Кто говорит о любви, говорит, о свободном чувствовании, исключающем всякое понятие о принуждении; ибо не можно, принуждая людей к труду, вдохнуть им любовь ко оному; не каторжные нужны для Общества, но свободные и произвольные работники. Естьли вы хотите изгнать праздность, истребляйте оную при самом начале, смотрите, что к оной привлекает; старайтесь уменьшить ее прелести, противоположите страсть страсти. Естьли она берет свое начало в свойстве нерадивости рассеянной вообще во всем Народе, употребите самые действительнейшия и свойственнейшие поощрения к отрясению и побеждению оныя; поставьте на место оные удовольствие честь, пользу, возбуждайте ревнование чрез все, тому способствующее; высоко отличайте полезного и трудолюбивого человека от ленивого, сделайте еще, чтобы последний не мог пользоваться теми преимуществами, коими первый; принудьте всякого гражданина, не изключая ни благородного, ни богатого, принять какое нибудь звание, требующее деятельности и труда; бдите, дабы всякий исполнял должности, избранные им, или в которой он находится; исключайте всякий чин без действительной должности, всякое благодеяние без тягости; уравните последующую от оного прибыль труду, паче вы его не давайте покойных мест, кроме тем, которые по истощения своих сил получили право требовать оных, или заслугами своими соделались того достойными. При таковом внимании, естьли совершенно не истребите праздного сложения, по крайней мере исправите нерадивое свойство, и воспрепятствуете соделаться оному прилипчивым.

Естьли начало гордости противоборствует началу труда, испровергните сию гордость гордостию благородною; разгоните сие нелепое предрассуждение, сопрягающее род преиму-

ществ с смешным правом жить ничего не делая; и чтобы напротив состояние пресыщающееся, бесплодное и веселящееся, было, естьли возможно, последнейшим всех при получении почестей и отличений; чтобы, по малой мере, никакой род труда не был презрен, естьли только хотя мало оный полезен; чтобы мера действительных услуг, сделанных Обществу, была мерою уважения народного, и чтобы всякий человек, не иначе ценим был, как по мере блага, оказываемого им в Обществе.

Естьли примечается, что дух ветренности и неспособности внушает отвращение к полезным упражнениям, требующим внимания и известной твердости в труде; естьли примечается, что пустые промыслы одерживают верх, или потому, что менее требуют труда, или потому, что более прибыльны; старайтесь исправить сии злоупотребления; не приводите в уныние никакого дарования, но соделайте, чтобы всякое почитаемо было по его достоинству, и уважаемо по мере заслуг оного: не истребляйте бабочек, но ведите брань с прузием[1] пожирающим и не попускайте, чтобы прилежная и трудолюбивая пчела была от всех презираема.

Естьли безделие есть следствием непонятности, берущей свой источник в недостатке сил; умножьте, соделайте удобнейшими средства к научению; принаровите оные ко всем, дабы никакой промысел честный не мог жаловаться на недостаток подкрепления и покровительства, или на случай упражняться в оном; внемлете паче всего вкусу и дарованиям, которые могут быть свойственны Народу; поощряйте полезные предприятия, которыя могут приведены быть в действо, кстати оказанною наперед милостию, и не надейтесь на силы, часто не достаточныя частных людей; споспешествуйте всегда доброй воле, и чтобы никто не мог в истинную сказать: «Не от себя я празден, напротив того я ничего бы столько не желал, как быть заняту».

Естьли отвращение от труда берет свой источник в страхе не наслаждаться плодом своего труда, и видеть оный чрез покровительствуемых похищенным; естьли уныние следствием некоторых уз, наложенных безрассудно на рачение, или какого нибудь обмана власти, или погрешности Правительства, поспешайте поправить заблуждения, искоренить злоупотребления, и разорвать цепи рачения.

Естьли примечается, что установления питают дух праздности, и подают повод к лености: тотчас соделайте спасительную оным перемену, каковы бы впрочем ни были правила их установления; не попустите, чтобы хлеб милостыни был пищею лености, но напротив того да будет оный наградою труда,

---

[1] Пруг (*мн* прузи) — *саранча (церковносл.)*.

воспомните заповедь Апостола: — «праздный да не яст». В самых исправления домах соделайте труд не наказанием, но средством, укрощающим строгость наказаний, или жестокость повиновения, наблюдаемого в сих местах. Словом, дабы повсюду труд был предтечею благоденствия, а страдание напротив платою и наследием праздности.

Мы не согласны, чтобы человек, хотя и осужден ясти свой хлеб в поте лица своего, осужден был на всегдашний труд: он по крайней мере должен иметь время отереть свое чело, и ясти свой хлеб спокойно; утруждение дает право на отдохновение, и за покоем должно следовать труду; но и сей покой не должен также быть совершенным бездействием, ниже состоянием точно страдательным; а нужно быть оному сопровождаему некиим чувствованием, которое бы, по крайней мере, напоминало человеку о его существовании, и напоминало бы с приятностию словом, удовольствие есть справедливое употребление отдохновения. Оно есть действительное возобновление сил, естьли только не бывает вредно или по своему естеству, или по излишеству приема.

Н. И. ГРОМОВ

О КОМПОЗИЦИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева —величайшее произведение второй половины XVIII в. В нем, как в фокусе оптического стекла, собраны все достижения передовой русской общественно-политической, философской и литературной мысли целого столетия.

К сожалению, «Путешествие» до сих пор изучено недостаточно. Большинство работ как дореволюционных, так и некоторых советских исследователей посвящено выяснению обстоятельств, в которых создавалось «Путешествие», а также источников, из которых Радищев якобы «заимствовал» мысли и стиль. Глубокое содержание книги слишком часто выпадало из поля зрения исследователей или рассматривалось в связи с анализом других произведений, преимущественно западноевропейских: Стерна, Рейналя, Руссо, Гете и др. Между тем этот сравнительный метод исследования был забракован еще самим Радищевым. В «Путешествии» мы находим удивительные мысли, которые имеют актуальное значение и в наши дни. «Классические авторы, — пишет он, — нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их доднесь делает приятными, что вечность для них уготовало» (гл. «Подберезье»).

Говоря о «Путешествии», следует иметь в виду, что ошибки некоторых советских исследователей (В. П. Семенников, Я. Л. Барсков, В. Жижка, Л. Лехтблау и др.) заключаются не только в признании подражательности «Путешествия», но и в понимании Радищева как носителя индивидуализма «в духе Руссо». Указанные исследователи не видят в «Путешествии» единства. В. П. Семенников, например, пишет: «Относительно композиции «Путешествия» Пушкин заметил, что Радищев «излил свои мысли без всякой связи и порядка». Это, в общем, справедливо, так как «Путешествие» не представляет развития одного, цельного сюжета; связь отдельных глав держится только на единстве действующего лица (путе-

шественника), в отдельных же главах развиваются самостоятельные сюжетные мотивы».[1]

Этой же точки зрения придерживается и Я. Л. Барсков, считая, что «Путешествие» — «прежде всего — это автобиография или исповедь индивидуалиста в духе Руссо. Автобиографические черты рассеяны по всей книге в таком количестве, что сплошь и рядом не только мнимого путешественника, но и его собеседников заменяет сам Радищев».[2] «Путешествие» выглядит, с его точки зрения, как собрание «пестрых глав».

С других, и в основном правильных, позиций подошел к «Путешествию» Радищева Г. П. Макогоненко. Отказавшись от порочного сравнительного метода, он видит в «Путешествии» художественное единство, стройную законченную систему взглядов, и «Путешествие» встает перед читателем, как русское оригинальное произведение, отражающее крепостническую действительность второй половины XVIII в. Исследователь доказывает, что в центре внимания читателя Радищев ставит не собственное «я», а героя-путешественника. Это положение подкрепляется анализом текста, осмысленного по-новому. Но Г. П. Макогоненко допускает некоторое упрощение фактов, оговариваясь, впрочем, что ему «пришлось, может быть, слишком прямолинейно вести линию сюжета, вынужденно сужать круг проблем, поставленых в каждой главе в книге в целом».[3]

Именно поэтому в этой принципиально новой и ценной статье есть положения, с которыми нельзя согласиться. Видя в путешественнике основного героя, автор не уделяет достаточного внимания другим действующим лицам, которые играют не меньшую роль в раскрытии идеи произведения, чем сам путешественник. Эта односторонность приводит Г. П. Макогоненко к сомнительному выводу о том, что «все изображенные факты действительности, призванные воздействовать на путешественника, раскрывать ему подлинную жизнь и рассеивать сложившиеся иллюзии о ней, подчиняют его разум своей логике жизненной правды» (стр. 34).

С точки зрения Г. П. Макогоненко, в начале книги путешественник — сторонник существующего общественного порядка. «Главы «София», «Тосно», «Любани» и «Чудово» рисуют нам человека, верующего в мудрость екатерининских законов страны, «где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как

---

[1] В. П. Семенников. Радищев. М.-П., 1923, стр. 284.

[2] Я. Л. Барсков, А. Н. Радищев. Жизнь и личность. Фотографированное издание „Путешествия из Петербурга в Москву", 1935, стр. 130.

[3] Г. П. Макогоненко. О композиции „Путешествия из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева, «XVIII век», сб. второй, АН СССР, 1940, стр. 35.

хочет», где все дышит якобы обилием, где якобы искоренены всякие неустройства в злоупотребления, где правит мудрая императрица, «философ на троне» (стр. 36). Позднее, под влиянием окружающей неприглядной действительности, путешественник теряет «веру в самодержавие» (стр. 41) и приходит к революционному выводу.

Г. П. Макогоненко устанавливает три этапа в развитии убеждений путешественника: вначале он верит «в мудрость екатерининских законов страны» (стр. 36), потом, видя ужасы крепостного права, «он призывает дворян сокрушить орудия земледелия жестокого помещика... он обращается к дворянам, но еще не к крестьянам» (стр. 41), затем, убедившись в том, что дворяне и не думают жечь свои «риги, овины и житницы», путешественник теряет «веру в самодержавие» (стр. 41) и призывает крестьян к восстанию. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что он слишком «прямолинейно ведет линию сюжета». Но главное не в этом, а в том, что Г. П. Макогоненко все сложное содержание произведения как бы сводит к эволюции взглядов путешественника. Односторонность приводит исследователя к неизбежному и сомнительному выводу: тема и сюжет «Путешествия» — «история крушения заблуждений и обретения новой веры героем-путешественником...; сама действительность заставляет его шаг за шагом менять свои прежние убеждения» (стр. 36). Значит, революционные взгляды путешественника — плоды индивидуального сознания, обусловленного своеобразным восприятием окружающей действительности. Его развитие идет особым путем, доступным немногим натурам.

Эту же точку зрения Г. П. Макогоненко отстаивает и в последней своей работе о Радищеве, выпущенной в юбилейные дни 1949 г. В книге мы находим следующий вывод: «все изображаемые факты действительности, призванные воздействовать на путешественника, раскрывать ему подлинную жизнь и рассеивать сложившиеся иллюзии о ней, подчиняют его разум своей логике жизненной правды».[1]

Бесспорно, что путешественник один из главных героев книги Радищева. Этот образ нельзя отождествлять с личностью автора. Но центральное место в «Путешествии» принадлежит все же не герою-одиночке, а всему русскому обществу, представленному всеми классовыми группами.

Автор знакомит читателя с мыслями, чувствами и бытом крепостных крестьян, разночинной интеллигенции, мелкопоместных и крупных феодалов, чиновников, придворной «черни... прикрывшей срамоту души своей позлащенными одеждами»,

[1] Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев. М., 1949, стр. 117.

и монарха, «устремляющего злость свою на внутренность слабого».

«Путешествие из Петербурга в Москву» — художественное произведение о самодержавно-крепостнической России. Его герой — не отдельный человек, ищущий «выход из реально ощутимого противоречия между своими привычными взглядами и действительными фактами», [1] а русский народ, к «величию и славе рожденный».

Автора интересуют не переживания путешественника, а юридические и материальные стороны жизни различных классовых прослоек общества.

Частные события и отдельные эпизоды, описанные в книге, революционизируют сознание читателя, чему способствует именно путешественник, делающий в каждом конкретном случае выводы и обобщения, показывающий иллюзорность надежд тех, кто верит в устранение социального зла при неизменности существующих общественных порядков. На протяжении всего повествования путешественник выступает как вполне сложившийся мыслитель, последовательный демократ, понимающий антинародность монархической власти, опирающейся на рабовладельческую систему..

Исследователи, приписывающие моральные искания путешественнику, не учитывают одного очень важного факта. Повествование в «Путешествии» ведется не исключительно от лица путешественника. Игнорирование этого обстоятельства приводит к тому, что любое высказывание связывается с мировоззрением основного героя. В действительности читатель узнает о том, что происходит в крепостническом государстве, из рассказов многочисленных персонажей, принадлежащих к различным классовым прослойкам. Так, на станции Тосно путешественник слушает «старого покрою стряпчего, едущего в Петербург с великим множеством изодранных бумаг». Пройдоха-чиновник гордится тем, что «собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских» и тем самым способствовал «восстановлению княжеских достоинств» многих дворянских семей. В главе «Чудово» знакомый путешественника повествует о жестокости чиновника, не подавшего помощи утопающим, противопоставляя ему людей из народа, чутких и отзывчивых, готовых в любую минуту оказать помощь ближнему. В «Спасской полести» присяжный не без зависти красочно повествует о наместнике, деятельность которого сводится к постоянной заботе о свежих «устерсах». Полукупец-полудворянин проклинает чиновников, этих «варваров, тигров, змей лютых», незаконно захвативших все его

[1] Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев. М., 1949, стр. 118.

состояние. Семинарист подвергает критике народное образование, культуру и философию России того времени («Подберезье»).

Крестьянкин с грустью приходит к выводу, что честной службой нельзя облегчить тяжелую участь крестьянства, так как государственный аппарат защищает право сильного, т. е. право помещика («Зайцево»).

Крестицкий дворянин развертывает перед путешественником план воспитания юношества, ссылаясь на собственный опыт («Крестьцы»).

В главе «Едрово» крестьянка Анюта дает урок путешественнику, обнаруживая глубокие понятия о любви и нравственности. «Проект в будущем» написан приятелем автора («Хотилов», «Выдропуск»).

Размышления о цензуре высказаны в главе «Торжок» человеком, связанным с книгопечатанием. Гнусная торговля крепостными описана неизвестным нам приятелем путешественника («Медное»). «Товарищ трактирного обеда» высказывает принципиально новый взгляд на поэзию, наполняя ее революционным содержанием («Тверь»).

В главе «Городня» крепостной рассказывает о жизни крепостной интеллигенции. Заключительная глава («Слово о Ломоносове») написана тем же трактирным знакомым, который «над многим чем испытывал свои силы».

От лица путешественника написаны главы: «Выезд», «София», частично «Новгород», «Бронницы», «Яжелбицы», «Валдаи», «Завидово», частично «Клин», «Пешки» и «Черная грязь». В общем тексте «Путешествия» перечисленные главы занимают незначительное место и, как увидим ниже, отличаются от основных глав книги своей идейной направленностью.

Итак, факты и события передаются в основном не путешественником, а многочисленными действующими лицами. Путешественник одинаково внимательно выслушивает мнения всех случайных спутников, но различно оценивает то, что слышит.

Старому пройдохе-стряпчему он советует продать «бумагу свою на вес разносчикам для обвертки» и не способствовать «возрождению истребленного в России зла, хвастовства древния породы». Читатель без труда замечает, что взгляды чиновника и путешественника диаметрально противоположны. Стряпчий способствует «восстановлению княжеских достоинств», преследуя свои личные цели, путешественник, напротив, заинтересован в истреблении их, так как он убежден, что привилегии — это социальное зло.

На станции Любань путешественник встречает пашущего крестьянина. Наблюдая за пахарем издали, он приходит к вы-

воду, что «пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительной легкостью». Предварительный вывод подтверждается содержанием беседы между крепостным и путешественником, который полностью соглашается с крестьянином, убежденным в том, что барин не захочет в «его кожу». Значит, факт жестокой эксплоатации крепостных сообщается Радищевым вовсе не таким образом, что он воздействует на сознание путешественника, заставляет его смотреть по-другому на крепостное право. Эпизод в главе «Любани» вводится с целью подтверждения уже установившихся взглядов путешественника, симпатии которого находятся на стороне угнетенных крестьян.

Выслушав печальный рассказ приятеля Ч. (гл. «Чудово»), путешественник соглашается с тем, что назначение чиновников — «грызть друг друга, отрада их — томить слабого до издыхания и раболепствовать власти», но он решительно возражает против вывода, к которому пришел его друг. Приятель Ч. решил заехать «туда, куда люди не ходят, где не знают что есть человек, где имя его неизвестно». Путешественник «старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неустройства в обществе связи его не нарушают».

Перед читателем и здесь выступают два различных героя. Один из них, столкнувшись с отрицательной действительностью, не находит в себе сил, чтобы бороться с ней, и бежит из общества, не понимая, что злоупотребления чиновников есть следствие неразумного античеловечного государственного устройства. Напротив, путешественник считает необходимым оставаться среди людей, чтобы бороться за переустройство общества.

Рекомендуя другу вернуться в жизнь, путешественник понимает, конечно, как частные отрицательные явления зависят в целом от государственного устройства, что и доказывается им в «Спасской полести». Значит, и здесь путешественник не подвергается воздействию случайных фактов, противопоставляя приятелю Ч. свою продуманную точку зрения.

На почтовой станции Подберезье семинарист, выходец из народа, высказывает свои убеждения о состоянии просвещения и образования. Он нападает на схоластику, считает необходимым преподавать «науки на языке общественном, на языке российском», так как в этом случае «учение всем бы было внятнее, просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных». Видно, что семинарист — де-

мократ по убеждению. Путешественник полностью соглашается с ним, любуясь его «приветливым видом, взглядом неробким» и «вежливой осанкой».

Крестьянкин в главе «Зайцево» рассказывает о крушении своих иллюзий. Приняв «место председателя Уголовной палаты», он хотел «сокрушить скипетр жестокости, который столь часто тягчит рамена невинности». Он встал на защиту крестьян и вызвал ненависть дворянства и чиновников. Крестьянкин не мог защитить правых крестьян, и «не в силах будучи делать добро, оставил место хищному зверю». Если нет способа «спасти невинных убийц», крестьян, то нельзя «быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем». Таков вывод Крестьянкина, с которым соглашается и путешественник. Дворянин в главе «Крестьцы» подвергает всесторонней критике воспитание детей в семье, считая необходимым прививать юношеству гражданские добродетели. «В наследие вам оставляю слово умирающего Катона», — завещает он своим детям. «Слово Крестицкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его казалися мне неоспоримы», — соглашается путешественник.

В главах «Хотилов» и «Выдропуск» друг путешественника дает «Проект в будущем», отмечая при этом, что «отечество наше есть приятное божеству обиталище, ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех». В государстве неизвестны «вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству»...

Прославляя «любезное отечество», автор проекта скорбит о том, что «земледельцы и доднесь между нами рабы, мы в них не познаем сограждан, нам равных, забыли в них человека». Он обращается к совести дворян, считая их «истинными сынами отечества»: «опомнитесь заблудшие, смягчитеся жестокосердые, разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи». Необходимость освобождения крестьян доказывается им, с одной стороны, тем, что люди «все равны от чрева матерня в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной», с другой стороны, тем, что крепостное право невыгодно для государства с экономической точки зрения. Наконец, автор проекта показывает, что крепостное право «вредно... в размножении произрастений и народа, вредно примером своим и опасно в неспокойствии своем... Братия наши, в узах нами содержимые, ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет

посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования... Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец, или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитеся».

В авторе проекта нетрудно узнать либерала того времени. Выражая сострадание мужицкой «братии», он в то же время боится ее и предостерегает помещиков от кровавых последствий, убеждая их итти «в жилище братии вашей, возвестить о перемене их жребия». Друг путешественника «начертал путь повремянным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцев в России». Как же проводится это освобождение? Вначале уничтожается «рабство домашнее», т. е. запрещается тягловых крестьян превращать в дворовых; разрешается всем крепостным «вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина»; обрабатываемая крестьянином земля должна быть его собственностью; земледелец восстанавливается «во звании гражданина», который судится ему равными; разрешается крестьянину покупать землю и приобретать вольность, «платя господину за отпускную известную сумму...» «За сим следует совершенное уничтожение рабства». Так представляет себе автор проекта освобождение крестьян от крепостной зависимости, давая пример «позднейшему потомству, како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу». Говоря точнее, уничтожение рабства проходит в рамках законности, с соблюдением интересов помещиков.

Как же отнесся к этому проекту путешественник? Прочитав на станции Хотилов «Проект в будущем», путешественник с присущей ему иронией замечает: «Я за благо положил, лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном, нежели заниматься тем, что не существует». Несмотря на умеренность требований, выставленных в проекте, путешественник относится к нему с нескрываемым скептицизмом, не верит в возможность освобождения крестьянства мирным путем.

В главе «Вышний Волочок», написанной от лица путешественника, доказывается, что помещик «корысти ради своей забывает человечество в подобных ему, и что за примером жестокосердия не имеем нужды ходить в дальние страны, ни чудес искать за тридевять земель: в нашем царстве они в очью совершаются». Следует повесть о помещике, выходце

из среды мелких чиновников. Заставив «всех крестьян, жен их и детей... во все дни года работать на себя», помещик «год от году умножал свое имение, усугубляя число стенящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами».

Эта грустная повесть направлена против автора проекта, апеллирующего к совести помещика и справедливости государственной власти. Путешественник приходит к противоположному выводу. Во-первых, для него ясно, что помещик — враг крепостных крестьян, что «богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания». Во-вторых, нельзя ожидать улучшения жизни угнетенных от угнетателей. Помещики не только не думают об освобождении крестьян, а, напротив, всеми законными и незаконными средствами стремятся приобрести большее число крепостных. И этих-то помещиков называют «мягкосердыми»? Надеются на их гуманные, человеколюбивые побуждения? Напрасный труд! К тем, кто ждет освобождения крестьян от самих помещиков, путешественник обращается с гневными словами: «Прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение, сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам... ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером».

Таким образом, нотки либерализма в главах «Хотилов» и «Выдропуск» принадлежат не путешественнику, близко стоящему по своим воззрениям к автору. Радищев воспроизводит в «Проекте в будущем» либерально-прогрессивные настроения своего времени, но сам не разделяет их, придерживаясь революционного метода освобождения крестьян. Отождествление «Проекта в будущем» с воззрениями самого Радищева приводило почти всех исследователей к противоречивому выводу. С одной стороны, в лице Радищева исследователи «Путешествия» видели революционера, с другой — сторонника правительственных реформ. В «Путешествии» «действительно имеется ряд мест, которые находятся в известном противоречии с революционным существом радищевской книги...»[1] — пишет Д. Д. Благой. Видя ужасы крепостного права, Радищев «хотел облегчить эти страдания хотя бы частично теперь же, немедленно. Логически непоследовательно, но психологически понятно, что в этом стремлении Радищев готов был еще раз попытаться пойти традиционным путем философов-просветителей, иллюзорность которого сам же одно-

---

[1] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, Учпедгиз, 1946, стр. 360.

временно сознавал и неоднократно, как мы видели в том же «Путешествии», подчеркивал, — путем у б е ж д е н и я (разрядка автора.—*Н. Г.*) в необходимости проведения правительственных реформ, в первую очередь, освобождения крестьян». Чтобы свести концы с концами, Д. Д. Благой делает оговорку, что «огромное значение, которое имела книга Радищева в развитии нашей литературы и общественной мысли, связано не с попытками его толкнуть правительство на путь реформ, а с проникающими «Путешествие» чаяниями неизбежной народной революции, грядущего народоправства».[1]

Следовательно, с точки зрения Д. Д. Благого, в Радищеве мирно сосуществовали и реформатор и революционер. Эта ошибочная концепция находит место в новейших исследованиях о Радищеве. М. А. Горбунов пишет: «Радищев допускал такую возможность, что помещики поймут серьезность положения и сами освободят крестьян от крепостной неволи. Радищев в известной степени даже рассчитывал на такую возможность. В главе «Хотилов» своей знаменитой книги он предлагал проект постепенного освобождения крестьян».[2]

В другом месте автор решительно утверждает, что Радищев надеется на «революционный взрыв, гибельный для господствующих классов и спасительный для широких масс народа».[3]

Как видим, автор помещает два уничтожающих друг друга утверждения.

Содержание глав «Хотилов», «Вышний Волочок» и «Выдропуск» показывает, что путешественник не соглашается с мнением автора «Проекта в будущем» и противопоставляет ему свою революционную точку зрения. В «Хотилове» дан один из тех бесплодных «проектов» освобождения крестьян, которые рождались в среде прогрессивного дворянства.

Даже Вольное экономическое общество, возникшее с разрешения императрицы и заседавшее под председательством Г. Г. Орлова, ставило вопрос об освобождении крестьян. Лучшим проектом «освобождения» был признан проект Беарде-де-Лаббе, который в первой части своего труда высказался за полное освобождение крестьян и тем самым смутил спокойствие крепостников, заседавших в Обществе, а во второй части пояснил, что падению рабства должно предшествовать длительное просвещение крестьян, что вполне успокоило государственных деятелей.

---

[1] Д. Д. Б л а г о й. История русской литературы XVIII века, Учпедгиз, 1946, стр. 361.

[2] М. А. Г о р б у н о в. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. Госполитиздат, 1949, стр. 80.

[3] Там же, стр. 94.

Замечания к «Проекту в будущем» и содержание главы «Вышний Волочок» показывают, что путешественник не согласен с мнением автора «Проекта» и противопоставляет ему свою, революционную точку зрения.

Мысли путешественника разделяют спутники, встретившиеся ему на станциях Торжок и Тверь. Эти случайные знакомые имеют непосредственное отношение к литературе. Спутник, с которым путешественник встретился в Торжке, едет «в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание». Его перу принадлежит «Краткое повествование о происхождении цензуры» и очерк «Медное». Спутник, встретившийся в Твери, подарил путешественнику оду «Вольность» и «Слово о Ломоносове». Мы не знаем, к какому классу принадлежат эти люди. Но горячая защита свободной литературы, революционно-демократическая направленность их «творчества» и антикрепостнические настроения — все это говорит за то, что они тесно связаны с народом и революционными идеями своего времени.

Литератор из Торжка в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» устанавливает, что задача цензуры сводится к тому, чтобы «почеркивать, марать, недозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению...» А что же «противно правлению»? На этот вопрос он дает прямой и решительный ответ: «Все твердые размышления, на истине основанные, власти противны». Правительство, введя цензуру, охраняет тем самым интересы помещиков и чиновников, не позволяя общественности называть «тайный грабеж... грабежом, прикрытое убийство убийством». «Правительства боятся... иметь порицателей... Вольность мыслей правительствам страшна». Благодаря цензуре, общественное зло не выносится на суд общества, злоупотребления чиновников и помещиков остаются не раскрытыми. В государстве создается видимое спокойствие и благополучие. Но литератор знает, что «ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод». Это ясный намек на недовольство народных масс, интересы которых противоположны интересам монарха и придворных. Монархическая власть боится живой мысли, идущей в разрез с мнениями людей, плотной стеной окружающих трон. Боязнь достигает иногда невероятных размеров и приводит монарха к абсурдным решениям. Например, прусский король Фридрих II, узнав, что «указы, им созданные, некто намерен был... напечатать», приставил к ним «двух цензоров или, правильнее сказать, браковщиков». Литератор приходит к выводу, что дивиться тут не-

чему, так как ни в чьей голове не может быть больше несообразностей, чем в царской. Почему? Царь не позволяет литературе говорить о рабстве, а между тем не запрещает печатать объявления рабовладельцев о продаже крепостных рабов. Это ли не противоречие? В главе «Медное» тот же литератор, автор работы о цензуре, приводит одно из многочисленных объявлений о продаже крепостных и показывает позорный процесс продажи людей. В конце главы тот же автор ставит вопрос, кто же может способствовать уничтожению рабства? Конечно, не царь, не духовенство, стремящееся приобрести скорее «себе овцу, нежели овцу во христово стадо», и не помещики: «Свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». Таков окончательный вывод неизвестного литератора. Сопоставив «Проект в будущем» с содержанием глав «Торжок» и «Медное», мы неизбежно придем к следующим выводам.

Во-первых, в главах «Хотилов», «Выдропуск», «Торжок» и «Медное» ставится вопрос об уничтожении крепостного права. Во-вторых, авторы проектов с различных позиций подходят к разрешению этого вопроса. Автор «Проекта в будущем» стремится сочетать «власть со свободою», т. е. надеется на «человеколюбие» помещиков и справедливые законы монарха. Литератор из Торжка приходит к противоположному выводу: крепостники никогда не дадут свободу своим рабам; крепостное право падет тогда, когда угнетенные крестьяне уничтожат своих поработителей. Симпатии путешественника на стороне литератора из Торжка. «Проект в будущем» встречен путешественником, как мы видим, с нескрываемым скептицизмом. Напротив, рассуждения и выводы литератора из Торжка приняты им целиком без обычных колких замечаний.

Не вызывают возражений со стороны путешественника и мысли поэта из Твери, от лица которого написаны ода «Вольность», помещенная в главе «Тверь» и «Слово о Ломоносове». В 49 и 50 строфах оды «Вольность» говорится, что «человечество возревет в оковах, и направляемое надеждой свободы, и неистребимым природы правом, двинется... Тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!

Мне слышится уж глас природы,— говорит поэт, — начальный глас, глас божества. Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла». В оде «Вольность» отчетливо вырисовывается общественное лицо неизвестного поэта. Он не только признает необходимым изменить общественные отношения революционным путем, но и предсказывает революционный

взрыв в будущем, веря в несокрушимые силы угнетенного народа. Его «Слово о Ломоносове» — это гимн не столько Ломоносову, сколько русскому народу, рождающему из недр своих великих людей, жизнь которых неразрывно связана с бескорыстным служением обществу. «Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу», — восклицает он. С этой точки зрения он подходит к заслугам Ломоносова. Гордясь деятельностью великого помора, выходца из народной среды, автор, убежденный демократ и непримиримый борец с самодержавием, не может примириться с мыслью, что Ломоносов «льстил похвалою в стихах Елизавете». Однако он прощает Ломоносову «ласкательство царям, нередко недостойным нетокмо похвалы стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания», так как ценит в нем поэта, воспевшего «картины народного спокойствия и тишины», верившего в способность народа воспринять просвещение и культуру. В науке и «стезе российской словесности Ломоносов есть первый». Он «исторгся из среды народныя» и служил этой среде. Вот почему и дорог тверскому поэту образ Ломоносова. Вот почему он прощает ему «ласкательство» царям.

Следовательно, если литератор из Торжка только приходит к выводу о необходимости борьбы с помещичьим строем революционным путем, то поэт из Твери верит в силу и способности народа, рисует картину всеобщего восстания, направленного против самодержавия, оплота крепостничества.

Таким образом, мы видим, что Радищев вводит своих героев, сторонников освобождения крестьян, по строгому плану. Вначале показываются герои, протестующие против крепостного права и надеющиеся на правительство, способное, с их точки зрения, облегчить жизнь крепостных крестьян. Затем выступают герои-революционеры. Их выводы являются последним завершающим словом, с которым соглашается путешественник, дополняя их мнения рядом своих соображений. Так, после главы «Тверь» Радищев помещает главы «Городня», «Завидово», «Клин», «Пешки», «Черная грязь», написанные от лица путешественника.

В главе «Городня» показан крепостной интеллигент, который дает исчерпывающую характеристику помещикам и тем условиям жизни, в которых находятся крепостные. Жизнь в помещичьей усадьбе кажется крепостному адом. «Трудна солдатская жизнь, — говорит он путешественнику, — но лучше петли». Он не желает «умирать томное смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнем поругании». Этот крепостной интеллигент говорит не только о себе. Он знает, что все гос-

люда считают своих холопов «своим имением, нередко хуже скотов». Обращаясь к путешественнику, крепостной спрашивает: «Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина?» И сам отвечает: «Для чего не удивляетесь жестокосердию своей братии, дворян?» Из разговора с крепостным, с радостью идущим в солдаты, чтобы избавиться от помещика, путешественник узнает, что крестьянин «достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными».

Отсюда и вытекает обобщение путешественника, вера его в способность простого народа управлять государством. Если бы рабы разбили «главы бесчеловечных своих господ», то скоро бы из среды их вышли люди, способные заменить «избитое племя».

Итак, мы можем сделать вывод, что и факты и мнения передаются в книге Радищева не непосредственно путешественником, а различными подданными крепостнического государства. Одни из них оправдывают существующий общественный строй, другие критикуют его, ратуя за смягчение и устранение рабства в рамках законности, возлагая надежды на «мягкосердое» правление, третьи — отстаивают равноправие крестьян, стремятся к насильственному уничтожению основ крепостнического государства. К этой последней группе принадлежит и путешественник, решительный сторонник революционных мер. Среди многочисленных героев «Путешествия» он не остается пассивным зрителем развертывающихся событий. Он внимательно присматривается и прислушивается ко всему, что его окружает. Любое событие он оценивает со своей точки зрения.

С первых же страниц книги читатель замечает, что путешественник ясно видит, кто с ним разговаривает: открытый враг или филантроп, сторонник свободы на словах и мелкий тиран на деле, или истинный защитник угнетенных крестьян. Путешественник, выслушав мнение собеседника, или возражает ему, или соглашается с ним, усиливая впечатление читателя своими замечаниями. Следовательно, путешественник сам оценивает факты, попадающие в его поле зрения, поднимается над ними, спорит с героями, мысли которых идут вразрез с его убеждениями. Достаточно внимательно прочитать «Путешествие», чтобы убедиться в том, что все резкие замечания по поводу крепостников, крепостного права в целом, государственной власти, дворянской морали принадлежат именно путешественнику. Он симпатизирует простому народу, показывает те условия, в которых находится крестьянин, порабощенный помещиком, и зовет к борьбе с поработителями.

В одной из первых глав, выслушав рассудительного крестьянина, путешественник обращается к помещикам с гневными словами: «Страшись, помещик, жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу я твое осуждение» (гл. «Любани»). Он знает, что рабство поддерживается самодержавием. Эта мысль высказана отчетливо в гл. «Новгород». На месте бывших республик, говорит путешественник, ныне «пасутся рабы жезлом самовластия». Между самодержавием, поддерживаемым дворянством, и угнетенными гражданами идет непрерывная, напряженная борьба. Власть без силы — это пустой звук. «Примеры всех времян свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом». Какое глубокое понимание природы государственной власти! Радищев, вложивший в уста путешественника эту мысль, далеко ушел вперед по сравнению со своими современниками.

Небольшая кучка людей, поддерживающая ступени трона, использует власть в своих корыстных целях. Дворяне с детских лет получают «чины, расточают или наживают имение и проч...» Возмужав, они теряют «честь, отравляют или режут людей не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев», развратничают и заражают своим примером «верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень» (гл. «Едрово»). Женщины «в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают, а особливо с несчастными, подвластными их влияниям» («Едрово»). Кто способствует моральному разложению господствующего класса и, следовательно, всего населения? «Разве не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан» («Яжелбицы»). Путешественник подвергает уничтожающей критике брак, семью в дворянском обществе, противопоставляя религиозному учению о них точку зрения гражданскую. «В христианском законе брак есть таинство, в гражданском — соглашение, или договор» («Едрово»). Здоровой семьи в дворянском обществе нет и быть не может, так как браки совершаются по расчету: взаимное влечение супругов, уважение, любовь, гражданский долг — все это приносится в жертву материальным выгодам. Любой дворянке хочется «видеть дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею, если она ходит пешком, или едущую цугом, вместо двух заморенных кляч, которые ее таскают». Брак состоялся. Как же живут супруги? «Муж... таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит» с женою, а супруга его «сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников».

Развращенному дворянству путешественник противопоставляет крестьян, здоровых физически и морально. При этом бросается в глаза одна особенность в изображении дворян и крестьянства. Дворяне показаны путешественником в праздности, крестьяне — в труде. Мужик в главе «Любани» усердно трудится на своей полосе, Анюта, ее мать и жених Анюты Ванюха («Едрово») показаны на фоне трудовой обстановки. Перед глазами читателя встает образ крестьянки-труженицы в главе «Пешки». Целая галлерея крестьянских образов дается путешественником в главе «Клин». Привычные к труду, скромные в желаниях, умеренные в пище и одежде — таковы крестьяне, живущие на станции Клин.

Будущее, с точки зрения путешественника, принадлежит крестьянам, а не дворянам. Пока что «крестьянин в законе мертв... но он жив будет, если того восхощет». Значит, конечный вывод путешественника сводится к тому, что крестьянин должен завоевать свободу своими руками. Как организовать борьбу крестьян, с чего начать? На эти вопросы путешественник не дает ясного ответа. Однако он знает, что свободы нельзя ждать «сверху». Если крепостные не поднимутся против своих угнетателей, они останутся в вечном рабстве. Эта мысль приводит иногда путешественника к растерянности и унынию. В главе «Черная грязь» путешественник, говоря о неравном браке, совершающемся по велению дворянина, замечает, что «благославляют брак наемник» и помещик. «Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первый ради получения мзды; другой, дабы потребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества управлять себе подобным самовластно». В этих условиях путешественник и говорит, что конец страданий многих миллионов «сокрыт еще от взора и внучат моих». Эту фразу не раз истолковывали, как выражение неверия в силы народа, как отказ Радищева от революционных методов борьбы. Между тем здесь речь идет не столько о народе, сколько о тех условиях жизни, в которые поставлены крепостные, и о том, что помещик никогда не откажется от права владеть людьми.

В «Путешествии» действительно имеются нотки пессимизма и явного либерализма. Но кто является конкретным носителем этих настроений? Нотки пессимизма мы находим в главах «Чудово», «Спасская полесть», «Зайцево» и др. В главе «Чудово» знакомец путешественника столкнулся с грубой крепостнической действительностью, увидел отвратительную сторону практики государственной власти, «волосы драл с досады», пытался «отмстить сему зверскому начальнику... за человечество». Но он не пошел дальше «благородного» негодования и, боясь «прослыть или бешеным или злым челове-

ком, смирился». Случай на Финском заливе оставил в его сознании тяжелый, неприятный осадок и привел его к убеждению о необходимости оставить цивилизованное общество, бежать туда, «где не знают, что есть человек». Почти к такому же выводу приходит полудворянин-полукупец из «Спасской Полести». Ненавидя варваров-чиновников, он спасается бегством, не находя в себе силы бороться с социальным злом.

Благородный Крестьянкин, встретившийся путешественнику на станции Зайцево, показан Радищевым с другой стороны. Приняв место председателя уголовной палаты, Крестьянкин хотел строгим соблюдением законов иссушить «слезы страждущей невинности и простодушия». Честно служа, этот необычный чиновник увидел море слез простого народа, алчность и злоупотребления помещиков, лживость законов и подкупность чиновников. Когда Крестьянкин попытался вынести оправдание крестьянам, убившим бесчеловечного помещика, чиновники увидели в нем «поощрителя убийств». «Если ослушники воли господина своего, а паче его убийцы, невинными признаваемы будут, то повиновение прервется, связь домашняя нарушится... Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится», — говорят чиновники Крестьянкину.

Этой крепостнической точке зрения можно было противопоставить только революционную мысль. Но на это Крестьянкин неспособен. Он ограничился длинной тирадой о равноправии граждан, опирающемся на закон, и удалился «из сего собрания льстецов», чтобы «оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния». Либеральные позиции оказались непрочными и даже вредными в условиях крепостнической системы, так как этот «человеколюбивый» чиновник «оставил место истинному хищному зверю», который «в короткое время заслужил похвалу» начальства, «выправив» дела своего предшественника.

В таком же либеральном духе составлен «Проект в будущем», помещенный в главах «Хотилов» и «Выдропуск». Мы уже видели, как относится к нему путешественник. Таким образом, либеральные и пессимистические настроения исходят не из уст путешественника, близко стоящего к автору «Путешествия».

Либерально настроенным героям Радищев противопоставляет героев-революционеров, которые верят в силу русского народа и борются не за смягчение крепостного права, а за его окончательное уничтожение. К этой группе действующих лиц относятся: семинарист («Подберезье»), литератор из Торжка,

поэт, встреченный путешественником на станции Тверь, и, наконец, сам путешественник. Не случайно Радищев помещает этих героев в последних главах книги. Их суждения как бы служат последним, единственно возможным и правильным выводом из сложной и противоречивой русской действительности, описанной в «Путешествии».

Радищев-революционер воспроизвел в своей книге ожесточенную идейно-общественную борьбу, разгоревшуюся среди русской интеллигенции во второй половине XVIII века в связи с обострением классовых противоречий, вылившихся в целый ряд грозных стихийных восстаний.

Сочувствие крепостному крестьянину, обличение злоупотреблений помещиков, чиновников и купцов не являлись исключительными случаями в XVIII в. Общественная мысль не могла пройти мимо социальной язвы — крепостного права. Достаточно вспомнить сатиру Н. И. Новикова, обличение Д. И. Фонвизиным грубого проявления крепостничества и др.

Если бы Радищев ограничился только изображением в «Путешествии» ужасов крепостничества, он не вышел бы за рамки прогрессивной дворянской мысли. Но он подошел к вопросу крепостного права с позиций демократа-революционера. Не случайно Н. А. Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины» выделяет «Путешествие» из огромного количества сатирической литературы второй половины XVIII века. «Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, против нее и можно было употребить столь сильные меры. Впрочем, если бы этих мер и не было, все-таки «Путешествие из Петербурга в Москву» осталось бы явлением исключительным и за автором его последовали бы, до конечных его результатов, разве весьма немногие».[1]

По цензурным условиям Н. А. Добролюбов не мог говорить «во весь голос». Но в приведенном высказывании критик ясно дает понять читателю, что Радищев занимал революционные позиции.

Автор «Путешествия» не ограничился изображением отрицательных сторон крепостнического государства, а показал, как относятся к социальному злу представители различных классовых групп, — и что из этого получается. Все действующие лица «Путешествия», пытающиеся честным трудом и мирными средствами облегчить жизнь простых людей, терпят полное поражение, отказываются в конечном счете от служе-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 149.

ния обществу и уходят «в себя», окруженные презрением и ненавистью представителей власти и помещиков.

Этим людям противопоставлены герои, которые готовы бороться не с отдельными представителями крепостников-помещиков, а со всей крепостнической системой. Им, как мы видели, предоставлено последнее слово в «Путешествии», за ними будущее России. Для них крепостной народ — не объект, достойный сожаления, сочувствия и снисхождения, а субъект, способный самостоятельно решать свою судьбу. Эта свежая, революционная мысль, далеко опередившая современников, заставляла трепетать сторонников самодержавия.

———

Л. И. КУЛАКОВА

О ДАТИРОВКЕ «ДНЕВНИКА ОДНОЙ НЕДЕЛИ»

«Дневник одной недели» стоит особняком в творчестве Радищева. В общем потоке произведений великого мыслителя-революционера (прозаических и стихотворных, художественных и научных) эта небольшая повесть кажется чем-то чужеродным, неожиданным. В то время, как «Путешествие из Петербурга в Москву», «Житие Ф. В. Ушакова», «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», «Описание моего владения», ода «Вольность» и др. поднимают большие общественные проблемы, в «Дневнике одной недели» на первом плане личные, субъективные переживания героя.

Напечатан впервые «Дневник одной недели» в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», т. IV, 1811 г. Рукопись повести не сохранилась. Дата написания неизвестна.

В главе «Понедельник», к тому месту, где говорится: «Но он сам причина своему бедствию, — кто же поручится мне, что и я сам себе злодей буду», сделано примечание: «Сие сбылось через несколько лет». Кто автор примечания, в тексте не оговорено. В. В. Каллаш, редактор полного собрания сочинений Радищева 1907 г., считает, что строчка эта написана автором и прибавляет: «Намек на ссылку в Сибирь. Это указание, а также упоминание о службе заставляют отнести эту статью к 80-м годам».[1]

Позднее точка зрения Каллаша вызвала возражения. Обращалось внимание на то, что в тексте повести говорится о пьесе Сорена «Беверлей», которая была переведена, напечатана и представлена на русской сцене в 1773 г. Исходя из этого соображения, исследователи считают, что «Дневник» написан в 1773 или 1774 г. Развивая данное положение, Д. Д. Благой и рассматривает «Дневник» как первую русскую сентиментальную повесть, указывая, что позднее Радищев отказался от

---

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений под ред. В. В. Каллаша, т. I. М., 1907, стр. 81.

пути, намечавшегося в ней.[1] Г. П. Макогоненко в комментариях к «Дневнику одной недели» повторяет основные аргументы Д. Д. Благого и дополняет их. Он говорит о представлении «Беверлея» в 1773 г. и о том, что написан «Дневник» Радищевым до идейного перелома, происшедшего после пугачевского восстания, после которого писатель счел свое произведение ошибочным. И, наконец, Г. П. Макогоненко исправляет Д. Д. Благого в отношении западных источников. Если Д. Д. Благой говорит лишь о некотором воздействии Стерна, то Г. П. Макогоненко считает, что Радищев выступает в данном произведении как ученик и в то же время антагонист Руссо, ради полемики с которым и написана повесть. Эта последняя мысль наиболее четко развивается Г. П. Макогоненко в книге «Радищев» (М., 1949): «Дневник» — блестящий дебют молодого писателя. Все в нем — замысел, тонкость анализа, мастерство передачи быстро сменяющихся впечатлений, язык, передающий интенсивность и напряженность душевной жизни, — изобличают талант и мастерство художника, отлично усвоившего принципы и стиль своих учителей, и Руссо в первую очередь» (стр. 72). Далее же говорится о том, что Радищев борется с Руссо, выдвигая в противовес руссоистской идее уединения «принцип общежительства» (стр. 75).

Все перечисленные утверждения вызывают ряд сомнений.

Известные нам произведения Радищева, кроме мелких лирических стихотворений, написанные до 1790 г., напечатаны им самим, либо включены в состав «Путешествия», как ода «Вольность», либо, по крайней мере, намечались к включению в него (поэма «Творение мира»). Почему же «Дневник одной недели», политически совершенно невинное произведение, которое не могло встретить цензурных препятствий, осталось ненапечатанным? Предположить, что Радищев считал его не заслуживающим внимания, порочным, сейчас же после написания отрекся от него — трудно. «Дневник» — своего рода художественный шедевр. Развивается в нем важнейшая для Радищева мысль, что человек — существо чувствующее, что чувство предшествует разуму, и абстрактные понятия складываются в результате воздействия внешнего мира.

«Дневник» написан человеком с сложившимся философским мировоззрением. Основная мысль повести заключена в словах: «Ужели человек толико раб своея чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно востревожится? О гордое насекомое! Дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь,

---

[1] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, М., 1945, стр. 353—354.

что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе. Гордись твоим рассудком, но прежде воспряни, чтобы острие тебя не язвило и сладость тебе не была приятна».

Философская основа этих положений — сенсуализм — характерна для Радищева. Можно считать, что он полемизирует здесь с идеалистическими системами, презрительно относящимися к «неразумной» чувственной природе человека.

Можно пойти дальше и сказать, что весь «Дневник» с его попыткой представить психологию индивидуума и желание вызвать сочувствие к страданиям обыкновенного частного человека есть выпад против классицизма, но важность этих проблем заставляет еще раз задуматься, почему это столь принципиальное произведение не было напечатано во-время, в 70-е или 80-е годы, когда оно могло сыграть большую роль в дальнейшем развитии русской литературы?

Указание, что «Дневник» написан до идейного перелома, тоже нуждается в уточнении. Крестьянская война оказала решающее воздействие на мировоззрение Радищева, показав ему пути борьбы, но в общественной инертности Радищева нельзя упрекать и в начале 70-х годов, об этом достаточно убедительно говорит и перевод брошюры Гики «Желание греков к Европе христианской» в 1771 г. и тем более перевод «Размышлений о греческой истории» Мабли. По меньшей мере странно приписывать человеку, который написал: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому существу состояние», отсутствие интереса к политической проблематике.

Нам известно, что над «Путешествием» Радищев начал работать не позднее, чем в 1780 г. Если «Дневник» написан в 70-х годах, значит он стоит между «Отрывком путешествия в И. Т.», переводом Мабли и «Путешествием из Петербурга в Москву». Но ведь одним из доказательств принадлежности «Отрывка» Радищеву является сходство стиля этих произведений. Именно в «Отрывке» начинает складываться метод показа действительности через самую действительность, через среду, окружающую героя. В «Путешествии» данный метод развивается; так почему же в «Дневнике» Радищев допускает столь резкий крен в сторону?

Если «Дневник» написан в 80-е годы, значит Радищев работал над ним одновременно с тем, как писалось «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие».

Но центральная тема «Жития» — определение взаимоотношения среды и личности, показ влияния среды как начала, формирующего характер человека и определяющего его жизнь. Правда, в «Житии» значительное место занимает дружба, центральная тема «Дневника», но трактовка данного понятия

в этих произведениях неодинакова. Дружба, о которой говорится в «Житии», это сознательная любовь к людям, рожденная общими интересами, борьбой. Она не боится ни разлуки, ни самой смерти. В сердце живых остается память об умершем, в их «я» можно найти черты личности покойного. Если жизненные пути людей расходятся, если даже они начинают мыслить различно, воспоминания о прошедшем навсегда связывают их.

В дружбе, о которой говорится в «Дневнике», больше горечи, чем счастья. В ней есть что-то болезненное, рожденное сомнениями в верности, искренности друзей, их любви. И вместе с тем только в ней опора и надежда. «Друзей моих нет со мною, где они? Почто отъехали? Конечно, жар дружбы их и любови столь мал был, что мог ли меня оставить! — Несчастный! что ты произрек? Страшись! Се глагол грома, се смерть благоденствия твоего, се смерть твоей надежды!» Друзья не приехали в назначенный день. «Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Все миновалось, ниспал обаятельный покров утех и веселий; — оставлен. Кем? Друзьями моими, друзьями души моей! Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман?— Что изрек, несчастный!»

Насколько мало все это похоже на «Житие» и «Путешествие», не стоит и говорить.

Что же, остается принять версию, что, вернувшись в Россию во время чумного бунта, перед самым началом выступления Пугачева или в разгар его, Радищев начинает ни с того ни с сего полемику с Руссо, являясь в то же время, как писатель, его учеником? Данная точка зрения порочна в своей основе. Разделяющий ее исследователь отрывает великого мыслителя от русской действительности, заставляя его заниматься совсем не актуальной в 1773 г. полемикой с Руссо. При таком подходе Радищев, как писатель, превращается в ученика Руссо, ибо в смысле языка, манеры, письма «Дневник» сходен со всеми произведениями великого русского писателя, выработавшего свой собственный, оригинальный стиль. Да и в чем соль полемики по существу? В том, что Радищев борется против индивидуализма, пропагандируемого Руссо, словами «Как можно человеку быть одному, быть пустыннику в природе»? Но это недостаточно убедительно. Следует точно представить себе содержание «Дневника» и философию Руссо. Герой повести не заключен на необитаемом острове. Он «исполняет должность», бывает в гостях, к нему приходят знакомые, и, несмотря на это, он чувствует себя одиноким, ибо с ним нет близких, дорогих его сердцу людей. Но разве

Руссо когда-нибудь отрицал значение любви и дружбы? Так о чем же было в данном случае спорить Радищеву?

«Дневник» не укладывается в ход развития Радищева до 1790 г. Он неизбежно звучит как случайность, как срыв, как ошибка, от которой отрекся автор. Между тем, в произведении все так сильно, так зрело и с точки зрения философской и литературной, что начинает казаться ошибочным само отречение Радищева от него. Наконец, сам Радищев настолько цельная личность, что стоит всерьез задуматься о причинах, побудивших его написать это своеобразное произведение.

В начале повести, после прощанья с друзьями, герой восклицает: «Везде пусто — усладительная тишина! вожделенное уединение! у вас я некогда искал убежища: в печали и унынии вы были спутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны». Выделенные нами разрядкой слова отделяют «некогда» от «теперь». Содержание «некогда» — «когда разум тщился преследовать истине» заставляет вспомнить «Путешествие из Петербурга в Москву», ибо там, в самом начале декларирована задача книги — открыть истину, и все «Путешествие» является решением именно этой задачи.

Но если поиски истины остались позади, что же теперь составляет содержание жизни героя? Ознакомимся с документами 1790 г.

В самом начале пути в Илимск 20 октября 1790 г. Радищев сообщает Воронцову о том, что он несколько оправился от потрясения, старается читать, следить за окружающей природой, «я выхватить стараюсь, по часту бесплодно, из челюстей скорби спокойную хотя минуту, и если не могу утешаться чем-либо существенным, то стараюсь заняться безделкою».[1] Уже эти строки несколько напоминают нам героя «Дневника», который ищет утешения от обуревающей его скорби в соприкосновении с внешним миром: он читает, разговаривает с посторонними людьми, совершает прогулки и все бесполезно.

«Но что может рассудок над чувствованием? Я по себе теперь вижу, что разум идет чувствованиям вслед, или не что иное есть, как они; по системе Гельвециевой вертится он около одной мысли, и все мое умствование, вся философия исчезают, когда воспоминаю о моих детях».[2] 22 октября та же мысль варьируется: «Вооружуся надеждою и рассудком, но как скучно вспомнить, что я живу в разлучении от детей моих! Рассудка уже более во мне нет, и едва надежда не отлетает».[3]

---

[1] Архив кн. Воронцова, кн. V. М., 1872, стр. 286.
[2] Там же.
[3] Там же, кн. XII. М., 1877, стр. 427.

15 марта 1791 г. — то же самое: «Сердце обыкло во мне предварять рассудок». [1]

Эти высказывания в письмах очень похожи на цитированные выше мысли «Дневника». «Ужели человек только раб своея чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно встревожится» и т. д. Но в свете писем из изгнания, писем искренних, выстраданных, иначе освещается субъективизм «Дневника»: человек может быть доведен обстоятельствами до такого состояния, когда разум целиком подчиняется чувству.

Герой «Дневника» ищет забвения от страданий в мечтах и в сне. «Блаженная чувствительность», «успокоитель сокрушений человеческих» — сон облегчает страдание, принося с собою облики любимых людей. Но тягостное ощущение разлуки остается и здесь: «Едва я уснул... о возлюбленные мои! я вас вижу, — вы все со мною, сомневаться мне в том не должно, прижмите меня к своему сердцу, почувствуйте, как мое бьется, — но что! вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни; се смерть души. Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга... Постойте... Мучители удалились, — пробудился. Вон беги, удаляйся, — се разверста пропасть, — они, они меня в нее ввергают, — оставили, — оставь их, будь мужествен — Кого? друзей моих? Оставить? Несчастный! они в твоей душе».

В творчестве Радищева нет ничего похожего ни на подобные переживания героя, ни на этот отрывок. Очень отдаленно приближается к нему лишь начало «Путешествия из Петербурга в Москву». Но буквально те же мысли, слова, синтаксическую структуру, образы мы находим там, где меньше всего их можно было ожидать: в дополнении к завещанию, написанному в Петропавловской крепости 27 июля 1790 г., т. е. тогда, когда Радищев узнал о том, что ему вынесен смертный приговор:

«Простите, мои возлюбленные! Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает? Душа страждет при сей мысли необычайно и ежечасно умирает. О если бы я вас мог видеть, хотя на одно мгновенье, если б мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших, о если бы я слышать мог из уст ваших, что вы мне отпущаете мою вину... о мечта!.. Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастии, приди на услаждение страждущего сердца... о мечта возлюбленная! я с вами беседую; вас держу

---

[1] Архив кн. Воронцова, кн. V. М., 1872, стр. 291.

в объятиях моих, о друзья души моей, о дети моего сердца, вы со мною, голос ваш ударяет в мое слышание. Куда спешите, постойте, я... я отец ваш, я друг ваш... увы, се мечта... О пробуждение, я их враг, от кого они скорбят? от меня... Несчастный...»[1]

Здесь те же «друзья души моей», о которых мы читаем в «Дневнике», та же «смерть души», та же напряженная мечта о встрече, тот же сон, «единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастьи», которое на мгновение приносит ощущение близости, нарушаемое разлукой. Здесь та же ежесекундно перерывающаяся взволнованная речь. «Несчастный!» — восклицает Радищев, завершая дополнение к завещанию. «Несчастный!» — постоянный синоним героя «Дневника».

Трудно предположить, чтобы, прощаясь с детьми перед лицом смерти, Радищев заговорил словами литературного произведения, правда, собственного, но созданного за 17 или 10 лет до разыгравшейся трагедии. Более вероятно желание запечатлеть пережитое вскоре после того, как оно осталось в прошлом.

Сходство «Дневника» с дополнением к завещанию и письмами к Воронцову заставляет предположить, что повесть написана не в начале 70-х или 80-х годов, как указывается обычно, а позднее, либо в крепости, либо в Тобольске после приезда Елизаветы Васильевны и детей или в ожидании их. Тогда становится понятным, почему она осталась не напечатанной: ничего из того, что было написано Радищевым в период с 1790 по 1802 г. не было издано при его жизни.[2] Все это опубликовали его дети в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» 1807—1811 г.

Тот факт, что в повести описан Петербург, что внешние данные судьбы героя мало похожи на судьбу Радищева в тот момент, когда он писал «Дневник», не играет большой роли. Написал же он, сидя в крепости, «Житие Филарета милостивого», повесть бесспорно автобиографическую, как давно доказано советскими исследователями, хотя в ней говорится о том, что герой родился в Галатии, учился в Афинах; в его друге Пробе собраны черты Рубановского, Ушакова, самого Радищева и т. д. И в «Житии» и в «Дневнике» дана внутренняя автобиография, раскрыты переживания в крепости.

И эта внутренняя автобиография объясняет ряд внешних деталей. Не случайно герой «Дневника» идет на кладбище

---

[1] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений под редакцией Бороздина, Лапшина, Щеголева, т. II, СПб., 1907, стр. 326.

[2] Не считаем «Сафических строф», напечатанных в 1801 г. в журнале «Иппокрена».

для того, чтобы подготовить себя к мысли о близкой смерти. Не случайно из всех пьес он вспоминает драму «Беверлей»,[1] рассказывающую о человеке, обманутом друзьями, заключенном в темницу и в темнице покончившем жизнь самоубийством. Для того, кто ожидал или только что пережил ожидание казни, естественна и непонятная на первый взгляд фраза: «Карают Беверлея» вместо «играют». Оговорка ли это, отразившая устремленность мыслей Радищева, или данное слово он написал сознательно, но во всяком случае едва ли это опечатка, допущенная в 1811 г., как указывается в комментариях к академическому изданию.

Едва ли случайно Радищев останавливает внимание на том моменте пьесы, когда герой пьет яд. Вслед за этим Беверлей произносит монолог, с которым он обращается к спящему сыну: «Несчастный младенец, ты не чувствуешь, не предвидишь своей горестной судьбины: поносная жизнь и ужасная смерть моя останутся тебе в наследство! Отягченный бедностью и бесчестием, ты будешь жить для того только, чтоб проклинать отца в день своего рождения; в таком случае можно ли тебе почитать жизнь благом драгоценным? Безумие мое лишало тебя всех ее сладостей...».[2]

Радищев не мог считать свою жизнь «поносной», но перед детьми он считал себя виноватым и много думал об их судьбе, о чем достаточно убедительно говорит цитированное выше дополнение к завещанию.

Сопоставление всех фактов показывает, что упоминание о «Беверлее» выходит за пределы обычного воспоминания о недавно виденной пьесе. Читал ли ее Радищев в издании 1787 г. или видел на сцене, неизвестно, но он знал ее хорошо и вспомнил, когда его собственное положение и настроение стали сходны с переживаниями героя.

Наибольшую трудность для объяснения представляет примечание: «Сие сбылось через несколько лет». Возможно, оно относится ко всему отрывку: «Он пьет яд — что тебе до того? Но он сам причина своему бедствию, кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду». Если это так, то ее мог написать кто-то из близких Радищеву людей после того, как он, подобно Беверлею, покончил жизнь самоубийством при помощи яда.

Если представить себе, что пережил Радищев после ареста, когда он, мужественно взяв вину на себя, не знал,

---

[1] В постоянных ссылках на издание 1773 г. заключено недоразумение. Пьеса была переиздана в 1787 г.

[2] Беверлей. Мещанская драма, переведенная с французского Дмитревским, изд. 2-е, 1787, стр. 83.

как отнесутся к нему друзья и единомышленники, поддержат ли они его в беде или устранятся, пользуясь его молчанием, его тревогу за детей, то можно понять колебания героя «Дневника». «Ты паки один будешь, — пускай один, но сердце мое не пусто, и я живу не одною жизнью, живу в душе друзей моих, живу стократно». «Те, коих сердца сочувствуют твоему, от тебя отсутственны». «О ты, что можешь разлуку с друзьями души моей исчислить временем, о ты злодей, варвар, змий лютый».

«Если они меня забыли, забыли друга своего — о смерть! приди, вожделенная... как можно человеку быть одному, быть пустыннику в природе!» «Но я оставлен, — но я один, один, один».

Отражение той внутренней борьбы, которую выдержал Радищев в тюрьме, — «Дневник одной недели» — повесть о муках одиночества, страшный рассказ о человеке, который чувствует себя покинутым.

Удрученный обстоятельствами, герой «Дневника» мечется между жизнью и смертью. Надежда воскрешает в нем любовь к жизни, сомнение заставляет призывать смерть.

«Се конец страданию, — готов... мне умирать? — Да не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине? Не ты ли сие мгновение хотел ознакомиться?.. мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни!.. Друзья мои! вы, может быть, уже возвратилися, вы меня ждете, вы сетуете о моем отсутствии, — и мне желать смерти? Нет, обманчивое чувствие, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив».

Жизнь побеждает, как победила она в душе Радищева в 90-е годы.

В письме к Воронцову из Тобольска 8 марта Радищев пишет о радости встречи с детьми и говорит о том, что ввергнутый ранее стечением обстоятельств в бездну горя, он теперь вновь чувствует себя способным приблизиться к общему идолу всех представителей рода человеческого — к счастью. «Способен к счастью? Да, сударь... Неведомый миру, окруженный дорогими мне существами, я могу жить и быть довольным. Да, жить. Да, я буду жить еще и я не буду прозябать».[1]

Автобиографическая основа «Дневника одной недели» не ставит его вне литературы. Наоборот, она объясняет, каким образом Радищеву удалось наделить своего героя такою глубиною чувств, так глубоко заглянуть в психологию отчаявшегося человека, как не мог сделать этого даже зрелый Карам-

[1] Архив кн. Воронцова, кн. V. М., 1872, стр 289.

зин, ограничивающийся более описанием чувств, нежели выражением их. Страсти такого масштаба не по плечу Карамзину, не под силу они были и молодому Радищеву. Нужно было понять, что такое дружба и каково ее значение («Житие Ушакова»), определить место человека в обществе и заставить его пережить страдания народа («Путешествие»), чтобы с такой силой рассказать о муках, пережитых, казалось бы рядовым, обыкновенным человеком.

«Дневник», написанный в 1790—91 г., не выпадает из творчества Радищева. Он является отражением переживаний самого Радищева и новым закономерным этапом, знаменующим начало русской психологической прозы XIX века.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

К ИСТОЛКОВАНИЮ ПОЭМЫ А. Н. РАДИЩЕВА «БОВА»

1

«Бова» Радищева, эта «богатырская повесть в стихах», — как она обычно именуется в изданиях его сочинений, — несмотря на ряд имеющихся в нашей литературе попыток дать ее научно-критическое истолкование, все еще принадлежит к числу его мало и плохо объясненных произведений. Усилия исследователей радищевской «повести» были до сих пор направлены, главным образом, на то, чтобы выяснить ее связь с мотивами распространенной у нас в XVIII в. повести-сказки о Бове-Королевиче. Однако эта связь далеко не определяет замысел даже основного сюжетного развития поэмы Радищева; поэтому и весь сложный идейный строй поэмы, которому сказочно-повествовательные элементы служили, по-видимому, лишь простым прикрытием, и все ее густо зашифрованные автобиографические намеки и признания пока еще в значительной степени остались в тени и безусловно подлежат дальнейшему изучению. Не мало загадочных мест содержит в себе даже самый текст поэмы, может быть, не везде исправный: для того, чтобы быть понятым вполне, он требует возможных поправок, особых пояснений.

Напомним, прежде всего, что поэма Радищева дошла до нас только в отрывке, лишь в своей небольшой части. В первом томе его «Собрания сочинений» 1807 г., где она появилась впервые, напечатаны лишь «вступление» и первая песнь «Бовы», относительно же остальных «известие» от редакторов этого издания сообщает: «Одиннадцать песней Бовы были уже написаны, двенадцатая и последняя начата; но по смерти сочинителя нашлася только первая песнь, изготовленная к тиснению». Заметим, что последние слова приведенной фразы не следует понимать в том смысле, что сохранившиеся фрагменты с а м и м а в т о р о м были предназначены или «обработаны» для опубликования; речь идет, конечно, лишь о том, что редакторами издания эти фрагменты были приведены в годный для печати вид; как далеко простиралась ре-

дакторская работа по «изготовлению» данной рукописи к печати, этого мы не знаем. «Может быть, причтут нам в пристрастие, но, кажется, потеря забавной сей поэмы достойна сожаления», — добавляют лица, трудившиеся над выпуском ее в свет.

Издание «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (1807—1811 гг.), давшее первопечатный и единственный текст «Бовы», как известно, предпринято было сыновьями писателя не без содействия «радищевцев» из «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Это дает нам право отнестись с полным доверием к словам издателей о судьбе этого произведения Радищева. Один из этих редакторов, Николай Александрович Радищев (1779—1829), сам являлся автором сходного произведения, «Богатырских повестей в стихах» в двух частях («Альоша Поповичь» и «Чурила Пленковичь»), изданных в Москве в 1801 г., т. е. еще при жизни отца, который, — как свидетельствует семейное предание, — даже выбрал к этим «богатырским повестям» сына эпиграф — начальный стих «Энеиды» Вергилия.[1] Николай Радищев несомненно не только читал отцовского «Бову» в рукописи, но, создавая свои две поэмы, безусловно находился под влиянием произведения отца.[2] Поэтому указание «Собрания сочинений» 1807 г. на то, что в «Бове» Радищева должно было быть д в е н а д ц а т ь песен, а написано было о д и н н а д ц а т ь, не должно вызывать у нас сомнений. Знал рукописного «Бову» и другой сын писателя, Павел Александрович Радищев (1783—1869). В своей биографии отца, написанной, правда, в поздние годы, П. А. Радищев указывает на время создания «Бовы» — около 1799 г., а также сообщает, почему поэма дошла до нас в столь неполном виде: «В своем сельце Немцóве он [А. Н. Радищев] написал 11 песен из поэмы в белых стихах, взятой из народной сказки Б о в а К о р о л е в и ч»; однако, напечата-

---

[1] П. А. Р а д и щ е в. А. Н. Радищев. „Русский вестник", т. XVIII, декабрь, стр. 432.—Отметим, впрочем, что Николай Радищев в своей краткой биографии отца („Русская старина", 1872, № 11, стр. 581) о „Бове" упоминает лишь попутно, говоря, что в ней „много веселости".

[2] Поэты-радищевцы. Ред. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1935, стр. 498 — Стоит напомнить, что Пушкин, хорошо знавший „Бову" Радищева, приписал его же перу поэму об Алеше Поповиче Николая Радищева, найдя в обоих произведениях общие черты, и даже выразил удивление по поводу того, что последняя не включена в „Собрание сочинений" А. Н. Радищева. „Богатырские повести" Н. Радищева сложны по своему составу и несмотря на свои заглавия имеют в общем слабое отношение к русскому былевому эпосу. Интересно, что в „песнетворении" об Алеше Поповиче отразилось знакомство автора с польскими легендами о пане Твардовском.

на лишь «первая песнь Бовы», «ибо прочие он сам истребил перед смертью».[1]

Вот, следовательно, основная причина того, что до нас дошел лишь отрывок из поэмы, а не вся она в целом. Сообщить об этом в 1807 г., при публикации фрагмента, издателям было, повидимому, неудобно по разным тактическим основаниям, прежде всего потому, что факт уничтожения автором этого произведения набрасывал тень и на ценность той его песни, которая оказалась в их распоряжении; поэтому, может быть, скрывая этот факт от читателей и публикуя сохранившуюся часть рукописи, издатели подчеркнуто выразили свое сожаление об утрате всего остального. В свидетельстве П. А. Радищева, впрочем, остаются для нас некоторые неясности; так, например, говоря о «Бове» дважды в своем очерке, он приводит различный счет количеству песен поэмы,[2] далее, как явствует из первоначального рукописного варианта указанной биографии, написанной П. А. Радищевым,[3] все сведения о «Бове» вставлены были им в очерк лишь в тот его текст, который напечатан в «Русском вестнике». Однако все это не колеблет нашей уверенности в том, что П. А. Радищев знал многое о гибели отцовской поэмы и что с сообщаемым им фактом необходимо считаться.

Если поэма Радищева должна была состоять из двенадцати песен, из коих одиннадцать уже были написаны полностью, а двенадцатая, хотя и начата, но не доведена им до конца, то несомненно, что Радищев уничтожил одно из самых больших своих произведений. Об объеме утраченного может дать понятие простое вычисление: в сохранившейся первой песне — 582 стиха, вместе с «вступлением» — 785 стихов; следовательно, речь идет о гибели поэмы более чем в семь тысяч стихов! (Мы принимаем за вероятное, что и остальные десять несохранившихся, но уже написанных песен должны были содержать в себе приблизительно такое же число стихов, как и первая, т. е. около 600 стихов каждая).

Чем вызвано было уничтожение его отцом столь крупного по объему произведения, П. А. Радищев не сообщает. Нам остается лишь гадать о причинах этого поступка. Было ли это следствием разочарования автора в результатах его творче-

---

[1] П. А. Радищев, ук. соч., стр. 424.

[2] П. А. Радищев на стр. 422 своего очерка рассказывает о том, что в сельце Немцове после возвращения из Сибири, в 1799 г. его отец „занимался экономиею, написал поэму „Бова“ в 16-ти песнях, взятую из старинной сказки“, и т. д.; едва ли, впрочем, мы имеем дело не с простой опиской или опечаткой.

[3] Напечатан в кн.: В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—П., 1923, стр. 215 и сл.

ского труда, «помрачения духа», когда его «беспокойство и волнения» — по словам П. А. Радищева, — «усиливались» и дело быстро шло к трагической развязке? Может быть это было одним из результатов тех опасений, что «до него добираются», страхов, которые охватили его после недвусмысленного упрека, что «слишком восторженный образ мыслей уже раз навлек на него несчастие», — как рассказывает нам тот же П. А. Радищев на той же странице его биографии, где речь шла о «Бове»...[1] Между прочим, П. А. Радищев нигде не говорит о том, что уничтожению вместе с «Бовой» подверглись другие сочинения Радищева, поэтические или прозаические, хотя мы могли бы предположить существование таковых. Не объясняет П. А. Радищев и другого, также очень неясного для нас обстоятельства, почему от гибели спаслись только вступление и первая песнь «Бовы». И в этом вопросе, к сожалению, возможны лишь догадки. Естественнее всего было бы предположить, что существовала не одна, а несколько рукописей «Бовы» и что, уничтожив полный текст всех одиннадцати песен поэмы, А. Н. Радищев упустил из виду другой вариант начала поэмы, который не попался ему под руку, случайно остался забытым; таким образом, у нас есть основания считать уцелевший отрывок начальным, черновым вариантом поэмы, текст которого не был отделан до конца.

Естественно, что и первые издатели «Бовы» должны были обойти молчанием все эти вопросы, тем не менее и они почувствовали, что публикация сохранившегося фрагмента в «Собрании сочинений, оставшихся от покойного А. Н. Радищева» нуждается не только в оправдании, но и в особом пояснении. В цитированном уже «известии» издания 1807 г. сказано по этому поводу следующее: «Мы читали все одиннадцать песней и скажем, что все были не хуже первой, а некоторые далеко ее превосходили. Чтоб дать читателям понятие о всей поэме, прилагаем план оной, хотя в первой песне и сделаны против него некоторые перемены». Этот «План богатырской повести Бовы» и сейчас воспроизводится во всех изданиях сочинений Радищева[2] и служит одним из важнейших источников для суждения о поэме в целом. Между тем, говоря по существу, из приведенных слов не обязательно следует, что этот план принадлежит перу самого Радищева: недаром же издатели ссылались на то, что они «читали все одиннадцать песней». Правда, из их же указания, что в первой песне «Бовы» «сделаны против него

---

[1] П. А. Радищев, ук. соч., стр. 422.

[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., изд. АН СССР. т. I, 1938, стр. 22—27; в дальнейшем все цитаты из сочинений Радищева приводятся по этому изданию, если они не оговорены особо.

[плана] некоторые перемены» необходимо заключить, что Радищев писал его сам, так как при наличии «перемен» в тексте первой песни издателям не было бы никакой нужды отклоняться от них в своем изложении ее содержания. Именно это и позволяет нам думать, что издатели воспроизвели подлинную авторскую рукопись «плана», хотя это и не решает вопроса, насколько полно и точно она ими воспроизведена. Если «план», как мы предполагаем, принадлежит Радищеву, то его написание должно было предшествовать возникновению самой поэмы, в противном случае откуда получились бы констатированные издателями несовпадения его с текстом первой песни? Если же оказалось бы, что он составлен был издателями специально для изд. 1807 г. и в пояснение к опубликованному ими отрывку, то неизбежно было допустить, что они сделали это по воспоминаниям о том, как шло развитие поэмы во всех уничтоженных одиннадцати песнях, притом весьма приблизительно. Но и в том, и в другом случаях, очевидно, этот «план» не мог бы служить надежным источником для реконструкции утраченной поэмы. Мы предпочитаем считать его первоначальным наброском замысла поэмы, сделанным Радищевым «для памяти», для личных авторских целей, отклонения от которого были неизбежны и необходимы, или записью «дядькиной сказки», которая подлежала переработке. В подлинной рукописи он, однако, должен был иметь более черновой вид; очень возможно поэтому, что, готовя его для печати, издатели подвергли его некоей редакционной правке и что они, наконец, дали ему также собственное заглавие, в рукописи отсутствовавшее; обратим, в связи с этим, внимание на то, что термин «богатырская повесть» нигде А. Н. Радищевым в «Бове» не употребляется, но вполне совпадает с заглавием и жанровым определением, данным Николаем Радищевым его собственным поэмам об Алеше Поповиче и Чуриле Пленковиче.[1] Это незначительное, на первый взгляд, наблюдение также может иметь некоторое значение для определения особенностей поэмы Радищева.

Обратимся теперь к еще более убедительным сопоставлениям. Нельзя не заметить, что указанный «План богатырской

---

[1] Каждое из этих произведений Н. Радищева названо им „богатырским песнотворением", но на шмуцтитуле ко второй части оба они именуются „богатырскими повестями в стихах". А. Н. Радищев нигде, кажется, не говорит и о „богатырях"; в „Бове" (стихи 176—177) рассказано, что князь Владимир киевский был окружен толпою „славных рыцарей российских" и что потомство знает об этом „из сказок"; в „Плане" же слово упомянуто дважды („...чтобы все рыцари, царевичи и сильны богатыри съезжались на турнир", „собираются многие царевичи и богатыри").

повести Бовы» не совпадает полностью с той «экспозицией» поэмы, которую сам Радищев дает в сохранившемся стихотворном «вступлении» к ней (стихи 120—200), начиная со слов:

120 На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны далеки,
В те я области обширны,
Что Понт черной облегают.

Что собственно задумывает Радищев? Описание странствований своего героя или воображаемое собственное путешествие по весьма обширным областям российского государства и прилегающих к нему стран? Вспомним, что по замыслу Радищева, изложенному им во «вступлении», действие его поэмы должно было начаться на кавказском побережье Черного моря, «в Арменьи» (стихи 125—127), далее переброситься в Грузию (стихи 128—135), затем в Крым (стихи 136—147). Но какой странный зигзагообразный путь «езды на Пегасе» представляется Радищеву еще далее!

149 Из Тавриды в Таман прямо,
А с Тамана чрез кавказски
Горы съеду я на Волгу,
Во Болгарах спою песню;
Воздохну на том месте,
Где Ермак с своею дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну...

Следовательно, с Таманского полуострова путь идет на северо-восток — к Каспийскому морю, на среднее течение Волги, в направлении западной Сибири. Это еще лишь малая часть задуманного воображаемого путешествия «на Пегасе», но остановимся пока в этом его пункте. Что же дает нам «план»? Бова также непрерывно странствует (напомним, что только его авантюры и излагаются в «плане»), но — как это и полагается сказочному герою, — местности, в которые он попадает, совершенно фантастические: первое указание в плане сделано на «остров похотливости», которому должно было быть сделано «описание». Реальная географическая номенклатура в «плане», естественно, отсутствует, если не считать мимолетных и совершенно случайных ссылок на то, что Бова «проехал многие земли и царства, путь продолжая на восток», что он достиг «подошвы Тавра» и что, уже под самый конец своих приключений, он оказался «близь града Испагани». Мы не знаем, конечно, охватил ли «план» предполагаемое содержание всех одиннадцати песен поэмы, — в чем позволительно выразить сомнение, — ни того, как распределялись по песням отдельные авантюры Бовы, но все же совершенно несомненно,

что «езда на Пегасе» автора и путь его героя шли в различных направлениях. Лишь с натяжкой можно допустить, что «тихое плавание» Бовы, описанное как в «плане», так и в сохранившейся первой песне, происходят на «Черном Понте», но уже совершенно немыслимо, что образ «Лукопера, сына хана Болгарского», соперника Бовы на турнире, мог дать повод Радищеву «спеть песню во Болгарах» и мысленно перенестись для этого на среднее течение Волги! Совершенно ясно, что мы имеем здесь два полностью противоречивших друг другу идейных замысла, — не только «планов» повествования. Речь идет не только о несовпадениях «географических маршрутов», но о самом характере изложения: излагая свою «езду на Пегасе», Радищев забыл про Бову; он рассказывает о себе самом, он касается глубоко личных, горестных, интимных переживаний:

153 Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы
Был блажен, и где оставил
Души нежной половину.
Воздохну, что нет уж силы,
О Ермак, душа велика,
Петь дела твои!

Это — строки из лирического дневника, и остается загадкой, могли ли они быть вплетены в ткань рыцарской или даже «богатырской», притом сугубо эротической поэмы, какою представляет ее нам указанный «план». Но воображаемый путь Радищева «на Пегасе», после этого краткого лирического «интермеццо» продолжается, только резко повернув в другую сторону, на юго-запад, — к Дону, Днепру, Дунаю:

162 . . . я с Волги
Перейду на Дон. . .
. . . .
169 Сошед с Дона, к Ворисфену
Мы стопы свои направим.
. . . .
181 Со Днепра пойдем к Дунаю;
На могиле древней мшистой
Мы несчастного Назона
Слезу жаркую изроним. . .

И снова — резкий поворот на юг, к Константинополю и Средиземному морю:

185 От Дуная морем Черным
Поплывем ко Геллеспонту

И покажем ту дорогу,
По которой плывши смело
Войны росские возмогут,
Византии стен достигши
На них твердо водрузити
Орлом славно росско знамя.

Заключается же все это «вступление» к поэме, как известно, следующей интригующей концовкой:

199 Я к Бове теперь отправлюсь,
А ты, милой друг читатель,
Если лучшее познанье
О странах сих иметь хочешь,
Читай Бишинга — от скуки.

Все, — от первой до последней строки, — подлежит объяснению в этом «воображаемом путешествии», в этом загадочном «итинерарии», который сам Радищев излагает своему читателю, как тот мысленный путь, по которому придется за ним следовать. Это не только «приступ» к поэме, а нечто большее, своего рода проекция будущих песен, и это, во всяком случае, не остаток первоначального замысла, впоследствии резко изменившегося; это, — как мы думаем, — основная канва поэмы, по отношению к которой второй план повествования, связанный с приключениями «Бовы», если он был осуществлен вполне, являлся лишь прикрытием, маскировкой, отдохновением от более философско-содержательных частей в тех же песнях поэмы.

2

Присмотримся ближе к указанным строкам «Вступления». Трудно было бы думать, что весь зигзагообразный, но точно очерченный Радищевым путь его воображаемой «поездки на Пегасе» набросан им в этих стихах случайно, по прихоти воображения, что он не имеет серьезного идейного обоснования. Радищев, бывший в своей жизни путешественником и по доброй охоте и по принуждению, более чем кто-либо другой знал цену путешествиям и того и другого рода, и отчетливо представлял себе их значение в жизни всякого человека.

«С юных лет я со страстью стремился совершать отдаленные путешествия» — писал он однажды А. Р. Воронцову из Илимска (июнь 1794 г.) и прибавлял с горечью: «Желание мое исполнилось, хотя и жесточайшим образом».[1] «Все, что в путешествии есть полезного, бывает не потеряно», — писал Радищев другой раз в своем «Письме о китайском торге»

---

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, М. — Л., 1949, стр. 597.

(1792 г.), — «...и если, скитаяся по свету, изучаемся нередко худому, изучаемся однако же и доброму».[1] Кто знал это лучше автора «Путешествия из Петербурга в Москву» — произведения, определившего его путь, как писателя, и его личную судьбу? В особенности ясно представлял себе все это Радищев, уже совершив гигантский возвратный путь из Сибири в калужскую деревеньку, в сельцо Немцово, где в часы невольного досуга он набрасывал на бумагу строфы «вступления» к своему «Бове». Говоря об этой поэме, мы вообще не должны забывать, что она создавалась после того, как ее автор изъездил около двадцати тысяч верст на перекладных, да и сам Радищев дважды приглашает своего читателя не забывать о том, что автор побывал в Сибири и вернулся оттуда (см. стихи 37—40, 155—159). Подобные путешествия обычно меняют отношения человека к географической карте. Иными словами, мы не можем допустить, что в «поездке на Пегасе», как она изложена во вступлении к «Бове», есть недостаточно мотивированные блуждания, и что вся прихотливость ее маршрута не обусловлена в достаточно сильной степени ее основным идейным замыслом и вместе с тем артистическими расчетами художника. В том же «Письме о китайском торге» Радищев написал: «В отношении торга все равно, что справа едут налево, что слева направо, но не все равно в рассуждении образования и научения».[2] Так и здесь: *направление* воображаемого пути и его извивы имеют прямое отношение к замыслу Радищева в целом, который требуется разгадать.

«Поездка на Пегасе» в «Бове» представляет собою не только географический маршрут: имена городов, рек или областей сопровождают в поэме исторические припоминания, небольшие экскурсы в область древней и новой истории, имена исторических деятелей разных времен. Все эти сжатые «исторические эпизоды» поэмы, если их можно так назвать, вводят свой материал в текст не по единому плану, весьма разнообразно, повидимому, — с различной мотивировкой, но всякий раз они неизменно фиксируют как бы круг тех исторических представлений, которые надлежит вспомнить в соответствующих местах повествования. Характерно при этом, что хронология непрерывно смещается, всякое историческое имя вызывает свой круг представлений исторического или мифологического содержания. Начало поэмы должно было развернуться там, —

Где стояло сильно царство
Славна древле Мифридата,
Где Тигран царил в Арменьи...

---

[1] *А. Н. Радищев.* Полн. собр. соч., изд. АН СССР. т. II, стр. 34.
[2] Там же, стр. 33.

Затем поэт должен был заглянуть

128 ...во Колхиду,
Землю страшну и волшебну,
Где Ясон, обняв Медею,
Укротил сурово сердце
Сей волшебницы ужасной.

Таврида вызывает в памяти поэта целую серию исторических событий; Радищев набрасывает в этом месте, вкратце, но в наиболее существенных чертах, всю многовековую историю Крымского полуострова от скифской поры до своего времени включительно, так как в относящихся сюда стихах он имеет в виду не только присоединение Тавриды к России, но даже бегство в Турцию последнего из крымских ханов Шагин-Гирея (1787), ставленника русского правительства:

136 Посещу я и Тавриду,
Где столь много всегда было
Превращений, оборотов,
Где кувыркались чредою
Скифы, греки, генуезцы,
Где последней из Гиреев
Проплясал неловкой танец...

Естественно, что в подобных исторических пробегах современность не исключалась из сферы внимания Радищева, но, наоборот, должна была, повидимому, иметь определяющее значение для всего идейного замысла его поэмы. И русская старина, и всемирная история (например в изложении «Песни исторической») никогда не отделяли Радищева от современности, но либо служили ему отправными точками для ее лучшего понимания, либо маскировали повествование о ней. Поэтому и в интересующем нас вступлении такие сочетания, как «древле — ныне» (стихи 164—165) должны были играть весьма важную конструктивную роль. Укажем, например, на, казалось бы, парадоксальный переход от «могилы Овидия» к будущему «завоеванию» «росскими воинами» Царьграда.

Таким образом, «вступление» к «Бове» открывает читателю столь же широкие географические горизонты, сколь и углубленные исторические перспективы. Вся поэма, насколько об этом можно судить по ее экспозиции в анализируемом «вступлении», отнюдь не должна была являть собою прихотливую череду не связанных никакой общей мыслью эпизодов, лирических отступлений, случайных припоминаний всякого рода; напротив, в ней должна была быть своя логическая последовательность, свое обусловленное идейное развитие. При всем схематизме и краткости изложения своего замысла, Радищев во «вступлении» коснулся весьма обширного круга

проблем; мы невольно чувствуем, что это его произведение должно было содержать в себе весьма важные признания, размышления, историко-философские обобщения, что он, наконец, несомненно касался в нем таких предметов, которые неоднократно и раньше привлекали к себе его внимание, хотя и в другой связи и по иным поводам.

К ряду слегка очерченных или намеченных во «вступлении» мыслей можно, повидимому, подобрать ряд параллельных мест в других сочинениях Радищева; он пользуется иногда теми же примерами, воспроизводит те же исторические факты, высказывает близкие суждения. Так, о Митридате, в «сильном царстве» которого должно было начаться повествование «Бовы», довольно подробно говорится также в «Песне исторической» 1801—1802 гг. (стихи 890—891), где он служит примером «зыбкости счастья» и обреченности властолюбивых стремлений; упоминание в «Бове» Язона и Медеи находит себе близкую даже в текстуальном отношении аналогию в той же «Песне исторической» (стихи 141—145), — в произведении, как нам думается, родственном по замыслу с «Бовой», — равно как и рассказ о «чудесном подвиге» Алкида, т. е. Геракла («Бова» стихи 239—245 и «Песнь историческая», стихи 220—227). Причины смерти Рафаэля изложены в «Бове» (стихи 257—259) в полном соответствии с тем, как об этом же рассказывается в первой книге трактата Радищева: «О человеке, его смертности и бессмертии», да и вообще, — как это еще придется отмечать нам ниже, — в этом замечательном философском произведении Радищева можно найти ряд интересных и д е й н ы х параллелей к отдельным местам «Бовы». Очевидно, Радищев вводил в свою поэму не только тот фактический материал из истории, географии и других областей знания, который прочно удерживался в его памяти и поэтому мог встречаться в его писаниях на протяжении ряда лет; Радищев облекал в метрическую форму ряд таких своих мыслей, которые уже отстоялись в его сознании, были хорошо им обдуманы, уже получили свое письменное выражение. Отсюда и возникает некоторая возможность, рассматривая «Бову» в ряду других произведений Радищева, глубже вникнуть в содержание ее замысла.

Трудно, конечно, догадаться о том, что задумывал Радищев, когда он предупреждал своего читателя: «Во Болгарах спою песню» (стих 151), но для нас все же существенно отметить, что о древнем государстве волжских булгар он не только читал в исторических сочинениях, но собирал даже и устные данные: на обратном пути из Сибири, плывя по Каме, он вышел на берег против г. Елабуги, чтобы осмотреть «Чортово городище» и его булгарские развалины с некиим тамош-

ним «молодым чичероне», очевидно, любителем древностей и преданий; одна из местных легенд даже записана от него Радищевым.[1] Таким образом, хотя у нас и нет ключа к этой «песне» «Бовы», но мы ясно представляем себе, что историческая судьба волжских булгар живо интересовала Радищева, входя как часть в общую сумму его исторических интересов.

Гораздо более определенные ассоциации вызывает у нас упоминание в «Бове» Ермака и его дружины (стихи 152—155). Желая представить себе, о чем здесь могла итти речь, мы должны иметь в виду радищевское «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», с его замечательным во многих отношениях рассказом о Ермаке и его товарищах, «Записки путешествия в Сибирь», где чувствуется тот же напряженный интерес Радищева к знаменитому атаману (напомним хотя бы краткую, но выразительную запись Радищева, сделанную при проезде через г. Кунгур, где «в сарае» он видел «пушечки Ермаковы и ружья весом в пуд или $1^1/_2$ по крайней мере. . .»), наконец, и замыслы поэмы «Ермак», от которой сохранились лишь отрывки, и которая, очевидно, была лишь едва начата Радищевым. О последнем мы догадываемся именно из стихов 160—163 «Бовы»:

Воздохну, что нет уж силы,
О Ермак, душа велика,
П е т ь д е л а т в о и!

Не предполагал ли Радищев в указанном месте «Бовы» воспользоваться кое-какими материалами, собранными им для этой неосуществленной поэмы о Ермаке? Во всяком случае, представление об этом герое у Радищева оказалось устойчивым: характеризуя Ермака еще в «Сокращенном повествовании. . .», Радищев подчеркивает именно «в е л и ч и е его духа»: «. . . ибо, если нужно всегда утвержденное и наследованное мнение, чтобы владычествовать над множеством, то нужно величие духа, или же изящность почитаемого какого либо качества, чтобы уметь повелевать своею собратиею. Ермак имел первое и многие из тех свойств, которые нужны воинскому вождю, а паче вождю непорабощенных воинов».[2] Представляется вполне закономерным в задуманной поэме дальнейший переход от подобного круга мыслей прямо к донским казакам, к тем «непорабощенным воинам», из среды которых вышел Ермак:

163 . . . Я с Волги
Перейду на Дон, где древле
(Так, как ныне) коней быстрых

---

[1] П. Н. Л у п п о в. А. Н. Радищев о Вятском крае. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1928, стр. 108—109.
[2] А. Н. Р а д и щ е в. Полн. собр. соч., т. II, стр. 152.

Табуны паслися многи,
Где отечество удалых
Молодцов, что мы издавна
Называли козаками.

Не забудем, что интерес Радищева к казакам на Дону, Волге и Урале, был связан не только с Ермаком, но и с Разиным и с Пугачевым. Истории донского казачества, его воинской организации, походам и переселениям Радищев посвятил интересные страницы в том же своем «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири».[1]

Следующий эпизод о Киевском государстве кн. Владимира ведет нас к двум источникам, указанным самим Радищевым в стихе 179 (Летопись и «сказки»), интерес к которым засвидетельствован им неоднократно. Характерно, что и здесь на первом месте упомянуты бранные подвиги великого князя киевского, заботившегося о приращении своей державы:

171 Там Владимир, страны многи
Покорив своей державе,
В граде Киеве престольном
Княжил в блеске пышна сана
Над обширным царством Русским,
Окружен всегда толпою
Славных рыцарей Российских...[2]

Радищев и на этот раз не скрывает своего личного отношения к этому историческому деятелю древней Руси, восклицая:

О блажен, блажен сугубо!

Особого внимания заслуживают дальнейшие стихи — несколько неожиданный в контексте «вздох» над могилой «несчастного Назона». Случайное ли это припоминание или и оно должно было находиться в тесной идейной связи со всеми предшествующими эпизодами? Комментарий к академическому изданию обходит молчанием вопрос о том, откуда Радищев знал о могиле опального римского поэта и почему он поместил ее на берегу Дуная; между тем для раскрытия всего

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 152.

[2] Интересно сопоставить эту характеристику Владимира с тою, которую дает ему Николай Радищев в своем «Чуриле Пленковиче». Владимир, «мудрый князь, России просветитель»

На лаврах отдыхал,
Что мощною рукою
В дни чуждые покою
Сбирал во всех странах,
У Понта на брегах,
Во Севере на льдах
В Таврических горах,
В кочующих ордах
Народов Волгских и Закамских.
. . . .
Победами венчан, премудрый сей герой
С вельможами вкушал веселье и покой.

хода мыслей «вступления» этот вопрос представляется довольно существенным, почему мы и позволим себе несколько задержаться на нем.

Овидий интересовал русских читателей XVIII в., о чем свидетельствует ряд вышедших в это время переводов, среди них и отдельно изданный перевод «Тристий» И. Е. Срезневского под заглавием «Плачь Публия Овидия Назона» (М., 1795).[1] Между 1795—1798 гг. в Петербурге распространялись рассказы о новонайденной могиле Овидия — на берегу Днестровского лимана,[2] но Радищев, живя в Немцове, едва ли знал об этом в тот момент, когда он писал «вступление» к своему «Бове». Вероятнее знакомство Радищева с известием о могиле Овидия, исходившим от Иоганна-Бенедикта Шерера (1741—1824), бывшего некогда членом петербургской юстиц-коллегии, потом французским дипломатом, а в интересующее нас время профессором университета в Тюбингене, — но Шерер также помещает эту могилу не на Дунае, а в шести днях пути от Борисфена (Днепра), среди равнины, где по его словам можно доныне видеть древний камень с надписью, которую он и приводит.[3] Для нас значительно интереснее тот факт, что на тему о могиле Овидия есть и большое русское стихотворение, написанное в конце XVIII в. Оно принадлежит С. С. Боброву, поэту, которого Радищев и лично знал в Петербурге до ссылки по «Обществу друзей словесных наук», коего он был членом, и по журналу «Беседующий гражданин», где они вместе со-

---

[1] Ср. П. Н. Черняев. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. Воронеж, 1906—А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. СПб., 1898, стр. 447—449 (Овидий).

[2] Известие исходило от русского военного инженера Ф. П. Деволана, который, возводя укрепления на левом берегу Днестра, обнаружил древнюю могилу римских времен, принятую им за могилу Овидия. В 1795 г. петербургский доктор-англичанин Мэтью Гётри (Guthrie), получив известие об этом открытии от самого Деволана, послал обстоятельный доклад о находке лондонскому обществу антиквариев, читанный там 20 ноября этого года. Гётри несколько лет занят был изучением этого вопроса и свои дополнительные разыскания послал тому же обществу из Петербурга 20 и 25 августа 1798 г. Все эти материалы с относящимися сюда рисунками и перепиской хранятся в архиве М. Гётри, находящемся в рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде; частично сам Гётри изложил их в своей позднейшей книге «Поездка по Тавриде» (1802).

[3] J. B. Scherer. Annales de la petite Russie ou l'histoire des cosaques saporogues. Strasbourg, 1788, t. I, стр. 9. Приводимая Шерером эпитафия на этой могиле была обнаружена еще в 1508 г. в Штайне в Австрии и оказалась подделкой. См. Christophe Mathieu. Dictionnaire pour servir à l'intelligence des auteurs classiques grecs et latins. Paris, An XIII (1805), t. II, стр. 152.—Радищев несомненно был знаком с „Критической историей российской коммерции" (1788) Шерера и с другими его сочинениями.

трудничали;[1] известно, что Радищев ценил произведения Боброва и что его поэму «Таврида» (1798) он прочел незадолго до того, как взялся за своего «Бову».

Стихотворение С. Боброва озаглавлено: «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз»; оно открывается картиной многоводного устья Дуная, волны которого впадают в Черное море и —

Простерши полосы там неки,
Бегут к Стамбулу будто реки.

Упоминание о Стамбуле у Боброва не случайно: он помещает могилу римского поэта у стен Темешвара, где в 1669 г. австрийцы были разбиты турками. «Весьма достоверно, что Овидий погребен в сей стороне, — замечает Бобров в примечании к своему стихотворению, — ибо Темесвар есть тот самый Томитанский город, о коем он так часто упоминает в элегиях своих». Поэтому поэт («Росс... воин соплеменный») и оплакивает Назонов прах, «срацинской кровью омовенный»:

Нет, — тень любезна, тень нещастна!
Не возмущу твоих костей. —
Моя камена тихо-гласна; —
Пусть по тоске и мраке дней
Они с покоем сладким, чистым
Почиют под холмом дернистым.[2]

«Баллада» Боброва представляет собою интересную аналогию к стихам Радищева не только потому, что в обоих случаях предполагаемая могила Овидия помещена на Дунае, а не в другом месте; еще существеннее то, что, подобно Боброву, мысль которого от Овидия непосредственно обращается к Турции и к ее кровавым столкновениям с христианским миром, Радищев также устремляет свои взоры к стенам византийского Царьграда. У Радищева:

182 На могиле древней мшистой
Мы несчастного Назона
Слезу жаркую изроним.
От Дуная морем Черным
Поплывем ко Геллеспонту

---

[1] В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева. Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.—Л., 1936, стр. 240.

[2] Стихотворение Боброва написано ок. 1798 г., в бытность поэта в г. Николаеве; мы цитируем его по книге Боброва: «Рассвет полночи» (СПб., 1804, стр. 127—137). Иван Срезневский в посвящении упомянутого выше перевода «Тристий» И. Хераскову также помещает могилу Овидия на Дунае:

...тень его с Дуная
От стран несносных отлетая
Направила сюда полет —

См. «Плачь Публия Овидия Назона», М., 1795, стр. 6.

И покажем ту дорогу,
По которой плывши смело
Войны росские возмогут,
Византии стен достигши,
На них твердо водрузити
Орлом славным росско знамя.
Но то скоро ли свершится? —
Будто время уж настало,
Мне то снилося недавно —
Хотя снилось, но не знаю,
Когда будет; — не пророк я,
Но то знаю — оно будет.

Эти стихи имеют весьма любопытную параллель в письме Радищева к А. Р. Воронцову от апреля 1792 г. «Мир с турками, — писал здесь Радищев, — есть событие, от коего все должны приходить в радость, а сельские жители особливо. На то у них имеются основательные причины, ибо они испытывают только худые следствия войны. Границы государства еще расширились. Карфаген был разрушен во время Третьей Пунической войны; у нас уже было две войны с турками, а в третью, что начнется не сегодня-завтра, русских увидят под стенами Константинополя; и, может быть, суждено, что через 1000 лет (считая с первой осады русскими сего города) сия столица Восточной империи подпадет под власть потомков славян». И Радищев прибавляет: «Я не берусь, впрочем, быть пророком, как тот французский посол в Константинополе, что вызвал войну, окончившуюся Кайнарджийским миром, предсказавший славу русских и падение полумесяца». [1]

Текстуальная близость некоторых выражений этого письма Радищева к приведенным выше стихам из «Бовы» неопровержимо свидетельствует, что Радищев, дописывая стихотворное вступление к своей поэме, вспомнил если не об этих своих словах к Воронцову, то, во всяком случае, обо всем комплексе содержавшихся в них мыслей. Ему пришли на память и первая русско-турецкая война, за всеми событиями которой он

---

[1] А. Н. Радищев. Избранные сочинения. ГИХЛ, 1949, стр. 583. (Разрядка моя. — *М. А.*). — Полагаем, что Радищев несомненно имеет в виду знаменитый разговор, происшедший в апреле 1772 г. между русским послом в Париже Хотинским и французским министром иностранных дел (а не «послом»), герцогом д'Эгильоном, объяснившим, почему Франция будет бороться против России на востоке: «Европейское равновесие легко могло бы быть нарушено, если бы вам [русским] удалось предписать туркам мир на следующих трех условиях: свободное плаванье по Черному морю, порт на Черном море и независимость татар. Обеспечив за собой такие преимущества, вы скоро очутитесь в Константинополе, и кто мог бы вас оттуда удалить?» (Акад. Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М. — Л., 1945, стр. 12).

следил со вниманием со времени своих студенческих лет,[1] и слова герцога д'Эгильона, и победоносный для России Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г., приобщивший к ее владениям Керчь, Азов и Кинбурн, и вторую русско-турецкую войну, и Ясский мирный трактат 29 декабря 1791 г., — о котором он узнал уже в изгнании, в Илимске, — отдававший России Крым и все черноморское побережье от Северного Кавказа до Бессарабии...

Не от этих ли слов письма к А. Р. Воронцову, словно переложенных в стихи через несколько лет в «Бове», не от невольного ли «прорицания», вырвавшегося у Радищева по поводу вспомнившихся ему опасений французского дипломата и следует начинать распутывать клубок идей, легших в основу замысла уничтоженной поэмы? Не бросает ли приведенное сопоставление неожиданный свет также и на казавшийся нам загадочным маршрут «поездки на Пегасе»?

Нам представляется возможным установить ход мыслей Радищева приблизительно в следующем виде. Он вернулся из Сибири и живет в сельце Немцове в ожидании поприща; вынужденное бездействие усиливает его литературно-творческие силы. Радищев рисует себе возможные перспективы дальнейшего служения любезному его сердцу отечеству. Он хочет представить себе это отечество во всей широте его нынешних государственных границ; его мысль невольно обращается не только к тем далеким краям, из которых он только что возвратился и с историей приобщения которых к российскому государству он ознакомился на месте; теперь мысль его влечет в те края, которые стали российскими владениями лишь в недавнее время, прежде всего на Черноморское побережье — от Кавказа и до Днестра, в те «области обширны, что Понт Черной облегают». Он как бы заново изучает карту российского государства и припоминает основные этапы в истории ее отдельных областей. Так представляется нам ход мыслей Радищева в период создания «Бовы». При таком понимании замысла поэмы нас перестанет удивлять маршрут «поездки на Пегасе» и для нас станут объяснимыми многие детали ее построения. «Бова» Радищева это прежде всего поэма-путешествие», философская поэма о современной ему России, о том, как создавалась российская держава.

Прежде, чем мы пойдем дальше по тому же пути гипотети-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 176. — Напомним, что самой ранней из дошедших до нас литературных работ Радищева является его перевод итальянской брошюры «Желания греков» (1771), автором которой был албанский князь Антон Гика, служивший во время русско-турецкой войны в штабе гр. Г. А. Орлова (там же, т. II, стр. 404—407).

ческого раскрытия замысла уничтоженной поэмы, остановимся вкратце на концовке «Вступления», которая, с нашей точки зрения, может лишь подтвердить правильность сделанных выше наблюдений.

171 Я к Бове теперь отправлюсь.
А ты, милой друг читатель,
Если лучшее познанье
О странах сих иметь хочешь
Читай Бишинга — от скуки.

Это — заключительные слова «Вступления» и в них вложен особый смысл, истолковывающий и как бы завершающий сказанное ранее.

Комментарий к академическому изданию разъясняет, что Радищев будто бы указывал здесь на один из двух многотомных трудов Антона-Фридриха Бюшинга, изданных на немецком языке: «Землеописание или всеобщая география» (Erdebeschreibung oder Universal-Geographie, 1754—1792), в 11-ти томах, или 25-томный «Магазин новой истории и географии» (Magazin für die Neue Historie und Geographie, 1767—1793), и прибавляет — «скорее второй, чем первый, так как он содержит чрезвычайно разнообразный и богатый материал для чтения от скуки».[1] С таким предположением согласиться невозможно. Едва ли Радищев мог серьезно рекомендовать своему читателю для чтения «от нечего делать» большой двадцатитомный сборник исторических материалов о географических открытиях, к тому же еще изданный на немецком языке! Этот труд Бюшинга отнюдь не был предназначен для любителей легкого занимательного чтения; подобной цели более удовлетворяли другие книги, имевшиеся тогда и на русском языке, вроде «Всемирного путешественника» абб. де-ла Порта (СПб., 1779—1794, 27 частей). Бюшинг же создавал свой «Магазин» с помощью архивных документов и ученых к ним пояснений, не всегда доступных среднему читателю, но имевших значительную научную ценность, которую они сохраняют и в настоящее время.[2] Надо полагать, что Радищев имел в виду более популярную книгу, чем «Магазин», притом имевшуюся на русском языке: об этом, в частности, может свидетельствовать и написание в цитированных стихах имени Бишинг (вм. Бюшинг), принятое в русских изданиях XVIII в.

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 452.

[2] А. Брикнер. Антон-Фридрих Бюшинг. «Историч. вестник», 1886, № 7, стр. 24. — Отметим, что, живя некоторое время в России, Бюшинг сумел широко воспользоваться для своего «Магазина» материалами историко-географического характера из русских архивов и различных сочинений, относящихся к России.

Русскому читателю того времени не нужно было объяснять, кто такой Бишинг; он хорошо знал его «Землеописание», выходившее на русском языке отдельными книжками более десяти лет подряд (1766—1778) иногда по несколько книг в год, трудами различных переводчиков. В 1766 г. появилась книга «О Европе и о российской империи», долго сохранявшая свое значение (она была еще в библиотеке Пушкина и он ссылался на нее в «Истории Пугачева»), а между 1770—1778 г. появилось в той же серии и множество других описаний различных стран, начиная с «Описания Османского государства в Европе и республики Рагузской». Все эти переводы изданы в Петербурге и составляют одно целое издание.[1] «Землеописание» Бишинга в течение долгого времени сохраняло у нас значение и как учебник географии, и как универсальный географический справочник, на фактической основе которого составлялись и другие учебные пособия.[2] Мы думаем, что именно этот труд, — и в частности входящее в него описание российского государства, изданное отдельной книгой, в исправном переводе, под редакцией и с «предуведомлением» Г. Ф. Миллера,[3] Радищев и имел в виду, отсылая к «Бишингу» своего читателя; вполне вероятно, впрочем, что эта ссылка имела и еще более общий характер, так как имя Бишинга употреблялось в XVIII в. почти как имя нарицательное, сино-

---

[1] В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, изд. 2-е, ред. В. Н. Рогожина (СПб., 1904), ч. II, №№ 2235—2244. — Л. Весин. Историч. обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 г. СПб., 1876, стр. 34—35, 37—39.

[2] Л. Весин. Историч. обзор учебников общей и русской географии. СПб., 1876 стр. 37—39 и приведенный здесь отзыв Зябловского в его «Курсе всеобщей географии» (СПб., 1818, ч. I, стр. 11): «Бишинг между известными географами всегда останется отличным» и т. д.

[3] Д. Антона Фредерика Бишинга из сокращенной его географии три главы о географии вообще, о Европе и о Российской империи, переведенные с немецкого на российский язык Иваном Долинским. М., 1766. — О переводе Г. Ф. М. [Миллер] в «Предуведомлении» говорит: «сие учинено с надлежащим прилежанием, и ничего не оставлено, что к удовольствию российского читателя служить может». Бо̀льшая часть книги посвящена российским губерниям, причем Бишинг, согласно своему пониманию географии («география есть основательное уведомление о естественном и гражданском состоянии земного шара, нами обитаемого», стр. 1), рассматривает их всесторонне: даны исторические справки, подробно перечислены города, крепости, остроги, реки, описаны занятия населения и т. д. На стр. 78 и сл. — особый раздел: «В XVIII веке завоеванные земли», но здесь естественно, нет ни Тавриды, ни Причерноморья; они есть, однако, в немецком подлиннике, где рассмотрены и «российская империя, Пруссия, Польша, Венгрия», и «европейская Турция с принадлежащими к ним странами» (Büsching's. Neue Erdebeschreibung, Des Ersten Theiles zweyter Band).

нимичное слову «географ» вообще. Таким образом, обращение к «другу читателю» могло иметь у Радищева приблизительно такой смысл: для того, чтобы как следует понимать меня, запасись-ка элементарными сведениями о «сих странах» из какого-нибудь популярного учебника географии!

В конце первой песни «Бовы» Радищев также говорит:

712 . . . Кто не знает,
Не читал кто во истории
Древней, повести народов,
Тому слог наш непонятен.

Радищев, естественно, подразумевал при этом, что освещение, которое он дает в своей поэме некоей сумме фактов из истории и географии — не совпадает с общепринятым.

Стих: «Читай Бишинга — от скуки», не нужно понимать буквально. Свое воображаемое путешествие по различным областям российского государства Радищев совершил не «от скуки»: в таком грехе человека, не знающего, как занять свое время, он вероятно скорее мог бы упрекнуть своего читателя. . . Напомним, однако, другие стихи Радищева из того же «Вступления» к «Бове»:

68 Обольщен я, но желаю
Обольщен быть... и о т с к у к и
Я потешуся с Бовою.

И в данном случае слово «скука» не является синонимом праздности, а скрывает в себе другой, иронический смысл. Радищев, с нашей точки зрения, словно хочет сказать: я потешусь с Бовой потому, что все остальное в моей поэме должно быть спрятано поглубже, для наиболее догадливых читателей, а недогадливые пусть думают, что в моей поэме идет речь о легкомысленных похождениях сказочного героя.

Для того, чтобы убедиться в том, что здесь, т. е. в начале «Вступления» почти каждое слово зашифровано Радищевым, имеет особый, тайный смысл, полно каких-то содержательных, но действительно трудно разгадываемых, непонятных намеков, нужно лишь внимательно перечесть первые семьдесят стихов поэмы. Возможно, что в этих загадочных стихах и находится ключ к поэме в целом, ко всему ее замыслу, ко всему ее идейному богатству, в том числе и к «поездке на Пегасе» и к ее соотношениям с приключениями Бовы. Этот «ключ» запрятан глубоко. Нельзя ли, однако, попытаться найти к нему дорогу с помощью тех, уже полученных нами выводов, которые, думается, отчасти приоткрыли нам смысл «поездки на Пегасе»?

Основное впечатление, получаемое от первых семидесяти стихов вступления, сводится к тому, что Радищев хочет обосновать перед читателем два независимых друг от друга и друг с другом несовпадающих плана своего повествования. Один план — это приключения Бовы, «сказка древних лет», которую он слышал от своего дядьки, и которую он пересказывает «от скуки» для недогадливых; но это *второй* план, прикрывающий собою другой, более серьезный замысел. Когда о нем заходит речь, то Радищев сразу же становится непонятным и предоставляет каждому истолковывать по-своему то, о чем он говорит. Таинственность речи тут же оправдана указанием на сибирскую ссылку автора, коему не надлежит говорить то, что он думает, ибо в его положении — человека, вернувшегося из изгнания, — следует говорить лишь то, что «льстить лишь будет слуху», но не больше. Стремление не сказать лишнего, не раскрыть читателю до конца свою заветную мысль настолько владеет Радищевым, что он не избегает в этом месте даже легких синтаксических неправильностей. Вчитаемся, например, в эти строки:

33 ...Да еще же
Я намерен рассказать вам,
Как то свойственно и нужно,
Чуть не вымолвил я — должно
Для того, кто в гости ездил
Во страны пустынны, дальни
Во ущелья — ко медведям.

Они полны убийственной иронии. Рассказ, — предупреждает Радищев, — будет вестись им так, как его *полагается* вести писателю, испытавшему ссылку; он чуть не сказал «как его *должно* вести», ибо это означало бы признание им основательности существующих на этот счет официальных требований, а он хочет чувствовать себя независимым. Между понятиями «должно», «нужно» и «свойственно», с его точки зрения, — целая пропасть.

41 И как только расскажу вам
То, что льстить лишь будет слуху,
Что гораздо слаще меда
Для тщеславья и гордыни;
А все то, что чуть не гладко,
То скорее мы поставим
В кладовую или в погреб.
И проклятие положим,
Если дерзкой кто рукою
Сняв покров прельщения наша,
Обнажит протекше время.

О чем здесь идет речь? Едва ли не о том, что поэт проклянет всякого, кто неосторожно вскроет второй план повество-

вания, его истинный смысл, «все то, что чуть не гладко», все то, что поэт старается скрыть от нескромных взоров, упрятать «в кладовую или погреб», все то, наконец, что объявит его истинный писательский облик, облик прежних лет, — до разразившейся над ним катастрофы. Ничто не мешает нам принять уже однажды высказанную догадку, что речь здесь идет об его знаменитой книге, за которую он поплатился ссылкой в Сибирь, — о «Путешествии из Петербурга в Москву».[1] Иными словами: Радищев говорит, что он наложит проклятие на всякого «дерзкого» читателя, который под покровом «прельщения», — т. е. по предлагаемому нами толкованию — под внешне-занимательной повестью о приключениях «Бовы» обнаружит «подземный», скрытый от глаз мир идей, одушевлявший его некогда, одушевляющий его и сейчас, но подавленный, запрещенный. Писателю громко можно говорить лишь то, что «льстить лишь будет слуху» — т. е. именно эти приключения, на все же остальное он сам налагает «запрет». Эта же мысль и то же проклятие повторены и в дальнейших стихах, заключающих в себе, однако, чрезвычайно тонкий логический ход:

52 Мы проклятье налагаем,
Хоть из моды оно вышло.
Но мы в силах наших скудны;
А когда б властитель мира
Я Тиверий был иль Клавдий,
Тогда б всякий дерзновенной
Кто подумать смел, что дважды
Два четыре, иль пять пальцев
Ему в кажду дал бог руку,
Тот бы пал под гневом нашим.

Чтобы понять вполне, какой смысл придан несколько неожиданно возникшему здесь образу Тиверия, нужно вспомнить, что Радищев говорит об этом «мрачном тиране», «тиране согбенна Рима» в своей «Песне исторической» (стихи 1214—1266). Они могут нам подсказать, что в «Бове» образ этот возник не случайно: он служит здесь не только для контраста, для противопоставления собственного бессилия бесправного писателя, даже находящегося в гневе — всеобъемлющей и всемогущей власти тирана; Тиверий является и в «Бове», — как и в «Песне исторической», — примером особой подозрительности, недоверия, которые не считались бы с самоочевидной

---

[1] Н. Г. Павлова. Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры. «Звенья». Сборники материалов и документов, М. — Л., т. I, 1932, стр. 531.

истиной: недоверие, а не логика вещей могли быть причиной опалы и казни; в «Песне исторической» читаем:

1216 ...тогда не злодеяние
В злодеяние вменялось;
Но злодей — кого Тиверий
Ненавидел или думал,
Что опасен он быть может,
Действие, невинна шутка,
Одно слово, знак иль мысли,
Все могло быть преступленьем.

В «Бове» характеристика «подозрительного тирана» (образ которого, кстати сказать, был столь приложим и к конкретному облику тогдашнего тирана на российском престоле Павла I) еще усилена. Радищев, очевидно, хочет сказать, что его гнев против «дерзкого», кто совлек бы покровы с его повествования, бессилен, а проклятие вышло из моды, но, будь он подозрительным и всемогущим тираном, он обрушил бы свой гнев на того, кто посмел бы доказывать ему даже самоочевидные истины, а не такою ли же самоочевидной истиной для внимательного читателя являлось наличие скрытого смысла в «Бове»? При Тиверии даже «невинная шутка» вменялась в злодеяние; не «подозрительны» ли и забавные приключения Бовы, которыми «для виду» тешится сам Радищев и которыми он собирается развлекать читателей? Но вообразить самого себя «тираном» Радищев не может; поэтому ему остается лишь констатировать собственное бессилие против соглядатаев его тайных мыслей, против нескромных разоблачителей скрытого смысла его поэмы:

62 А как не дал нам бог власти,
Как корове рог бодливой,
То мы к дерзкому воскликнем:
Отойди, пожалуй, дале
Поди вон ты, оглашенной;
Мне здесь нужно суеверье;
Обольщен я, но желаю
Обольщен быть... и от скуки
Я потешуся с Бовою.

Только теперь эти стихи приобретают для нас некий реальный смысл: Радищев говорит, что он не может, не властен покарать «дерзкого», который хотел проникнуть в его замысел, у него, — как у бодливой коровы, у которой нет рогов,[1] — отняты все средства самозащиты и поэту остается лишь одно средство: убеждение. «Мне здесь нужно суеверье», т. е. (согласно смыслу понятия «нужно» в стихе 34-ом) мне *при-*

---

[1] По пословице: «бодливой корове бог рог не дает».

стало, мне положено писать лишь легкомысленную повесть, тебе же, непосвященный, нет дела до совершаемого мною творческого таинства («оглашенный» становится синонимом «дерзкого»): поди прочь и не мешай мне тешиться с Бовою! Так, думается, следует понять эти зашифрованные строки. Нужно ли прибавлять ко всему сказанному, что весь этот воображаемый разговор автора с «дерзким» читателем придуман Радищевым именно для того, чтобы привлечь внимание этого читателя к скрытому смыслу его повествования»?

Отметим еще одно, с нашей точки зрения очень интересное совпадение в «Бове» с «Путешествием из Петербурга в Москву», где мы в первый раз у Радищева встречаем упоминание основных героев повести о Бове королевиче. В знаменитой главе «Спасская полесть» Радищев рассказывает, что, заночевав по случаю непогоды в почтовой избе, он сделался невольным свидетелем разговора присяжного с женою: «Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали. Ну муж, расскажи-тка, — говорил женский голос. — Слушай, жена. Жил-был; и подлинно на сказку похоже: да как же сказке верить? сказала жена вполголоса, зевая ото сна: поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей разбойник? Да кто тебя толкает в шею, верь коли хочешь! Но то правда, что встарину силы телесные были в уважении, и что силачи оные употребляли во зло...». Вспомним, что и в начальных стихах «Бовы» (стихи 15—18) Радищев писал, что он хотел бы «рассказать старинну повесть» из тех «преславных» рыцарских времен, когда

...кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко — ко престолу.

Интересно здесь не только сходство в обоих характеристиках «рыцарских» времен, конечно, издевательски названных в «Бове» «преславными»;[1] для нас особенно существенно, что этот сказочный «зачин» в «Путешествии» с умыслом прикры-

---

[1] К анализу понятия «рыцарский», «рыцарские времена» в представлении Радищева интересно привлечь его замечания в «Письме о китайском торге» (1792), например: «Я говорю не о той старине, когда с приехавшего гостя хозяин брал по своему произволению и силе, когда не было пощады самому бедствию, когда остатки кораблекрушения алчный спаситель присвоял себе все, в мокрой пучине не погрязшее без остатку. Не о сем **рыцарских времен** мое слово...» и далее: «Итак, кажется, между старым **рыцарским всеграбительным** и новым, **не меньше рыцарским, ни до чего не касающимся**, мнениями желали найти посредство...». (Полн. собр. соч., т. II, стр 6—7. — Разрядка моя. — *М. А.*).

вает рассказанную дальше и вовсе не «сказочную» повесть о причудах и злоупотреблениях властью «государева наместника», в котором комментаторы усматривают намек на Г. А. Потемкина,[1] и что «недогадливая» жена по началу рассказа действительно готова подумать, что речь пойдет о Бове и Полкане. Но присяжный продолжает: «Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай мать моя истолкователей Русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. — Не перебивай же моей речи. И так, жил был где то Государев Наместник»...[2] И рассказ незаметно переходит в скверный анекдот, характеризующий произвол и самоуправство высшего чиновника, которому вменено в обязанность следить за исполнением законов. Полкан и Бова не случайно оказались в начале рассказа присяжного: в старину, — говорит Радищев, — во зло употребляли силы телесные; ныне же во зло употребляют административную власть; и самому читателю предоставляется судить, какое из этих злоупотреблений лучше. В «Бове» (стихи 19—33) дается противопоставление нынешнего времени — временам «бывшим и протекшим»: Радищев готов извинить «ироям» тех дальних лет некоторые человеческие слабости («хоть грешишки койкакие попадались»), но он уверен, что

...грехов распутства умна,
Грехов хитрого софизма
Там не знали...

Очевидно, «умное распутство», с его точки зрения, было грехом, свойственным лишь другому периоду общественного развития.[3] Приведенное сопоставление параллельных мест из «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Бовы», думается, лишний раз свидетельствует о том, что в поэме Радищева, как она была им задумана и в значительной части написана, аван-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 481.

[2] Там же, стр. 242—243.

[3] Л. М. Лотман («Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки. Ученые записки Ленинградского Гос. Университета, серия филологических наук, вып. 2, 1939, стр. 143—144) толкует эти стихи как пародический намек на «Бахариану» Хераскова, где (гл. IV—V) изображено «царство софистов», «которые проповедуют наслаждение жизнью, смеются над аскетизмом и рыцарскими идеалами», причем Херасков будто бы «подразумевает под софистами французских просветителей». Как бы ни относиться к подобному предположению (требующему, во всяком случае, доказательств), очевидно, что Радищев противопоставляет «умное» (т. е. «умственное») распутство — физическому, «хитрые умствования» — грубой физической силе, но ниоткуда не видно, что он берет под защиту тот «рыцарский» идеал, на который нападали «софисты» у Хераскова или самых этих «софистов», понимая, в кого метил автор «Бахарианы»; с нашей точки зрения, мысль Радищева яснее без допущения будто бы заключающегося в ней «пародического намека».

тюры «Бовы» не составляли центрального стержня повествования. Они лишь прикрывали другой план развития сюжета, теснейшим образом связанный с основными взглядами Радищева на государство, на русскую историю, на проблемы власти. Не в этом ли была основная причина уничтожения Радищевым этой поэмы? Не хотел ли он обезопасить себя от слишком «дерзкого» читателя, который мог усмотреть в ней мысли, слишком «крамольные» для писателя, только что возвращенного из Сибири? Во всяком случае, ясно, что рамки сказочной повести о Бове, с ее подчеркнуто эротическим содержанием, не могли охватить большого и разнородного содержания задуманного Радищевым произведения.

Мы имеем все основания думать, что от «Бовы» находились в тесной зависимости и другие стихотворные произведения Радищева, написанные им после возвращения из ссылки, прежде всего неоконченная «Песнь историческая» (1801) и, также неоконченные, «Песни, петые на состязаниях» (1800—1802). Обоим этим произведениям присущи широкие историко-географические горизонты, роднящие их с «Бовой». «Песнь историческая» еще более расширяла историко-географические экскурсы «Бовы», превращаясь в стихотворное обозрение всемирной истории; в «Песнях, петых на состязаниях» должны были быть выведены певцы от всего славянского мира, от всех «колен славянских» — от Ильменя и Новгорода, от холмистых берегов Клязьмы, до Галича, Дуная и Адриатического моря, — что имеет некоторое соответствие с кругом областей, об историческом прошлом и будущем которых Радищев намеревался говорить в «Бове»; недаром в «Песнях» находятся знаменитые пророческие слова о «поздних потомках» славян...

В «Бове», наконец, было, вероятно, не мало философских или лучше сказать историософских обобщений, подобных тем, которые даны в оде Радищева «Осмнадцатое столетие» (1801). Не забудем, что «Бова» писался в 1799 г., когда кончало свой век «столетье безумно и мудро», когда «омоченно в крови», оно «ниспадало во гроб»... Единственно, что отличало «Бову» от всех этих произведений — это была присущая ей, по словам Н. Радищева-сына, «веселость», ее заметный местами сатирический колорит.

Если наше истолкование поэмы идет по правильному пути, то остается решить тот вопрос, который был поставлен на первых страницах этой работы: какое отношение имела поэма к тому «Плану богатырской повести Бовы», который был ей предпослан в первом посмертном издании сочинений Радищева?

До сих пор, повидимому, никто не сомневался в том, что именно этот план и должен служить основным источником для

реконструкции утраченной поэмы, что он представляет ее важнейшую часть, главный стержень повествования. Так, основываясь именно на этом «плане», Н. Г. Павлова пыталась разгадать скрытый смысл в образах Бовы и других традиционных персонажей лубочной повести, которыми якобы Радищев воспользовался в политико-сатирических целях, придав им собственный иносказательный смысл. Наблюдая, по ее собственным словам, как «искажалась» старинная повесть у Радищева, т. е. привлекая для сличения с этой повестью прозаический «план», Н. Г. Павлова приходила к заключению, что «основная особенность любопытной обработки повести о Бове Радищевым заключается в сильнейшем развитии иносказательного элемента, сообщившего ей характер политической сатиры»; как далеко завела исследовательницу эта предвзятая мысль увидеть «иносказание» прежде всего в трактовке приключений Бовы, видно хотя бы из поистине удивительного ее утверждения, что будто бы поэма Радищева могла иметь значение «политической признательности Павлу I» (!) и что «история сватовства двух королей имеет в виду Григория Орлова и Петра III» (!).[1]

Л. М. Лотман, основываясь на том же «плане», как на авторском свидетельстве о недошедшей до нас поэме, рассматривает ее на традиционном фоне других «поэм-сказок» XVIII в. «в народном стиле»; то обстоятельство, что указанная работа пытается доказать, что Радищев борется в своей поэме «против реакционного искажения идеи народности и народной старины» в дворянской литературе и «против самого жанра поэмы-сказки, как наиболее яркого проявления этого течения», не меняет дела: и на этот раз «Бова» Радищева рассматривается прежде всего в связи с сюжетом лубочной повести (т. е. с «планом»), в трактовку которой Радищев якобы вносит элементы литературной полемики против жанра подобных «поэм-сказок» в руской литературе XVIII в.[2]

Наконец, и статья В. Д. Кузьминой рассматривает поэму Радищева прежде всего на фоне разнообразных редакций повести о Бове, известных в русской письменности и в печатных изданиях.[3]

---

[1] Н. Г. Павлова. Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина, как вид политической сатиры. «Звенья». Сборники материалов и документов. М. — Л., 1932, т. I, стр. 512—539.

[2] Л. Лотман. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки. Ученые записки Ленинградского гос. университета, серия филологических наук, вып. 2, 1939, стр. 134—147.

[3] В. Д. Кузьмина. Сказка о Бове в обработке Радищева. Сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII в.». М., 1940, стр. 257—291.

С нашей точки зрения, во всех этих работах «плану» придается слишком большое, едва ли даже не решающее значение. Мы думаем, напротив, что этот найденный в бумагах Радищева «план» (и, вероятно, озаглавленный его первыми издателями, скорее всего Н. А. Радищевым) представляет собою сделанную им рабочую, черновую запись тех «вставных эпизодов» о Бове, которые должны были внешне связать отдельные песни поэмы некоей условной канвой и тем самым «прикрыть» многочисленные содержавшиеся в ней отступления, т. е. «второй план» повествования, на самом деле являвшийся *основным*. Как уже было отмечено нами выше, есть все основания предполагать, что то, что называется теперь «План богатырской повести Бовы», было лишь сделанным Радищевым для памяти конспектом той «сказки древних лет», которую он некогда слышал от своего дядьки, Петра Сумы, как свидетельствует и сам автор в стихах 71—74. Но в дальнейших стихах Радищев, думается нам, совершенно точно сам указывает на соотношение этой «сказки», — которую он собирается рассказать со слов дядьки, по памяти, — и основного «сюжета» его поэмы:

Петр Сума, приди на помощь
И струею речи сладкой
Оживи мою ты повесть.
Без складов она, без рифмы
В след пойдет творцу Тавриды;
Но с ним может ли сравниться!!

Радищев не говорит здесь, что свою поэтическую задачу он хочет *ограничить* пересказом некогда слышанной «сказки»: он призывает дядьку на помощь только для того, чтобы тот «оживил» его собственную повесть; можно думать, что слово «оживи» следует здесь понимать буквально: функция эпизодов о Бове заключалась, повидимому, именно в «оживлении» совершенно другого повествования. Именно это «другое» повествование и должно было пойти «в след творцу Тавриды», т. е. С. С. Боброву. Нужно ясно представить себе, что такое «лиро-эпическое песнотворение» Боброва, чтобы понять, как поэма Радищева, написанная ему «вослед», смогла быть «оживлена» передачей дядькиной «сказки».

3

Связь «Бовы» с «Тавридой» С. С. Боброва в исследованиях о Радищеве до сих пор получала не только недостаточное, но и прямо неправильное освещение. Еще В. П. Семенников толковал соотношение обоих произведений в сугубо формалистическом духе: Радищев будто бы заинтересовался «Тавридой»

только как поэмой, написанной белым стихом: «В 1798 г. появляется поэма С. С. Боброва «Таврида», имеющая, несомненное историко-литературное значение в деле дальнейших успехов белого стиха... Относительно рифм Бобров говорит» [1] и т. д. Совершенно в том же стиле трактуется этот вопрос и в комментариях к академическому изданию «Бовы». «Существенное значение в развитии безрифмия имела поэма Семена Боброва: «Таврида»... Это — поэтическое путешествие по Крыму. Поэма написана без рифм, четырехстопным ямбом, причем автор выступает в предисловии с защитой своего отказа от рифмы. В отношении безрифмия Радищев сам указывает на пример Боброва, он говорит в своей повести: «Без складов она, без рифмы. В след пойдет творцу Тавриды»... Ниже — опять похвала Боброву». [2]

То обстоятельство, что «Таврида» дважды упомянута Радищевым в «Бове» и притом как «образец», которому он хотел следовать, во всяком случае обязывало исследователей к более внимательному отношению к этому произведению; трудно было бы допустить, чтобы Радищев готов был взять в свое воображаемое путешествие поэму Боброва «в услаждение» («Бова», стих 147) только ради ее «безрифмия» или только потому, что «теоретические взгляды» Боброва на белый стих в русской поэзии «во многом совпадали с мнениями Радищева». [3] Дважды подчеркнутый Радищевым интерес к поэме Боброва должен был иметь и другие, более веские основания. Действительно, Радищева, с нашей точки зрения, заинтересовал и замысел поэмы Боброва, и обработанный в ней материал, и некоторые конструктивные ее особенности.

Поэма Боброва состоит из восьми песен и заключения, которым предпосланы «предварительные мысли» сочинителя.[4] «Вот некоторое изображение Таврии! — говорит здесь С. С. Бобров. Неоспоримо, что многие мысли здесь уже не новы и давно известны, но сыщется ли в природе вещь, которая бы когда обладала телом совсем новым и отменным от своего естественного? Покрой одежды различен, а сущность в наготе своей всегда постоянна». Далее Бобров старается обосновать особенности «покроя» своей поэмы и объясняет ее задачу.

Основная цель поэта — дать по возможности полное опи-

---

[1] В. П. Семенников. Радищев, стр. 294—295.

[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 451.

[3] В. П. Семенников, ук. соч., стр. 304.

[4] Цитируем по первому изданию, которое только Радищев и мог иметь в виду: Таврида или мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лиро-эпическое песнотворение, сочиненное капитаном Семеном Бобровым, Николаев, 1798. — Во втором издании (1804) поэма получила новое заглавие, и предисловие к ней было переделано.

сание Тавриды — ее природы, климата, ее флоры и фауны, ее истории с древнейших до нынешних времен, ее будущего. Десятки страниц поэмы представляют собою переложенные в стихи ботанические или минералогические трактаты, руководства по ихтиологии, виноградарству или даже сочинения об атмосферном электричестве. Характерно, например, что Бобров, описав грозу над таврическими горами, посвящает затем несколько страниц опытам Ломоносова по «испытанию электрической силы», излагая их его устами и даже довольно близко придерживаясь текста его прозаических ученых сочинений, переложенных здесь, кстати сказать, в довольно тяжеловесные стихи.[1] Ломоносова же поэт вспоминает, увидев радугу после дождя.

> ...остроумный Ломоносов!
> Списатель таинств естества!
> Сии растопленные тучи
> Влечась против лица светила
> Тебе в дождях явили призму
> И в поясе желто-зеленом
> Те показали нити света,
> Которых седмеричны роды
> Ты столько тщился развязать...[2]

В описании таврической природы сделаны ссылки на естествоиспытателей, исторические части поэмы пестрят указаниями на античных поэтов (напр. Овидия) и цитатами из них в примечаниях. Тем не менее «Таврида» — не описательная поэма в точном смысле этого слова; она не только дает свод данных о Крыме, почерпнутых из разнообразных источников («многие мысли здесь уже не новы»), она пытается «оживить» их неким связным повествованием, т. е. имеет «особый покрой». «Сей одежды, — пишет Бобров в том же предисловии к своей поэме, — требовала самая вводная повесть о магометанском мудреце, который составил из утра, полудня и вечера для воспитанника своего нравственную жизнь человека, а свойство же Азиатских бесед подкрепило мое намерение, хотя и оно не новое... Всякому известно, что вместо того было бы сухое и скучное описание красот Таврического дня, есть ли бы тут лица, не взирая, что они худо или хорошо вымышлены, сколько-нибудь не оживляли его сочинения тенями своими».

Для нас особый интерес в «Тавриде» представляет не самая «вставная повесть» или лучше сказать повести, так как их несколько и они мало связаны друг с другом, но то обстоятельство, что сам автор считает их как бы второстепенными в общем своем замысле, предназначенными лишь для

---

[1] Таврида, стр. 183—188.
[2] Там же, стр. 198.

того, чтобы придать повести некое движение, сюжетный ход. При этом движение самого описания Тавриды и развитие вставного повествования в поэме не совпадают; они развиваются независимо друг от друга. «Вводная повесть о магометанском мудреце», как это видно и из вышеприведенного авторского признания, составляет вторую, подсобную задачу; основной является описание Тавриды и ее исторических судеб. Чтобы удобнее обозревать и то и другое, поэт взбирается на гору Чатырдаг, ибо с высокого места лучше рассматривать окрестности. Восхождением на Чатырдаг и заканчивается первая песня «Тавриды».

Оставь свои холмы любезны
Божественна моя Камена!
Пусть будет Чатырдаг высокий, —
Сей дивный слепок естества, —
Твоим любимым храмом песней!
Здесь зришь ты в ясном глазоеме
Весь край вечерней сей страны,
Окрестны горы осененны
И униженны их верхи
. . . .
Все прелести сии открыты
Тебе в единой точке зрения..[1]

Радищев внимательно читал поэму Боброва но, конечно, не потому, что он видел в ней образец «безрифмия» в русской поэзии и не потому, что считал совершенными ее белые стихи, а прежде всего потому, что он интересовался Тавридой, ее природой и естественными богатствами, ее историей и ее значением для русского государства. Он внимательно прочел, в частности, и те страницы, где речь идет о восхождении на Чатырдаг, может быть потому, что он и сам был бы непрочь совершить такую экскурсию, весьма увлекательно описанную Бобровым. Но сила традиционного представления о поэме Боброва только как об образце «безрифмия», была такова, что она служила причиной весьма досадных недоразумений. Приведем лишь один пример.

Радищев говорит в «Бове»:

143 Чатырдаг, гора высока,
На тебя, во что ни станет,
Я вскарабкаюсь; с собою
Возьму плащ я для тумана,
А Боброва в услажденье.

Цитируя эти стихи, Н. Г. Павлова пишет: «Весь рассказ сознательно заключен Радищевым в иносказательную форму

---

[1] Таврида, стр. 37.

(«Возьму плащ я для тумана...»). Радищевым руководила политическая осторожность ссыльного, только что возвращенного из Сибири, но все еще подозреваемого... Но «плащ» плохо держится на плечах поэта-гражданина, позволяя угадать всем знакомую фигуру».[1] Однако «плащ» Радищева в данном случае совсем не иносказательный, как и упоминаемый им «туман» на вершине Чатырдага. Иносказание и намеки в «Бове» следует искать совершенно в других направлениях: плащ Радищева на этот раз совершенно реальный, и его нужно объяснять непосредственно из тех стихов Боброва, где он говорит об изменениях температуры по мере приближения к вершинам Чатырдага:

Уже другой здесь воздух веет,
Всегда прохладен, здрав и свеж...

Недалеко было то время, когда Радищев, страстный путешественник, живя в Сибири, сам предпринимал экскурсии, подобные той, которая описана в «Тавриде»: можно сослаться здесь хотя бы на описание путешествия к устью Илима, сделанное Радищевым в письме к А. Р. Воронцову от 22-го ноября 1794 г.: «Я не умею выразить, с какой отрадою, добравшись до соседства с Тунгуской, я мог созерцать сии горы, кои называют первородными (я видел лишь их отроги) и, взбираясь на сии громады, я в воображении переселялся в те отдаленные времена, когда земля, обнаженная и бесплодная, представляла собою местопребывание ужасное и пустыню обширную, или же, переносясь в позднейшие времена, я, казалось, видел природу, медленную в ее поступательном движении, собирающую все силы, чтоб стряхнуть с поверхности земного шара видимость старости и, потрясши землю до глубочайших оснований, показать ее в совершенно новом виде».[2] У Боброва рассказ о Тавриде начинается с тех отдаленных времен, когда Чатырдаг был только островом, и он посвятил немало торжественных и выспренних стихов для описания того, как действие вулканических сил совершенно изменило местность, ставшую затем поприщем борьбы народов и людских страстей.

Несомненно, что все «Введение» к «Бове» написано под свежим впечатлением от прочтенного Радищевым «лиро-эпического песнотворения» Боброва. Это явственно видно из уже цитированных стихов «Введения» (ст. 136 и сл.: «Посещу я и Тавриду, где столь много всегда было превращений, оборотов...»); здесь Радищев не случайно говорит, что он возьмет

---

[1] Н. Г. Павлова, ук. соч., стр. 530.
[2] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 599—600.

с собою «Боброва в услажденье»: в этих стихах Радищев явно вспоминает исторические части «Тавриды». В авторском резюме, предпосланном пятой песне поэмы, Бобров предупреждает читателя, что здесь «изъясняется о населении полуострова скифами, греками и генуесцами; — о боготворении там Дианы; о ее храме, где жрицею дочь Агамемнона, Ифигения; — о приключении брата ее, Ореста; о набегах татар; о овладении Таврии оружием их; о бедствии островлян и затворников, и напоследок о присоединении оной к Российской державе»; кончается же эта песня «благомысленным заключением, где изъясняется чистое желание щастия России».[1]

Вся последовательность первых исторических припоминаний и образов в «Бове» Радищева имеет близкое сходство со стихами «Тавриды» Боброва.

Если Радищев обещает «заглянуть» в Колхиду,

129 Землю страшну и волшебну,
Где Ясон, обняв Медею,
Укротил сурово сердце
Сей волшебницы ужасной,

то и Бобров начинает свой рассказ также с аргонавтов.

Пусть взор испытный углубится
В глубоку древности пучину,
Отколе тридесять два века
Свои колеса обернувши
На шумных осях прогремели,
Как древле славны Аргонавты
Пучину черну рассекая
Познали полуостров сей;
Уже под ним гремела слава,
Когда Язон на корабле,
Наполненном полубогами
В Колхиду ехал за руном...
. . . .
Издревле жители здесь дики
По свойству обоготворяли
Колчаноносную богиню
Двурогу Фебову сестру,
Которую в Колхидском царстве
Под именем Гекаты страшной
Медея ночью призывала..[2]

О «сильном царстве славна древле Мифридата» («Бова», стр. 125—126) в «Тавриде» также идет речь не раз. Бобров рассказывает, например, что

Боспорцы помощи искали
В царе Понтийском, Митридате,

---

[1] Таврида, стр. 118.
[2] Там же, стр. 120—121.

Сей славный сопротивник римлян,
Не редкий бич царей вселенной
Все скифски полчища изгнав
Боспорско царство основал. —
Места, где царствовали жены,
Где девы побеждали сильных
И дерзостных богатырей,
И седоглавого Кавказа,
Высоки снежные хребты,
Отколе Фазис и Гипанис
В валах ревут, и в Понт бегут,
И часть восточна Херсониса
Вмещались в царство Митридата...[1]

В конце XVIII в. этот круг заимствованных у античных писателей мифологических или исторических имен и представлений, связавшихся с Тавридой, становился устойчивым и традиционным в русской поэзии (ср. еще у Пушкина, в отрывках из путешествия Онегина: «С Атридом спорит там Пилад, там закололся Митридат...»); однако Бобров им не ограничивается: он набрасывает всю историю Тавриды, весь ряд пережитых ею «превращений», «оборотов» («Бова», ст. 138) и всячески стремится связать ее с российской историей:

Там ходят призраки Фоантов,
Или ужасных Митридатов,
Или растрепанных Медей,
Или Фалестры копьеносной.
Здесь тень является Мамая,
Что зверским оком озираясь
Терзает с стоном грудь власату,
Где раны те еще горят,
Которые впечатлены
Десницей страшною Донского,
Тогда, как с грубою гордыней
Мамай из Перекопа мчась
Хотел в Куликовских долинах
Нещастных Россов подавить...[2]

И многократно из истории Тавриды, рассказанной Бобровым, тянутся исторические нити и к Азову, и к Дону, и к Кавказу, и к Астраханским степям, с одной стороны, и к Днепру, Дунаю, Константинополю, — с другой. Нельзя не вспомнить при этом «поездку на Пегасе» во «Введении» к «Бове»: она приобретает еще более реальный смысл и становится гораздо лучше объяснимой.

В написанных в том же 1798 г., что и «Таврида», «Стансах на учреждение корабельных и штурманских училищ, при адмиралтействах» Бобров предрекал, что «российски юноши отважны» в своих будущих плаваниях «имя Россов пронесут» «сквозь вихри, пламень и туманы», там —

[1] Таврида, стр. 130.
[2] Там же, стр. 240.

Где под Гесперовой звездою
Алкид постановил столпы,
Где с юною Язон толпою
В Колхиду направлял стопы
К Руну, или — к Медее...
Где Митридат был Понта славой
И римлян иногда бичем;
Где в жертве чуть не пал кровавой
Орест под сестриным мечем,
Сей древний Крыма гость;
И там, где ты, Овидий страстный
Уснул, — как жалкий человек;
Или, где хлеба вождь нещастный
Просил, но в нем остался в век
Великий Велисарий...

Радищев не мог читать эти стихи,[1] а между тем и здесь, в направлениях плаваний русских мореходцев (Гибралтар—Кавказ—Таврида—устье Дуная—Константинополь) и в связанных с ними исторических образах, можно также усмотреть сходство с «воображаемым» путешествием во «Введении» к «Бове». Дело, очевидно, идет не о «подражании» Радищева Боброву, а о некоей близости их творческих замыслов и круга поэтических представлений, возникших почти в одно время («Таврида» 1798, «Бова» 1799) и внушенных тою же действительностью.

Мы представляем себе, что при создании «Бовы» «Таврида» Боброва, только что прочитанная Радищевым, могла дать ему некоторые творческие импульсы. Может быть и самая мысль написать поэму «в двух планах», с повествовательными эпизодами, «оживляющими» самостоятельный ход историко-философской мысли или «прикрывающими» ее, могла быть подсказана Радищеву «Тавридой» Боброва. Тем не менее, между «Тавридой» и «Введением» к «Бове», да, конечно, и всей поэмой Радищева в целом, лежит целая пропасть: отмеченные выше сходства и аналогии в обеих поэмах объясняются прежде всего тем, что и Бобров, и Радищев основывались на тех же материалах, который давала им окружающая жизнь и поставленные ею проблемы, но освещали они эти проблемы совершенно различно.

В 70—90-е годы XVIII в. русский правительственный и общественный интерес к тем странам, что «Понт Черной облегают», чрезвычайно усилился. В результате победоносной пер-

---

[1] «Стансы» напечатаны в книге С. Боброва: «Рассвет полночи или созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов» (СПб. 1804, ч. 1, стр. 41). Во второй части этого же издания напечатана и измененная «Таврида».

вой русско-турецкой войны, Россия не только добилась провозглашения «независимости» Крыма, но и получила право навигации на Черном море, в чем Турция последовательно отказывала всем державам. Этой навигации требовали интересы русской внешней торговли, сильно страдавшей в то время от иностранного, прежде всего английского «засилья»; в особенности важную роль играл при этом вопрос об экспорте железа, одного из главных предметов русского вывоза в XVIII в. (не говорим уже о пшенице, канатах, соли, пушнине). Поэтому уже в 80-х годах, — после соглашения с Турцией 1779 г., — черноморская торговля серьезно обсуждалась в петербургских правительственных кругах. В 1779 г. основан был новый порт — Херсон, во время русско-турецкой войны 1788—1791 гг. началось строительство Николаева и его верфей, в 1794 г. была основана Одесса. Весь причерноморский край устраивался заново; хозяйственные интересы и те же проблемы экспорта влекли мечты правящих классов России и далее, — к Кавказу. Но завоевания России на юге и ее серьезные торговые успехи на Черном море прежде всего укрепляли здание феодально-крепостнического государства. На завоеванные земли сгоняли крепостных крестьян; для заселения этих областей крестьян в широких размерах «покупали» в центральных губерниях, для административного и хозяйственного произвола возможности были неограничены.

С. С. Бобров в своей «Тавриде» и в других произведениях, написанных в бытность его в Николаеве, преисполнен веры в прогрессивность хозяйственных и политических начинаний русской государственной власти; в правительственной программе как внутреннего хозяйственного развития, так и завоевательной политики Бобров видит залог дальнейших успехов российской империи. «Таврида» посвящена Н. С. Мордвинову, а стихотворения Боброва, объединенные им в его «Рассвете полночи», безоговорочно прославляют «порфироносных, браненосных и мирных гениев России», т. е. царскую власть, ее армию и флот и всевозможных деятелей процесса «капиталистического» развития русской феодально-крепостнической державы. Здесь точки зрения капитана Боброва, бывшего не только поэтом, но и активным деятелем по строительству новых портов на Черноморском побережье, и Радищева, опального писателя, только что возвратившегося из продолжительной и тягостной ссылки, не могли совпадать.

Радищев, как нам уже приходилось отмечать, с напряженным вниманием еще со студенческих лет присматривался к «черноморской проблеме». В период своей службы в таможне он чрезвычайно интересовался теми самыми вопросами ввоза и вывоза, которые направляли русскую правительственную

политику на быстрейшее разрешение проблемы отечественной навигации на Черном море. Вопросы внешней торговли весьма живо интересовали Радищева и тогда, когда он изучал «китайский торг» и позже, по возвращении из Сибири. Но Радищев видел дальше своих современников; для него, в частности, была ясна изнанка многих явлений хозяйственного «прогресса» в новоприобретенных областях русского государства, развития промышленности, торговли и столь связанной со всеми этими проблемами внешней политики России. Характерно, что в уже цитированном письме Радищева к А. Р. Воронцову, где идет речь о заключении мира с турками, он упоминает, что «сельские жители» «испытывают только худые следствия войны» и что он придерживается особого взгляда на завоевательные войны.[1] Нам представляется очень вероятным, что Радищев много и серьезно думал над всеми этими вопросами именно в период создания своего «Бовы» и что именно отсюда и возникло определяющее замысел географическое приуроченье поэмы — к Черноморью.

У Радищева был еще один круг источников, который позволил ему, даже в период его жизни в Сибири, внимательно присматриваться ко многим процессам русской народнохозяйственной жизни, притом в таких краях, которые были достаточно отдалены и от столиц и от места его ссылки. Еще в 1768—1774 гг. русская Академия наук организовала ряд экспедиций для изучения отдельных преимущественно окраинных областей русского государства. Работы этих экспедиций велись в крупном масштабе значительными научными силами и дали весьма ценные результаты. Экспедиционная деятельность Академии наук, теснейшим образом связанная с хозяйственными проблемами русской действительности XVIII в., продолжалась и в последующие годы. В 80—90-е годы XVIII в. в печати появились основные труды, созданные в результате этих экспедиций, — капитальные исследования Палласа, Гмелина, Гюльденштедта, Лепехина, Георги, Фалька, равно как и более мелкие работы, выполненные позднее как названными учеными, так и лицами, занявшими в эти годы видное место в русской науке (В. Зуевым, Н. Рычковым, Н. Озерецковским и др.). Все эти сочинения надолго стали основным фондом данных о производительных силах России.[2] Названные экспедиции велись в разных направлениях, но для нас весьма существенно, что маршруты значительной их части не случайно

---

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 583.

[2] В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов, М.—Л., 1940.

направлялись на юго-восток и на юго-запад, все шире захватывая с разных сторон черноморское побережье и все районы, связанные с ним в хозяйственных отношениях. Так, Паллас первоначально обследовал Заволжье, Урал, Алтайский край, Сибирь, но, в конце концов, перенес свою научную деятельность в Крым; Гмелин обследовал Прикаспийские края, Донецкую область, северо-восточное Предкавказье и погиб, захваченный в плен в кавказских горах; Гюльденштедт ездил в Астраханский край и причерноморские степи, но побывал и на Кавказе, в Осетии и в Грузии, доехав до Тифлиса.[1] Естественно, что в 80-е годы изучение всех этих областей велось еще интенсивнее; ряд экспедиций в Причерноморье открыл в начале 80-х годов адъюнкт Академии, потом академик, В. Ф. Зуев: он отправлен был в южные области России и в Крым, на русском фрегате ездил в Константинополь и вернулся оттуда сухим путем через европейскую Турцию, Молдавию и Валахию в Херсон.[2]

Радищев хорошо знал литературные труды, явившиеся в результате всей этой экспедиционной деятельности; он читал важнейшие из них и, между прочим, еще живя в Илимске, просил доставить ему те из них, которые появились вновь или случайно ускользнули от его внимания в предшествующие годы.[3] Неудивительно, что в «Бове» есть несомненные следы чтения Радищевым этих сочинений. В этом мы усматриваем лишнее свидетельство в пользу того, что изложенная во «Вступлении» к Бове «поездка на Пегасе», как своего рода экспозиция будущей поэмы, была Радищевым глубоко продумана и вполне обоснована. Нам представляется очень правдоподобным, что Радищев собирался поделиться с читателями своими мыслями о тех краях, которые он основательно изу-

---

[1] М. А. Полиевктов. Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. Изв. АН СССР, 1935, № 8, стр. 759—774.

[2] Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона. СПб., 1787. — Впечатления от пребывания Зуева в Херсоне и в Константинополе отразились на его статье «О российской торговле по Черному морю» (Месяцеслов исторический и географический на 1784 г., стр. 9—33). Ср. М. И. Сухомлинов. Академик В. Ф. Зуев и его путешествие по России. «Древн. и Новая Россия», 1879, № 2, стр. 96—111. — М. М. Соловьев. Академик В. Ф. Зуев, Вестник АН СССР, 1933, № 7, стр. 25—30; Н. Г. Фрадкин, Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева, М. 1948.

[3] В письме к А. Р. Воронцову (15 марта 1791 г.) Радищев называет труды Палласа, Георги, Лепехина, в другом письме (17 февраля 1792 г.) просит выслать ему с оказией «путешествия академиков»—Стеллера и Гмелина: «я знаю творения других и даже труд Гмелина, который имеется по русски»; в письме от 24 марта 1792 г. Радищев вновь просит о доставке ему путешествий Фалька и Гюльденштедта на немецком языке (А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 535, 578, 581).

чал, между прочим, и по «трудам академиков», вообще по русской литературе 80-х и 90-х годов, посвященной физико-географическому и народнохозяйственному описанию различных областей современной ему России и сопредельных стран. И это еще раз убеждает нас в том, что легкомысленные приключения героя «дядькиной сказки» далеко не определяли замысел произведения Радищева и что вовсе не ради них была написана его поэма, им, в конце концов, уничтоженная. Если нам когда-либо удастся разгадать замысел Радищева до конца, то в этом нам меньше всего окажет помощь изучение «сказки» о Бове и Полкане.

4

До сих пор мы имели дело, главным образом, со «Вступлением» к «Бове» и мало касались дошедшей до нас ее первой песни. Изучение этой песни, думается, подтверждают сделанные выше предположения. Хотя в этой песне и начинается рассказ об авантюрах Бовы, но это повествование осложнено столь длинными авторскими отступлениями, не имеющими никакого отношения к главному герою, что и здесь явственно чувствуется, что для Радищева главный интерес заключался именно в этих отступлениях, а не в повествовании, подчеркнутая «веселость» которого лишь прикрывала глубокую содержательность его размышлений на самые разнообразные темы. С этой стороны особое внимание могут привлечь к себе развернутый эпизод о тибетском Далай-Ламе и «злостяжанном богатстве», а также весьма характерное описание богини Славы и ее дворца. Эти вставные эпизоды нуждаются в специальном комментарии, без которого они не очень понятны для читателя, попытки же подойти к их истолкованию, исходя из представления о поэме в целом как о пародической «поэме-сказке» в народном стиле, явно неудачны и лишь затушевывают значение указанных мест.

Вставной эпизод о Далай-Ламе изложен Радищевым в стихах 488—547 первой песни «Бовы»; идейным центром эпизода являются слова о «злостяжанном богатстве» или о богатстве, «злостяжанном неправдой»:

О, сколь счастлив был бы смертной,
Если б все богатства в свете,
Злостяжанные неправдой,
Обращалися чудесно
В вещество сие изящно,
Далаи-Лама которо
Всем в подарок правоверным
Для десерту рассылает... и т. д.

Во всех существующих изданиях «Бовы», вплоть до «однотомника» избранных сочинений Радищева 1949 г., указан-

ные стихи оставлены без всяких пояснений[1] и читателю предоставляется самому догадываться, о чем здесь идет речь. Между тем, даже при беглом чтении указанных стихов, в них чувствуется не только зловещая насмешка, намеренно зашифровывающая центральную мысль Радищева, но и то, что эта мысль принадлежит к числу полюбившихся автору, хорошо им обдуманных, очень его занимавших: последнее, между прочим, видно из того, что весь ход этой мысли повторен Радищевым дважды (стихи 504—511, 531—547), то в более сжатом, то в более развернутом виде, с новыми подробностями из областей тибетского ламского культа и алхимии. Это обязывает исследователя: мы должны возможно яснее понять аргументацию Радищева в данном месте его поэмы, смысл, вложенный им в отдельные слова.

Нам известны лишь две попытки объяснить указанные стихи, но ни та, ни другая не представляются нам удовлетворительными. Так, В. Д. Кузьмина считает эпизод о Далай-Ламе попросту «завуалированным» «антиклерикальным выпадом» Радищева, который будто бы имел в виду здесь не столько реального властителя Тибета, сколько христианских церковников. «В «Бове», — пишет она, — антиклерикальные насмешки над церковным учением о бессмертии облечены в форму дерзкого издевательства над Далай-Ламой» и поясняет далее, что «эзоповский язык был необходимостью в сатирической литературе XVIII в.»; «в «Бове» Радищев облекает свои антиклерикальные выпады в завуалированную форму насмешки над бессмертием и благодатью Далай-Ламы, но в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» (Путешествие, глава «Торжок») выражается гораздо более определенно и резко. . .».[2] Л. М. Лотман, в свою очередь, пытаясь доказать, что в «Бове» «все традиционные мотивы поэм-сказок поданы Радищевым в насмешливых тонах» и что «насмешка эта не имеет ничего общего с тонкой салонной насмешливостью, характерной для дворянских богатырских повестей», ссылается в качестве примера на то, что «описывая статую Славы, считавшейся древнерусской богиней, по имени которой

---

[1] Лишь в невышедшем в свет издании соч. Радищева под ред. П. А. Ефремова в примечании к стиху «вещество сие изящно» было указано: «намеки на человеческие отбросы, из которых Брант и Кукель (sic) добывали светильный газ» (!), что требует дальнейших пояснений и, кроме того, неверно по существу. Это примечание воспроизведено при переиздании «Бовы» в «Русской поэзии» С. А. Венгерова (т. I, СПб., 1897, «Примечания и дополнения», стр. 336).

[2] В. Д. Кузьмина. Сказка о Бове в обработке А. Н. Радищева. Сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII в.», М., 1940, стр. 281, 285, 287.

названы славяне, Радищев позволил себе снизить первоначальное, как бы сочувственное изображение ее, добавив сравнение с Далай-Ламой, крайне вольное и уничтожающее всю серьезность предшествующего повествования»,[1] таким образом, и здесь эпизоду о Далай-Ламе придается лишь второстепенное, «композиционное» значение, «снижавшее» якобы серьезность предшествующих стихов. Нам представляется удобным начать наше истолкование именно с этих «предшествующих» стихов о богине Славе, так как несколько попутных замечаний о ней Радищева могут дать верное направление дальнейшим разысканиям.

Следует сразу сказать, что никакого сравнения богини Славы с Далай-Ламой у Радищева нет; он говорит лишь, что в изображении богини («в верьху свода» посвященного ей храма) были характерные черты, например, «безволосый затылок» —

477 Зане так же как фортуна,
Сестра Славы, легконога;
У ней волосы тупеем
Ростут с переди косою,
А затылок весь плешивой.

и добавляет не без улыбки:

482 Они моде сей учились
(Мы здесь скажем мимоходом
Для того, кто не читает
Путешествиев всемирных)
У Мунгалов иль Китайцев,
Иль в Тибете иль Бутане...

Чтобы понять образ, который рисует нам Радищев, следует иметь в виду, что «тупеем» в XVIII в. назывался «пучок волос» на передней части головы, взбитый на манер «хохла», «чуба» или зачесанный назад[2] и что, с другой стороны, с аналогичной прической изображалась в то время и античная Фортуна (греч. Τύχη); эта манера взбивать волосы вверх, конусообразно, называлась древними «кробюлос» или «корюмбос»

---

[1] Л. Лотман. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки. Ученые записки Ленинградского Гос. университета, серия филологических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 140—141.

[2] Ср. в сатирической поэме М. Д. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» (III, 7—8): «Жених ей кажется складнее всех людей, Получше у нево причосан и т у п е й» (С. А. В е н г е р о в. Русск. поэзия, т. 1, стр. 879); «Мне остригли начинавший отрастать т у п е й, причесали в малые букли» (Записки С. А. Т у ч к о в а, 1766—1808, СПб., 1908, стр. 8); в «Словаре иноязычном», помещенном в «Письмовнике» Н. Курганова (8-е изд., СПб., 1809, ч. II, стр. 319): «тупей-зачос»; слово встречается еще в «Горе от ума» Грибоедова: «Раскланяйся — тупеем не кивнут»; напомним также «Т у п е й н о г о художника» Н. С. Лескова.

и описана еще Фукидидом;[1] варианты подобных причесок для изображения «легконогой» Фортуны, — которую Радищев именует сестрою Славы, — рекомендовались художникам мифологическими и иконологическими лексиконами XVIII в.[2] На что, однако, Радищев намекал, говоря, что «они» (т. е. Фортуна и Слава) «моде сей учились» у «мунгалов иль китайцев»? Представляется наиболее правдоподобным, что Радищев, желая представить себе образ богини Славы, вспомнил виденные им изображения буддийских божеств — бурханов. Все изображения таких божеств, почитание которых составляет основу буддийского вероучения, «имеют у себя волосы, всчесанные в один пучок на макушке (уснӣр)».[3] Таким образом, несмотря на улыбку, Радищев говорит совершенно серьезно: он обобщает в образе своей богини Славы некоторые черты изображений божеств античных и буддийских. Монголы и китайцы вызывают в его памяти представления о Тибете и Бутане, а эти страны прямо приводят его мысли к Далай-Ламе: невозможно представить себе, что ход его мысли был иной.

Длинный рассказ о Далай-Ламе начинается в «Бове» непосредственно вслед за упоминанием Тибета и сопредельного с ним Бутана (Bhutan), государства, расположенного на юго-восточных склонах Гималайских гор. Именно название этой малоизвестной в ту пору страны, возникшее в памяти Радищева по прямой ассоциации с Тибетом, и дает нам ключ ко всему последующему его рассказу о владыке Тибета и приверженцах ламайского культа. Однако, прежде чем мы обратимся к непосредственному источнику Радищева о Далай-Ламе, необходимо пояснить, как возник его интерес к буддизму и ламаизму.

Живя в Сибири, Радищев серьезно интересовался этнографией и внимательно изучал исторические судьбы и современный быт многих сибирских народностей. В его распоряжении были не только книги, — в частности труды, возникшие в результате упомянутых выше академических экспедиций; он имел возможность производить и разнообразные собственные

---

[1] Antony Rich. Dictionnaire des antiquités romaines et grecques. Paris, 1859, p. 198, 205.—Thukydides, ed. J. Classen, bearb. J. Steup, Berlin, 1897, стр. 332 и сл. („Die attische Haartracht").

[2] «Иконологический лексикон» Ивана Акимова (СПб., 1763, стр. 313—315) пишет о Фортуне: «стихотворцы представляют ее лысою, с завязанными лентою глазами», а Нестор Амбодик в кн. «Емвлемы и символы избранные» СПб., 1788, стр. XXXIII: «Фортуна, богиня счастья и случаев, изображается лысою, с завязанными очами», но здесь же на картинке (№ 680 стр. 170) она представлена с развевающимися на макушке волосами.

[3] А. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887, стр. 47.

наблюдения. О том, насколько поучительной и содержательной была для Радищева та пестрая этнографическая картина, которая развернулась перед ним при проезде на место ссылки, в глухие края восточной Сибири, свидетельствуют уже веденные им в то время «Записки путешествия в Сибирь». Жизнь в Иркутске и Илимске дала ему возможность познакомиться с монголами и китайцами не из книг, а прежде всего ближе присмотреться к скотоводам-бурятам и таежным охотникам-тунгусам. Религиозный быт всех этих народностей входил в программу этнографических изучений Радищева. Еще по пути из Иркутска в Илимск он обращал внимание на места, где совершались жертвоприношения бурятов-шаманистов;[1] в Илимске в 1794 г. ему довелось видеть «религиозное действо тунгусов, которое они исполнили по моей просьбе... шаманством называемое», как он писал об этом А. Р. Воронцову.[2] Тогда же он мог ближе познакомиться и с вариантом буддизма — ламаизмом. Следы отчетливого знакомства Радищева с религиями Индии и, в частности, с буддийским учением о метемпсихозе находятся в его трактате о «Человеке, его смертности и бессмертии», написанном в Илимске. Обычно указывают, что источником данных об этом служил Радищеву Гердер,[3] но забывают о тех мощных возбудителях интереса к буддизму и ламайскому культу, какими являлись для Радищева его сибирские впечатления, а, кстати, и о том, что основной запас сведений о тибетских ламаитах, их обрядности, их верховном главе и т. д. европейская наука получила из рук русских ученых XVIII в. и прежде всего из трудов участников академических экспедиций.

Быстрое утверждение в Сибири ламаизма, столь тесно связанного с Монголией и Тибетом, и вытеснение им шаманизма становилось все очевиднее с начала XVIII в., в особенности со времени прихода в бурятские кочевья 150 лам из Тибета (1712). В середине XVIII в. в бурятских степях Восточной Сибири было уже свыше 300 лам и связь их с Монголией и Тибетом укреплялась во все последующие годы.[4] Это было в ту пору, когда европейцы располагали еще самыми скудными данными о таинственном государстве Далай-Ламы. Характерен следующий случай. В 1767 г. для участия в «Комис-

---

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 717.

[2] Там же, стр. 598. — Интересным комментарием к этому письму может служить рассказ П. А. Радищева («Русск. вестн.», 1858, дек., № 2, стр. 414—415).

[3] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 383.

[4] А. Позднеев. К истории развития буддизма в Забайкальском крае. Записки Восточного отделения имп. Русск. Археологич. общества, т. I, вып. III, СПб., 1886, стр. 169—171.

сии по составлению нового уложения» от бурятских родов в Москву был отправлен бурят Заяев. Он получил свое начальное образование в Монголии и закончил его в тибетской столице — Лхасе. Явившись в Москву, он был представлен Екатерине II и поднес ей описание своего путешествия в Тибет.[1] Уже Гмелин и Г. Ф. Миллер обращали серьезное внимание в своих трудах на «монгольские религиозные обычаи»;[2] еще в 1766 г. Э. Лаксман между Иркутском и Селенгинском собирал данные для недошедшей до нас его работы «Описание мунгальского богослужения» и очень интересовался этим вопросом и в последующие годы своей жизни в Сибири.[3] Стоит подчеркнуть, что это был тот самый Лаксман, с которым Радищев состоял в переписке, живя в Илимске, и смерть которого он столь искренне оплакал в письме к А. Р. Воронцову в июле 1796 г.[4] Отметим далее, что П. С. Паллас в 1772 г. смог в Восточной Сибири собрать так много данных о Тибете и ламаизме, что уже после издания первого тома своего капитального труда «Собрание исторических известий о монгольских народностях» (1776) он опубликовал и особую статью о Тибете, основанную на расспросах бурят.[5] Тибетский язык интенсивно изучался у нас в течение всего XVIII в. и уже в это время в Петербурге собрана была довольно значительная коллекция тибетских («тангутских») рукописей.[6] В 90-х годах XVIII в. Академия Наук обсуждала организацию специальной научной экспедиции в Тибет: ходили слухи об отправлении туда ботаника Сиверса, служившего в Иркутске и здесь умершего (весною 1795 г.):[7] очень вероятно, что Радищев был с ним и лично знаком. Наконец, отметим, что в 80—90-е годы кое-какие известия о Тибете появлялись

---

[1] А. Позднеев, ук. соч., стр. 171—172. — С. Ф. Ольденбург. Новейшая литература о Тибете. Журн. Мин. Нар. Просв., 1904, № 11, стр. 142. — В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Изд. 2-е, Л., 1925, стр. 225—226.

[2] В. Лагус. Эрик Лаксман. СПб., 1890, стр. 369. — В. Бартольд, ук. соч., стр. 227.

[3] В. Лагус, ук. соч., стр. 40—41, 59, 123.

[4] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 606.

[5] П. С. Паллас. Известия о королевстве Тибетском, собранные большею частью от монгольцев, живущих в окружностях Селенгинска (Месяцеслов исторический и географический на 1782 г., стр. 105—137; перепеч. в «Собр. сочинений, выбранных из месяцесловов», т. V, СПб., 1790, стр. 119—145; оригинал в «Neue Nordische Beyträge», Bd. I, St. Petersburg, 1781, S. 201—222). — Ср.: В. Маракуев. П. С. Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877, стр. 54—56. — Ф. П. Кеппен. Ученые труды П. С. Палласа. Журн. Мин. Нар. Просв., 1895, № 4, стр. 429.

[6] С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 219—220, 412—413.

[7] В. Лагус, ук. соч., стр. 293—294.

в России не только в научной литературе: укажем хотя бы на любопытное путешествие Филиппа Ефремова.[1]

В XVIII в. начались также попытки англичан вступить в сношения с Тибетом из Индии. В первой половине этого столетия в Тибет через Китай удалось проникнуть лишь нескольким европейцам, преимущественно католическим миссионерам, иезуитам и капуцинам, но уже около 1760 г. последние были окончательно изгнаны из Лхасы, с конца же XVIII в. всем иностранцам и вовсе закрыт был доступ во владения, подчиненные Тибетскому правительству. Понятен поэтому тот интерес, который во всей Европе вызвала случайная удача того посольства, которое в 1774 г. снаряжено было в Тибет английским генерал-губернатором Бенгалии — Гастингсом. Этому посольству, во главе которого поставлен был Дж. Богль, удалось проникнуть в Тибет через Бутан. Целью трудного путешествия поставлено было восстановить прежние «дружеские» отношения между Индией и Тибетом, нарушенные столкновениями между англичанами и правителем Бутана, стоявшим в известной вассальной зависимости к Тибету и искавшим заступничества у тибетского банчаня (Пан ч'эн ринпоче) — второго по достоинству в Тибете лица, — правившего страною по малолетству Далай-Ламы.[2]

Дневник Дж. Богля, проникшего к Лхасу, оставался неизданным до 1876 г., когда он был издан полностью с историческими комментариями К. Маркхемом.[3] Однако еще в 1777 г. член лондонского «Королевского общества» Джон Стюарт, возвратившийся из Индии, в форме письма к Дж. Принглю представил интересный отчет о путешествии Богля; это письмо читано было на заседании «Королевского общества» 17 апреля 1777 г. и вскоре напечатано было в его «Отчетах».[4] Это было первое и единственное на протяжении ста лет печатное

---

[1] Книга Ф. Ефремова (1774—1782) «Странствование в Бухарии, Хиве, Персии и Индии», в которой есть рассказ и о Тибете, куда он проник через Кашгар и Яркенд (В. Бартольд, ук. соч., стр. 224), выдержала три издания: 1786, 1794, 1811. Об интересе к Тибету в русском обществе в конце XVIII в. см. также в статье Д. Ф. Кобеко «Поездка митрополита Хрисанфа к Далай-Ламе в 1792 г.» (в кн. «XXV лет, сб., изд. Комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, стр. 385—389).

[2] С. Ф. Ольденбург. Новейшая литература о Тибете, стр. 147—150, Н. В. Кюнер. Описание Тибета, ч. 1, Владивосток, 1907, стр. 46.

[3] Clements R. Markham. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and to the Journey of Th. Manning to Lhasa. London, 1876. 2-е изд., 1879.

[4] An Account of the Kingdom of Thibet in a letter from John Stewart, Esq., F. R. S., to Sir John Pringle, Bart., F. R. S. „Philosophical Transactions" 1777, vol. XVII, part II, p. 465—488.

известие о посольстве Богля в Тибете, основанное на рассказах самого путешественника.

Неудивительно, что этим известием заинтересовались также и в России. В первой части петербургских «Академических известий» за 1779 г. переводчик Академии Наук П. И. Богданович, издававший этот журнал по поручению С. Г. Домашнева,[1] поместил полный перевод письма Дж. Стюарта из «Отчетов» Королевского общества, озаглавив его так: «Новейшее и достоверное описание Тибетского государства, доселе европейцам столь мало известного, но столь часто ими упоминаемого, о Далай-Ламе, его законах и поклонниках».[2] Вскоре в «С.-Петербургском вестнике» за тот же год (1779) напечатан был и другой перевод письма Стюарта, со следующим примечанием от редакции: «Настоящее описание сея мало известныя земли [Тибета] заслуживает место в ежемесячных наших листах тем больше, что оная, не взирая на отдаленность ее от нас, есть российской империи смежна».[3] Не подлежит никакому сомнению, что именно это известие (притом по переводу П. Богдановича) обратило на себя внимание Радищева и что именно его вспомнил он в своем «Бове», рассказывая о Далай-Ламе. В этом убеждает, прежде всего, прямая ссылка Радищева на Бутан, впервые столь подробно описанный именно в этом источнике, а также текстуальные совпадения у Стюарта и Радищева ряда подробностей о процессе «перерождения» Далай-Ламы и о благоговейном почитании его в далеких «татарских» краях (Стюарт, вероятно, имел в виду Монголию или Сибирь). Радищев говорит сначала о Тибете,

488 ...той стране благословенной,
где живет тот царь священной,
на востоке столько чтимой...

а затем излагает ламаистскую теорию «перерождения» в полном соответствии с тем, как она рассказана у Стюарта со слов Богля.

491 Его бабка повивальна
Рассказала, и все верят,
Что он выше всех на свете,
Никогда не умирает;
Его смерть не есть кончина,

---

[1] В. П. Семенников. Материалы для истории русск. литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1915, стр. 21—23.

[2] «Академические известия», 1779, ч. 1, стр. 257—280, 379—393 (подпись: «с аглинского П. Б.»).

[3] Описание Тибетского государства, сообщенное в письме г. Жона Стуарта к Жону Принглю. «С.-Петербургский вестник», 1779, ч. III, март, стр. 175—187, апрель, стр. 255—269.

Его смерть есть прерожденье,
Что в мгновенье то ужасно,
Как дух жизни непостижной
Обветшалое жилище
Мертвой труп наш оставляет,
Божество сие двуножно
Преселяется в младенца
Или в юноша любезна...

В переводе П. Богдановича: «Главная сила тибетской веры состоит в том, что великий Лама никогда не умирает, но душа его в старости или немощи оставляет токмо обветшалое свое жилище и открывается паки в теле младенца или юноши...».[1] Дальнейшие стихи Радищева были бы непонятны современному нам читателю, если бы на помощь не приходил тот же источник. У Радищева:

504 Чтоб счастливым правоверным
Опять в знак щедрот небесных
Рассылать (но на закуску
Для десерта в день торжествен)
Своих сладких яств останки,
Что в священных его недрах
Благодатная природа
В млеко жизни претворила.

У Стюарта (по переводу П. Богдановича): «Сказывают, что многие татарские владельцы получают от него [Далай-Ламы] некоторые подарки, состоящие в маленьких катышках из самой презрительнейшей в природе человеческой вещи, которые они хранят с великим благоговением в золотых ковчегах, и примешивают иногда в свои кушанья для здравия. Но самая справедливость требует здесь объявить, что Далай-Лама, по свидетельству г. Богела, никогда не делает таковых подарков, но раздает он священной хлеб, в маленьких шариках состоящий, кои суеверие и невежество сих татар идолопоклонников может после преобразить во что хочет».[2] Это свидетельство обратило на себя внимание П. Палласа, который в упоминавшейся выше статье своей о Тибете, основанной на рассказах сибирских ламаитов, сообщил следующее: «Святость Далай-Ламы в таком между всеми сими народами уважении, что по объявлению самих монгольских и калмыцких ламов, как я в рассуждении сего спрашивал, не стыдятся они раздавать вместо мощей и ладанок свою одежду и даже самой кал. Англичанин г. Богль, которому мы обязаны последними известиями о королевстве Тибетском, поистине неправо

[1] «Академические известия», 1779, ч. I, стр. 272.
[2] Там же.

поступил, что хотел защитить последователей Далай-Ламы от оного злохуления. Действие сие неоспоримо, и для большего уважения сих даров жрецы удостоверяют, что Далай-Лама мало употребляет пищи. Старые обноски сего духовного правителя, равно как обрезки от ногтей и волос за свято у них почитаются. . .».[1]

Радищева настолько позабавил рассказ о святости Далай-Ламы и о позорном благоговении к нему его приверженцев, что он повторил его дважды и тут же развил его дальше, обставив новыми подробностями, в свою очередь требующими пояснения. Что под наименованием «вещество сие изящно» Радищев разумел то, что в переводе П. Богдановича названо «самой презрительнейшей в природе человеческой вещью», явствует и из следующих стихов:

509 Что в священных его недрах
Благодатная природа
В млеко жизни претворила.

Кстати, под «млеком жизни» Радищев разумеет здесь, соответственно медицинским познаниям и терминологии своего времени, «млечный сок» или «хил» — жидкость, вырабатывающуюся в кишечнике и после смешения с продуктами пищеварения питающую кровь.[2]

Поразительная особенность ламайского культа, к которой Радищев отнесся с полным доверием, хотя и с очевидным отвращением (что явствует из зловещей иронии его рассказа, легко уловимой даже из применяемой им в данном случае лексики), тут же напомнила ему не менее забавную историю

---

[1] П. Паллас. Известия о королевстве Тибетском. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, СПб., 1790, ч. V, стр. 139. — Сколь ни удивительным кажется это заявление (речь идет, повидимому, о «Ринчин-ирелу», «зелено желтых изумительных свойств пилюлях», как их иронически называет арх. Нил, в книге «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», СПб., 1858, стр. 354—357 или шариках земли, хранившихся у лам вместе с зернами ячменя в амулетных ящиках. См. E. Schlagintweit. Buddhism in Tibet, Leipzig, London, 1863, p. 175—176), но в русской литературе о буддизме подобные свидетельства встречались до конца XIX в. Так, И. А. Подгорбунский, рассказывая о Далай-Ламе, сообщал: «Даже экскременты его, по мнению верующих, имеют силу исцелять от всех болезней» (Каталог буддийской коллекции Вост.-Сибирск. отдела Русск. геогр. общества, Иркутск. 1898, стр. 20).

[2] Ср. в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии»: «когда избыточные соками питательными обильный хил влиют в твои жилы и естественность в тебе обновляться начнет. . .» (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 93 и 380); ср. здесь уподобление тела «химической лаборатории, в коей происходят разного рода амальгамы сложения, разделения. . .»; см. также статью «Краткая опись состава человеческого» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова (8-е изд., 1809, ч. II, стр. 224).

открытия одного из химических элементов — фосфора, и он не замедлил пересказать ее своим читателям со свойственной ему эрудицией в области истории химии. Все это понадобилось Радищеву для того, чтобы извлечь из этого пестрого, разнородного, полуанекдотического материала серьезный общественный урок. Почему-то относящиеся сюда стихи во всех изданиях «Бовы» также остались без комментариев, между тем они, в свою очередь, едва ли понятны без необходимых пояснений.

Стихи 512 и сл. свидетельствуют, что Радищев основательно был знаком с современными ему химическими теориями.

512 Вещество сие изящно,
В чем алхимик остроумной,
Парацельс иль Авицена
Или Бехер иль Альберты
Злата чистого искали;
В чем счастливой Брант и Кункель,
Светоносной луч открывши,
Пред очами изумленных
Возжигали (без огнива)
Огонь в трубках и курили
Траву пьяну некоцьянску,
Табаком что называют...

Не беремся судить, составлен ли первый ряд названных здесь имен (стихи 514—516) из случайно вспомнившихся Радищеву имен выдающихся «алхимиков» наиболее раннего времени или же он имел в виду какие-либо специальные их сочинения;[1] следует, однако, отметить, что в конце XVIII в. «таинствами» алхимии принято было интересоваться в русских масонских кругах: сатирическая литература не оставила без внимания причуды и фокусы доморощенных шарлатанов, которых в средневековых алхимических трактатах привлекал лишь непонятный язык и «мистическая» целеустремленность;[2]

---

[1] Радищев говорит о замечательном таджикском враче к. X нач. XI в. Авиценне (Ибн-Сине) и о немецком ученом нач. XVI в. Теофрасте Парацельсе, создателе ряда химических и физиологических теорий; далее, несомненно, назван Иоганн Иоахим Бехер (1635—1682), разработавший технику горения, переработку каменноугольной смолы и получение спирта из картофеля; затрудняемся однако сказать, кого имеет Радищев в виду под именем «Альберты» — знаменитого ли Альберта Великого (XIII в.), трактат которого «Об алхимии» опубликован был лишь в XVII столетии, или же своего современника, В. Альберти (W. E. Alberti), награжденного Петербургской Академией наук в 1779 г. за сочинение о способах получения нашатырного спирта (И. И. Любименко. Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. М. — Л., 1937, стр. 331, 348) или, наконец, их обоих вместе.

[2] «Покоящийся трудолюбец», 1785, ч. III, стр. 242; «С.-Петербургский Меркурий», ч. II, стр. 213 и др. В трактате «О человеке...» Радищев упомянул, что «сокровенные качества алхимиков» «порастут мохом забвения и презрения».

наряду с этим крупнейшие русские химики XVIII в. уже в то время пытались искать рациональное зерно в некоторых алхимических теориях и пробовали применить отдельные алхимические эксперименты к задачам новейшей химической технологии. О последнем Радищев мог знать хотя бы из «Истории химии» И. Ф. Гмелина (1747—1797) и других трудов, печатавшихся в петербургских академических изданиях: недаром П. А. Радищев писал про своего отца: «химия была одно время его любимым упражнением».[1]

Во всяком случае, упоминаемые Радищевым далее имена «счастливого Бранта» и Кункеля, открывших «светоносный луч», имеют в виду вполне конкретные факты из истории химических открытий в XVII в., известные ему в подробности из какого-либо специального сочинения, скорее всего из статьи Лейбница «История изобретения фосфора» (1710) или ее пересказов. Эти данные с большим остроумием применены Радищевым к поразившему его известию о тибетском Далай-Ламе.

О том, как фосфор был открыт в 1669 г. гамбургским алхимиком Брандом (Brand), мы знаем, главным образом, из статьи Лейбница,[2] сохранившего кое-какие сведения и о полутемной для нас личности этого типичного алхимика-авантюриста, которому лишь счастливая случайность помогла сделать важное открытие. В юности Бранд был солдатом, затем купцом, благодаря женитьбе приобрел большое состояние, вскоре однако растратил его в бесплодных алхимических экспериментах. Бранд стремился путем различных химических процессов «облагородить» некоторые металлы и придерживался того мнения, что «облагораживающая сила человеческого тела», претворяющая питательные вещества, получаемые человеком в пище, в части организма, может также производить и materia prima;[3] исходя из этой теории, он хотел представить мочу, как жидкость, способную превращать серебро в золото и случайно открыл при этом фосфор, выделив его из мочи при ее сухой перегонке в смеси с песком. Бранд дорожил своим секретом, лишь частично поделившись своими сведениями с немногими современниками за большую сумму денег; поэтому, десять лет спустя другому химику-технологу, Иоганну Кункелю (1630—1703), пришлось вторично сделать это открытие, о котором он оповестил в своей брошюре «Откры-

---

1 А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, 1949, стр. 813.

2 G. G. Leibnitii Opera omnia, ed L. Dutens, t. II, part. 2, Genevae MDCCLXVIII (1768), p. 102—108 („Historia inventionis phosphori). — Cp. J., Beckmann. Physikalisch-oekonomische Bibliothek, Bd. XV (Göttingen, 1794), S. 209.

3 Allgemeine Deutsche Biographie, Bd. 3, Leipzig, 1876, S. 236.

тое письмо об удивительном фосфоре» (Offentliche Zuschrift von den Phosphor mirabili, Leipzig, 1678).[1] Еще в первой половине XVIII в. фосфор был элементом крайне редким; лишь в 1769 г. он был найден в составе костей, в 1771 г. был разработан метод получения его из золы; как химический элемент фосфор был охарактеризован Лавуазье, изучавшим его горение (1777);[2] физиологическое же значение фосфора, который, как оказалось, входит в состав важных органических веществ в живых организмах, изучено было значительно позднее.

«Светоносный луч», открытый Брандом и Кункелем, упоминаемый Радищевым в стихах 516—517, это и есть фосфор, «светоносец» (от греч. φῶς свет и φέρειν нести), со времен Бранда получивший свое наименование от свойства светиться в темноте и самовоспламеняться.[3] Именно об этих свойствах фосфора, лишь во время Радищева получивших научное объяснение, и говорится в «Бове», в стихах 518 и след.

Этот пример из истории алхимии был несомненно гораздо более известен читателям XVIII в., чем в настоящее время.[4] Он и заставил Радищева, умевшего с передовых позиций материалистического мировоззрения отличать подлинную науку от бесплодного искательства и шарлатанства, высказать свои сожаления о напрасных усилиях алхимиков прежних времен, искавших чистого злата, но добившихся лишь потери своих состояний, накопленных трудами или «злостяжанием»... Бранд и Кункель были с его точки зрения, конечно, «счастливцы», ибо им удалось, хотя и случайно, все же добиться некоторых практических результатов. Но

524 ...меньше их счастливцы
Все отеческо наследство,
Накопленно и стяжанно
Кровью, потом и трудами,
Иль грабительством, мздоимством,
Иль другим путем превратным,
Пережгли, передвоили.

В этих стихах Радищев, однако, не только сожалеет о бесплодности человеческих усилий, плохо направленных, излишних, себя не оправдывающих; он высказывает более значи-

---

[1] Allg. Deutsche Biographie, Bd 17, Leipzig, 1883, S. 376—377.

[2] Г. Фестер. История химической техники. Харьков. 1938, стр. 171—173. — О. Старосельская-Никитина. Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции. 1789—1794. М.—Л., 1946, стр. 46.

[3] А. М. Васильев. Происхождение названий химических элементов. Казань, 1912, стр. 24.

[4] Об изобретении Брандом «искусством делаемого фосфора» говорится даже в «Письмовнике» Н. Курганова (8-е изд., 1809, ч. II, стр. 224).

тельную и более дорогую для него мысль о гибельности для человека жажды богатства, страсти к золоту и серебру, которые, как писал Радищев ранее, с изобретением денег «преображены стали в знаки, всякое стяжание представляющие»; «...тогда возгорелась в сердце человеческом ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая яко пламень, вся пожирающий, усиливается получая пищу». «...Человек предал живот свой свирепым волкам или, презрев глад и зной пустынный, протекал чрез оные в неведомыя страны, для снискания богатств и сокровищ». «...Желаешь ли снискать вящшее искусство извлекати сребро и злато? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло?»[1] Так писал Радищев в «Путешествии». В «Бове», десятилетие спустя, Радищев высказывает не менее страстную ненависть к приобретательству, к стяжанию, к богатству, но облекает свою мысль в причудливые образы, которые могли бы показаться нам непонятной фантастикой, если бы мы не знали теперь, что каждая подробность в них имеет реальнейшее значение, и что Радищев мечтает здесь, в сущности, о гигантском «химическом эксперименте», с помощью которого — как в русских народных сказках — всякое богатство, добытое «путем превратным», чудодейственно обращалось бы в прах:

О, сколь счастлив был бы смертной,
Если б все богатства в свете,
Злостяжанные неправдой,
Обращалися чудесно
В вещество сие изящно,
Далаи-Лама которо
Всем в подарок правоверным
Для десерту рассылает;
Если б в нем фосфор блестящий
Раз сверкнул и превратился б
В пары светлы исчезая,
И исчезнув бы оставил
Лишь уханье Амвросийно,[2]
Столь известное в природе;
Дабы знали, сколь есть смрадно
Злостяжанное богатство,
Хотя блещет лучезарно.

Нет необходимости прибавлять, сколь значительна эта мысль Радищева и насколько существенно представить ее себе во всех деталях, во всем процессе ее зарождения и развития. Едва ли нужно также подчеркивать, как мало указанные стихи имеют общего с теми толкованиями, какие им предлагались. Рассказ о Далай-Ламе — не «антиклерикальный вы-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 383—384.
[2] Здесь в ироническом смысле — «зловоние».

пад» и имеет под собою строго фактическую основу; упоминание «светоносного луча» — фосфора не случайный фантастический мотив, так как он обнаруживает в авторе и начитанность в специальной литературе и знакомство с техникой химического опыта; образ богини Славы с «безволосым затылком» и пучком волос на макушке — не стремление внести «снижающий» комический элемент в произвольные литературные представления из области древнерусской мифологии, а всего лишь отчетливое воспоминание о виденных Радищевым в Сибири буддийских «бурханах»... И все это не случайные следы его житейского опыта или многочисленных и разносторонних чтений, но творческий метод, вполне последовательно примененный в «Бове» на всем протяжении первой песни.

В «Бове» есть великолепная строфа, уподобляющая страсть царевны Мелетрисы металлургическому процессу в доменной печи (стихи 632—647), описанному с такой отчетливостью, что у нас не остается сомнений в том, что Радищев видел его собственными глазами, и что воспоминание об этом и было первоосновой его поэтического сопоставления;[1] чувствования царевны интересовали Радищева значительно менее. Было бы совершенно излишним делом для описания в «Бове» дворца царя Кирбита или «рыцарских игр», им устроенных, искать каких-нибудь аналогий в рыцарских лубочных повестях или сказочной литературе. Радищев представлял себе все это по-своему. Описав амфитеатр с «дубовыми скамьями», окружавший ратное поле, Радищев делает характерное замечание:

409 Хитрость зодчества, ваянья
Превышала тут богатство...

Он был весьма последователен, когда, изображая устроенный на этом амфитеатре престол для царицы с дочерью, также уклонился от описания «богатства» постройки, но подчеркнул «искусство» зодчих. В хорошо известном Радищеву «Письме о пользе стекла» Ломоносов восклицал:

Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но стеклу...

Подобного же рода «похвалу» мы видим и в «Бове»:

419 На столпах кристальных твердых,
На сафир во всем похожих,
Что огнем искусство хитро
Из сожжена в пепел древа,
Из песка, иль камня бела,

---

[1] Ср. аналогичное уподобление «душевного процесса» — плавке металла в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии».

Зной сугубя, сотворило,
Возвышался свод порфирной...

Не нужно быть особенно проницательным, чтобы догадаться, что в этих стихах скорее всего идет речь о знаменитом ломоносовском цветном стекле: Радищев перечислил даже основные «стеклообразующие» материалы, употреблявшиеся для плавки стекла при Ломоносове: золу, кварц, мел или мрамор.[1] Вспомним также своеобразный «жертвенник» Славы (стихи 454—410), сделанный «из твердой стали», который «блещет зе́ркальным сиянием» и около него точило («брус сланцова черна камня»): здесь не курится фимиам, —

Ибо нет попов с причетом
Ни жрецов у ней священных.
Кто грудь смелую имеет,
Твердый дух в бедах на брани,
Кто храбр, мужествен, отважен,
Тот есть жрец сея богини.

Из всех этих подробностей, думается нам, лишний раз явствует, насколько второстепенна и незначительна в общем замысле поэмы сюжетная канва о «Бове», значение которой для понимания поэмы мы заподозрили в самом начале настоящих разысканий. Подводя им итоги, мы можем вновь, но с еще большей убежденностью, утверждать более близкое родство «Бовы» с «историческими поэмами» Радищева последнего периода его жизни («Песнью исторической» и «Песнями, петыми на состязаниях»), чем с опытами стихотворных обработок «рыцарских» или «богатырских» повестей в современной ему русской литературе. От «исторических поэм» Радищева «Бову» отличает «веселость» ее тона, отмеченная Н. А. Радищевым как характерная особенность для всех ныне утраченных ее частей; но эту «веселость», прежде всего, нельзя понимать буквально, в прямом смысле: поэму нельзя причислять ни к числу просто «эротических», ни даже к числу просто «сатирических» поэм. Это было сложное и насыщенное глубоким идейным содержанием произведение Радищева зрелых лет его жизни. Включенный в него легкомысленный иронический рассказ об авантюрах популярного «сказочного» героя, столько раз и воспроизведенных и осмеянных современниками Радищева (достаточно вспомнить здесь издевательский выпад против В. И. Майкова в «Стихах на качели» М. Д. Чулкова: «...всю прозу уморю и храброго Бову в поэму

---

[1] М. А. Безбородов. М. В. Ломоносов и его работы по химии и технологии силикатов. М.—Л., 1948, стр. 210—211, 237 (о слове «кристальный», под которым следует разуметь «хрустальный»).

претворю»), был в данной поэме ее случайной составной частью;[1] он прикрывал собою иное, более существенное для автора повествование, имевшее свое собственное логическое развитие и безусловно оправдывавшее включение в него таких строф, которые были полны лирических медитаций или глубокого философского раздумья.

Мы попытались раздвинуть несколько ту плотную завесу, которая скрывает от взоров читателя весь этот замысел Радищева после утраты почти всех песен поэмы (притом, как можно догадываться, наиболее важных и значительных в идейном смысле), и наметить те пути, по которым должно будет итти их дальнейшее изучение и гипотетическая реконструкция, если она окажется возможной.

Как известно, восстановление утраченного произведения по случайным уцелевшим от него отрывкам представляется делом и трудным и ответственным. Но в данном случае оно облегчается тем, что среди дошедших до нас частей поэмы сохранилась полностью вся «вводная» песня, в которой сам автор раскрыл свои намерения и цели и поделился с читателями своими соображениями о том, как ему удобнее будет вести свой рассказ; за «введением» же следует первая песнь, дающая нам некоторое представление о том, как авторский замысел начал воплощаться в самом произведении.

Таким образом, в нашем распоряжении оказались два документа: тот, который первыми издателями поэмы назван «Планом богатырской поэмы Бовы», и тот «ключ» к поэме, который, хотя и в несколько замаскированной форме, вручает читателю сам Радищев в «вводной» песне к «Бове», излагая будущее развитие своего повествования. Задача сводилась прежде всего к тому, чтобы из двух указанных свидетельств выбрать наиболее достоверное, в качестве главной опоры для дальнейшего исследования. Мы выбрали последнее из этих свидетельств — автопризнание стихотворного текста, и отказались от первого, не имея достаточных оснований для того,

---

[1] Отметим, кстати, что популярности Бовы как сказочного «русского» королевича в русской литературе XVIII в. несомненно способствовала академическая речь Г. Ф. Миллера «О народах, издревле в России обитавших», СПб., 1773 (первоначально в Бюшинговом «Магазине», т. XV), в которой он отождествил Бову с мифическим Бусом, по сказанию Саксона Грамматика — сыном Отина и «русской царевны» — Ринды. «В России, — говорит он, — есть также одна древняя сказка о некоем Бове королевиче и об отце его Додоне, какое сходство имен заставляет думать, что об одних лицах говорится. Главная сила состоит в том, что Ринда, мать Бусова, была российская принцесса» (стр. 10). Об этих «бреднях» Миллера с возмущением писал еще И. Сахаров (Сказания русского народа, т. I, изд. 3-е, СПб., 1841, кн. I, стр. 16).

чтобы считать его основным и определяющим и, напротив того, полагая, что оно является второстепенным и маловажным. Естественно, однако, что задача этим не исчерпывается, не может считаться решенной до конца. «Бова» — не малое и не случайное произведение Радищева, и оно еще явно нуждается в дальнейшем раскрытии его идейных богатств. Свою цель мы будем считать достигнутой и в том случае, если настоящий опыт истолкования ее текста, поможет дальнейшему раскрытию поэмы с других, здесь еще не освещенных сторон.

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

П. Н. БЕРКОВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ А. Н. РАДИЩЕВА

1. Кому подарил Радищев экземпляры „Путешествия"

17 июля 1790 г., отвечая на «вопросные пункты», Радищев по четвертому пункту («Сколько напечатано вами оных экземпляров и из того выпущено в свет и кому имянно сами вы раздавали?») показал: «Напечатано ея было оной книги около 650 экземпляров, не [но?] много более или меньше, того утвердительно сказать не упомню. Из того числа продано на деньги, променено на книги купцу Зотову 25 экземпляров, да роздано мною: 2 экземпляра г. Козодавлеву (для него и для Державина), 1 прапорщику Дарагану; 1 ротмистру Олсуфьеву, 1 иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет, того не упомню; один назначил в отсылку в Берлин к г. Кутузову, который запечатанный отдан мною г. Вальцу, но не отослан...».[1] Аналогичные данные сообщил Радищев и в другой раз.[2]

Показания Радищева о лицах, которым он роздал экземпляры своей книги, заинтересовали следователей, и, повидимому, Радищеву был дан дополнительный вопрос об этих лицах. По крайней мере, в опубликованных материалах по следственному делу Радищева находится «Заметка о лицах, причастных к делу», писанная, надо полагать, Радищевым:

«Значущиеся чины: Осип Козодавлев, колл. сов. и ордена св. Владимира 4 ст[епени] кавалер, находится при народных училищах. Гаврило Державин, статский действительный советник, находится здесь в С.-Петербурге. Прапорщик Дораган находится при таможне, в числе определенных для познания дел. Сергей Олсуфьев — ротмистр Конной гвардии. Вицман, имени не знаю, живет в Измайловском полку, при школе. Александр Царевский надзиратель при таможне у разъезда

---

[1] Сочинения А. Н. Радищева. Изд. Акинфиева, СПб., 1907, ч. II, стр. 341.

[2] Там же, стр. 310; Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1949, стр. 673.

на судах. Алексей Кутузов отставной премиер-маиор. Г. Вальц находится при г. вице-канцлере».[1]

Свидетельство Радищева, дважды повторенное, повидимому, не вполне соответствовало действительности. На самом деле Радищев, конечно, роздал большее количество экземпляров своей книги. Вполне резонно указал в свое время проф. Д. Н. Анучин, что Радищев не мог не подарить экземпляра книги гр. А. Р. Воронцову,[2] а также кн. Е. Р. Дашковой. Нет сомнения, что он дал книгу и таким участникам «Общества друзей словесных наук», как П. А. Чичагов, К. А. Лубянович и некоторые другие. Конечно, Радищев намеренно назвал всего только шесть-семь человек; благонадежность О. П. Козодавлева, Г. Р. Державина и ротмистра С. А. Олсуфьева была настолько очевидна, что им даже не учинили допроса. В отношении же Дарагана, Царевского и нескольких служителей таможни и слуг Радищева уголовная палата, через посредство управы благочиния, произвела расследование с целью установления, являлись ли данные лица сообщниками Радищева. Показания этих лиц «не дали никакого материала для обвинения в сообщничестве».[3]

Вероятно, именно это обстоятельство и было причиной того, что исследователи Радищева совершенно не обращали внимания на лиц, которым Радищев дал экземпляры «Путешествия».

Подобное отношение к этому вопросу представляется мне неправильным. Даже признавая заранее, что названы были Радищевым не все те лица, которым он подарил «Путешествие», и названы были лица, наименее, так сказать, опасные, мы все же должны установить, кто же были люди, которых он перечислил в своих показаниях.

Некоторые из них достаточно известны в истории литературы, как Г. Р. Державин и О. П. Козодавлев, другие же совершенно не привлекали к себе внимания, и поэтому вопрос о причинах поднесения им Радищевым книги оставался неясным.

Проще всего обстоит дело с Осипом Петровичем Козодавлевым (1754—1819), бывшим в 1769—1771 годах товарищем А. Н. Радищева по лейпцигскому университету. С ним Радищев и по возвращении в Петербург поддерживал отношения; ни о какой идейной близости Радищева с Козодавлевым не могло быть и речи: Козодавлев в 1770-е, 1780-е годы был

---

[1] Соч., изд. Акинфиева, т. II, стр. 342.

[2] Д. Н. Анучин. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918, стр. 21.

[3] Соч., изд. Акинфиева, т. II, стр. 343.

третьестепенным писателем, переводчиком Гете на русский язык, автором посредственных полупереводных комедий, сотрудником екатерининского «Собеседника любителей российского слова». Все же, в 1780-е годы Козодавлев еще был связан служебными отношениями с президентом Академии Наук кн. Е. Р. Дашковой, находившейся в своеобразной оппозиции Екатерине II, и, возможно, и сам был настроен несколько оппозиционно. Впоследствии, при Александре I, Козодавлев был министром внутренних дел и временно министром народного просвещения.

Для ясного представления, каковы были отношения Радищева к Козодавлеву, ценны свидетельства П. А. Радищева, несомненно, основанные на рассказах отца: «С ним [Козодавлевым] — пишет П. А. Радищев, — Радищев не был в короткой связи, и Козодавлев считался у товарищей бездарным и даже без основательных познаний. Товарищи его уверяли, что все сведения Козодавлева ограничивались изучением каталогов. О нем поэт Хвостов (не граф) написал: «О. К. (Онкако), друг Крамзы (т. е. Державина, мурзы), но только друг нахальный,

Кем изуродован, как бабкой повивальной.
Малерб российских стран, пресладостный певец».[1]

Взяв на себя необходимые поправки, он вздумал исправлять ошибки против языка и грамматики, встречающиеся у Ломоносова, но, не имея вкуса, часто искажал автора».[2]

Передавая свою книгу О. П. Козодавлеву, Радищев едва ли преследовал цели пропагандистские; вероятнее всего, сделано было это в память старых школьных лет.

Свой экземпляр О. П. Козодавлев по требованию петербургского губернатора возвратил в Тайную канцелярию.[3]

Возвратил свой экземпляр и Державин. Почему Радищев передал экземпляр «Путешествия» Державину, неясно. Об отношениях Радищева и Державина в более ранние годы неизвестно ничего. К поэзии Державина Радищев относился неблагосклонно. Об этом данные сохранились в воспоминаниях П. А. Радищева: «Он [Радищев] однажды написал для них [своих детей] рецензию на оду Державина «На взятие Измаила». Он не любил Державина и находил, что в его

[1] Имеется в виду первое академическое издание сочинений Ломоносова, выпущенное Академией Наук в 1784—1786 гг. Эпиграмма А. С. Хвостова (1753—1820) в полном виде неизвестна.

[2] П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский Вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 401. — В. П. Семенников. Радищев. Пгр., 1923, стр. 217—218 и 220.

[3] В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. «Русская старина», 1882, № 9, стр. 521, 523.

поэзии (кроме «Фелицы» и оды «Бог») есть часто бессмыслица. Вот одно замечание:

В полях ли брань, ты [русский] тьмишь свод звездный,
В морях ли брань, ты пенишь бездны.

Но, говорит рецензент, и всякий трус, убегая с сражения, вспенит бездну лучше Турвиля, Жан-Барта или Рюйтера. Слово гром встречается в каждой строфе».[1]

Хотя эти сведения относятся к более позднему времени, к илимскому периоду жизни Радищева, но едва ли Радищев в это время составил свое мнение о Державине. Литературные взгляды Радищева были достаточно отчетливо сформулированы им в других его произведениях, и ясно, что Державин, льстивший Екатерине, осуждался Радищевым не менее Ломоносова, которого Радищев упрекает в «Путешествии» за льстивые оды Елизавете «недостойной ниже́ гудочного брянцания».

Поэтому можно предположить, что Радищев дал Козодавлеву два экземпляра не по собственному желанию, а удовлетворяя просьбу своего бывшего университетского коллеги, выпросившего второй экземпляр для своего приятеля — «Крамзы» — Державина.

Тот факт, что Державин возвратил посланный ему экземпляр «Путешествия» в Тайную канцелярию, вполне реабилитирует его от обвинения в передаче книги Екатерине. Обвинение это высказано было еще П. А. Радищевым, но уже В. Е. Якушкин, а затем В. П. Семенников убедительно опровергли этот рассказ.[2]

Третий экземпляр дал Радищев также своему товарищу по лейпцигскому университету, ротмистру Конногвардейского полка Сергею Адамовичу Олсуфьеву (1755—1818); последний одновременно с Козодавлевым прибыл в Лейпциг в 1769 г. четырнадцатилетним подростком, и по возвращении в Петербург Радищев поддерживал с ним отношения. «У него были еще [раньше говорилось об А. М. Кутузове] товарищи — сообщал П. А. Радищев о лейпцигском периоде жизни отца: — Олсуфьев (Сергей Адамович), сын сенатора, писателя, игравшего известную роль при Екатерине, — также человек умный, но не литератор».[3] Конечно, давая такую характеристику

[1] Н. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева, М., 1912, стр. 11.

[2] В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. «Русская старина», 1882, № 9, стр. 466; — В. П. Семенников. Радищев, М.—П., 1923, стр. 226 (текст П. А. Радищева) и прим. 2 на стр. 226—227.

[3] В. П. Семенников, ук. соч., стр. 217 и 220. — Н. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева, стр. 5.

С. А. Олсуфьеву, П. А. Радищев имел в виду не четырнадцатилетнего ребенка, а более позднего Олсуфьева, и давал эту характеристику на основании рассказов отца.

Четвертый экземпляр был дан Радищевым прапорщику Дорагану, который «находился при таможне, в числе определенных для познания дел». Из показания И. Вальца видно, что при таможне были «ученики», т. е. лица, проходившие практику досмотрового контроля; таким учеником, «служившим при таможне», по словам И. Вальца, был его шурин, капитан Девиленев.[1] Повидимому, «для познания дел» был прикомандирован к таможне и прапорщик Дораган или, правильнее, Дараган. Об этом лице удалось собрать следующие данные.

Козьма Иванович Дараган родился между 1767 и 1770 г.; в 1781 г. был пожалован из фурьеров в прапорщики; с 1789 г. по 1792 г. он находился при портовой таможне в Петербурге. В начале XIX в. он уже состоял на гражданской службе и с 1813 по 1825 г. числился надворным советником. В 1813 г. он получил орден Владимира 4 степени. Умер К. И. Дараган в 1825 г. В молодые годы, как раз около времени службы под началом Радищева, К. И. Дараган занимался литературной деятельностью; ему принадлежат переводы с немецкого[2] и «Стансы на смерть графини М. А. Румянцевой» (СПб., 1788). В 1790 г., за несколько дней до ареста Радищева, была напечатана «Ода ее императорскому величеству императрице Екатерине II на высокоторжественный день восшествия ее на престол июня 28 дня 1790 г., которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от Козьмы Дарагана».[3]

В 1790 г., когда Радищев подарил Дарагану «Путешествие», прапорщику было самое большое 23 года, а, может быть, и меньше. Возможно, что этому молодому писателю, автору верноподданнейших од, Радищев книгу свою дал с пропагандистской целью, желая раскрыть глаза панегиристу Екатерины. Хотя Дараган и не был привлечен к делу как сообщник Радищева, обращает внимание тот факт, что в делопроизводстве, насколько можно судить по печатным данным, не сохранилось сведений о том, что он возвратил свой экземпляр «Путешествия».

---

[1] Сочинения А. Н. Радищева. Изд. Акинфиева, т. II, стр. 332.

[2] «Рассуждение о яре-медянке», соч. Серани. СПб., 1788; «Несчастный любовник, или приключения Вильгельма фон М., дворянина из Нижней Саксонии». СПб., 1791.

[3] Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых. Берлин, 1876, т. I, стр. 280. — Биографические данные о Дарагане см.: В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. I, стр. 393.

Последнее лицо, которое названо было Радищевым как получившее в дар «Путешествие», был иностранец Вицман. Об этом лице можно сообщить следующее.

Август Вицман был известен Радищеву еще с лейпцигских времен. Он был одним из преподавателей, находившихся при русских студентах в Лейпциге, и поддерживал их против притеснявшего юношей майора Е. Ф. Бокума. Бокум, свидетельствам которого из-за его недобросовестности доверять нельзя, считал, что студенты восставали против него «по наущениям бессовестных людей, а особливо, как сами молодые господа сказывают, одного учителя именем Вицмана, который, избегая справедливого наказания за прочие худые поступки свои, из Лейпцига скрылся, следовательно и доказал чрез то невинность молодых господ».[1] Иначе освещает исчезновение Августа Вицмана из Лейпцига Радищев. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» он, говоря о притеснениях, испытывавшихся студентами, вспоминал: «На почту относимы письма наши были одним из наших учителей, который из единаго человеколюбия жертвовал всем своим тогдашним щастием и отправился в Россию для нашего защищения, взяв от нас на дорогу одни карманные часы, в чем состояло все тогдашнее наше богатство; но в предприятии своем не успел, как то я сказал уже прежде».[2] Далее Радищев пишет: «Великодушный муж! никто из нас не мог тебе за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда в сердцах наших».[3]

Все это происходило в июле 1767 г., и, вероятно, с этого времени Вицман жил в России.

Впрочем, возможно, что он после неудачи своей поездки для защиты интересов лейпцигских студентов покинул Петербург и возвратился туда в середине 1770-х годов. П. Н. Столпянский, посвятивший Августу Вицману специальную большую статью,[4] в которой совершенно не касается отношений Вицмана к Радищеву и к русским студентам в Лейпциге, высказал предположение о том, что Вицман прибыл в Россию около 1776 г., так как первое объявление о его школе по-

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. X, стр. 114.

[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. I, 1938, стр. 174; на стр. 173 Радищев писал: «Когда... нашелся человек, нас довольно любящий, из сожаления единственно и на своем иждивении отправившийся в Россию для извещения, кого должно, о происшедшем с нами, то о всем было от Министра [посла] нашего по представлениям Бокума предварено и жалобе нашей не внято».

[3] Там же, стр. 174.

[4] П. Н. Столпянский. Старый Петербург. Август Вицман — один из былых петербургских педагогов. «Известия ОРЯС», 1915, кн. 3, стр. 233—291.

является в «Санкт-Петербургских ведомостях» в начале мая 1776 г. (№ 36 от 3 мая). Не указывая источника, П. Н. Столпянский сообщает, что А. Вицман окончил курс учения в одном из заграничных университетов, где и получил степень кандидата.[1] Очевидно, в каком-нибудь из своих многочисленных объявлений в «Санкт-Петербургских ведомостях» Вицман назвал или вообще называл себя кандидатом. В средневековых немецких университетах (вплоть до XIX в. включительно) кандидатом называлось лицо, окончившее полный университетский курс, но не защитившее диссертации на степень доктора.

Умер Август Вицман, по предположению П. Н. Столпянского, после 1806—1807 г., «так как с этого времени исчезают со столбцов Санкт-Петербургских ведомостей [его] многочисленные объявления».[2]

Г. Н. Геннади дал подробную сводку изданий А. Вицмана, начиная с еженедельной газеты «Sankt-Petersburgisches Wochenblatt zur Aufnahme der Oekonomie und zur Ausbreitung an derer gemeinnützіger Kenntnisse», выходившей в 1778 г. (№№ 1—25);[3] к сожалению, Геннади неточно называет Вицмана — у него этот автор обозначен, как Август Вихман. Вслед за Геннади сведения о Вицмане-Вихмане перешли и в «Источники для словаря русских писателей и ученых» (т. I, стр. 593) и в «Предварительный список» С. А. Венгерова (стр. 135). Мы не можем в данной заметке подробно останавливаться на рассмотрении всей литературной продукции Августа Вицмана и даже его биографии, тем более, что основное было собрано в упомянутой выше статье П. Н. Столпянского,[4] посвятившего педагогической деятельности Вицмана часть другой своей работы — «Частные школы и пансионы Петербурга во второй половине XVIII века» (Журнал министерства народного просвещения, 1912, № 3).

Отметим только существеннейшее. «Первым опытом А. Вицмана [в Петербурге], — пишет П. Н. Столпянский, — было намерение открыть в 1778 г. особое училище для крепостных молодых ребят».[5] Намерение это не имело реальных последствий, так как господ, которые бы пожелали отдать «крепостных молодых ребят» в учение немцу, не оказалось, а сами крепостные, конечно, не могли и по юридическим и по мате-

---

[1] Там же, стр. 234.

[2] Там же.

[3] Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях. Берлин, 1876, т. I, стр. 160—161.

[4] П. Н. Столпянский не обратил внимания на то, что ряд изданий А. Вицмана 1799—1800 гг. представляет перепечатку статей, помещенных в еженедельнике, упоминавшемся выше.

[5] П. Н. Столпянский, ук. соч., «Известия ОРЯС», 1915, кн. 3, стр. 244.

риальным причинам посещать школу Вицмана. Но характерно, что и в своем журнале, который, кстати сказать, издавался одновременно и на русском языке,[1] и позднее в своей издательской деятельности А. Вицман все время обращался к вопросу о крепостных крестьянах и трудящихся вообще.[2]

Если верно предположение П. Н. Столпянского, что перу А. Вицмана принадлежит «Погребение собачки. Послание к одному другу из Праги в Вену» (СПб., 1805), то тогда идейный облик этого иностранца приобретает еще больший интерес, и делается понятным, почему Радищев нашел нужным подарить этому чудаковатому немцу свою книгу.

В «Погребении собачки» идеть речь о реальном погребении комнатной собачки какого-то очень влиятельного лица; подробно описывается церемония погребения, затраты на нее, приводится эпитафия на мраморном надгробии и т. д. Все это событие относится к 1771 г., причем действие происходит якобы в Праге. Нетрудно догадаться, что автор «Погребения» расказывает о факте, имевшем место при дворе Екатерины II, о «похоронах» Жужутки, собачки императрицы.

Однако книжечка А. Вицмана интересна с другой стороны. Автора возмущает социальная несправедливость, царящая в обществе, и погребение собачки дает ему повод высказать свое негодование. «Непрестанно почти случается, что люди жертвуют иждивением, расточают деньги для несмысленного животного; если же дело дойдет помочь бедной несчастной фамилии, то пожалеют всякой малости». Эти рассуждения позволяют автору незаметно перейти к вопросу о положении крепостных. Говоря об отношении к ним господ, автор «Погребения собачки» восклицает: «Мы — звери, но какие звери? Звери одного рода не мучают один другого таким образом. Итак, мы хуже зверей, ибо с равными себе хуже зверей поступаем. Вить все люди потомки Адамовы и все братия одной плоти и одного закона. Итак должны ли они с животными несмысленными поступать с такою ревностию и усердием, а о собратьях своих не радеть? Или знатные вельможи удалены от всякого закона? Закон божий предписывает: люби ближнего, как самого себя. Закон естественный научает нас поступать с другими так, как желаем мы, чтобы поступали с нами, если б мы в подобном случае находились».

---

[1] П. Н. Столпянским не учтены данные А. Н. Неустроева о Вицмане в «Историческом разыскании о русских повременных изданиях». СПб., 1875, стр. 255—260.

[2] «О рабочих людях, деревенских мужиках и о ремесленниках». «Санкт-Петербургское еженедельное сочинение», 1778, 12 июля, лист 11, стр. 166—169; «О тех людях, которые много работают». Там же, л. 12, стр. 177—180; «О неистовстве холопей, тако ж вольных служителей и работников. К господам. К рабам». Там же, лл. 21—23 и т. д.

Далее автор «Погребения собачки» резко критикует богатых и знатных людей за их эгоизм и пренебрежительное отношение к простым смертным: «Почто не чувствуют равномерно и зол ближнего столько, чтоб ощущать в себе побуждение помочь ему? Для чего предпочитают они ближнему животное несмысленное?» «Для того,—продолжает А. Вицман, — что они думают, что закон божий предан только для простого народа и что богатства освобождают даже от священнейшего долга; для того, что закон природы ограничивается у богатых единственно только их особою и вещьми, им принадлежащими, так что оный превращается в совершенное самолюбие; для того, что законы человеколюбия самолюбием их подавляется; следовательно, других людей почитают они тварями особливого рода и взирают на них как на животных подъяремных».

Автор считает безнадежным делом попытаться воздействовать на вельмож и богатых людей словом: «Люди сии, не внемлющие гласу евангельскому, конечно, еще менее того могут быть убеждены словом честного человека, любящего истину. Оставим их в их слепоте. Кто отважится сказать им правду, тот навлечет только вражду их, а не произведет никакой пользы».[1]

Имел ли автор в последних словах в виду А. Н. Радищева, судьба которого ему безусловно была известна, или кого-либо иного, — вопрос оставим открытым; но нет сомнения, что А. Вицман был, говоря его же словами, «честный человек, любящий истину».

Насколько уважал его Радищев, видно хотя бы из того факта, что по возвращении из ссылки и после переезда в Петербург дети Радищева до определения их в казенные учебные заведения были помещены в пансион Августа Вицмана. Вспоминая об этом, П. А. Радищев называет Вицмана «добрым и честным немцем, старинным знакомым» своего отца.[2]

То обстоятельство, что к делу Радищева иностранец Вицман не был привлечен, привело к тому, что экземпляр «Путешествия» не был у него отобран и не был им возвращен. В связи с этим возникает вопрос, не он ли, Вицман, был тем лицом, которое способствовало проникновению сведений о книге Радищева в немецкую прессу?

Попробуем разобраться в материалах, существующих по вопросу о переводе «Путешествия» на немецкий язык в 1790-е годы.

---

[1] П. Н. Столпянский, ук. соч., стр. 284—288.

[2] П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 431.

В показаниях книгопродавца Г. К. Зотова 13 июля 1790 г. было сообщено со слов «сочинителя Николая Петрова» (Н. П. Осипова), что книгу Радищева «где-то в чужих землях печатают на немецком языке, а где именно, того [сочинитель] не сказал».[1] Писатель и переводчик Н. П. Осипов 17 июля 1790 г. показал, что П. И. Богданович, работавший в это время в Академии Наук, сообщил ему о том, что «слышал он, будто та книга в Лейпциге на немецком языке, — не помню, — печатается или переводится».[2]

Богдановича по этому поводу и вообще не допрашивали, и откуда были у него сведения о печатании или переводе «Путешествия» в Лейпциге, остается неизвестным. Может быть, эти сведения шли от самого Радищева, с которым П. И. Богданович мог быть знаком: Богданович был работником издательского отдела Академии Наук, состоял под начальством кн. Е. Р. Дашковой, имел непосредственные связи с О. П. Козодавлевым; таким образом, факт знакомства его с Радищевым вполне вероятен.

Могло ли все это иметь отношение к Вицману, сказать трудно. То, что Радищев, согласно показаниям И. Вальца, послал А. М. Кутузову два экземпляра «Путешествия», наводит на мысль, что один мог быть предназначен для переводчика. Впрочем, Радищев показал, что «печатать... оную книгу нигде в чужих краях намерения не имел, а к Кутузову, как выше сего сказал, для прочтения послал».[3] Но так ли это, вопрос другой.

Но если даже допустить вероятие, что перевод «Путешествия» на немецкий язык в первые недели по выходе книги в свет и не состоялся, это не устраняет факта, что в 1794 г. или 1795 г. в журнале или альманахе «Das Orakel zu Endor» были напечатаны многие отрывки из книги Радищева».[4]

До сих пор это указание Гельбига не проверено. Но если оно правильно, то не исключена возможность, что материалы эти были доставлены А. Вицманом. В немецкой прессе того времени есть его печатные выступления; так, ему, повидимому, принадлежит статья в альтонском журнале «Deutsches Magazin» (1793, August, Ss. 1008—1018), озаглавленная «Eine kurze Uebersicht der Literatur in Russland» («Краткий обзор литературы в России»); автором этой статьи в оглавлении журнала (в тексте она без подписи) указан Herr W***.

---

[1] Соч. А. Н. Радищева, изд. Акинфиева, т. II, стр. 331.

[2] Там же, стр. 333.

[3] Там же, стр. 334.

[4] Гельбиг. Русские избранники. «Русская старина», 1887, октябрь, стр. 28. — «Das Orakel zu Endor» («Аэндорская волшебница») издавался в Лейпциге в 1794 и 1795 гг.; вышло две части в типографии Лео.

В статье идет речь о просвещении России, об Академии Наук и других ученых и учебных заведениях, библиотеках и т. п.

У нас нет никаких прямых доказательств того, что переводы из «Путешествия» Радищева в «Das Orakel zu Endor» принадлежат А. Вицману, но все то, что известно о нем, позволяет поставить вопрос, не мог ли быть переводчиком именно он. Будущим исследователям вопроса о немецком переводе Радищева следовало бы остановиться и на возможности кандидатуры Вицмана.

Последнее лицо, которому Радищев послал недошедший экземпляр своей книги, был А. М. Кутузов (род. около 1750—ум. после января 1797). С Кутузовым Радищева связывала длительная и тесная дружба. Они познакомились еще в 1762 г. в Пажеском корпусе, в который поступили почти в одно и то же время, затем учились в Лейпциге и втроем (третьим был А. К. Рубановский) возвратились в октябре 1771 г. в Петербург. Все трое поступили на службу в Сенат в качестве протоколистов с чином титулярного советника; все трое — и первым из них, как пишет Н. А. Радищев, Кутузов, — вскоре же покинули службу в сенате; все трое посещали в 1772—1773 г. масонскую ложу «Урания». Радищев жил до женитьбы в одной комнате с Кутузовым. Ему же Радищев посвятил «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву».

Прослужив некоторое время на военной службе и сблизившись с московскими розенкрейцерами, А. М. Кутузов в 1787 г. был отправлен ими в Берлин для связи между немецкими и московскими масонами. Здесь Кутузов в августе 1790 г. узнал из письма кн. Н. Н. Трубецкого о постигшей А. Н. Радищева катастрофе. Из устных сообщений «посторонних людей» Кутузову стало известно, что судьба его друга сделала и его «подозрительным, якобы участвовавшего в сочинении оныя». Сведения, полученные Кутузовым, очень обеспокоили его. «Сие простирается даже так далеко, — пишет он 1 ноября 1790 г. Н. Н. Трубецкому, — что в Москве справлялись от полиции, скоро ли я возвращусь и не возвратился ли уже. Но вы ничего мне о том не пишете. Сие некоторым образом непростительно. Легко бы статься могло, что я, не зная сих обстоятельств, приехал прямо в руки ищущих меня. Хотя совесть моя чиста, хотя собственные мои письма к несчастному моему другу, ежели токмо суть они в руках правления, суть неложные мои оправдатели, но при всем том неблагоразумно со стороны моей подвергаться опасности, ежели я могу избежать оныя». Продолжение этого письма и последующие письма тоже являются «неложными свидетелями» тревоги и опасений Кутузова. В декабре 1790 г. он в ответном письме

к Е. И. Голенищевой-Кутузовой, объясняя причину своего долгого молчания, подробно излагает историю и характеристику своих отношений к Радищеву. 6 декабря 1791 г. А. Н. Радищев написал Кутузову письмо, повидимому, из Иркутска, полное любви и нежности. Кутузов в марте 1792 г. ответил Радищеву большим, взволнованным письмом.

На этом данные об отношениях Радищева и Кутузова обрываются.[1]

Рассмотренные нами материалы о лицах, которым Радищев дал экземпляры своей книги, показывают, что, кроме А. Вицмана, более или менее близкого Радищеву человека, остальные, не исключая и К. И. Дарагана, были людьми, с которыми Радищев не был связан идейно.

Отсюда можно сделать вывод, что, называя их, Радищев хотел в какой-то мере удовлетворить требование следователя, чтобы тем самым отвлечь внимание от экземпляров, которые он роздал своим единомышленникам. В этих же целях, повидимому, Радищев, когда начались уже осложнения с «Путешествием», писал книгопродавцу Шнору, что 50 экземпляров книги, которые попали в публику, были у него украдены.[2]

2. А. Н. Радищев и семейство Рубановских

А. Н. Радищев, как известно, был женат на Анне Васильевне Рубановской, затем на ее сестре Елизавете Васильевне; с дядей их, Андреем Кирилловичем Рубановским, Радищев учился сперва в Пажеском корпусе, а затем в Лейпциге в университете; в дальнейшем он был связан с Андреем Рубановским и сводным братом последнего А. А. Ушаковым узами дружбы. Казалось бы, уже одно это обстоятельство должно было направить внимание биографов Радищева на выяснение вопроса, что представляло собой семейство Рубановских, с которым сплетена судьба великого русского революционера. К сожалению, никаких попыток в этом направлении до сих пор сделано не было, хотя давно уже существуют в печати достаточные материалы для предварительного хотя бы ответа на поставленный вопрос.

---

[1] Об А. М. Кутузове см.: Ив. Дав[идович]. Русский биографический словарь («Кнаппе—Кюхельбекер»). СПб., 1903, стр. 625—626. — Е. И. Тарасов, К истории масонства в России. Забытый розенкрейцер А. М. Кутузов. «С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911, стр. 202—234; он же. К истории русского общества второй половины XVIII столетия. СПб., 1914. — Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пгр., 1915. — А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1935, т. II. — Н. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русская старина», 1872, кн. XI, стр. 575.

[2] М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи, т. I, стр. 586.

I

Родоначальником петербургской ветви интересующего нас семейства был украинский певчий Кирилл Степанович, получивший фамильное прозвание, согласно обычаю того времени, по месту своего рождения, хутору Рубановка Глуховского повета (уезда). Отец его Степан Герасимович был казаком Нежинского полка и умер в начале XVIII в. Родился Кирилл Рубановский в 1699 г. и с пятнадцатилетнего возраста до самой смерти служил в придворном хоре, сначала «дышкантистом», затем в зрелые годы «спевальной музыки тенористой». «За долговременную и верную службу в певчих» в 1743 г. он был возведен с потомством в дворянское достоинство. В 1748 г. он был пожалован рангом полковничьим. Не позднее 1753 г. К. С. Рубановский приобрел дом в Луговой Миллионной ул. (ныне ул. Халтурина), неподалеку от Зимнего дворца; это был каменный двухэтажный дом, числившийся в более позднее время (1785—1789) под № 37.

Из детей К. С. Рубановского нам известны только три сына: Василий, Матвей и Андрей. Детям своим К. С. Рубановский дал хорошее по тому времени образование: старший учился в Сухопутном Шляхетном корпусе, двух младших в 1757 г. обучал гувернер-немец.

Умер К. С. Рубановский в 1768 г.[1]

II

Василий Кириллович Рубановский родился в 1731 г. С 1744 г. он учился в Сухопутном Шляхетном корпусе, который окончил в 1752 г.; здесь он был «обучен двум чужестранным языкам и инженерству». В 1750 г., еще будучи в корпусе, в чине капрала, он принимал участие в первом представлении комедии Сумарокова «Чудовищи», вместе с кадетами Бекетовым, Свистуновым, Мелиссино и др.

---

[1] О К. С. Рубановском см.: ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 1, д. № 278, лл. 479, 496—496 об., 534., 537.—А. Богданов и В. Рубан. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779, стр. 430. — Петербургский некрополь. СПб., 1912, т. III, стр. 627.—Санкт-Петербургские ведомости, 1748, 31 мая, № 45, стр. 358—359; 1753, № 57, стр. 464; 1755, 6 октября, № 80; 1756, № 10 и др.—Дневник генерального хорунжего Николая Ханенка. Киев, 1884, стр. 371.—Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1900, кн. VII, стр. 370—371.—А. Бобринский, гр. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Российской империи. СПб., 1890, ч. II, стр. 500—501.—П. Баранов. Опись указам, хранящимся в Сенате. СПб., 1878, ч. III, стр. 120, 206, 495.—Общий гербовник Российской империи. СПб., 1803, т. I, стр. 104.—А. И. Ульянский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 17.

То обстоятельство, что он играл роль ябедника Хабзея, персонажа достаточно важного по ходу пьесы, заставляет предположить, что В. К. Рубановский выступал не в первый раз и, повидимому, вообще состоял в той кадетской любительской труппе, которая давала спектакли на придворном театре в 1750—1751 гг. В 1752 г. он был из унтер-офицеров Шляхетного корпуса пожалован «армейских полков поручиком» и назначен на должность переводчика при штабе генерал-аншефа графа Петра Шувалова. С 1758 по 1763 г. В. К. Рубановский служил камер-фурьером. Затем он с 1764 по 1775 г. был членом главной дворцовой канцелярии (придворной конторы) и служил вместе с Д. И. Фонвизиным и В. И. Лукиным под начальством И. П. Елагина. Связанный с группой Шуваловых, игравшей руководящую роль при дворе Елизаветы, он сумел поддерживать хорошие отношения и с находившейся в опале в конце 1750-х годов вел. кн. Екатериной Алексеевной, будущей Екатериной II: в «Камер-фурьерском журнале» 1759 г. В. К. Рубановский отметил, что 16 сентября Екатерина «изволила воспринимать младенца у камер-фурьера Рубановского»; крестницей Екатерины была младшая дочь Рубановского, Дарья. Этот шаг Екатерины объясняется ее поисками в эти годы популярности в кругах мелкого дворянства.

В. К. Рубановский был женат дважды. От первой жены у него были три дочери: Анна, Елизавета и Дарья. Вторично В. К. Рубановский женился в 1764 г. на вдове А. П. Ушаковой. В доме Рубановского как близкие знакомые бывали Д. И. Фонвизин, С. А. Порошин. В 1761 г. В. К. Рубановский подал доношение о неблаговидных поступках бывшего саксонского генерал-майора, принятого в русскую службу оберцеремониймейстером, барона П. П. Лефорта, который затеял какую-то государственную лотерею. Дело это при Елизавете и в особенности при Петре III тянулось без решения. Кажется, оно было прекращено Екатериной II в 1764 г.

Повидимому, отношение Екатерины к Рубановскому после вступления ее на престол изменилось к худшему: произведенный в 1764 г. в статские советники, он до самой смерти оставался в том же чине без дальнейшего производства. В 1774 г. Рубановский, в нарушение обычаев, обратился с жалобой по этому поводу к наследнику престола, Павлу Петровичу. Документ этот попал в руки Екатерины, и она собственноручно, что делала довольно редко, предписала кабинет-министру И. П. Елагину вызвать Рубановского и сделать ему «именем моим крепкий за сие выговор».

Вероятно, причиной гнева Екатерины было то, что она предполагала в Рубановском одного из сторонников Павла; круг лиц, которые бывали у В. К. Рубановского, и самый

факт подачи прошения именно Павлу подтверждают небезосновательность подозрений Екатерины.

Высочайший «крепкий» выговор повлиял на здоровье Рубановского, и вскоре после этого, в 1775 г., он умер в Москве, где находился в это время двор Екатерины, в течение всего года праздновавшей победу над Пугачевым. Незадолго до смерти В. К. Рубановского в Москве же состоялось бракосочетание А. Н. Радищева со старшей дочерью Рубановского—Анной Васильевной.[1]

О Матвее Кирилловиче Рубановском мы знаем очень мало. Родился он в декабре 1742 г. В 1757 г. он был записан в службу и, повидимому, учился в Сухопутном Шляхетном корпусе, был капитаном лейб-гвардии Измайловского полка (1775), затем бригадиром. По выходе в отставку был в Ораниенбаумском уездном суде судьей (1793). У него были дочь Екатерина и сын Дмитрий. Кажется, потомство его вымерло.[2]

---

[1] О В. К. Рубановском см.: ЦГИАЛ, ф. 1343. оп. 1, д. № 278, л. 496 об.—А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений. М., 1781, т. V, стр. 278.—Л. В. Евдокимов. Журналы дежурных генерал-адьютантов. СПб., 1898, вып. II, стр. 274. — Камер-фурьерские журналы за 1758—1763 гг. см. Алфавитный указатель к камер-фурьерским и проч. журналам. СПб., 1910, стр. 255—256.—Адрес-календарь российский на л. 1765, стр. 67.—Д. И. Фонвизин, Сочинения. СПб., 1866, стр. 369.—С. А. Порошин. Записки. СПб., 1844, стр. 144 (Запись 20 и 21 ноября 1764 г.).—П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник». 1858, декабрь, кн. 1, стр. 403.—Н. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русская старина», 1872, кн. XI, стр. 576.—В. П. Семенников. Радищев. М.—Л., 1923, стр. 219, 221, 449.—Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на л. 1769 и след.—П. Баранов. Опись указов, хранящихся в Сенате. СПб., 1878, ч. III, стр. 468, 484 и др.—С. М. Соловьев. История России, кн. V, стр. 1225.—Сборник Русского исторического Общества, т. 62, стр. 376 и 814.— Картотека Б. Л. Модзалевского в ИГЛИ АН СССР (ссылка на архив Конференции Академии Наук, 1778, где упоминается помещица старицкого уезда Акилина Павловна Рубановская и сын ее генерал-адъютант Александр Ушаков).—А. И. Ульянский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 17, 19.— Сборник Русского исторического общества, т. XIII, стр. 417—418.—П. Г. Любомиров. Автобиографическая повесть А. Н. Радищева.—Звенья, 1934, т. III—IV, стр. 13—14.

[2] О М. К. Рубановском см.: ЦГИАЛ, ф. 1343, оп 1, д. № 278, л. 496 об.—Алфавитный указатель к камер-фурьерским и проч. журналам. СПб., 1910, стр. 256. — Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. Пгр., 1915, т. III, стр. 482 (Здесь, как и в некоторых других документах, отчество Матвея Рубановского указано не Кириллович, а Корнильевич). — Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1775, стр. 23. — Список находящимся в гражданской службе чинам на 1793 г., стр. 33.

IV

Андрей Кириллович Рубановский, третий сын Кирилла Степановича, родился в 1748 г. После домашней подготовки он поступил 3 июля 1762 г. в Пажеский корпус, куда 3½ месяца спустя (25 ноября) был принят и А. Н. Радищев. В качестве пажа четырнадцатилетний Андрей Рубановский участвует в коронации Екатерины II. В 1766 г. его совместно с А. Н. Радищевым и другими пажами отправляют в Лейпциг для обучения в университете.

Сын А. Н. Радищева П. А. относительно Андрея Рубановского писал в воспоминаниях об отце следующее «Наконец, к числу друзей Радищева принадлежал Матвей Кириллович [1] Рубановский (на племяннице которого женился впоследствии Радищев), необыкновенно прилежный, посвящавший каждый день четырнадцать часов на учение, но от того ни мало не успевавший в науках. Его товарищи, узнав, что одна молодая девушка была в интересном положении, имея связь с Рубановским, шутя удивлялись, как он мог улучить время для любовной интриги».

Надо полагать, что эти сведения П. А. Радищева основаны на рассказах отца. Но характеристика А. К. Рубановского как малоспособного и только усидчивого человека противоречит тому, что сообщают о нем другие источники: возвратившись с А. Н. Радищевым в конце ноября 1771 г. в Петербург, А. К. Рубановский сближается с Н. И. Новиковым и, единственный из учившихся в Лейпциге пажей, попадает в «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова, вышедший в свет в 1772 г. Отзыв о Рубановском в новиковском «Словаре» несомненно построен на сведениях, сообщенных самим Рубановским. Вот что читаем мы у Новикова:

«Рубановский Андрей, титулярный советник, сочинил на немецком языке рассуждения: 1) о свойствах неутралитета; 2) о размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Волтера Рассуждение о человеке; Поему на разрушение Лиссабона, и оду славного Томаса О должностях общежития, из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года».

Очень показательны темы оригинальных произведений

[1] Так в тексте, опубликованном в «Русском вестнике», (1858, декабрь, кн. 1, стр. 401).—В книге В. П. Семенникова воспроизведен подлинник статьи П. А. Радищева; здесь нет имени-отчества Рубановского; только— фамилия. Полагаю, что слова «Матвей Кириллович» вставлены были редакцией «Русского вестника» или А. Корсуновым, сообщившим эту статью в журнал, а основанием для этого послужила неверная догадка М. Н. Лонгинова (см. его заметку об А. Н. Радищеве в «Библиографических записках», 1859, № 17, стлб. 540).

А. К. Рубановского: это проблемы международного права, с одной стороны, и демографии и политической экономии, с другой. Последняя тема особенно интересна, так как она по заглавию напоминает известное письмо М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении российского народа», которое в рукописи было распространено в XVIII в.

Не менее интересен выбор переводных произведений А. К. Рубановского. Здесь и знаменитая поэма Вольтера «О разрушении Лиссабона», вызвавшая бурю гнева в рядах церковников, и не менее раздражавшая обскурантов поэма «Рассуждение о человеке», в которой сформулированы многие из наиболее прогрессивных воззрений Вольтера, наконец. пользовавшаяся большими симпатиями передовых людей XVIII в. «Ода о должностях общежития» Антуана Тома.

Таким образом, по внешним данным литературная деятельность А. К. Рубановского свидетельствует о том, что он интересовался темами общественными и придерживался, очевидно, передовых для той эпохи взглядов.

Весьма возможно, что еще в Лейпциге или вскоре по возвращении в Петербург А. К. Рубановский стал масоном. М. Н. Лонгинов в известном исследовании о Н. И. Новикове сообщает имеющие значение для биографии А. К. Рубановского факты. «Ложи [масонские] посещались не только членами, — пишет М. Н. Лонгинов, — но и посторонними масонами. Так, в собраниях «Урании», число членов которой простиралось в 1774 г. до 55, бывали посетителями, кроме названных нами чиновников великой провинциальной ложи [И. П. Елагин, гр. М. Л. Воронцов, ген.-майор С. В. Перфильев, друг Державина, В. И. Лукин и др.]: Дмитрий Васильевич Волков, бывший любимец Петра III; знаменитый Александр Ильич Бибиков; Василий Ильич Бибиков, брат его, директор театров; князь Александр Иванович Мещерский, которого смерть воспета Державиным; Радищев, известный своим «Путешествием из Петербурга в Москву»; товарищи его по учению в Лейпциге, Андрей Кириллович Рубановский, на племяннице которого Анне Васильевне он потом женился, и Челищев; писатели: Майков, Попов, Козельский; актеры Троепольский, Дмитревский; сын Тредьяковского, Лев Васильевич, секретарь герольдмейстерской конторы; лица, носившие известные фамилии: князь Волконский, двое Рахмановых, Сиверс, Безобразов, Давыдов, Вердеревский, Гурьев, Сабуров, Поливанов, Сафонов и множество других».

Из этой справки явствует, что Радищев, Рубановский, Челищев попали в самое избранное общество, в котоорм преобладали видные общественные деятели, писатели, актеры. Это значит, что недавние студенты, — двадцатичетырехлетние

титулярные советники Рубановский и Радищев, — по своему умственному уровню подходили к этому кругу.

Следует отметить, что ложа «Урания» не была склонна к мистическим умствованиям других масонских групп; она, как указывают исследователи, «давала у себя приют многим поклонникам рационалистической философии».

Чем же объяснить, что Рубановский, так интенсивно работавший в Лейпциге, писавший там оригинальные произведения и переводивший на немецкий язык Вольтера и Тома, что-то печатавший в 1771 г., в дальнейшем совершенно не выступал в печати? Ответить трудно, так как источники молчат, а догадки не могут заменить прочных доказательств или материалов.

Можно высказать еще одно предположение. Весьма вероятно, что именно А. Рубановский был тот русский студент, который перевел, по сообщению Н. М. Карамзина, на немецкий язык анонимное «Известие о некоторых русских писателях», напечатанное в лейпцигском журнале «Новая библиотека изящных наук и свободных искусств» (1768): ни о ком другом из русских студентов этого времени, кроме А. К. Рубановского, нам не известно, чтобы он писал и переводил на немецкий язык.

То обстоятельство, что в «Словаре» Новикова А. К. Рубановский фигурировал как автор, писавший на немецком языке, повело к любопытному осмыслению его биографии в последующее время. Так, митрополит Евгений в «Словаре русских светских писателей», опираясь на данные Новикова, пишет так: «Рубановский Андрей, родом немец, титулярный советник, в службе российской; сочинил на немецком языке два рассуждения: 1) о свойствах неутралитета; 2) о размножении народа. Оба напечатаны в Лейпциге в 1771 г.».

Те же сведения, но без библиографических подробностей повторены в предварительном списке «Русского биографического словаря» в «Сборнике Русского исторического общества», т. 62.

Так, в результате невнимательности и отсутствия интереса к культурному окружению А. Н. Радищева А. Рубановский был превращен в чужестранца.

Дальнейшие биографические сведения об А. К. Рубановском крайне скудны. В середине 1770-х годов он выходит в отставку из гражданской службы и поступает в военную. Причиной этого обстоятельства было то, на что указывал в статье о своем отце Н. А. Радищев: «По возвращении в отечество только трое молодых людей, назначенных быть юристами, поступили в сенат в звании протоколистов с чинами титулярных советников... Служба их в сенате была непродол-

жительна: незнание русского языка,[1] товарищество с приказными и обхождение высших чиновников, не отличавших их от прочих приказнослужителей, сделали им сей род служения противным».

А. К. Рубановский поступил на военную службу в Московский Карабинерный полк капитаном, затем, прослужив до середины 1780-х годов, вторично вышел в отставку в чине подполковника и, оставшись на жительство в Москве, поступил снова на гражданскую службу, имея чин надворного советника. В 1790—1791 г. он служит советником в счетном отделении Московской казенной палаты, имея орден Владимира 4 степени. В «Списках находящимся в гражданской службе чинам» начиная с 1792 г., а также в других официальных справочниках с того же года А. К. Рубановский исчезает; нет его и в списке кавалеров ордена Владимира. Это означает, что он умер либо в конце 1790 г., либо в 1791 г., до 1 декабря, когда сообщались в Академию Наук в редакцию «Месяцеслова с росписью чиновных особ в государстве» сведения о состоянии штатов учреждений.[2]

V

Старшая дочь В. К. Рубановского Анна Васильевна была первой женой А. Н. Радищева. Точная дата ее рождения неизвестна. Однако можно предположить, что она родилась не раньше 1753—1754 гг., так как в 1752 г. отец ее был еще только выпущен из Сухопутного Шляхетного корпуса, и не позднее 1757 г., так как вторая дочь В. К. Рубановского родилась в 1758 г. Сын ее, П. А. Радищев писал о браке своего отца следующее: «Рубановский, о котором говорилось выше [А. К.], ввел Радищева в дом своего брата, Василия Кирилловича, у которого было три дочери. Старшая, Анна, была уже взрослая девица. Две младшие воспитывались в институте.

---

[1] «Незнание русского языка», на которое указывает Н. А. Радищев, крайне сомнительно; возможно, речь идет о незнании молодыми людьми специфических особенностей канцелярского «языка».

[2] Об А. К. Рубановском см.: Милорадович, граф. Материалы для истории Пажеского е. и. в. корпуса. 1711—1875. Киев, 1876, стр. 133.— Алфавитный указатель к камер-фурьерским и проч. журналам. СПб., 1910, стр. 255.—П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 95.—Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей. М., 1845, ч. II, стр. 151.—Сборник Русского исторического общества, т. 62, стр. 224. — Придворный месяцеслов на лето 1791, стр. 139.—П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 401 и 403.—В. П. Семенников. Радищев. М.—П., 1923, стр. 218, 219, 221, 363.—Я. К. Грот. Труды. СПб., 1903, т. V, стр. 67, 76 и 107.—М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 97.—Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, стр. 106.

Радищев влюбился в Анну, которая отвечала на его страсть, но мать[1] долго противилась их союзу, потому что отец Рубановский, служа в придворной конторе, хорошо зарабатывал, и они надеялись на брак с кем-нибудь из близких ко двору. Наконец, видя, что их любовь далека от того, чтобы ослабнуть, и от препятствий усиливается еще более, родители Анны согласились на брак. Отправились в Москву, где и состоялась свадьба. Рубановский там умер».

Несколько дополняет сведения П. А. Радищева его брат, Н. А., второй сын А. Н. Радищева; по его словам, А. Н. Радищев «женился в 1775 г. В женитьбе своей он не искал богатства... Жена его, дочь члена придворной конторы, была небогата, но имела все то, что могло составить счастие хорошего человека. А. Н. женился в Москве; жена его лишилась отца незадолго до замужества, быв уже помолвлена, и А. Н. вместе с нею возвратился в Петербург, чтобы снова вступить в службу».

Кроме этих свидетельств сыновей А. В. Радищевой о их матери, некоторые скудные данные о ней можно почерпнуть из показаний А. Н. Радищева на следствии по его делу; конечно, к этим данным надо отнестись с должной осторожностью, учитывая обстановку, в которой показания давались, и цель, которую они преследовали: «Родяся с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращалися всегда на нежные предметы, но все было с неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил и наслаждался действительным блаженством, не занимаяся ничем более, как домашними делами».

В небольшом поэтическом наследии Радищева два стихотворения можно отнести как раз к тем «опытам письма», которые, по его словам, «обращалися всегда на нежные предметы». Это «Песня» («Ужасный в сердце ад...») и «Сафические строфы» («Ночь была прохладная, светло в небе..»); может быть, следует сюда прибавить и «Идиллию» («Красно-певая овсянка»), которая, повидимому, в более позднее время подверглась обработке (см. стихи 11—20).

О семейной жизни Радищева сведений сохранилось очень мало; П. А. Радищев писал: «Радищев имел от своей жены трех сыновей и одну дочь. По прошествии восьми лет Анна Васильевна скончалась. Ее супруг был долго неутешен».

А. В. Радищева, кроме оставшихся в живых четырех детей (Василий — р. 1776 г.; Николай — р. 1777 г., Екатерина — р. 1782 г., Павел — р. 1783 г.), родила двух, скончавшихся в младенчестве, девочек.

---

[1] Правильнее было бы сказать «мачеха», так как в 1764 г. В. К. Рубановский женился, как было уже указано, вторично (С. А. Порошин. Записки. Изд. 2-е, стр. 137).

Умерла А. В. Радищева 3 августа 1783 г., вскоре после рождения сына Павла. Смерть Радищевой, по воспоминаниям П. А. Радищева, «приключилась от испуга. Она уже начала оправляться после родов, как вдруг в одно утро ударили в трещетки, по причине случившегося пожара. В Петербурге было тогда такое обыкновение. Анна Васильевна была пуглива, нрава впечатлительного, хотя и веселого, но скоро переходила к грусти. Медики говорили, что молоко поднялось кверху, и она, еще слабая, не могла перенести этого кризису».

А. В. Радищева была похоронена в Петербурге в Александро-Невской лавре (Лазаревское кладбище). Радищев хотел на ее надгробном памятнике вырезать составленную им эпитафию в стихах, но, по словам П. А. Радищева, «этого не дозволили, вследствие некоторого сомнения, выраженного в эпитафии, о бессмертии души». Стихотворение это было выгравировано на памятнике, который, как сообщает тот же П. А. Радищев, отец его поставил «в лабиринте на конце сада», принадлежавшего к дому Радищева. Сохранился портрет А. В. Радищевой, рисованный неизвестным русским художником, как предполагают, крепостным А. Н. Радищева, Михайлой.[1]

VI

А. Н. Радищев в своем «Завещании» писал детям: «Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами, вместо себя, сестру свою и друга, тетку вашу Елизавету Васильевну, которую, доколе живы будете, матерью именуйте».

По воспоминаниям П. А. Радищева, Е. В. Рубановская с сестрой своей, Дарьей Васильевной, действительно воспитали детей А. Н. Радищева. Сам Радищев называет своих свояченил в «Завещании» «сотрудницами в воскормлении детей» своих.

Елизавета Васильевна Рубановская родилась не ранее 20 апреля 1758 г.[2] Повидимому, в 1763—1764 г. В. К. Руба-

---

[1] Об А. В. Радищевой см.: П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 403.—Н. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева. М., 1912, стр. 7—8.—В. П. Семенников. Радищев. М.—П., 1923, стр. 196, 218, 219, 222, 230, 449.—Н. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русская старина», 1872, № 11, стр. 576.— Петербургский некрополь. СПб., 1912, т. III, стр. 537.—Избранные сочинения А. Н. Радищева. Под ред. Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1949, стр. 289—294.—Полное собрание сочинений А. Н. Радищева. Изд. М. И. Акинфиева. СПб., 1907, т. II, стр. 337.—Александр Николаевич Радищев. 1749—1802. 200 лет со дня рождения. Саратов, 1949, стр. 14.

[2] К 20 июня 1764 г., сроку, к которому исчислялся возраст принимавшихся в Смольный институт девочек, ей должно было быть не более шести лет и двух месяцев. См. Н. П. Черепнин. Имп. Воспитательное общество благородных девиц. Пгр., 1914, ч. I, стр. 79.

новский овдовел и в связи с этим как камер-фурьер поместил своих малолетних дочерей Елизавету и Дарью в открывшийся в 1764 г. Смольный монастырь (институт), где обе девочки воспитывались до 1776 г., когда состоялся первый выпуск окончивших это учебное заведение.

Е. В. Рубановская училась очень хорошо и окончила курс с шифром (золотой медалью первой величины) третьей в списке. В институте она принимала участие в ученических спектаклях и в комедии Вольтера «Блудный сын» играла роль сутяжницы г-жи Крупильяк с таким успехом, что присутствовавшая на спектакле тщеславная Екатерина сочла даже нужным сообщить Вольтеру о молодых актрисах, в том числе и о «дивной г-же Крупильяк». Через некоторое время Екатерина писала одной из смолянок и упоминала вновь о Е. В. Рубановской, на этот раз с явным неодобрением: «г-жа Крупильяк очевидно бережет свою бумагу для процессов; почерк ее очень мелок и комплименты очень заучены».

По выходе из института Е. В. Рубановская как окончившая с отличием получала «пожизненное награждение». В Смольном она сблизилась с Г. И. Алымовой (1759—1826), позже вышедшей замуж за писателя А. А. Ржевского; Г. И. Ржевская поддерживала дружеские отношения с подругой и после катастрофы, постигшей Радищева, переписывалась с ней, отправляла посылки в Илимск и заботилась о сыновьях Радищева.

По окончании института Е. В. Рубановская с сестрой поселилась в доме, перешедшем к Радищеву (теперь ул. Марата, д. № 14); здесь в саду был деревянный флигель, в котором жила А. П. Рубановская с дочерьми. После смерти А. В. Радищевой заботы о воспитании четырех малолетних детей (старшему, Василию, было только семь лет, младший, Павел, остался грудным младенцем нескольких недель) перешли к сестрам Рубановским.

Е. В. Рубановская была человек энергичный, дельный. П. А. Радищев писал о ней в воспоминаниях об отце: «Она была нехороша лицом и ряба, но умная женщина».[1] Именно благодаря ее хлопотам и умелым задариваниям «кнутобойца» Шешковский не проявил на А. Н. Радищеве своих методов допроса, наводивших ужас на всю тогдашнюю Россию. Е. В. Рубановская ежедневно посылала с верным слугой «гостинцы для грозного Шешковского, за которые она получала всегда ответ успокоительный» (П. А. Радищев). В другом месте П. А. Радищев подробнее говорит о материальных жертвах, принесенных Е. В. Рубановской во время ареста и ссылки Радищева. Она «продала свою дачу на Петровском

---

[1] В другом списке статьи П. А. Радищева сказано: «Елизавета Васильевна была нехороша, очень ряба, но умная женщина».

острове; сверх того за дом в Луговой Милионной, доставшийся ей по наследству от своего отца с меньшею сестрою и проданный ими за 12 000 рублей, она взяла половину ей следующую и чрез то была в состоянии дарить Шешковского, расплатиться с мелкими долгами и ехать за Александром Николаевичем в Сибирь».

Еще больше рисует эту прекрасную русскую женщину ее поездка вслед за Радищевым в Сибирь. «Однажды утром, — рассказывает П. А. Радищев, — полицейский чиновник, тот самый, который взял Радищева под арест, приходит объявить его семейству, что Радищев осужден на ссылку в Сибирь на десять лет (сентябрь 1790). Десять лет ссылки в Сибирь при Екатерине значило: на всю жизнь. Елисавета Васильевна залилась слезами. Полицейский чиновник, плакавший также, старался ее утешить, уверял ее, что Сибирь хорошая земля». Вероятно, тогда же приняла Е. В. Рубановская решение ехать с детьми к А. Н. Радищеву в Илимск.

Следует иметь в виду, что состояние ее здоровья было плохое. Ее сводный брат, А. А. Ушаков, получив в 1797 г. сообщение от А. Н. Радищева о его возвращении из Сибири и о смерти Е. В. Рубановской, вспоминал в ответном письме: «Не так смерть милой моей сестры мне была бы прискорбна, если б она не сопряжена была бы уже со днями свободы твоей и приближением жизни с нами, ибо я, прощаясь в последний раз, не представлял более прижимать ее к груди моей по слабости здоровья». О том же говорит и сам А. Н. Радищев: в дополнении к своему завещанию (27 июля 1790 г.) и упоминает «весьма чувствительное сердце Елизаветы Васильевны и худое ее здоровье».

Мужественная, болезненная женщина, за тридцать пять лет до жен декабристов, отправляется с двумя маленькими детьми вслед за сосланным Радищевым в Илимский острог, отстоящий на 500 верст от Иркутска к северу. Догнала Е. В. Рубановская Радищева 2 марта 1791 г. в Тобольске, где он находился в это время.

О роли Е. В. Рубановской в жизни Радищева в илимский период его ссылки П. А. Радищев писал: «Он много ей был обязан во время ссылки. Она его ободрила, ибо привезла ему детей, занималась аккуратно хозяйством, делая ему жизнь по возможности приятною, и он всегда говорил, что эта женщина с геройскою душой».[1]

---

[1] В другом списке сказано: «Он был много обязан ей во время своей ссылки. Она его поддерживала и не давала ему упадать духом; привезла к нему детей; прилежно занималась хозяйством и делала его жизнь по возможности приятною. Зато он всегда говорил о ней, что это была женщина с геройским духом».

А. Н. Радищев, повидимому, питал к Е. В. Рубановской более глубокие чувства еще до ссылки. На эту мысль наводит тот факт, что в 1787 г. он покупает на имя своей старшей свояченицы «Фридрихсову дачу» на Петровском острове; затем, в упоминавшемся выше дополнении к завещанию, после того, как дает младшей свояченице, Дарье Васильевне, совет выйти замуж, «стараясь избрать себе в мужья человека благонравного, с которым она может жить счастливо», Радищев пишет: «Зная весьма чувствительное сердце Елизаветы Васильевны и худое ее здоровье, я такого же совета ей дать не могу. Время и обстоятельствы и ее сердце могут ее наставить, итти ли ей уж или нет».

«Женщина с геройской душой», Е. В. Рубановская решается еще на один поступок, очень, по тогдашним понятиям, смелый. Вопреки церковным законам, запрещавшим вдовцам жениться на сестрах умершей первой жены, Е. В. Рубановская становится второй женой А. Н. Радищева. Здесь следует отметить, что широко распространенное и основанное на воспоминаниях П. А. Радищева мнение о том, что А. Н. Радищев женился на Е. В., неверно. На это же в свое время указал В. П. Семенников: «Официально Радищев во второй брак не вступал». В самом деле, никакой священник не рискнул бы обвенчать их, так как за такое нарушение церковных правил ему грозило лишение сана. Таким образом, вступив в фактический брак с А. Н. Радищевым, Е. В. Рубановская показала свое отношение к общепринятым в то время воззрениям. В Илимске она родила трех детей: Анну (1792), Феклу (1795) и Афанасия (1796).

Воспоминания П. А. Радищева содержат еще один любопытный штрих из биографии Е. В. Рубановской. «В начале декабря 1796 г., — пишет П. А. Радищев, — пришло известие о смерти императрицы Екатерины. Елисавета Васильевна тотчас стала собираться ехать в Петербург, хотела броситься к ногам императора Павла Петровича и просить прощения Радищеву. Она в Смольном монастыре была отличною воспитанницею, получила вензель и была известна Павлу I, бывшему тогда великим князем. Она играла, не один раз, в присутствии двора в комедиях (Екатерина не любила трагедий, особливо «Семирамиду» [Вольтера], которую во все ее царствование не представляли), которые заставляли монастырок играть. Особливо она смешила государыню в роли г-жи Крупильяк в «Блудном сыне» Вольтера. Итак Елисавета Васильевна готовилась ехать в Петербург, как вдруг 18 декабря 1796 г.[1] Радищева уведомили из Петербурга, что его ссылка кончилась».

[1] В. П. Семенников по вполне убедительным соображениям оспаривает эту дату («Радищев», стр. 231).

Это намерение немолодой уже женщины (Е. В. Рубановской было в это время около 39 лет), ехать одной в Петербург характеризует ее героизм не в меньшей мере, чем другие ее поступки.

Очень любопытно одно обстоятельство. Выше было упомянуто, что Екатерина в бытность еще великой княгиней крестила у В. К. Рубановского дочь Дарью; следовательно, она довольно близко знала семейство Рубановских. О сценических успехах Е. В. Рубановской в институте и отношении к ним Екатерины тоже было выше сказано. Чем же объяснить, что Е. В. и Д. В. Рубановские не обратились с просьбой о помиловании Радищева сразу же к Екатерине? Несомненно тем, что уже в Смольном монастыре Екатерина чувствовала сдержанное к себе отношение Е. В. Рубановской и отмечала это в письме к Левшиной, говоря о г-же Крупильяк — Рубановской, что «ее комплименты очень заучены».

20 февраля 1797 г. А. Н. Радищев со всей своей семьей выехал из Илимска. «Морозы были более 30 градусов. Дорогою Елисавета Васильевна простудилась и занемогла, — пишет П. А. Радищев. — Остановились в Таре, в 575 верстах от Тобольска, но как болезнь усиливалась, Радищев спешил доехать до этого последнего города до открытия весны, ибо в Тобольске более способов лечить больного. Но все усилия врачевания были бесплодны. Елисавета Васильевна скончалась вскоре после своего приезда, оставя Радищева в другой раз вдовцом. Он был огорчен, но менее, чем после смерти первой супруги».[1] С последним замечанием П. А. Радищева едва ли можно согласиться: этому противоречит приводимая ниже запись из «Дневника Путешествия из Сибири», сделанная А. Н. Радищевым в Тобольске после 1 апреля. Нам придется еще коснуться вопроса о причинах такого отзыва П. А. Радищева.

В этом «Дневнике путешествия из Сибири» находится несколько подробностей, дополняющих сведения П. А. Радищева. 10 марта 1797 г. и позднее А. Н. Радищев записывает: «Село Покровское стоит на реке Иче. Ночевали, барыня занемогла... Простояв в 11-е число по причине болезни Е. В., 12-е, выпив чаю, поехали до Турумовой или Турунги 17 верст... Е. В. не выходила из возка...» 14 марта в Таре, где путешественники задержались около двух недель, Радищев обратился к штаб-лекарю Козловскому. В Таре же А. Н. Радищев коротко отмечает: «18-го лекарю отказ... 21 исповедывалась.

---

[1] В другом списке биографии А. Н. Радищева П. А. Радищев писал так: «Он оплакивал ее, но не был в таком отчаянии, как после смерти своей первой жены. Он только сказал одному знакомому, старавшемуся его утешить: «Вот другой раз мне такой удар!».

Купил ленту, не надела... Причастье принесли из церкви. Соборование маслом. Все довольны, один поп казалося недоволен». Повидимому, Е. В. стало несколько легче, и Радищевы 27 марта выехали из Тары. Дальше в «Дневнике» находим следующие записи: «В Тобольск приехали на рассвете 1-го апреля. Сыскали заготовленную квартиру. О! колико первое мое в Тобольске пребывание было приятнее. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ним навеки... Сей город навеки будет иметь для меня притяжательность... 7-е. Смерть. 9 погребение, детей не видел... Из Тобольска выехали 22 апреля в 11 часов ночью».

«Незаконное», по тогдашним понятиям, сожитие А. Н. Радищева с Е. В. Рубановской вызвало со стороны родственников Радищева резкое отношение. По воспоминаниям П. А. Радищева, дед его, Николай Афанасьевич, говорил: «Или ты татарин, что женился на свояченице? Женись ты там на крестьянской девке, я бы ее принял, как дочь». «Все семейство, — продолжает П. А. Радищев, — кроме Феклы Степановны [матери А. Н. Радищева], пристало к мнению старика». Он хотел даже по смерти А. Н. Радищева ехать в Петербург к Александру I просить о снятии с детей Елизаветы Васильевны фамилии Радищевых.

П. А. Радищев, при всем желании быть справедливым и воздать должное Е. В. Рубановской-Радищевой, приведя этот материал, без каких-либо осуждений деда и его семьи, невольно выдает свое подлинное отношение к тетке-мачехе, которую он очевидно тоже считал «незаконной» женой А. Н. Радищева; отсюда проистекает и «объективный» рассказ П. А. Радищева об отношении его деда Н. А. Радищева к поступку отца и неоднократно подчеркиваемое сообщение о том, что Е. В. Рубановскую-Радищеву А. Н. Радищев любил меньше своей первой жены и перенес утрату легче. Помнить, как отец переживал смерть А. В. Радищевой, П. А. Радищев, конечно, не мог: ему было тогда несколько недель. Внешнее же спокойствие А. Н. Радищева во время болезни и смерти Елизаветы Васильевны, если оно действительно было, можно объяснить пребыванием в пути, заботами о детях и т. д.

Е. В. Рубановская несомненно была замечательной женщиной. В одном из списков своей статьи об отце П. А. Радищев писал о Елизавете Васильевне: «...Она была супруга покорная, с каким-то самоотвержением и верою в его превосходство внимала его воле и малейшему его слову, да и он старался предупредить ее желания и редко позволял себе делать ей небольшие замечания или возражения. Это был союз, основанный на взаимном уважении и доверенности к чувствам и характеру один другого: одним словом, она в заточении его

делала ему жизнь по возможности приятною», — повторяет П. А. Радищев и приводит фразу, уже знакомую нам по другим спискам статьи: «Зато он всегда говорил о ней, что это была женщина с геройским духом».

Упоминавшаяся выше подруга Елизаветы Васильевны, Г. И. Ржевская в своих «Памятных записках» так отзывалась о Рубановской: «Из других моих привязанностей в Смольном одна лишь дружба с г-жей Рубановской была серьезным чувством. С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ее я имела счастие оказать услуги ее семейству, детям, и тем исполнила священный долг, заплатив за ее дружбу, которая до того времени не требовала от меня ни малейшего пожертвования.

Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастиях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих».

Книга о Е. В. Рубановской-Радищевой ждет еще свое «искусное перо». [1]

VII

К семейству Рубановских принадлежали еще упоминавшиеся выше Дарья Васильевна Рубановская и ее сводный брат Александр Андреевич Ушаков.

О Д. В. Рубановской сведений сохранилось крайне мало. Родилась она в сентябре 1759 г., была крестницей Екатерины II, училась, вместе с Е. В. Рубановской, в Смольном институте; в списке кончивших она заняла одно из средних мест. О жизни ее после окончания института сохранилось совсем немного сведений, обычно связанных с материалами о Елизавете Васильевне. После ссылки А. Н. Радищева и отъезда Е. В. Рубановской в Илимск Дарья Васильевна вы-

---

[1] О Е. В. Рубановской-Радищевой см.: Санкт-Петербургские ведомости, 1776, 24 мая, № 42, прибавление. — Нина Р-ва. Хроника Смольного монастыря в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1864, стр. 22, 51, 52, 91, 105. — П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1. — Н. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева. М., 1912, стр. 11, 17—18.—В. П. Семенников. Радищев (см. по указателю). — Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Пгр., 1914, т. I, стр. 133; 1915, т. III, стр. 70 и 47. — Г. И. Ржевская. Памятные записки. «Русский архив», 1871, кн. 1, стр. 13—14. Архив кн. Воронцова, т. V, стр. 280 и след., т. XII; стр. 426. — А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко, стр. 695—697, 731, 734, 736 и др. — В. И. Ламанский. Письмо Александра Ушакова к А. Н. Радищеву (1797). «Чтения в Императорском Московском Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. 3, отд. V, стр. 105—106.—А. И. Ульянский. Радищев в Петербурге, Л., 1939, passim.

шла замуж; за кого — неизвестно; неизвестна и дата ее смерти.[1]

VIII

Во второй раз В. К. Рубановский женился, как указывалось выше, на А. П. Ушаковой, вдове придворного келлермейстера Андрея Степановича Ушакова, умершего в 1751 г.

Вероятно, у В. К. Рубановского была еще падчерица, старшая дочь А. П. Рубановской-Ушаковой. Имя ее и даты рождения и смерти не известны. Она была замужем (1764) за поручиком Шепелевым. В 1765 г., по просьбе тестя последнего, В. К. Рубановского, вел. кн. Павел Петрович крестил новорожденного сына Шепелева. В начале 1766 г. Д. И. Фонвизин в письме к родным сообщал о намерении Шепелева, «женатого на Рубановской», развестись с нею.[2]

Из детей А. П. Рубановской-Ушаковой нам известен сын Александр, повидимому, ровесник А. Н. Радищева и А. К. Рубановского. Вероятно, он учился в Сухопутном кадетском корпусе. В службу он вступил в 1765 г.; в 1778 г. он был уже генерал-адъютантом. Затем перешел на гражданскую службу: в конце 1790-х годов он был псковским вице-губернатором, в 1802—1804 г. — губернатором в Олонецкой губ., в 1804—1812 г. — в Тверской. Дата его смерти неизвестна.

Сохранилось письмо А. А. Ушакова к А. Н. Радищеву от 2 сентября 1797 г. в ответ на первое письмо Радищева по возвращении из Сибири от 25 июля 1797 г. Письмо А. А. Ушакова исключительно теплое и нежное, он называет Радищева братом, скорбит о смерти Е. В. Рубановской.[3]

IX

Семья Рубановских, как видно из приведенных материалов, была одним из культурных служилых дворянских се-

---

[1] О Д. В. Рубановской см.: Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Пгр., 1915, т. III, стр. 473 (здесь неверно указана дата ее смерти — 1783 г.). — А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко, стр. 695, 697. — А. И. Ульянский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 46.

[2] Об этой Рубановской-Ушаковой см.: С. А. Порошин. Записки. Изд. 2. СПб., 1881, стр. 454. — Д. И. Фонвизин. Сочинения. СПб., 1866, стр. 380.

[3] Об А. А. Ушакове см.: Картотека Б. Л. Модзалевского в ИРЛИ АН СССР (Ленинград) под фамилией «Рубановская А. П.».—В. И. Ламанский. Письмо Александра Ушакова к А. Н. Радищеву «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», 1865, кн. 3, отд. V, стр. 105—106. — Н. Туркистанов, кн. Губернаторские списки. 1797—1861. М., 1894, стр. 30, 43 и 70. — А. И. Ульянский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 24. — Сборник Русского исторического общества, т. 62, стр. 375, 376 и 814.

мейств Петербурга второй половины XVIII в. Сближение А. Н. Радищева с этим семейством не имело характера случайности. В. К. и А. К. Рубановские были людьми, которые внесли свой небольшой вклад в культуру — первый как актер, второй как писатель. Е. В. Рубановская заслуживает серьезного внимания как психологический тип и как женщина, отразившая лучшие черты русского национального характера: ум, стойкость, терпение. История семейства Рубановских позволяет лучше понять некоторые моменты в биографии великого русского писателя-революционера А. Н. Радищева, и это может служить оправданием настоящего разыскания и служило ободрением его автору при сборе по крупицам сведений о потомстве «спевальной музыки тенористы» Кириллы Степановича Рубановского.

И. Д. СМОЛЯНОВ

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О РАДИЩЕВЕ

1. Документы об А. Н. Радищеве в Иркутском областном историческом архиве

У нас нет еще обстоятельной биографии Радищева, достойной великого человека. Все, что до сих пор собрано о Радищеве нашим литературоведением, лишь немногим дополняет основные биографические материалы сына писателя, Павла Александровича, опубликованные около ста лет назад. Материалы эти весьма недостаточны.

Многое в биографии Радищева до сих пор еще строится на непроверенных и мало обоснованных догадках и предположениях. Отсюда особенную ценность приобретает каждый новый факт, в особенности документированный.

В поисках таких материалов пишущий эти строки обратился в Иркутский областной исторический архив. Директор Архива, Ф. А. Кудрявцев, проявил исключительное внимание к просьбе и любезно прислал фотокопии и архивные копии 4-х обнаруженных в Архиве документов о Радищеве. Одновременно Ф. А. Кудрявцев сообщил, что этими документами исчерпываются все радищевские материалы в Архиве, так как значительное количество документов XVII—XVIII вв. погибло при пожаре Иркутского губернского архива в 1879 г. Публикуя полученные документы, пользуюсь случаем принести благодарность Ф. А. Кудрявцеву и сотрудникам Архива.

Краткие заметки о найденных документах появились в Московской «Вечерней газете» 28 ноября 1939 г. и в некоторых других газетах.

Документ № 1 (рис. 1)

«Получено генваря 27 числа 1797 года. Записан доложить.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Киренскому нижнему Земскому Суду.

Находящийся в Илимске Александр Радищев
чрез посланного от меня нарочного совсем —

Получено Генваря 27 числа 1797 года Записан

Предложение

Киренскому нижнему земскому суду.

Находящейся в Илимске Александр Радищев чрез посланного от меня нарочного Сопселева — отпускается в Иркутск, которому в выездо — не делать — ни малейшаго удержания, а всякое требований показать ему в спокойном сюда проезде вспомощение.

Рис. 1.

Подано марта 11-го 1797 года Записанъ
доложить

Предложение! 13

К Киренскому Нижнему Земскому суду!

После присланного военной суд от Его
превосходительства господина генерал
майора иркутского наместничества прави-
теля и разных орденов кавалера Лариона
Тимофеевича от 16-го генваря сего года
за № 81-м предложения, находящейся в
Илимске Александр Радищев, из оного 20-го числа
в предлежащий ему путь февраля мною отправлен;
надлежащим образом превосходительству от меня
о чем его превосходительству оное предло-
рапортом донесено, для чего оное предло-
жение исперным с рапорту от пускомъ
для приобщения к протчим присланным во
оной суд препровождаю! Земской испра-
вникъ Михайла Парханов

Въ ре[естръ] за № 49

2 того ж числа

Марта 10 дня
1797 года.

Рис. 2.

вызывается в Иркутск, которому в выезде — не делать — ни малейшего удержания, а в случае требования показать ему в спокойном сюда проезде вспоможение.

Людвиг Нагель».

Документ № 2

«Его превосходительству гдну генерал Майору Иркутского наместничества правителю и разных орденов кавалеру Лариону Тимофеевичу.

Киренского Земского справника
Губернского секретаря КОРСАКОВА.

РАПОРТ

Во исполнения предложения вашего превосходительства, присланного в Киренской нижней земской суд от 16 генваря сего года под № 81 находящийся в Илимске Александр Радищев со всем его семейством в предлежащей ему путь сего февраля 20-го числа надлежащим образом мною отправлен, коего и препроводил до первого по Ангарскому волоку зимовья благополучно — о чем вашему превосходительству честь имею сим покорнейше донесть.

21 февраля 1797 года.
Илимск».

Документ № 3 (рис. 2)

«Подано марта 11-го 1797 года. Записан доложить.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Киренскому Нижнему Земскому Суду.

По силе присланного во оной суд от его превосходительства господина генерал-майора Иркутского наместничества правителя и разных орденов кавалера Лариона Тимофеевича от 16-го генваря сего года под № 81-м предложения, находящейся в Илимске Александр Радищев, из оного в предлежащей ему путь февраля 20-го числа надлежащим образом мною отправлен, о чем и его превосходительству от меня рапортом донесено, для чего оное предложение и с черным с рапорта отпуском для

приобщения к протчим при сем во оной суд препровождаю.

Марта 10 дня 1797 года.

Земский исправник Корсаков
в ре[гистратуре] за № 49
д[=4] того ж числа

Документ № 4

«КНИГА ЗАПИСНАЯ ДВОРОВАЯ В ПРОДАЖЕ В ЗАКЛАДЕ ДВОРОВ И ДВОРОВЫХ МЕСТ И ЛАВОК 1797 ГОДА»

Лета тысяча семь сот девяносто седьмого апреля в шестый надесять день бывшей в Илимском остроге чиновник Александр Николаев сын Радищев в роде своем не последней продал он Иркутскому купцу Климу Яковлеву сыну Малышеву состоящей в средине Илимского острогу на месте где жительство имели прежние комисары построенной собственным его иждивением дом деревянной со всем при нем хоромным и огородным по обе стороны улицы строениям а взян он Александр у него Клима за то домовое строение сто пятдесят рублей в под тем строением и усадбою земли значит длиннику девеносто пять поперешнику пятдесят четыре сажен в противность межевой инструкции 766-го года маия 25-го дня 8-й главы 19-й статьи и для того по резолюции Киренской Нижней расправы иметь под оным строением и усадьбою земли в сходность прописанного узаконения поперешнику двенадцать длиннику тридцать сажен а о неутайке договорной цены означенных продавца и покупщика поверенным Киренскому Земскому исправнику губернскому секретарю Михайлу Иевлеву сыну Корсакову, и уездному стряпчему губернскому регистратору Михаилу Дееву сыну Петрову состоящей Правительствующего Сената 1752 года Юля 29-го дня указ с подпискою объявлен. К сей купчей по доверенности от продавца бывшего в Илимске чиновника Александра Николаева сына Радищева Киренской округи земской исправник губернский секретарь Михайло Иевлев сын Корсаков руку приложил, при письме сей купчей свидетелем киренского нижнего суда дворянский заседатель коллежский секретарь Данило Федоров сын Покотилов

был и руку приложил, при письме сей купчей свидетелем Киренский городовой лекарь Степан Алексеев сын Дьяконов был и руку приложил, при письме сей купчей свидетель Киренский купец Андрей Иванов сын Ядрихинский был и руку приложил, при письме сей купчей свидетелем иркутской купец Петр Николаев сын Соломатов был и руку приложил; писал и записал крепостных дел писец подканцелярист Андрей Хлебников запрещения нет, совершить по указам секретарь Петр Курбатов, пошлин с цены ста пятидесяти рублей по пяти копеек с рубля семь рублей пятдесят копеек, от письма тридцать от записки пятнадцать на расход восем копеек, принял и совершил за неимением четыре рублевого гербового листа на простой бумаге, Киренской нижней расправы крепостных дел надсмотрщик канцелярии Тимофей Шипицын апреля в 16-й день 1797 года. При записке по доверенности продавца бывшего в Илимске чиновника Александра Николаева сына Радищева Киренской округи земской исправник губернской секретарь Михайло Иевлев сын Корсаков руку приложил и купчую себе взял того ж числа: К сей записке по доверенности покупщика Иркутского купца Клима Яковлева сына Малышева Киренской округи уездный стряпчий Михайло Деев сын Петров руку приложил.

Генерал-майор Людвиг Тимофеевич Нагель, или, как его называли в Сибири, даже в официальных документах: «Ларион Тимофеевич» был генерал-губернатором и правителем Иркутского наместничества с половины ноября 1794 г. До Нагеля генерал-губернатором был Иван Алферьевич Пиль, который хорошо принял Радищева в Иркутске и затем в течение трех лет оказывал ссыльному Радищеву самую широкую поддержку. Оставление Пилем своей должности сильно огорчило Радищева. В письмах к графу Воронцову Радищев жалуется на крутое изменение отношения к нему и в особенности на прекращение своей переписки с родителями и детьми. В результате обращений гр. А. Р. Воронцова, Нагель переменил отношение к Радищеву, и доставка Радищеву писем и посылок возобновилась.

Первый документ устанавливает новую дату в биографии Радищева — предложение об отъезде Радищева — 27 января 1797 г. Необходимо припомнить, что указ Павла I гр. А. Н. Самойлову об освобождении Радищева был дан

23 ноября 1796 г. Соответствующее предписание послано было Самойловым Нагелю через три дня, т. е. 26 ноября 1796 г.

16 января 1797 г. Нагель отправил специального курьера в Илимск для сообщения Радищеву радостной вести. Об этом нарочном упоминается в предложении от 27 января, которое, таким образом, уже официальным на имя местных властей ордером подтверждает освобождение Радищева и вызов его в Иркутск для дальнейшего следования в с. Немцово, Калужской губ.

Во втором документе любопытно официальное обращение Киренского земского исправника к крупнейшей персоне в крае — наместнику — по имени отчеству, без фамилии.

Корсаков — тот самый исправник, который вначале отравлял существование Радищеву угрозами и напоминаниями о ссыльном положении, вымогая у Радищева взятки. Отношение в корне изменилось после жалобы Нагелю Елизаветы Васильевны Рубановской. Результатом жалобы был строгий выговор Корсакову. Сын Радищева, Павел Александрович, в написанной им биографии отца сообщает, что «когда Радищев был прощен, он [Корсаков] приехал его проводить и был так испуган, что кланялся ему в ноги, просил прощения и умолял не погубить его, полагая, что Радищев едет прямо в министры».[1] Корсаков не только проводил Радищева до первого зимовья, но и был поверенным Радищева по продаже Илимского дома (документ № 4).

Рапорт Корсакова, так же как и третий документ, подтверждает дату отъезда Радищева из Илимска — 20 февраля 1797 г. Впервые эта дата была установлена при опубликовании В. Каллашем в «Полн. собрании сочинений» А. Н. Радищева,[2] обнаруженной в Чертковской библиотеке рукописи — писарской копии неизвестных до того произведений Радищева — «Записок путешествия в Сибирь» и «Дневника путешествия из Сибири».

Первая запись «Дневника» — отъезд из Илимска датирована Радищевым 20 февраля 1797 г. П. А. Радищев указывает, что уведомление об освобождении Радищев получил в Илимске 18 декабря 1796 г. и выехал из Илимска в январе 1797 г. Ошибочность обеих этих дат устанавливается подлинными письмами А. Н. Радищева к гр. А. Р. Воронцову.[3] Письмо из Илимска не имеет даты, но несомненно относится к началу января 1797 г. Перемена царствования возбуждает

---

[1] «Русский вестник», 1858, т. XVIII, декабрь, кн. 1, стр. 416.
[2] Изд. В. М. Саблина, т. II, М., 1907, стр. 297—348.
[3] Архив кн. Воронцова, М., 1872, кн. V, часть I, стр. 359—360.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Изъ воспоминаній о Радищевѣ, авторѣ „Путешествія изъ Москвы въ Петербургъ“

Въ 125-мъ нумерѣ газеты „Енисей“ напечатано предположеніе, что сосланный въ заштатный городъ Илимскъ, Иркутской губерніи Радищевъ ввелъ прививаніе оспы. Я урожденецъ Илимска, домъ моего дяди и отца былъ рядомъ съ домомъ, гдѣ жилъ Радищевъ. Дѣдъ мой жилъ у Радищева въ бытность его въ Петербургѣ, а затѣмъ съ нимъ же пріѣхалъ въ Илимскъ и здѣсь въ восьмисотыхъ годахъ или въ концѣ 18 столѣтія умеръ уже послѣ возвращенія Радищева въ Россію. Мой отецъ передавалъ мнѣ, что Радищевъ занимался леченіемъ жителей Илимска. Камердинеръ Радищева „Степанушка“, коего я помню хорошо, пріученный Радищевымъ къ леченію, былъ на 300 верстъ вверхъ по рѣч. Илиму отъ Илимска популярнѣйшимъ врачемъ отъ всѣхъ болѣзней; помню, что этотъ Степанушка, не позднѣе 1834 года, прививалъ и мнѣ оспу. Меня, уже бойкаго мальчика, держали, пока онъ дѣлалъ надрѣзы на рукахъ. Знаю хорошо, что Степанушка лечилъ травами и настойками. По вскрытіи рѣки Илима отъ льда Степанушка отправлялся вверхъ по Илиму и въ августѣ мѣсяцѣ приплывалъ на плотахъ въ Илимскъ со всѣми жизненными запасами на зиму: хлѣбомъ, живой птицей, соленой рыбой, сушенымъ мясомъ, овчинами, оленьими, сохатинными шкурами и проч. Все это получалось за лѣченіе. Изъ того, что самъ Степанушка, его жена и его единственная дочь жили не по мѣщански, а любили комфортъ, занавѣски у оконъ, чай, сахаръ, заключаю, что онъ также былъ привезенъ Радищевымъ и остался владѣльцемъ оставленнаго Радищевымъ дома. Оставляя Илимскъ въ 1841 году, я помню, что въ Илимскѣ и около его не было изуродованныхъ оспою (я ѣздилъ съ торгомъ съ дядей) и что не болѣли этой болѣзнію, почему и могу предполагать, что Радищевъ дѣлалъ оспопрививаніе въ Илимскѣ.

Павелъ Прейнъ.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ.

(Этюдъ).

Года три тому назадъ меня страшно мучили головныя боли, я не зналъ отъ нихъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Врачи, осматривавшіе меня, выражали каждый особое мнѣніе о причинахъ болѣзни, а слѣдовательно, давали каждый и новое лекарство, но ни одно изъ нихъ не помогало, боль продолжала мучить меня по прежнему, начинаясь съ 8 часовъ утра и продолжаясь часовъ до 12 ночи, а иногда, въ видѣ особаго исключенія, мучила меня цѣлые сутки, скверно чувствовалось на другой день, зная, что вотъ вотъ и

Рис. 3. Статья П. Прейна об А. Н. Радищеве. Газета «Енисей» (Красноярск), 1896, № 129.

ПО ПОВОДУ СТОЛѢТІЯ ОСПОПРИВИВАНІЯ.

Извѣстно, что въ текущемъ мѣсяцѣ празднуется столѣтіе со времени введенія въ практику предохранительнаго оспопрививанія англійскимъ врачемъ Дженнеромъ.

Но, какъ это часто бываетъ съ назрѣвающими вопросами и нуждами, мысль объ оспопрививаніи родилась не въ одной Англіи, а и, какъ это ни мало вѣроятно на первый взглядъ, у насъ въ Сибири, гдѣ въ то время, а именно въ концѣ прошлаго вѣка, въ Илимскѣ, проживалъ извѣстный авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», А. Н. Радищевъ.—По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ этой книгѣ, на стр. 58 и 59 говорится слѣд.: «Кромѣ того, Радищевъ, при помощи нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣній, помогалъ крестьянамъ въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ: по словамъ сына, А. Н. открылъ оспопрививаніе гораздо раньше Дженнера[1]), и прививалъ оспу своимъ дѣтямъ и жителямъ Илимска. Кто знаетъ, будь Радищевъ въ благопріятныхъ условіяхъ, изъ него, не смотря на то, что онъ не былъ медикомъ, могъ бы выработаться, подобно Пастеру, напр., тоже не врачу, какой-нибудь тоже не менѣе цѣнный другъ человѣчества, чѣмъ и прославляемый нынѣ Дженнеръ.»

Д-ръ Н. Шмитцъ.

Г. Петропавловскъ. 5 сент. 1896 г.

Обзоръ общественной жизни Россіи.

Давно извѣстно, что многія изобрѣтенія, давшія иностранцамъ всемірную славу, существовали однако въ Россіи гораздо раньше, чѣмъ были открыты заграницей. То же теперь обнаруживается и относительно оспопрививанія. Докторъ Н. Шмитцъ напечаталъ по этому поводу слѣдующее письмо въ «Степномъ Краѣ».

Извѣстно, что въ текущемъ мѣсяцѣ празднуется столѣтіе со времени введенія въ практику предохранительнаго оспопрививанія англійскимъ врачемъ Дженнеромъ.

Но, какъ это часто бываетъ съ назрѣвающими вопрос. и нуждами, мысль объ оспопрививаніи родилась не въ одной Англіи, а и, какъ это ни мало вѣроятно на первый взглядъ, у насъ въ Сибири, гдѣ въ то время, именно въ концѣ прошлаго вѣка, въ Илимскѣ, проживалъ извѣстный авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», А. Н. Радищевъ. По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ этой книгѣ, на стр. 58 и 59 говорится слѣдующее: «Кромѣ того, Радищевъ, при помощи нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣній, помогалъ крестьянамъ въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ: по словамъ сына, А. Н. открылъ оспопрививаніе гораздо раньше Дженнера *), и прививалъ оспу своимъ дѣтямъ и жителямъ Илимска. Заявленіе это заслуживаетъ полнаго вниманія.

Рис. 4. Заметки о введении А. Н. Радищевым оспопрививания. Из газет: слева — «Степной край» (Омск), 1896, № 71, справа — «Енисей» (Красноярск), 1896, № 125.

в Радищеве радостные надежды. Об освобождении в письме нет ни слова, ни намека.

Таким образом, в декабре 1796 г. Радищев не знал и не мог еще знать о своем освобождении. Лишь в письме от 26 января 1797 г. Радищев впервые делится с Воронцовым радостной вестью и собщает о своем предстоящем отъезде из Илимска. Письмо написано и послано Радищевым из Иркутска, куда он по получении известия об освобождении (очевидно через нарочного, отправленного Нагелем 16 января 1797 г.) выехал для организации отъезда семьи из Илимска.

В письме от 3 февраля 1797 г. из Иркутска Радищев сообщает Воронцову, что он выезжает, т. е. выезжает в Илимск за семьей («je pars demain. . .»).

Документы № 2 и 3, опровергая ошибочные указания П. А. Радищева, вносят в этот вопрос полную ясность.

Четвертый документ крайне любопытен своими бытовыми подробностями и именами участников в составлении акта продажи илимского жилища Радищева. Покупатель — иркутский купец Клим Малышев. О нем упоминает Радищев в «Дневнике» в записи от 20 февраля 1797 г.: «Провожали нас: исправник, Клим Малышев, сын его Иван с женой, который мне дал вина на дорогу. Какие их были виды. Испр[авник] из благопристойности, другие из тупого чувствования благодарности, но все до того, что я еще мог писать в Иркутск и встречуся с г. губернатором». О первом поверенном Радищева при продаже дома, исправнике Корсакове, мы уже говорили. Второй поверенный, «уездный стряпчий губернский регистратор Михаил Деев сын Петров», — также известен по биографии Радищева.

Павел Радищев сообщает: «Заседателя Деева угощали как можно больше. Он однажды охмелев сказал Радищеву: «ну-ка! починай кубышку». Ему хотелось подарка, и он полагал, что тот скупится. Все эти господа, меряя людей на свой аршин, воображали, что Радищев сослан за взятки».

Особый интерес вызывает упоминаемый в акте свидетель — «киренский городовой лекарь Степан Алексеев сын Дьяконов».

В газете «Новое время» (1896, № 7456) была помещена заметка о печатающихся в газете «Енисей» воспоминаниях Прейна о Радищеве.[1]

---

[1] Имеется в виду заметка П. Прейна в красноярской газете «Енисей», 1896, № 129, о врачебной деятельности Радищева в Сибири, в частности, о введении им в Илимске оспоприививания (рис. 3). Заметка Прейна явилась откликом на опубликованное в омской газете «Степной край» (1896, № 71) письмо д-ра Н. Шмитца по этому же поводу (рис. 4).

Павел Прейн — уроженец Илимска. Дом его деда и отца был рядом с домом Радищева. Дед Прейна жил у Радищева в Петербурге и с ним же приехал в Илимск. Прейн, между прочим, указывает, что Радищеву Илимский край обязан введением оспопрививания. Радищев не только сам прививал оспу населению, в том числе и семье Прейна, не только успешно лечил от всех болезней, но подготовил себе и смену в лице обученного Радищевым медицине своего камердинера Степанушки, привезенного Радищевым из Петербурга. Степанушка, по свидетельству Прейна, оказал большие успехи в медицине и стал популярнейшим лекарем во всей округе. Жил он в 300-х верстах вверх по Илиму и врачевал от всех болезней. Не следует ли предположить, что в лице киренского городового лекаря Степана Дьяконова мы встречаем радищевского выученика Степанушку?

Обнаружение новых документов о Радищеве снова ставит вопрос о настоятельной необходимости тщательного обследования сибирских архивов. Впрочем, не только сибирских и не только архивов. Неожиданные и, может быть, ценные материалы о Радищеве могут отыскаться и в саратовских архивах. Помимо архивов для исследователей представляют большой интерес местные краеведческие материалы, местная пресса.

В газете «Русь» (1910, № 326) опубликовано было сообщение о наличии в архиве Илимской мещанской управы секретных документов о Радищеве. Лишенный по приговору дворянства, ссыльный Радищев должен был приписаться к мещанскому сословию. Газетной заметкой в «Руси» никто не заинтересовался, хотя в ней, помимо указаний на секретные документы о ссыльной жизни Радищева, приводились сообщения («предания старожилов») о нападении шайки грабителей и местных мещан на «ссыльного барина» — Радищева.

П. Никитин в статье «На родине Радищева» в газете «Волжская коммуна» (Саратов, 1936, 16 марта) сообщает интереснейшие факты о сыне Радищева и владельце Аблязова — Афанасии Александровиче Радищеве. В 1936 г. от барского дома в Аблязове остались лишь ямы и неразобранный фундамент, но сохранилась церковь, построенная в 1725 г. На стене левого клироса имеется художественно выполненная икона с надписью на медной доске: «А. Н. Радищеву. Родился в с. Верхнее Аблязово в 1749 г.». Кстати эта надпись важна в биографическом отношении, устанавливая место рождения Радищева и устраняя разноголосицу в биографической литературе о нем. Ряд исследователей и биографов совершенно обходят молчанием место рождения Радищева; некоторые указывают Москву. В церкви похоронен Афанасий Александрович Радищев, умерший в 1881 г. (Родился в

Илимске в 1796 г.). Все имение было завещано земству. По рассказам старожилов в усадьбе было много портретов Радищева в красках и громадная библиотека. Все это вывезено было земством, но, как выразился один из старожилов в 1936 г., «поискать, так еще можно что-нибудь найти».

Мы со своей стороны полагаем, что обследование архивов бывшего земства и надлежащие поиски дали бы положительные результаты.

2. Иностранные отклики XVIII в. на ссылку Радищева

Изучение вопроса о том, насколько известен был А. Н. Радищев среди своих современников, всегда привлекало внимание наших исследователей. Первыми печатными упоминаниями о «Путешествии из Петербурга в Москву» и о горестной судьбе его автора давно уже считаются появившиеся в конце XVIII века, т. е. еще при жизни Радищева, две французские работы: Кастера (J. Castéra) [1] и Массона (G. F. Ph. Masson).[2]

Книга Кастера, вышедшая анонимно, уже в следующем, 1798 г. была, по указанию В. А. Бильбасова,[3] дважды переиздана и тогда же переведена на датский, голландский, немецкий и английский языки. В 1800 г. уже с обозначением автора и в значительно дополненном виде книга Кастера вышла в Париже в трех томах под заглавием «История Екатерины II» и выдержала ряд последующих изданий в подлиннике и в переводах.

Как первый иностранный печатный источник сведений о Радищеве, труд Кастера представляется тем более ценным, что исходит от осведомленного лица. Сам Кастера в предисловии с полным основанием утверждает: «Я пользовался весьма драгоценными материалами, какие только могло предоставить писателю необычайное стечение обстоятельств».[4] В небольшом абзаце о Радищеве Кастера рассказывает, что в «Путешествии» («Voyage de Pétersbourg à Moscou») Радищев с большой экспрессией описывал деспотизм Потемкина и осмелился даже нападать на императрицу. Хотя Радищев сам напечатал свой труд имевшимся у него типографским шрифтом, однако автора не замедлили обнаружить и сослать в Сибирь».[5] В издании 1800 г. имеется характерное примеча-

---

1 Vie de Catherine II, Imperatrica de Russie. T. I-II, Paris, An V de la République (1797).

2 Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. T. I-III, Paris, An VIII - X (1800—1802).

3 «История Екатерины II», т. XII, ч. 2, Берлин, 1896, стр. 38.

4 Т. II, 1797, стр. 371—372.

5 Там же.

ние, отсутствующее в первом издании 1797 г.: «Удивительно то, что книжка Радищева, первая [?] напечатанная им [?] в Петербурге, прежде чем привлечь внимание правительства, открыто продавалась два дня на рынке по 20 коп. и была даже разрешена цензурой. Спрошенный по этому поводу цензор оправдывался тем, что, удовлетворившись одним лишь заглавием — Путешествие в Москву, — он не читал дальше и разрешил книгу к печати». [1]

Второй труд, Массона, также переведенный на некоторые языки и выдержавший ряд изданий, в отрывках и в извлечениях печатался и в русском переводе, но полностью в русском переводе появился лишь в 1918 г. [2] Обращаясь к первому французскому изданию 1800—1802 гг., следует отметить, что Массон не только более подробно, нежели Кастера, коснулся Радищева, но и оказался родоначальником версии об авторстве Радищева в журнале «Почта духов» («Сочинении под заглавием «Почта духов», наиболее философическом и остром из всего того, что когда-либо отваживались напечатать в России»), и основоположником литературной полемики по этому поводу, насчитывающей полтора столетия.

Версия Массона, во всяком случае, весьма характерна. И на родине Радищева с его именем неизменно и с полным основанием связывалось все самое глубокое и передовое в области человеческой мысли. Если не считать типичных для иностранцев, писавших о России, курьезов, нужно будет признать, что отношение Массона к Радищеву — чрезвычайно положительное, а порой и восторженное. Направляющей идеей «Путешествия» («Voyage à Moscou») Массон считал «ненависть к деспотизму» («La haine pour le despotism»).

Нам удалось обнаружить еще два иностранных печатных упоминания о Радищеве, на этот раз в немецкой литературе, относящихся также к последним годам XVIII в. Отзывы эти еще не учтены исследователями Радищева.

В 1799 г. анонимно, без указания места печати, была опубликована книга: «Материалы к изображению Российской империи в правление Екатерины II, собранные за время многолетнего пребывания в этой стране. В доверительных письмах. Собрание второе».[3] Первая часть этого «Собрания» вышла в 1798 г., а третья — уже после смерти автора, в 1807 г. Лишь в последней (третьей) части раскрывается ее автор — Берн-

---

[1] Т. III. стр. 73; перевод в обоих случаях — наш.

[2] Массон. Секретные записки о России..., М., 1918.

[3] „Züge zu einem Gemahlde des russischen Rerchs unter der Regierung von Catherine II, gesammelt bey einem vieljargen Aufenthalt in demselben. Jn verirauten Brieten. Zweite sammlung.

гарди (A. B. Bernhardi) и приводятся подробные сведения о нем, которыми очевидно пользовался и Бильбасов.[1]

О Радищеве Бернгарди упоминает во второй части своих «Материалов»: «Тем не менее один русский, статский советник, Радищев, осмелился выступить против него (Потемкина. — *И. С*). Изменив имена, он изобразил историю Потемкина со всеми ее ужасными последствиями для государства. Автора, однако, постигла участь, которую он должен был предвидеть, в случае если бы его рассказ не произвел ожидаемого действия. Его арестовали и, как говорят, в кандалах отправили в Сибирь. Оковы с него однако, как прибавляют, сняли, отъехав от Петербурга, и вместо Сибири отвезли Радищева в его собственное поместье. Радищев давно уже предостерегали от мести Потемкина, но он отказывался последовать убеждениям своих друзей, говоря, что если бояться мести, то тогда никто не мог бы противоборствовать общественному злу. Подобное, хотя и не в такой степени сильное, свободомыслие проявляли и другие русские; их произведения конфисковались и сами они, судя по публичным сообщениям, подвергались репрессиям».

К этому абзацу в книге сделано любопытное примечание: «Автор жизнеописания Потемкина в журнале «Минерва» за 1798 г., ч. II, стр. 11, напротив, говорит прямо, что Радищев был отправлен в Сибирь, где, как мне очень хорошо известно, он пользовался, судя по условиям, в которых он находился, покровительством крупного лица... Несколько далее биограф говорит, что, по слухам, императрица дала тайный приказ смягчить наказание Радищева упомянутым образом, потому что она совсем не была склонна способствовать осуществлению мести Потемкина, но тем не менее не хотела открыто противодействовать Потемкину».[2]

Бернгарди еще раз возвращается к Радищеву на стр. 167: «Но отчасти, страх перед общественным мнением, вызванный французской революцией, отчасти вышеприведенное дерзкое выступление статского советника Радищева заставили их насторожиться: одновременно с наказанием Радищева был привлечен к ответственности и цензор. Последний оправдывался тем, что рукопись была изменена после цензуры. Так ли оно было в действительности, или нет, но вскоре после этого цензура перестала принимать какие бы то ни было рукописи, которые содержали бы малейшие исправления».

Процитируем еще один абзац, не имеющий, правда, прямого отношения к Радищеву, но характеризующий Бернгарди: «Теперь нельзя публично высказаться даже о несправедливо-

---

[1] Ук. соч., стр. 38—39.

[2] Ук. соч., стр. 211—213.

сти крепостного права, без того, чтобы не подвергнуться опасности быть высланным за границу, и притом, по уверению рижского губернатора, на основании строгих приказов императрицы».[1]

В третьей части «Материалов», как уже было указано, некий Фриш (M. S. G. Frisch) поместил биографию Бернгарди. «Ученый и книгопродавец» Бернгарди родился в 1756 г. в Фрейбурге и умер там же в 1801 г. В 1775 г. Бернгарди был студентом Лейпцигского университета, в котором, как известно, только за четыре года перед тем закончил курс Радищев. Так же, как и Радищев, Бернгарди увлекался в университете далеко не тем, что предписывалось официальной программой. Поступив по желанию родителей на богословский факультет, Бернгарди пристрастился к литературе, истории и философии и вскоре перешел на юридический факультет, продолжая с прежним пылом штудировать гуманитарные науки, особенно философию. В кругу этих разносторонних интересов большое место заняла и математика. В 1779 г. Бернгарди отправился на четыре года в Лион в качестве Hofmeister'а (т. е. учителя, гувернера). В Лионе увлечение философией французских просветителей XVIII в. получило у Бернгарди новый значительный импульс. 1786 г. застает Бернгарди в аналогичной должности в семье генерала Наумгофа в Риге. По роду своих обязанностей Бернгарди со своими воспитанниками посещает Москву и Петербург. Долголетнее пребывание в столицах России заполнено у Бернгарди усиленным изучением статистических и педагогических проблем. Бернгарди всматривается в окружающую действительность и собирает материалы о России. В 1795 г. Бернгарди оставил семью Наумгоф и целиком посвятил себе ученой, журналистской и книгопродавческой деятельности у себя на родине, в Фрейбурге. Следует отметить, что Бернгарди проявил не только любознательность, но и начитанность во всем, что касалось России. Ему в частности были хорошо знакомы работы Г. Меркеля,[2] с которым он часто солидаризируется в оценке положения в Линфяндии.

С какой стороны нас могут интересовать высказывания Бернгарди о Радищеве? Прежде всего в связи с источниками его сведений. Кастера и Массон, по их положению и связям,

---

[1] Ук. соч., стр. 171—172.

[2] Гарлейб Меркель, выдающийся писатель-публицист конца XVIII в., автор нашумевшей книги: «Латыши, особенно в Лифляндии на исходе философского столетия», вышедшей на немецком яз. в Лейпциге в 1797 г. (2-е изд., 1800), в которой дана яркая картина ужасающего положения латышского крепостного крестьянства. Книга Меркеля вызвала ожесточенные нападки на него в Латвии баронов-помещиков и была сожжена. Русск. перевод ее (А. Н. Шемякина) см. в «Чтениях в Общ. ист. и древн. России» (1870, кн. 1).

были близки к «высшим сферам», к непосредственному окружению Екатерины II и поэтому имели возможность пользоваться важными источниками, вплоть до дипломатических документов. Бернгарди, как это явствует из его биографии, принадлежал очевидно к демократической интеллигенции, общался в России с разночинными, третьесословными демократическими кругами и именно в этой среде его пытливый ум, воспитанный французской просветительной философией, черпал пищу для наблюдений и выводов. В этом смысле характерны его указания в предисловии к «Материалам» на запрещение его книги — неизбежное в России и в Австрии — и вообще на цензурные рогатки в этих странах.

Из приведенного абзаца книги Бернгарди видно, что все перипетии судебного процесса Радищева Бернгарди представлял себе приблизительно так, как об этом рассказывалось по Москве и как эти слухи отразились в непосредственных откликах современников. В частности, слух о замене Радищеву ссылки в Сибирь запрещением проживать в столицах передает известный масон И. В. Лопухин в письмах к А. М. Кутузову от 7, 14 и 31 октября 1790 г.[1] Об этом же сообщает брат Радищева, Моисей Николаевич, в письме из Архангельска гр. А. Р. Воронцову от 17 мая 1791 г.[2] Таким образом, сообщение Бернгарди, не представляя, в сущности, ничего нового для биографии Радищева, показательно своей положительной оценкой Радищева и его подвига — издания «Путешествия»; этот отзыв, данный заграничным читателем-современником Радищева, является в то же время еще одним свидетельством известности Радищева в широких русских городских кругах.

Обратимся теперь к той книге, на которую ссылается Бернгарди. Журнал «Минерва» издавался И. Архенгольцем в Гамбурге с 1792 г. С четвертой книжки этого года и по 1800 г. в журнале печаталось пространное жизнеописание: «Потемкин Таврический». Автор этой биографии, состоящей из 40 глав, в журнале не указан, но В. А. Бильбасов утверждает, что «в настоящее время признано, что она принадлежит Гельбигу, автору хорошо известной у нас в оригинале и переводах книги «Русские избранники» (Russische Cünstlinge, Tübingen, 1809).

В июльской книжке «Минервы» за 1798 г. на стр. 11 помещено то сообщение, на которое ссылается Бернгарди: «Некий русский, по фамилии Радищев (Ratischew), получил образование за границей. Затем он был назначен на службу в Петербургскую таможню и пользовался повсюду репута-

[1] Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пгр., 1915, стр. 15—16, 19.
[2] Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 402.

цией дельного и скромного человека. В 90-е годы он писал на русском языке книгу, которая изображала в мало благоприятном свете некоторые события, происшедшие при тогдашнем правительстве. Книга должна была представлять собою путешествие из Петербурга в Москву, которое якобы имело место во сне. В этой книге автор употребляет весьма странные выражения и описывает много эпизодов. В конце Истина сбрасывает облекавшие ее до сих пор покровы и, истекая кровью, является императрице, которая просыпается в страхе и ужасе.[1] Автор книги был обнаружен и сослан в Сибирь. Так как и там через некоторое время у него нашли новые рукописи такого же характера, его отправили дальше и стали содержать строже. Но об его жене и о воспитании его детей заботились так же хорошо, как если бы муж и отец был с ними.[2] Московский издатель, выпустивший книгу, был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где он находился еще в 1795 г. Длительное время книга продавалась открыто в одной из петербургских книжных лавок с разрешения полицмейстера, пока, наконец, содержание книги не стало известным правительству. Тотчас же все экземпляры книги были конфискованы, а лавка бедного, ничего не подозревавшего продавца была закрыта. Собственно говоря, наказания заслуживал не книгопродавец, а полицмейстер, генерал Релеев Releyev [Рылеев], человек весьма недалекий. Императрица долгое время полагала, что граф Александр Романович Воронцов, человек большого ума и брат известной княгини Дашковой и русского посла в Лондоне, принимал участие в составлении этой книги».[3]

Итак, автор статьи в «Минерве» дает несомненно более верное и полное, нежели Бернгарди (а в некоторых случаях

---

[1] Имеется в виду, конечно, глава «Спасская полесть» в «Путешествии» Радищева, в которой рассказано, как Истина в образе странницы открывает царю глаза на действительное положение в стране; однако эта глава помещена не в конце книги, а ближе к началу (она является шестой по счету главой). Кроме того, как известно, Екатерину II в гораздо большей мере заставили содрогнуться другие главы «Путешествия» («Медное», «Городня», «Зайцево» и др.), в которых она совершенно правильно усмотрела прямой призыв к восстанию (бунт от мужиков...»).

[2] Ни о каких заботах правительства или Екатерины II о детях Радищева, разумеется, не может быть и речи. После отправки Радищева в ссылку, двух его старших детей увез к себе в Архангельск их дядя, младший брат Радищева, Моисей Николаевич, бывший в то время советником архангельской таможни. Двое других, младших детей Радищева оставались на попечении свояченицы писателя, Елизаветы Васильевны Рубановской. После осуждения Радищева она с детьми отправилась за ним в Сибирь.

[3] Minerva. Ein Journal historischen und politischen Inhalts, herausgegeben von J. W. v Arhenholz 1798, Juli, стр. 11.

и Кастера, и Массон) освещение обстоятельств и событий, связанных с осуждением и ссылкой Радищева. Нельзя не остановиться на сообщении о вторичной ссылке Радищева вглубь Сибири. Мы знаем кое-что о жизни Радищева в Сибири 1790—1792 гг. до прибытия в Илимск, но, к сожалению, слишком мало. Длительность путешествия Радищева в в Илимск никак нельзя объяснить ни тогдашним состоянием путей сообщения, ни состоянием здоровья Радищева. При всем тогдашнем бездорожьи и медлительности передвижения на лошадях, путь от Петербурга до Илимска должен был исчисляться даже «по казенной надобности» отправляемого в ссылку Радищева несколькими, а отнюдь не 16 месяцами (Радищев был отправлен между 9 и 12 сентября 1790 г., прибыл в Илимск 3—4 января 1792 г.). На самый путь, включая многочисленные остановки (не считая наиболее продолжительных в Иркутске с 8 октября до 19 декабря 1791 г. и в Тобольске с 20 декабря 1790 г. до 30 июля 1791 г.) ушло около 6 месяцев. Обратный путь, также с многочисленными остановками, занял около пяти в половиной месяцев (отъезд из Илимска 4 февраля, прибытие в с. Немцово 16 июля 1797 г.).

Состояние здоровья Радищева также ни в малейшей мере не объясняет продолжительной (около 10 месяцев) задержки в Тобольске и Иркутске. Освобожденный из крепости, измученный и истерзанный до последней степени, после томительного ожидания казни, Радищев, как только был усажен в оковах в кибитку, почувствовал огромный прилив жизненных сил. Его энергия, пытливость, работоспособность, страсть к физическим опытам и метеорологическим измерениям, а главное, потрясающая сила и энергия мысли в пути — общеизвестны. «Разум мой старался упражняться то чтением, то примечаниями и наблюдениями естественности», писал Радищев А. Р. Воронцову 22 ноября 1790 г.[1] Мысль Радищева работала неустанно, и если судить по весьма скупым, лапидарным записям в «Записках путешествия в Сибирь» и по дошедшей до нас переписке той поры (чрезвычайно сдержанной, по вполне понятным условиям отправления в ссылку «государственного преступника»), нетрудно убедиться, что мысль Радищева не уклонялась от раз и навсегда выбранного направления.

Сообщение о вторичной каре, якобы постигшей Радищева за новое сочинение, написанное им в Сибири и в каком-то отношении повторяющее идеи «Путешествия», помещено было также в уже упоминавшейся книге Гельбига 1809 г. Эта

---

[1] Архив кн. Воронцова. Кн. XII, стр. 427—428.

книга, как известно, состоит из 110 очерков, посвященных, в весьма причудливом сочетании, русским «избранникам и случайным людям» XVIII в. (а в ряде случаев и иностранцам, подвизавшимся в России). Один из очерков специально посвящен Радищеву, и в нем, наряду с прочими сообщениями, мы найдем и такое: «Несчастный Радищев, хотя и в Сибири, но был весьма легко арестован... Радищев... снова приготовил сочинение, подобное первому, и тотчас отправил рукопись, но мы не знаем куда... Его перевезли на несколько сот верст далее в более суровую тюрьму...».

Заметим, кстати, что именно Гельбигу принадлежит интригующее известие, до сих пор, к сожалению, не подтвержденное, хотя и более чем вероятное. Он сообщает, что «...некоторые экземпляры («Путешествия») перешли даже за границу. «Оракул в Эндоре» („Das Orakel zu Endor") заключает много мест, которые суть извлечения из этой книги...» [1]

Мы не склонны ни преувеличивать по меньшей мере сомнительные достоинства книги Гельбига, ни преуменьшать ее недостатки, особенно чрезвычайное пристрастие автора к скандально-альковной хронике Екатерины II, но отказать Гельбигу в осведомленности нельзя. Можно думать, что именно эта слишком большая и опасная осведомленность и была действительной причиной ненависти к Гельбигу Екатерины, которая в письме к Гримму [2] жаловалась на Гельбига («Негодяй слишком дерзок»). Ей пришлось «раз двадцать» обращаться к Саксонскому двору, пока наконец, «негодяй» (секретарь Саксонского посольства в Петербурге с 1787 г. — Георг фон Гельбиг) был отозван. Много лет живший в России, Гельбиг по своему положению, связям, энергии в собирании материалов, личным беседам со многими русскими людьми из различных общественных слоев, имел полную возможность пользоваться и недоступными для других источниками, и, в действительности, знал многое.

Если автором статьи в «Минерве» был действительно Гельбиг (а такое предположение естественно и очень правдоподобно), то версия о вторичном осуждении Радищева полу-

---

[1] Цитируем по первому русскому переводу из книги Гельбига, кн. Н. Голицына — «Современные известия о Радищеве» («Библиогр. записки», М., 1858, № 23, стр. 732). О Гельбиге см. также в «Русск. старине» (1887, октябрь, стр. 1—30) и в «Русск. архиве» (1885, стр. 414 и сл. 443—444); полный текст русск. перевода очерка о Радищеве см. в издании: Г. Ф. Гельбиг. Русские избранники. Перев. и прим. В. А. Бильбасова, Берлин, 1900, стр. 489—493.

[2] Архив кн. Воронцова. Т. XXVI, стр. 423, Сб. ИРИО, т. XXIII, стр. 651, 674.

чает, по крайней мере, значение проблемы, над которой стоит серьезно подумать.

В Сибири Радищевым бесспорно были написаны: «Записки путешествия в Сибирь», стихотворение «Почто мой друг» (мы его относим, исходя из содержания, к сентябрю — октябрю 1790 г., т. е. к самому началу пути в Сибирь), «Ты хочешь знать» (Тобольск, январь—июль 1791 г.); возможно, что тогда же и там же написано «Описание Тобольского наместничества», впервые опубликованное лишь в 1947 году.[1] «Письмо о Китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и «Ангел тьмы (2 отрывка) написаны уже в Илимске, если не считать первоначального варианта «Письма о Китайском торге», содержащегося в одном из писем Радищева Воронцову 1791 г. Хотя каждое из этих произведений, включая и написанные в пути, бесспорно таит в себе ярко выраженную мысль автора «Путешествий», — у нас нет оснований признать какое-либо из них непосредственной причиной вторичной кары Радищеву. Большой трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», начат, по свидетельству самого Радищева, в Илимске, 15 января 1792 г.

Как мог задержаться Радищев в Тобольске на 7 месяцев и 10 дней, а в Иркутске на 2 месяца и 10 дней? Сопоставим некоторые факты: на всем своем пути, в особенности в Тобольске, Томске и в Иркутске, Радищев встречал самое радушное и предупредительное отношение со стороны местных властей, не говоря уже о прямо восторженном отношении со стороны самых разнообразных групп населения, с которыми ему приходилось встречаться. Предупредительность высшей администрации нельзя приписать только могучей поддержке А. Р. Воронцова, хотя, конечно, значение последней недооценивать также нельзя. Ведь кроме настойчиво рекомендательных писем Воронцова на всем протяжении пути Радищева, предварявших и обгонявших ссыльного писателя, — Радищева в пути опережали и рапорты губернаторов и наместников, т. е. та своеобразная генеральская эстафета, которая еще до прибытия Радищева оповещала высшее начальство о предстоящем проследовании важного государственного преступника.

Радищев в Сибири занимался, и очень усиленно, наряду с многими другими экономическими проблемами большого значения, также вопросом о возобновлении торговли с Китаем, об открытии морского пути через льды Северного океана. Эта последняя проблема вызывала у Радищева такой ин-

---

[1] «Советская Этнография», 1947, вып. VI—VII, стр. 224—231.

терес, что в письме от 24 июля 1791 г.[1] из Тобольска он писал «...Я охотно вызвался бы найти этот проход, несмотря на все затруднения, обычные в такого рода предприятиях...».[2]

В октябре — ноябре 1791 г. Радищев встречается в Иркутске с «Колумбом Российским» — Г. И. Шелеховым.[3]

В письме русского посла в Англии гр. С. Р. Воронцова от 13 (24) января 1792 г. из Лондона к своему брату — А. Р. Воронцову мы находим очень интересное указание: С. Р. Воронцов, прекрасно информированный братом о судьбе Радищева и неизменно выражавший в сохранившейся переписке сочувствие Радищеву и возмущение расправой с ним, пишет брату, в связи с намечавшейся отправкой русской миссии в Китай: «Мне кажется, что было-бы прекрасным случаем снять опалу (faire finire la disgrâce) с несчастного Радищева и прикомандировать его к этой миссии, как человека, в совершенстве разбирающегося во всем, что касается коммерции».[4] Нужно полагать, что именно это письмо послужило поводом для необоснованного, правда, сообщения Д. Рябинина[5] о «проекте» гр. А. Р. Воронцова включить Радищева в состав намечавшейся миссии в Китай.

Во всяком случае, мы можем отметить, что в интимной переписке двух крупнейших русских сановников ставился вопрос об изменении участи Радищева и сама эта участь не рассматривалась ими как нечто, завершенное судебным приговором, а как какое-то временное состояние опалы, допускающее какие-то, очевидно, реальные возможности изменения, как нечто такое, что в то время еще обсуждалось.

Слухи о каком-то негласном («тайном», по формулировке Бернгарди) приказе о смягчении участи Радищева несомненно ходили и отражались в показаниях современников. Так, И. В. Лопухин в письме к А. М. Кутузову в Берлин от 7 и 31 октября 1790 г.[6] повторяет это сообщение. Брат Радищева Моисей Николаевич, в письме из Архангельска А. Р. Воронцову от 17 мая 1791 г. запрашивает адресата об основательности этого слуха и добавляет, что «милость» эта исхода-

---

[1] Сохраняем обычную датировку: в «Избранных сочинениях» Радищева (ГИХЛ, 1949, стр. 555) письмо напечатано с измененной датой: июнь вм. июль; между тем, дата 24 июля является правильной: достаточно обратиться к «Запискам путешествия в Сибирь», записи от 30 июля, 9 августа и 12 сентября и письма от 23 августа и от 14 октября.

[2] Архив кн. Воронцова. Кн. V, стр. 320—321.

[3] С. Марков. Радищев и мореходы Тихого океана. «Омская область», Омск, 1940, № 4, стр. 61—62.

[4] Архив кн. Воронцова. Кн. 9—10, стр. 271.

[5] «Русский архив», 1879, кн. 1, стр. 499—500.

[6] Я. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. 1790—1792 гг., П., 1915, стр. 15—16, 19.

тайствована будто бы Потемкиным.[1] Отец Радищева в письме от 9 марта 1791 г.[2] советуется с А. Р. Воронцовым, не следует ли ему обратиться по этому вопросу к «его светлости» Потемкину.

Если мы вдумаемся в настроения, образ жизни и круг интересов Радищева в Тобольске, Томске и Иркутске, если мы вникнем в немногие дошедшие до нас письма его этого периода, то нам довольно явственно представится, что Радищев довольно прочно оседал в этих краях и вовсе не помышлял о конечной цели своего невольного путешествия за 6781 версту от Петербурга, в Илимск.

Следовательно, получает некоторое правдоподобие версия автора статьи в «Минерве» о каких-то колебаниях Екатерины по поводу поселения Радищева, о «тайном приказе» не довозить его до Илимска и ограничиться его пребыванием в достаточной отдаленности от столиц. Отсюда приобретает известную вероятность также и версия о некоей новой рукописи «опального» писателя, положившей конец колебаниям Екатерины и послужившей причиной приказа везти Радищева дальше, в Илимск. Нет никаких оснований считать этой причиной смерть Потемкина (5 октября 1791 г.), но отголоски какой-то, очевидно происшедшей внезапно и крайне неблагоприятной для Радищева перемены можно найти в некоторых документах того времени.

Радищев прибыл в Тобольск 20 декабря 1790 г., но только 26 июля 1791 г. Тобольское наместническое правление шлет очередную эстафету Иркутскому наместническому правлению об отправке «арестанта» Радищева дальше, в Иркутск.[3] И как раз с этого, примерно, времени начинаются настойчивые предложения Воронцова Радищеву скорее ехать дальше.[4] Именно ответом на эти предложения явилось письмо Е. В. Рубановской, добровольно последовавшей за Радищевым с его младшими детьми и присоединившейся к нему в Тобольске 2 марта 1791 г.: «Нет ни такой опасности, ни такого положения, которые я не хотела бы разделить с ним...».

Пусть версия о вторичном осуждении Радищева недостаточно аргументирована — по отсутствию дошедших до нас документальных данных, мы пока не можем считать ее историческим фактом, пусть сообщение в «Минерве» основано только на молве, на слухах. Для нас чрезвычайно важно выявить отношения к Радищеву современников, установить, в каком направлении шли разговоры и слухи о нем. И если

---

[1] Архив кн. Воронцова. Кн. V, стр. 401.
[2] Там же.
[3] «Русская старина», 1872, т. VI, стр. 436—438.
[4] Архив кн. Воронцова. Кн. V, стр. 315—316, 333—334.

молва — пусть только молва — рисует Радищева и после смертного приговора за «Путешествие» продолжающим дело и мысли этой книги, если в таком виде образ Радищева переносится за рубежи нашего отечества, — для нас и это весьма показательно.

3. К истории основания Радищевского музея в Саратове

В 1944 г. пишущий эти строки получил предложение редакции газеты «Сталинское знамя» в Пензе осветить вопрос о месте рождения Радищева. Интерес, проявленный пензенцами к этому вопросу, совершенно понятен. Родовое гнездо Радищевых в селе Верхнее Аблязово (Преображенское), быв. Кузнецкого уезда, Саратовской губернии вошло по нынешнему территориальному делению в состав Кузнецкого района Пензенской области. В селе Аблязово находится колхоз «Родина Радищева», а в 1945 г. был организован и существует доныне музей его имени. Пензенцев, понятно, смущало бытующее в нашей литературе указание, исходящее от сыновей-биографов Радищева, Николая и Павла, о том, что А. Н. Радищев родился в г. Москве. Ответить пензенцам было нетрудно, так как по ряду соображений местом рождения А. Н. Радищева следует считать село В. Аблязово.[1] Подтверждением правильности этого утверждения могут послужить и хранящиеся в рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде «Записки моряка-художника» — А. П. Боголюбова.

Несколько слов об авторе «Записок». Офицер морского флота, художник-маринист А. П. Боголюбов родился 16 марта 1824 г. и умер в Париже 26 октября 1896 г. С молодых лет и до самой смерти Боголюбов был очень близок к царской семье и весьма широко пользовался ее «милостями». «Записки» в рукописи были завещаны автором Публичной библиотеке с условием издать их через 22 года после его смерти, для чего им был специально завещан капитал в 2 000 рублей.[2] Боголюбов по матери приходился внуком А. Н. Радищеву. Мать Боголюбова, Фекла Александровна, была дочерью Радищева от второго брака с Е. В. Рубановской.

А. П. Боголюбов основал Радищевский музей (Публичный музей русского искусства) в Саратове. Движимый честолюби-

---

[1] См. статью «Где родился А. Н. Радищев» (газ. «Сталинское знамя», 1944, 2 сентября) и книгу А. Храбровицкого «Русские писатели в Пензенской области», под ред. и с предисловием Д. Благого (Пенза, 1946, стр. 7—12 и 119).

[2] См. А. Новицкий. Памяти А. П. Боголюбова. «Русский архив», 1897, кн. 1, № 3, стр. 373—395.

вым желанием войти в историю путем основания Радищевского музея, он воспользовался своим положением: придворный художник, гид и советник «высочайших особ» при их посещении Парижа, Боголюбов мог добиться выполнения своего замысла.

История организации музея неоднократно освещалась на страницах печати. «Записки» Боголюбова были опубликованы еще при его жизни, но в весьма кратких извлечениях, сделанных без сомнения самим автором. Полностью же «Записки» (и, в частности, материалы о Радищеве) не только не были напечатаны, но, насколько известно, и не вошли в научный обиход. Эти материалы представляют несомненный интерес для биографии Радищева.

«Записки» изложены в шести тетрадях, написанных весьма неразборчиво, с многократными повторениями. Местами текст иллюстрирован самим автором-художником; сюда включен также печатный текст прижизненной публикации отрывков «Записок» в «Русской старине».[1]

Боголюбов начал вести свои «Записки», судя по отметке в начале первой тетради, 25 декабря 1881 г. в Париже. Тексту предпослан эпиграф:

«Не торговал мой дед блинами,
В князья не прыгал из хохлов,
Не пел на клиросе с дьячками,
Не ваксил царских сапогов,
И не был беглым он солдатом... и пр. (Пушкин)».

Далее эпиграф непосредственно переходит в текст: «а был Александр Николаевич Радищев, что дает мне право считать свое происхождение не холопским. Дочь его Фекла Александровна Радищева вышла замуж за моего отца,[2] прямо из Смольного монастыря, куда была по сиротству отдана на воспитание вместе с старшей сестрой Анною; сын-же, младший из них, Афанасий Александрович поступил во 2-й Корпус, где и окончил воспитание в 1816 году...».

О своей матери, «женщине умной и верующей», автор «Записок» сохранил самые теплые воспоминания... «и если во мне есть что порядочного и доброго, то все это вскормлено ее чутким умом и высокой нравственностью. Ей мы обязаны были первыми нашими знаниями... будучи воспитанницей 6 выпуска Смольного монастыря... она получила воспитание вполне достаточное, хотя не обширное...». После выпуска Фекла

---

[1] «Русская старина», 1888, ноябрь, стр. 371—392.

[2] В 1820 г. См. А. Н. Пыпин. Открытие радищевского музея, основанн. А. П. Боголюбовым в Саратове. «Вестник Европы», 1885, август, стр. 836—844.

Александровна Радищева была оставлена классной дамой там же и подружилась со старой француженкой, с которой вместе зачитывалась «Дидеротом и Вольтером». По словам Боголюбова, его мать придерживалась либеральных взглядов, была «достойной дочерью Александра Николаевича Радищева и ежели воспитала нас по главе «Крестецький помещик» «Путешествия из Петербурга в Москву», то глава эта была прирождена ей отцом, дабы воспитать своих детей по системе ее родителя, а потому рекомендую каждому, до кого дойдет мое слово и кто любит детей своих, затрудняясь их воспитанием, обратиться к этому радищевскому евангелию...».

Живя постоянно в Париже, Боголюбов задумал основать музей — «в память моего деда А. Н. Радищева, и под той же крышей Боголюбовскую школу...» С этой целью он посетил Саратов. «Это мой родной город, — тут в Кузнецком уезде родина моего деда[1] А. Н. Радищева...».

Боголюбов описывает далее посещение родового гнезда, с. Аблязова, где он застал еще в живых своего дядю Афанасия Александровича Радищева: «поехал я осматривать старый радищевский дом... Тут-то родился А. Н. Радищев и тут проживала его семья».

По ряду причин, а, главным образом, в связи с реализацией мысли об основании в Саратове радищевского музея, Боголюбов еще несколько раз посетил Аблязово и Саратов. «Бывал я после еще раза 2 в Аблязове. Это громадное село в 7 тысяч душ, принадлежавших Радищеву.[2] Теперь мне и брату досталось 700 десятин, которые мы по условию с покойной теткой отдали в земство, чтобы в барском доме была школа имени Радищева, но это не тот дом, о котором я говорил выше...».

Из дальнейших описаний можно понять, что старый дом при хозяйничании кого-то из Радищевых и земства был «разобран... на печи». Новый дом также перешел какому-то кулаку. «Очень жаль, — замечает автор «Записок», — жалели с братом, что не могли его купить. Старая тетка тоже не подумала об этом».

Вскоре Боголюбов еще раз посетил Саратов. Это дало автору «Записок» новый повод вспомнить о музее: «По роду я саратовец, ибо эта губерния дала России Радищева. Он был отцом моей матери. Наше имение в Кузнецком уезде, откуда приехала меня навестить жена моего дяди Афанасия Александровича Радищева одна, ибо старик был болен». Дальнейший текст раскрывает подлинные мотивы замысла Бого-

---

[1] Разрядка наша. — *И. С.*

[2] Отцу А. Н. Радищева — Николаю Афанасьевичу.

любова. «Не думал я тогда, что после сделаюсь почетным гражданином этого города и что свяжу навеки Радищевское имя со своим, устроив здесь музей и школу рисования. Тогда я был молод и только женился, и конечно не умри у меня жена и сын, я никогда не был бы вправе отдать все мое имущество Саратову в угоду своего самолюбия и человеческой гордости оставить по себе память, возвышая втоптанное в грязь имя моего деда; а с другой стороны я ведь думал, что каждый гражданин в моих условиях обязан все свое имущество отдать родине...».

При следующем посещении Саратова Боголюбовым было принято окончательное решение «...засел в башке моей гвоздь создания радищевского музея...».

Официальный русский представитель в жюри Международных Парижских выставок Боголюбов почти безвыездно жил в Париже, где у него был «салон» с «приемными днями».

В числе гостей на «вторниках» в его «салоне» можно было встретить и слишком хорошо известного К. П. Победоносцева, одного из самых отвратительных и самых реакционных столпов царского самодержавия. С ним Боголюбов поделился прежде всего своими планами об организации музея. «...мысль эта давно у меня зародилась, да кроме того мне ведь хотелось увековечить имя моего знаменитого деда, многострадального Александра Николаевича Радищева, саратовского дворянина и уроженца...».

Победоносцев посоветовал поговорить с наследником, «ибо, — как передает Боголюбов слова Победоносцева, — в царствование императора Николая первого Радищев все еще считался революционером, хотя и был прощен с возвращением ему всех служебных чинов и прав, но не знаю, как на это посмотрит нынешнее правительство... не будь у Вас Радищевского вопроса, конечно, его-бы решили сейчас же...».

Далее Боголюбов описывает длительную волокиту, затеянную Саратовской городской думой вокруг сделанного Боголюбовым предложения об основании музея. Выведенный из терпения, Боголюбов подумал было избрать для музея соседний город Пензу, «где А. Н. Радищев был также землевладельцем...»[1] После ультиматума Боголюбова Саратовская дума наконец сдалась, «изъявила согласие» и направила в Москву депутацию для осмотра художественных сокровищ Боголюбова, приносимых им в дар будущему музею.

В «Записках» Боголюбов с гордостью упоминает о частых

---

[1] А. Н. Радищев лично не был землевладельцем ни в Саратовской, ни в Пензенск. губ., ни где бы то ни было. Радищев никогда не был помещиком, не имел земли и крепостных. Все, о чем упоминает Боголюбов, принадлежало отцу Радищева — Николаю Афанасьевичу.

посещениях его «салона» И. С. Тургеневым с П. Виардо и о мастерском чтении Тургеневым в «салоне» своих произведений.[1]

По возвращении после своей саратовской поездки в Париж, Боголюбов рассказал обо всех перипетиях Тургеневу, «которому мое дело было частью знакомо, ибо он мне составил мой ультиматум. Он очень был доволен, сказав: Я говорил Вам, что Ваши саратовцы навели меня вспомнить басню Крылова: «Петух и жемчужное зерно». Ведь город Ваш — город разбогатевших тузов, а поэтому нельзя было ждать, чтоб они отступились от своих интересов. Саратов всегда был городом передовым, а потому передового человека он должен возвеличить в лице Вашего деда Радищева, который всегда будет для них в России первым поборником освобождения крестьян». Насколько прав был Тургенев в отношении Саратовских думских воротил видно из того, что эти «отцы города», постыдно торгуясь с Боголюбовым, выдвинули, между прочим, и такое требование, как открыть в помещении музея (который полностью должен был построить на свой счет Боголюбов) биржевой зал.[2]

С И. С. Тургеневым Боголюбов, живший постоянно в Париже, как уже было указано, встречался очень часто. Боголюбов пишет, что Тургенев был секретарем «Общества русских художников в Париже», основателем, частым посетителем, неизменным и талантливым («чудным») чтецом своих произведений на вечерах в обществе, «самой крупной единицей» в обществе.

Много внимания уделено Боголюбовым в «Записках» постоянному и дружескому общению Тургенева с русскими художниками в Париже.

Боголюбов вернулся в Москву и при помощи своего приятеля, Московского городского Головы Сергея Михайловича Третьякова, продал свой московский дом для создания материальной базы для постройки здания будущего музея. Затем, пользуясь своей близостью ко двору, Боголюбов решился на разговор с наследником и высказал ему свое намерение назвать музей радищевским: «я сейчас же сказал ему — пишет Боголюбов, — о том, кто он был, как был сослан в Сибирь... как он был умен и образован и какой был великий христианин [?!] несмотря на то, что признан был вольнодумцем Екатериной II».

Однако на этот раз разговор не привел к практическим

---

[1] Ср. М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.—Л., 1934, стр. 253, 264.—И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945, стр. 24.

[2] Н. Гусев. Радищевский музей. «Новь». 1885, т. VI, стр. 631—634.

результатам. Но когда наследник стал императором Александром III Боголюбову удалось получить «высочайшее соизволение» на открытие Радищевского музея.

Для наблюдения за постройкой здания музея Боголюбову пришлось еще не раз съездить в Саратов. Боголюбов посетил и Аблязово и повидал там свою тетку, жену покойного Афанасия Александровича Радищева... «когда-то я бывал в этих палестинах, но они погорели и были заново отстроены еще при жизни дяди... Тетка Камилла Ивановна говорила о своем духовном завещании — построить школу для мальчиков и девочек и назвать ее радищевской, с передачей всей земли земству... но что стало с домом, где жил мой дед Александр Николаевич Радищев! Половина его была разобрана, крыша дырявилась и кирпичи валялись на громадном дворе. Теперь здесь жила племянница дяди, тоже Радищева, но по беспутству совсем прогоревшая. Когда мы ее повидали, то просили: ежели будете продавать этот святой для нас клочок земли, чтоб нам его отдали, но не знаю почему она его продала своему кузену, который продал кулаку из Пензы...».[1]

Возвращение Боголюбова в Париж совпало с его последним посещением умирающего И. С. Тургенева. Прощаясь, Тургенев, по словам Боголюбова, передал ему свой последний завет: «любите-же людей, как я их люблю. Это лучшая отрада в жизни». Через 4 дня Тургенева не стало. Описывая свой визит к Виардо, Боголюбов всячески защищает ее от нападок многочисленных врагов. Боголюбов получил от П. Виардо в дар Радищевскому музею личные вещи Тургенева — плащ, блузу, перья, чернильницу, берет и мантию Кембриджского университета, несколько книг, лично принадлежавших Тургеневу. Виардо обещала, кроме того, собрать и передать музею рукописи Тургенева. С гордостью Боголюбов рассказывает о бюсте Тургенева, работы Антокольского, установленном в «Тургеневском» уголке музея. Цикл «Тургеневских» страниц «Записок» заканчивается следующими словами Боголюбова: «Итак не в Орле хранятся вещественные воспоминания о Тургеневе, а под сенью А. Н. Радищева, которого Иван Сергеевич всегда высоко ценил».[2]

---

[1] Разрядка моя. — *И. С.*

[2] В 5-й тетради «Записок», на внутренней стороне первой крышки переплета помещена вырезка из статьи французской газеты (название газеты, номер и дата, нами, к сожалению, не установлены) под заглавием: «Алексей Боголюбов, член Петербургской Академии художеств» (т. е. академик живописи) за подписью: де Белин. В этой заметке есть и несколько слов о Радищеве: «По материнской линии он [Боголюбов] является внуком Александра Радищева, выдающегося писателя, привер-

Нельзя не отметить, что «Записки моряка-художника» А. П. Боголюбова, опубликованные лишь в самой незначительной своей части, содержат много любопытных сведений. Так, по всем шести тетрадям рукописи рассыпаны упоминания, воспоминания и отдельные очерки о Л. Н. Толстом, Крузенштерне, Клодте, Григоровиче, Ф. Толстом, Басине, Бруни, Брюллове, Уткине, В. Стасове, Боткине, А. Г. Рубинштейне, К. Бернаре, Н. Н. Ге, Марии Башкирцевой и др., не говоря уже о И. С. Тургеневе. Один из приездов Боголюбова в Москву по делам музея совпал с открытием памятника Пушкину работы Опекушина.

Автор «Записок» не мог себе отказать в лишнем проявлении верноподданического усердия и включил в «Записки» оттиск из «Правительственного вестника» за 1895 г. (№ 158—159) со своей статьей «О в бозе почившем императоре Александре III (Воспоминания профессора живописи А. П. Боголюбова»). В статье сообщается поразительный на наш взгляд факт: в ответ на верноподданническую телеграмму присутствовавших на торжестве открытия музея 29 июня 1885 г. Александр III телеграфировал: «Благодарю сердечно за телеграмму и радуюсь освящению Радищевского музея, которому от души желаю успеха и процветания на пользу художества и искусства в России».

Так произошла невероятная казалось бы в самодержавной России история. Царь Александр III дает «высочайшее соизволение» на открытие музея, носящего запретное имя великого русского революционера! И все это происходило в то время, когда не только творения Радищева, а тем более его «Путешествие», но и самое имя «опасного бунтаря», было, повторяем, под запретом. Незадолго перед тем, постановлением Комитета министров от 22 мая 1873 г. было уничтожено в типографии издание сочинений Радищева, редактированное П. А. Ефремовым, как «памфлет политического характера, порицающий монархический принцип и подрывающий воинскую дисциплину». Имелось в виду, конечно, «Путешествие».

Потрясающее невежество «августейших особ» и их ближайшего окружения, не имевших, нужно полагать, ни малейшего представления о Радищеве и его книге помогли открытию музея.

Наконец, могло сыграть здесь роль и желание посмертно «приручить» Радищева, отнять его у революции, представить его «верноподданным», мечты которого будто бы воплотил в жизнь Александр II — «царь-освободитель».

женность которого к делу освобождения русских крестьян сделала его столь известным во время царствования имп. Екатерины II, что это стоило ему даже ссылки в Сибирь. . .».

Что касается самого Боголюбова, то из приведенных беглых замечаний и цитат из его «Записок» достаточно ясно различается неизмеримая пропасть, отделявшая его от Радищева.

После открытия музея Боголюбов с братом (Н. П. Боголюбовым — соучредителем музея) подарили музею экземпляр редчайшего первого издания «Путешествия» Радищева 1790 г.[1] На обложке надпись: «Братья Боголюбовы, принося этот экземпляр сочинения Александра Николаевича Радищева музею его имени в гор. Саратове, просят Управление музея хранить его, как дорогую библиографическую редкость и не выдавать для чтения. 26 июля 1887 г. Николай Боголюбов. Алексей Боголюбов». Листы книги от стр. 349 и по 369 тщательно прошиты двойным шнуром и запечатаны. Словно опасаясь, что надпись окажется недостаточной, Боголюбовы на стр. 349 книги, т. е. там, где начинается прошивка двойным шнуром, помещают еще одну грозную надпись: «Печать должна быть неприкосновенной. Н. Боголюбов. А. Боголюбов. 1887 г. 27 июля». Наконец, на стр. 369, там, где заканчивается шнуровая темница книги, третья надпись: «Печать и шнур остаются неприкосновенными. А. Боголюбов. Н. Боголюбов».

«Те, кто создавали музей, — меланхолически замечает автор заметки в «Утре России», — были далеки от идеи Радищева». Нетрудно догадаться, что в этой варварской операции с книгой Радищева его внуки Боголюбовы стремились во всяком случае скрыть от человеческих взоров главу «Тверь» в «Путешествии» с одой «Вольность» (стр. 350—369 1-го издания 1790 г.), о которой Екатерина II в известных замечаниях на «Путешествие» отозвалось очень решительно, назвав оду «совершенно явно и ясно бунтовской, где царям грозится плахою... сии страницы суть криминального намерения совершенно бунтовские...».

В заключение следовало бы вернуться к уже упомянутой выше статье А. Новицкого в «Русском архиве» 1897 г., собственно не к автору статьи, а к примечаниям к статье П. Б., т. е. редактора «Русского архива» П. И. Бартенева. В первом примечании Бартенев изрекает: «читатель с прискорбием вспомнит, что сочинитель этих строк[2] был проклят отцом своим и кончил самоубийством...». Вторым примечанием П. Б. как бы завершает статью: «...В честь А. Боголюбова следовало бы переименовать устроенный им в Саратове прекрасный

---

[1] Экземпляр этот был описан в статье «Радищевский музей в Саратове». («Утро России», 1916, № 251, 8 IX).

[2] Т. е. А. Н. Радищев.

музей... в боголюбовский... тем более, что сам он[1] образом мыслей и деятельностью вовсе не походил на своего деда, плачевной памяти...».

Несмотря на неприглядность политического облика «моряка-художника», его «Записки» могут представить интерес для исследователей Радищева как некоторыми биографическими подробностями (среди них — подтверждающие правильность версии о рождении А. Н. Радищева в с. В. Аблязово), так и устанавливаемым «Записками» фактом интереса и уважения И. С. Тургенева к памяти Радищева.[2]

---

[1] Т. е. А. П. Боголюбов.

[2] Отметим, кстати, что выпущенная издательством «Искусство» в массовой серии монография Г. Кожевникова «Алексей Петрович Боголюбов 1824—1896» М.—Л. 1949 вызывает решительные возражения. Автор, очевидно знакомый с «Записками моряка-художника» (он на них ссылается на стр. 4 и др.), упорно замалчивает реакционные общественно-политические взгляды Боголюбова и слишком часто впадает в апологетический тон.

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ

В этом отделе объединены мелкие заметки о Радищеве преимущественно текстологического, биографического и библиографического содержания. Они представляют собою примечания и пояснения к отдельным местам сочинений Радищева, новые данные к его биографии, извлеченные из архивных документов или забытых печатных источников, наконец, заметки к истории изучения его личности и творческого наследия. Большинство этих заметок имеет частный характер, однако каждая из них может оказаться полезной при дальнейших разысканиях в этой области, сможет содействовать исправлению неясностей или ошибок в существующих изданиях сочинений Радищева и в литературе о нем, только в наши дни получающей широкий исследовательский размах.

К ТЕКСТУ «ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ»

«Записки путешествия в Сибирь» (т. е. путевой дневник 1790—1791 гг., веденный Радищевым при проезде его на место ссылки) известны в печати с 1906 г., когда они были опубликованы впервые по неполной и очень неисправной копии, сохранившейся в Государственном Историческом музее в Москве;[1] о судьбе автографической рукописи «Записок» в литературе о Радищеве не сообщается никаких сведений. Первый издатель «Записок», В. В. Каллаш, не мог не обратить внимания читателей на испорченность многих мест текста публикуемой им рукописи и замечал по этому поводу: «Судя по искажению и пропуску отдельных слов, она списана с подлинника Радищева лицом, не особенно осведомленным (по всей вероятности, писарем). Местами попадаются исправления, очень поздней руки».[2] Тем не менее «Записки» напечатаны В. В. Каллашом «с сохранением всех их особенностей»; текст сопровождают лишь несколько вопросительных знаков издателя и в сносках — небольшое количество пояснений, преимущественно текстологического характера. В 1907 г., переиздавая «Записки» без изменений во втором томе собрания сочинений Радищева,[3] В. В. Каллаш вновь отметил, что «ввиду крайней неисправности копии рискованно было бы вносить в нее какие бы то ни было перемены»; так же полагали, повидимому, и другие ран-

---

[1] Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук, 1906, т. XI, кн. 4, стр. 379—399.

[2] Там же, стр. 379—380.

[3] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Ред., вступ. статья и примечания В. В. Каллаша, т. II, М., 1907, предисловие. — В этом издании, впрочем, не мало опечаток, следовательно текст еще более неисправен, чем первопечатный, а примечания к нему сильно сокращены.

ние издатели сочинений Радищева, перепечатавшие текст «Записок» по публикациям В. В. Каллаша.[1]

С таким решением трудно согласиться: оставлять в тексте явные описки, исковерканные слова и поправимые искажения не было никакой нужды; критика и восстановление испорченного текста необходимы и должны предшествовать пользованию «Записками», как немаловажным источником для изучения истории жизни и творчества Радищева. П. С. Богословский, думается нам, поступил правильно, когда он, воспроизводя в 1924 г. небольшую часть «Записок», относящуюся к Пермскому краю[2] внес ряд поправок в те места текста, которые заключали в себе явные ошибки писца; исправления коснулись прежде всего искаженных географических имен. Так, если в обоих изданиях Каллаша стояло: «Выехали из Перми до Каянова или Тасасики», то Богословский печатал: «...до Каянова или Тасимки»; если у Каллаша было напечатано: «До Черемы 23 [версты]. До Лылаева 22», то Богословский исправлял Лылаево на Пылаево и отмечал тут же, по поводу этих названий: теперь деревни Черемыш и Пылаево».[3]

Нет сомнения, что поправки подобного рода приближают нас к отсутствующей подлинной рукописи Радищева, а не отдаляют от нее; делаемые исправления относятся лишь к плохой, неточной копии рукописи, которой мы, к сожалению, принуждены пользоваться только за неимением другой. Если дело идет о географических именах, то нужно иметь в виду, что справки в географических атласах XVIII в., в дорожниках, списках населенных мест и тому подобных источниках могут дать в общем надежный материал для исправления испорченного текста Радищева, тем более, что он сам почти везде точно определял местоположение пунктов, мимо которых проезжал; однако, нельзя забывать, что 1) описки в названиях местностей, тем более при записи их со слуха, — а такие случаи у Радищева возможны, — могли быть и в его подлинной рукописи, и 2) что в названиях местностей с течением времени могли происходить некоторые, не всегда значительные, звуковые перемены, в особенности, если менялся национальный состав жившего в этих местностях населения, а тем самым и его язык. Поэтому в указанных выше поправках изменение испорченного названия «Тасасики» на «Тасимки» или «Лылаево» на «Пылаево» не может вызвать возражения, так как в данных случаях ошибка явно возникла из графических особенностей рукописи Радищева, неверно прочтенной или воспроизведенной копировщиком; изменение же Черемы на Черемыш, с нашей точки зрения, не является обязательным, тем более, что на этот раз констатируется несовпадение ныне существующего названия с тем, какое записано Радищевым: чтобы быть уверенным, что мы и в данном случае имеем дело с опиской копировщика или даже самого Радищева («до Черемы...» вм. «до Черемыша») следует удостовериться в том, что эта деревня и в 1790 г. именовалась Черемыш, а не Черема.

Недавно появился новый текст «Записок» и «Дневника» Радищева, исправленный П. П. Померанцевым на основе «географического атласа

---

[1] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., под ред. А. А. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, т. II, СПб., (1908), стр. 354—365.

[2] П. С. Богословский, Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. Пермский краеведческий сборник, вып. 1, Пермь, 1924, стр. 22; в приложении к этой статье напечатаны извлечения из «Записок путешествия в Сибирь» и «Дневника путешествия из Сибири».

[3] В. В. Каллаш, ук. соч., стр. 384, 389; в Полном собр. соч. А. Н. Радищева. Ред., вступ. статья и примечания В. В. Каллаша, т. II, стр. 27, 33. — П. Богословский, ук. соч., стр. 23, 25.

восемнадцатого века».[1] «В настоящем издании, — говорит сам автор этой редакционный работы, — многочисленные ошибки и искажения писарской копии, делавшие невозможным прочтение этих важнейших радищевских сочинений т. е. «Записок» и «Дневника» исправлены» и далее: «Теперь, после опубликования в настоящем издании впервые проверенного и отредактированного текста этих двух работ... появилась возможность для всестороннего изучения его [Радищева] наследия и в том числе с географической стороны».[2] Нет сомнения в том, что П. П. Померанцев проделал большую и трудоемкую работу, заслуживающую всяческого уважения и благодарности. Текст «Записок» и «Дневника» Радищева после исправлений Померанцева стал гораздо более ясным и понятным. Тем не менее, не отрицая значительности полученных П. П. Померанцевым результатов, следует, к сожалению, констатировать, что текст радищевских «Записок» все еще далек от окончательной чистоты и исправности, и что он, попрежнему, вызывает ряд недоумений, в том числе даже и в отношении географических имен. П. П. Померанцев не воспользовался, например, несколькими поправками П. С. Богословского и не внес их в редактированный им текст. В «Избранных сочинениях» 1949 г. вместо Тасимки попрежнему стоят Тасасики (стр. 708), а вместо Пылаева — Лылаева (стр. 709). Некоторые исправления, — нигде особенно не оговоренные, — вызывают сомнения. Мы можем согласиться с тем, что к тексту, дважды напечатанному Каллашом в таком виде:
«...по ней ходят суда от Гладова и жецже (sic!) с хлебом в Астрахань», Померанцев дал остороумную конъектуру:

«...по ней ходят суда от Глазова и ниже», и т. д. (стр. 706); однако, у нас меньше уверенности в том, что печатавшаяся Каллашом явно испорченная фраза: «Какси. Вожентем Какли 28 вер. недоезжая одной деревни 5 верст реку Вале переезжали» (стр. 382, 25) исправлена верно: «Какси, тож Муки-Какси» (стр. 706), потому что не вполне ясно представляем себе возможные графические основы подобной описки; еще дальше от первопечатного текста отходит такое наименование, как «Селта, или Кожиль-Селты» (стр. 706) вместо напечатанного у Каллаша: «Сельта или Култемстяны». Не подменяется ли кое-где в исправленном тексте старое местное название радищевских времен более новым? Сомнения такого рода возникают потому, что и в новом, проверенном и отредактированном тексте остался ряд мест, требующих дальнейших поправок.

Сопоставим для примера следующий отрывок «Записок» в первоначальном и исправленном текстах:

Изд. Каллаша, 1906 г., стр. 384; 1907 г., стр. 27	«Избр. соч., 1949 г., стр. 707.»
В Чепьце начевали, последняя вотская деревня, рекруты, в вятку ставят даявки, стояние дорого от 40 до 90 р. в Персии [?] стоит очень мало.	В Чепьце ночевали; последняя вотская деревня, рекрутов в Вятку ставят для явки, стояние дорого, от 40 до 90 р., в персии стоит очень мало.

Нельзя не признать, что и после исправления испорченный текст нисколько не прояснился для читателя, а может быть, даже затемнился еще более. Изменение падежа выделенного в запятых слова «рекруты» (в именит. падеже) на «рекрутов» (в родит. падеже) и придание фразе вместе с изменением пунктуации иной синтаксической конструкции только

[1] А. Н. Радищев. Избр. соч., ГИХЛ, М. — Л., 1949, стр. LIX.
[2] Там же, стр. 825.

затрудняет дело, также как и произвольная, думается, перемена испорченного «даявки» на «для явки». Ведь речь идет здесь, вероятно, о платной «стоянке» рекрутов до их явки на явочный пункт, т. е. скорее всего о сокрытии их в потаенном месте, каким и могла быть «последняя вотская [вотяцкая] деревня» Чепцы. Может быть, и слова «в вятку» означают не географические наименование, печатаемое в исправленном тексте 1949 г. с заглавной буквы, а просто «за взятку»? В противном случае остается совершенно непонятным, зачем в маленькой глухой деревеньке редко населенного края за столь дорогую плату ставят постояльцев для их явки в город Вятку в качестве рекрутов! В последней фразе цитируемого отрывка, по непонятным для нас основаниям, в исправленном тексте загадочные слова «в Персии», против которых в издании Каллаша поставлен вопросительный знак, печатаются без вопроса и со строчной буквы. Не легче ли было бы предположить, что речь здесь идет не о Персии, а о Перми? Радищев, повидимому, сопоставляет здесь стоимость «сокрытия» рекрутов от явки при наборе в двух местностях, мимо которых он проезжал.

Крайняя сжатость дорожных записей Радищева требует их возможной расшифровки на основании разнообразных данных, которые можно извлечь и из его писем и из многих других источников. В качестве примера сошлемся на очень интересную и содержательную, но полузагадочную запись Радищева о его пребывании в Тобольске. В «Избр. сочинениях» (стр. 712) читаем: «положение, типография, кожевни, кирпичные заводы, водоходство и ловли, базар тюльпа и гулянье под чувашами...» В. Каллаш в первой публикации «Записок» (стр. 391) после загадочных слов «базар тюльпа» поставил предостерегающее sic, а в изд. 1906 г. знак вопроса (стр. 35), теперь (в изд. 1949 г., стр. 712) уничтоженный; хочется высказать предположение, не написал ли Радищев попросту слово «толпа» (столь естественное в контексте: «базар, толпа и гулянье»)? Для расшифровки дальнейших слов в указанной записи Радищева имеют значение те страницы его биографии, — написанной сыном писателя, П. А. Радищевым, — где говорится о Тобольске: именно отсюда можно получить более или менее полное представление о том, о каком Пушкине говорит А. Н. Радищев («Пушкин ставит свечку...»),[1] что скрывает за собою запись: «Ежемесячное сочинение»[2] и т. д., наконец, что значит поистине загадочная фраза «память о чиче на ре». Между тем, эта фраза без всякого изменения или пояснения перекочевала в «Избр. соч.» 1949 г. (стр. 712) из обоих изданий Каллаша (1906 г., стр. 391, 1907, стр. 35), где она также оставлена была без внимания. Между тем, А. Н. Радищев безусловно имеет в виду тобольского губернатора Д. И. Чичерина (1723—1785), управлявшего этим краем с 1762 по 1780 г., о котором П. А. Радищев пишет: «В Тобольске было тогда еще очень памятно управление губернатора, генерал-поручика Дениса Ивановича Чичерина, человека энергического, любившего порядок, бывшего в большой доверенности у императрицы, которая дала ему почти неограни-

---

[1] П. А. Радищев, А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, т. XVIII, стр. 410—411: «Из ссыльных замечательны были: Михайло Алексеевич Пушкин, сосланный с меньшим своим братом и еще одним товарищем за делание фальшивых ассигнаций» и т. д. «Несомненно, Михаил Пушкин, сосланный в 1772 г. в Сибирь за подделку ассигнаций», замечает В. В. Каллаш в первом изд. «Записок» (стр. 391) и ссылается на «Русск. старину», 1899, (май, стр. 359—364).

[2] Там же, стр. 410. — «В то время в Тобольске издавался сосланным туда Панкратием Сумароковым литературный журнал: Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (6 частей, Тобольск, 1790—1791).

ченные полномочия».[1] Вероятно, об управлении Чичерина краем Радищев слышал не только в Тобольске, но и в других местах; заключаем об этом из косвенных данных, которые можно извлечь, например, из записи Радищева от 15 декабря. В этой записи есть очень интересное место, явно нуждающееся в комментарии: «Между Еланью и Тарасовой находится слобода или село Белюковское, в которой видны развалины деревянной крепости и пустые магазейны. Пугачеву делали отпор. Ирбит за то сделан городом».[2] Дело в том, что по указу Екатерины II (от 3 февраля 1775 г.) Ирбитская слобода была переименована в город «за непоколебимую верность жителей во время бывших замешательств», т. е. во время восстания Пугачева. Через несколько месяцев (6 июня 1775 г.) торжественное провозглашение Ирбита городом состоялось в присутствии губернатора Чичерина. Отсюда и характерное сопоставление Радищевым исторической судьбы двух слобод, которые «Пугачеву делали отпор», Ирбитской и Белюковской: одна стала «городом», другая находится в развалинах и полном запустении. Очевидно, Радищев расспрашивал об этом местных жителей; однако, он не рискнул доверить бумаге ни изложенные ему факты, ни свои мысли по этому поводу.

Несколько сделанных в этой заметке наблюдений над текстом «Записок» Радищева, несмотря на свой случайный характер, позволяют все же поставить еще раз вопрос об его дальнейшем критическом исправлении. Существующие издания, вплоть до издания 1949 г., очень подвинувшего вперед дело истолкования текста «Записок», все же еще не довели его до конца. Если поиски автографической рукописи «Записок» (и разделившей ее судьбу рукописи «Дневника») окажутся безуспешными, нельзя будет не пожелать скорейшего научного издания этих его сочинений, в которых был бы установлен их окончательный текст на твердых основаниях доступных нам методов текстуального анализа и комментаторской практики.

М. П. Алексеев

К «ОПИСАНИЮ МОЕГО ВЛАДЕНИЯ»

Неоконченное произведение Радищева, известное ныне под сокращенным названием «Описание моего владения», увидело свет еще в 1811 г. (в VI томе «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева»), но долгое время не обращало на себя никакого внимания исследователей. Интерес к этому трактату возник лишь недавно, с тех

---

[1] Там же, стр. 410, — Любопытно, что еще В. В. Каллаш (Изв. отд. русск. яз. и словесности Акад. наук, 1906, кн. 4, стр. 309) указал на эти воспоминания П. А. Радищева, процитировал их и высказал предположение, что некоторые подробности о путешествии его отца в ссылку даны им «может быть по дневнику А. Н., [т. е. по Запискам путешествия в Сибирь] и семейным преданиям»; тем не менее, для исправления испорченного текста «Записок» воспоминаниями Радищева пользовались еще недостаточно.

[2] Избр. соч., 1949 г. «Слобода или село Белюковское» изменены на Белаховское едва ли с полным основанием. П. С. Богословский в цитир. выше статье (стр. 25) удерживает прежнее название, и, кстати сказать, приводит для сопоставления с записью Радищева интересные данные о Белюковском из описания Гмелина, посетившего слободу в 1742 г.

пор, как напечатан был небольшой этюд о нем П. Г. Любомирова[1] и в особенности с того времени, когда самый трактат был перепечатан во втором томе академического издания сочинений Радищева, с комментариями того же П. Г. Любомирова.[2] Следует, впрочем, отметить, что любопытство и научное внимание к этому недооцененному в свое время произведению непрерывно увеличиваются со стороны ученых самых разнообразных специальностей. Становится все более очевидным, что «Описание моего владения» (1801) имеет большое значение не только для изучения мировоззрения Радищева и его творческих планов после возвращения из Сибири, но и для истории русской экономической и сельскохозяйственной науки. Если, с одной стороны, «Описание моего владения» считается теперь «одной из первых в России попыток дать сводную работу по экономике крепостного крестьянского хозяйства»,[3] при том в интересах закрепощенного крестьянства, то, с другой стороны, «Описание» охотно называют у нас сочинением, которое «дает все основания считать Радищева одним из зачинателей русской агрономии».[4] Специалисты подчеркивают передовой научный характер этого трактата во всем, что касается таких областей знания, как агрохимия, почвоведение, сельское хозяйство и др. Изучение трактата все более подтверждает глубокое знание Радищевым «естественно-исторической и агрономической литературы и живой интерес ко всему, что появлялось нового в этой области».[5] Недавно указана была связь «Описания моего владения» с «ломоносовским учением о почве, о котором Радищев писал еще в Путешествии»,[6] на хорошее знакомство Радищева с такими выдающимися русскими трудами, каковы, например книга Ив. Комова «О земледелии»,[7] на полемический характер труда Радищева по отношению ко многим современным ему зарубежным писателям-агрономам и т. д. В связи с этим необходимо указать на устарелость, явную недостаточность, а местами и ошибочность тех пояснений к «Описанию моего владения», которые даны в академическом издании; многое в комментариях к этому трактату Радищева подлежит еще дальнейшему исследованию и расшифровке.[8] Настоящая заметка имеет в виду указать лишь на одно место в «Описании моего вла-

---

[1] Сб. А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр 195—209.

[2] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. II, 1941, стр. 171—197.

[3] Е. Приказчикова. Экономические взгляды А. Н. Радищева, М. — Л., 1947, стр. 58—59.

[4] Н. Соколов. А. Н. Радищев и вопросы сельского хозяйства. «Социалистическое сельское хозяйство», 1949, № 9, стр. 52—57.

[5] Ю. Бланкфельд. А. Н. Радищев о земледелии. «Советская агрономия», 1949, № 7, стр. 90—92.

[6] Ю. Бланкфельд, ук. соч., стр. 91. — Н. Соколов, ук. соч., стр. 55.

[7] Ю. Бланкфельд, ук. соч., стр. 91—92; Н. Соколов, стр. 55.

[8] Остается неясным, например, из каких пособий Радищев знал взгляды Толля на «новый род сеяния». Ю. Бланкфельд (стр. 92) буквально понял одну фразу Радищева о неудачных «Толлевых правилах» (т. II, стр. 194) и допустил ошибку, говоря, что «Радищев, как и Комов, осуждает работы английского агрономического писателя Толля», тогда как в примечаниях к акад. изданию указано, что Б. Г. фон Толль — «эстляндский агроном, служил в русской гвардии и армии до 1787 г.» (т. II, стр. 392); однако, и академическое издание могло указать только одну книгу Толля «Хороший совет сельскому хозяину», изданную лишь в 1810 г. Неясным также остается, откуда Радищев знал об агрономических советах «Записок» (Handlingar) шведской Академии и т. д.

дения», получившее неправильное объяснение в комментарии академического издания.

Говоря о распространенных в его время методах распознавания почв и определения их плодородности, Радищев пишет в своем сочинении: «Один российско-английский писатель о земледелии преподает следующие способы к познанию разного свойства земель»[1] (следует описание четырех способов: по «набуханию» земли, по ее цвету, запаху, вкусу, липкости, по рельефу местности и т. д.). Комментарий к этому месту указывает: «Российско-английский писатель о земледелии, без сомнения, Гутри. (D. J. Guthrie), издавший в 1789 г. „Исследование о климате России"... и печатавший статьи в русских журналах»... Ниже названы и эти статьи в «Трудах Вольно-экономического общества» 1793 и «Академических известиях» 1780 г.: «Изобретения российских крестьян», «Каким образом простой народ в России предохраняет себя от цынготной болезни».[2]

С этим объяснением трудно согласиться. В самом деле, какое отношение могли иметь эти статьи к начаткам почвоведения, излагавшимся Радищевым? Между тем, вероятно, основываясь на этих утверждениях комментария, которым придан характер бесспорности («...без сомнения...»), недавно проф. Н. Соколов также отмечал, что указанные приемы распознавания почв заимствованы Радищевым из «Трудов Вольно-экономического общества».[3] На самом деле, Радищев безусловно имел здесь в виду другой источник, книгу: «О п и с а н и е п р а к т и ч е с к о е а г л и н с к о г о з е м л е д е л и я, собранное из разных аглинских писателей Андреем Афанасьевичем Самборским, — протоиереем, находящимся при Российском посольстве в Лондоне; изданное под смотрением г. профессора Семена Десницкого. В Москве, в университетской типографии у Н. Новикова, 1781».

Эта книга издана А. А. Самборским (1732—1815), с 1769 по 1780 г. состоявшим при русской посольской церкви в Лондоне и много занимавшимся в то время агрономией. В 1781 г. Самборский вернулся в Россию; в 1797 г. он был избран членом Вольно-экономического общества и ему был поручен надзор за школой земледелия, учрежденной близ Царского села.[4] В небольшой компилятивной книге Самборского (87 страниц), начинающейся разделом «Общие примечания о землях», говорится далее о черноземе, о суглинке, о землях «хрящеватой», «пещаной», «меловатой», о перемене растений и т. д. Все четыре способа распознавания почв, о которых вспомнил Радищев, действительно изложены здесь на стр. 6—7 и 10—12 со ссылками на иностранных писателей. Интересно, что Радищев воспроизводит текст книги Самборского не буквально, но в свободном пересказе, однако, схватывая самое существенное. Самая классификация способов принадлежит не Самборскому, а Радищеву; быть может он цитировал по памяти, не имея книги под рукой. Любопытно далее, что способы к распознаванию земель, рекомендуемые Самборским, заимствованы им собственно не столько у «английских писателей», сколько, — через их посредство, — у древних. Первых два способа, цитируемые и Радищевым, предложены римским писателем I века н. э. Люцием-Юнием Колумеллой в его трактате «О сельском хозяйстве» (De re rustica), на который Самборский и ссылается.

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. II, стр. 189.
[2] Там же, стр. 392.
[3] Н. С о к о л о в, ук. статья, стр. 55.
[4] См. о нем В. Н. А л е к с а н д р е н к о. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897, т. I, стр. 425—426 и «Русский биографический словарь», т. «Сабанеев — Смыслов», СПб., 1904, стр. 147—155.

О степени близости Радищева к изложению Самборского может дать представление характеристика у обоих первого (по классификации Радищева) «способа» распознавания земли — по набуханию.

Самборский, стр. 6—7	Радищев, стр. 189
Римской писатель Колумелла (О земледелии, книга 2, гл. 2, ст. 19) предписывает рассуждать вообще о доброте земли следующим образом: выкопав небольшую яму, наполнить оную вырытою оттуда землею, и хорошо притаптывать. Ежели, говорит он, земля по причине как бы некакой ферментации или прелости вся в яму не вместится, то сие значит, что она тучна: ежели не наполнится яма, то земля тоща; а еще чуть только будет полна, то землю можно почесть средственною.	Вырой яму по произволению шириною, глубиною во всю толщину слоя, тогда свойства ее вышеупомянутые будут явны, горяча ли она или холодна и проч. Дай сей вырытой земле полежать на воздухе день или два, потом ввали ее в ту же яму и утопчи: то тощая и скудная не наполнит, средственная наполнит, а богатая и тучная преисполнит яму, так, что как ее ни топчи, но не вместится. Я не говорю, для чего бывает так по его мнению, ибо оно для меня неубедительно.

Второй способ, на который ссылается Радищев, распознавать землю по цвету, запаху, вкусу и т. д., изложен Самборским также на основе мнения «древнего хлебопашца Колумеллы» (стр. 10—12).[1]

Третий способ формулирован Радищевым ясно и просто; гораздо пространнее и туманнее изложен он в его источнике:

Самборский, стр. 6—7	Радищев, стр. 189
Вообще должно примечать, что низкие местоположения весьма невыгодны для всех твердых земель, и что, напротив того, наклонность в одну, либо в другую сторону умножает их цену и красоту на холмах; также нельзя всегда ожидать и здесь великого урожаю потому, что снежная либо дождевая вода уносит всегда жирную и плодородную землю в долины, где всегда почти родится тучная и хорошая трава.	На горах, холмах и косогорах земля хуже, нежели в долинах, лощинах, займищах, оврагах и буераках.

Наконец, четвертый способ изложен Радищевым хотя и по Самборскому, но очень свободно, с привлечением, повидимому, собственных ботанических наблюдений:

---

[1] См. в кн.: Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. Под ред. М. И. Бурского, М.—Л., 1937, стр.65.

Самборский,
стр. 11

Славной лорд Бакон и Гевелин (О натуральной истории в философском рассуждении) утверждают, что естественные произрастания суть несложные знаки качества земли, напр., тимиан или чебер показывают хорошую землю для корму скотины, буквица и земляника означают землю, угодную для заведения лесов; ромашка родится на рыхлой земле, способной для пшеницы, совина стрела показывает землю, угодную для лугов, проскурник означает землю, хорошую для огородов.

Радищев,
стр. 189

Где растет дуб, клен, вяз, яблошник, буквица, ромен, клубника, там земля добра. Березник показывает убогую глину, а сосняк, можжевельник и молодиль сухую супесь, а тростник, мох, хвощ, осока мокрую землю и болотную.

Сопоставление приведенных цитат интересно не только для определения источника Радищева, но и для характеристики его творческих методов работы над книгой. С другой стороны, становится совершенно очевидно, что не только «англинские писатели о земледелии», которых он пересказывает или из которых делает выборки, чрезвычайно архаичны в сравнении с трактатом Радищева. Самборский серьезно обсуждал практические результаты, которые эти писатели извлекали из сочинений Колумеллы или Бэкона, почти их не подновляя; нетрудно видеть, как далеко в научном смысле ушел от своего источника Радищев; недаром он ссылается на эти «способы» «русско-англинского писателя», собственно для того только, чтобы подчеркнуть их устарелость и затем предложить собственные методы. Между Самборским и Радищевым как русскими «почвоведами» и «агрохимиками», лежит целая пропасть, не только в смысле их практической деятельности, но прежде всего в их мировоззрениях.

Во вступлении к своей книге, говоря о почвах вообще и установив, что «земледелы разделили оные на разные роды и может быть вошли в излишние разделения», Самборский пускается в рассуждение, совершенно «теологического» характера: «Поистине трудно положить точные пределы между различными землями; но таковую трудность мы находим во всех разделениях натуральных тел: творец природы соединил разные тела посредством других. Он благоволил совершать свои действия по различным степеням, а не перерывам, дабы природа казалась неразрывным единосложением» и т. д. Подобные рассуждения были бы немыслимыми в устах Радищева: убежденный материалист, он оставался им во всех областях знания и практической деятельности, которых касался его ум; вместо жалоб на «излишние разделения» при определении почвенных различий, мы находим в его трактате целую серию точно разработанных химических анализов почв с оригинальной рецептурой.

М. П. Алексеев

РАДИЩЕВ И ПЕРВОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА

Собрания сочинений русских писателей в XVIII в. издавались не очень часто. Впервые лишь в 1751 г. вышел том «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» М. В. Ломоносова; в следующем году были напечатаны два тома «Сочинений и переводов» В. К. Тредиаков-

ского. Третий крупнейший автор того периода, А. П. Сумароков, так и не сумел издать собрания своих сочинений. Поэтому понятно, какое возмущение вызвало в литературных кругах появление в 1765 г. «Сочинений и переводов» В. И. Лукина, писателя, лишь за год до того выступившего на литературное поприще.

Чаще всего издавались в XVIII в. сочинения Ломоносова. После издания 1751 г. было предпринято новое двухтомное в 1757 г., затем в течение двадцати лет сочинения великого русского писателя и ученого не переиздавались. Только в 1778 г. епископ Дамаскин, фигура очень своеобразная, издал с большой тщательностью и полнотой сочинения Ломоносова, привлекая и ранее не печатавшиеся произведения его. Издание это было осуществлено без участия и помощи Академии Наук, где продолжали пребывать неприятели Ломоносова.

Когда в 1783 г. директором Академии была назначена кн. Е. Р. Дашкова, урожденная Воронцова, племянница одного из покровителей Ломоносова, едва ли не первым ее начинанием было издание сочинений Ломоносова. Возможно, что появлению этого издания способствовало еще и то, что в 1781 г. Н. И. Новиков издал десятитомное «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» А. П. Сумарокова, отличавшееся «добротою бумаги и чистотою оттиска». Друзья и почитатели покойного Ломоносова, с своей стороны, вслед за установлением надгробного памятника на Александро-Невском кладбище, тоже пожелали выпустить в свет монументальное издание его сочинений.

Академия Наук в лице Е. Р. Дашковой организовала предварительную подписку в Москве и в С.-Петербурге. Издание выходило тиражом в 700 экз. на лучших сортах бумаги и стоило дорого — 12 рублей.

24 апреля 1784 г. вышла в свет первая часть предпринятого иждивением Академии Наук издания, называвшегося «Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова», «с приобщением жизни сочинителя[1] и с прибавлением многих его нигде не напечатанных творений».

В самый день выхода первой части Е. Р. Дашкова послала в книжную лавку собственноручный список тех выдающихся подписчиков, которым можно выдавать эту книгу без предъявления подписного билета.[2]

Графу Захару Григорьевичу [*Чернышеву*] . . .	*2 экз.*
Вице канцлеру [*гр. И. А. Остерману*]	*1 экз.*
Графине его [*гр. А. И. Остерман, урожд. Талызиной*]	*1 экз.*
Брату его [*гр. Ф. А. Остерману*] *и ее* [*Л. И. Талызину*]	*2 экз.*
Князю Н. В. Репнину	*3 экз.*
Князю Сергею Федровичу Голицыну .	*3 экз.*
Матфею Федоровичу Кашталинскому . . .	*3 экз.*
Графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому .	*2 экз.*
Графу Ивану Григорьевичу Чернышеву . .	*1 экз.*
[*А. Н.*] *Радищеву* . . . . :	*1 экз.*
Миллеру книгопродавцу	*2 экз.*
Анне Алекс. Полянской	*1 экз.*
Александру Ивановичу Полянскому . .	*1 экз.*
Графу Дмитрию Петровичу Бутурлину .	*1 экз.*
Ивану Лазаричу [*Лазареву, банкиру*] . .	*1 экз.*
Петру Богдановичу Пассеку	*1 экз.*
Мих. Серг. Потемкину	*2 экз.*
Графу Ивану Петровичу Салтыкову . .	*2 экз.*
Графу [*А. С.*] *Строганову*	*1 экз.*

[1] Биография Ломоносова была написана М. И. Веревкиным.
[2] Архив АН СССР, фонд № 3, опись № 1, дело № 556.

Вас. Ив. Левашеву	*2 экз.*
[М. М.] Алопеусу	*1 экз.*
Графу Валентину Платоновичу [Мусину-] Пушкину	*2 экз.*
Князю Алексею Борис. Куракину	*1 экз.*
Князю [Н? П?] Алексеичу [sic] Голицыну . .	*2 экз.*
Т. Н. Остервальду	*1 экз.*
Князьям Ивану и Гавриилу Петровичам Гагариным .	*2 экз.*
Лондондию	*1 экз.*
Князю Михаилу Васильевичу Долгорукову .	*2 экз.*
Камер-юнкеру графу [Г. И.]Чернышеву . .	*1 экз.*
Князю Федору Сергеевичу Барятинскому . .	*1 экз.*
Графу Александру Романовичу Воронцову .	*2 экз.*

В приведенном списке подавляющее большинство составляют члены разветвленной фамилии Воронцовых, к которой примыкают еще несколько лиц, связанных с нею матримониальными или служебными отношениями.

Любопытно, что в этом списке на одном из первых мест находится имя А. Н. Радищева. Это свидетельствует об авторитете, которым он пользовался в то время в кругах Академии Наук.

Осуществлялось это издание под редакцией товарища Радищева по Лейпцигу, О. П. Козодавлева. Если судить по воспоминаниям сына Радищева, Павла Александровича, отец его не был доволен этим изданием и отзывался о нем неодобрительно, обвиняя Козодавлева в отсутствии вкуса и в недостаточном знании русского языка.

Д. Д. Шамрай

АНОНИМНАЯ СТАТЬЯ О РАДИЩЕВЕ 1861 г.

Почти одновременно с обнародованием манифеста о крестьянской реформе, в марте 1861 г. в журнале В. Р. Зотова «Иллюстрация» опубликованы были: портрет А. Н. Радищева, находившийся у его сына П. А. Радищева, и изображение дома в Илимске, где Радищев со своей семьей провел в ссылке пять лет (1792—1797) по эскизу того же сына. Публикация сопровождалась анонимной статьей, освещавшей основные моменты жизни писателя и оценивавшей его значение. В этой статье дана высокая оценка Радищева и неприкрыто выражено сочувствие к его личности и деятельности. Уже первая фраза статьи четко определяет отношение неизвестного автора к Радищеву: «В числе замечательных личностей, появлявшихся у нас в конце прошлого столетия, бесспорно занимает одно из первых мест писатель и публицист Радищев».[1] В дальнейшем изложении биографии писателя автор пользуется преимущественно обширной статьей П. А. Радищева, опубликованной в конце 1858 г. в «Русском Вестнике».[2]

---

[1] «Иллюстрация», 1861, т. VII, № 159 (2 марта), стр. 129.

[2] «Русский Вестник», 1858, т. XVIII, № 23, с. 395—432. — Другие источники указаны в тексте статьи. Об истории публикации статьи П. А. Радищева и об изменениях, внесенных в нее Н. Ф. Щербиной, см. в книге В. П. Семенникова «Радищев. Очерки и исследования» (М.—П., 1923. стр. 196—203). Здесь же (стр. 204, сноска) имеется ошибочное указание на то, что рассматриваемая нами статья появилась за подписью В. Р. Зотова.

Заключительные слова анонимной статьи посвящены значению идей Радищева для начала 60-х годов: «Его план гражданского уложения потерян, но мнения, изложенные там, известны и обличают в нем высокого государственного человека. Одного приведения в систематический порядок Свода Законов казалось ему недостаточным; он требовал реформ в законодательстве. Равенство состояний пред законом, отмена телесного наказания, в уголовных делах — введение нового судопроизводства; веротерпимость совершенная; уничтожение крепостного права; прекращение продажи в рекруты, введение поземельной подати, вместо подушной, свобода торговли и многие другие полезные реформы — вот идеи Радищева. Вглядываясь только в краткий перечень их, нельзя не удивляться ясному уму этого человека. Кажется, что его голос раздается между нами, когда после целого полустолетия, многие из его мыслей обратились в животрепещущие, деятельно разрабатываемые вопросы настоящего времени».[1]

Как видно из документов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), статья о Радищеве вслед за указанными выше иллюстрациями была представлена в петербургский цензурный комитет еще в марте 1859 г. и вскоре была запрещена Главным управлением цензуры. По опубликовании статьи и рисунков в 1861 г., Главное управление цензуры немедленно покарало не только редактора «Иллюстрации» В. Р. Зотова, отстранив его от редактирования журнала, но и цензора Е. Е. Волкова, дозволившего к печати ранее запрещенные материалы.[2]

Историками русской литературы анонимная статья о Радищеве без достаточных оснований была приписана перу самого В. Р. Зотова.[3]

Черновая рукопись рассматриваемой статьи, хранящаяся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР,[4] устанавливает как подлинный текст статьи, так и ее автора. Им оказывается даровитая писательница Софья Дмитриевна Хвощинская (1828—1865). Мировоззрение Хвощинской, выразившееся в ее художественных произведениях, печатавшихся под псевдонимом Иван Весеньев, как нельзя лучше объясняет тот почти восторженный тон статьи, который был отмечен выше, и который нимало не был характерен для невыразительного в идейном отношении и более чем умеренного журнала В. Р. Зотова.

Все произведения Хвощинской посвящены суровому изображению и анализу социального вырождения русского дворянства. Писательница одинаково беспощадна как к молодому помещику Зерновскому, картежнику, проигрывающему свою последнюю деревню со всеми приписанными к ней крепостными (повесть «Зерновский», 1859), так и к космополиту, богатому либералу Овчарову, после крестьянской реформы приходящему к выводу, что «любовь к народу — сама по себе, а любовь к собственности — сама по себе» (роман «Городские и деревенские», 1863).

В написанной по поводу реформы 1861 г. острой сатире «Кое-что из наших нравов» (1862) свое отрицательное отношение к дореформен-

---

[1] «Иллюстрация», 1861, № 159, стр. 130.

[2] ЦГИАЛ, фонд СПб. цензурного комитета, 1859, № 138 и 1861, № 279; фонд Главного управления цензуры, 1859, № 322 и 1861, № 128. Содержание цензурной переписки подробнее изложено Я. Л. Барсковым в комментариях к «Путешествию из Петербурга в Москву» (изд. «Academia», т. II, М. — Л., 1935, стр. 325—326 и 331—332).

[3] В. П. Семенников, ук. соч., стр. 204. — Я. Л. Барсков, ук. комментарий, стр. 325—326.

[4] Собрание П. Я. Дашкова. Фонд № 93, опись 3, № 1340.

ному дворянскому обществу писательница выражает почти публицистическим языком. «„Мы что хотим то творим" — вот издревле девиз нашего общества. Он начертан над всеми нашими жилищами в городах и селах. В последнее время, от крутой перемены погоды, девиз начал немножко линять и рельефные буквы немножко стираться, но еще очень немножко. Девиз все-таки не изменен на другой, он все-таки общий: он еще долго продержится. Расстаться с ним крайне тяжело, признаюсь. Что более приятного по смыслу можем мы себе выбрать? Что сладостнее полнейшего произвола? Ничто, ничто! О, милые слова! Ничто так не дорого, как возможность проявить произвол свой!.. Сторониться по дорожке, потому что вам угодно идти по той же дорожке? Останавливать мою карету с рысаками на вынос, потому что тут плетется ваш тарантас и телега? Но ведь это верх прискорбия! Самому на себя, добровольно, сработать узду и плетку, они же именуются общественным мнением? но ведь это неслыханное самоотвержение!».[1]

В подлинной рукописи статьи С. Д. Хвощинской «Александр Николевич Радищев» мы находим существенные разночтения с печатным текстом, происхождение которых объясняется вмешательством цензора Е. Волкова. Так, например, вместо «Горькие истины о тогдашних придворных, о положении крестьян высказаны в этой книге [«Путешествие из Петербурга в Москву»] энергическим голосом образованного человека, оскорбленного и опечаленного тем, что происходило в его глазах на родине» в автографе статьи мы читаем: «Горькие истины о злоупотреблениях старших, о лести придворных, о страданиях крестьян под игом крепостного права — высказаны в этой книге» и т. д.

Хорошо зная В. Р. Зотова и его журнал,[2] С. Д. Хвощинская обо многом не решилась писать, а кое-что вычеркнула в своей статье сама. Так, например, первоначально она предполагала заключить ее словами: «Замечательно, что во время французской революции бюст Радищева был поставлен в Пантеоне».[3]

А. П. Могилянский

ОБ АВТОРЕ АНОНИМНОЙ БИОГРАФИИ А. Н. РАДИЩЕВА 1867 г.

В конце 1867 г. книгопродавец Н. А. Шигин выпустил издание: «Радищев и его книга: Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб., 1867, в печатне В. Головина, IV + 256 стр.). Это было первое после 1790 г. издание «Путешествия», если не считать заграничного, выпущенного

---

[1] «Отеч. Записки», 1862, июль, № 7, стр. 190—191. Большую часть своих произведений (романы «Мудреный человек», «Городские и деревенские», «Домашняя идиллия недавнего времени» и др.) С. Д. Хвощинская поместила именно в этом журнале, редактировавшемся в те годы С. С. Дудышкиным и А. А. Краевским. Почти постоянное проживание в Рязани и болезнь помешали писательнице выйти из привычного круга дворянской журналистики и сблизиться с представителями революционной демократии. Из последних более других знал и ценил С. Д. Хвощинскую Д. И. Писарев.

[2] Сестра С. Д. Хвощинской, Н. Д. Хвощинская (впоследствии Заиончковская, 1825—1889) познакомила В. Р. Зотова со всем своим семейством в Рязани еще в 1852 г. С начала издания «Иллюстрации» (1858) обе сестры деятельно сотрудничали в ней. Упоминавшийся выше Н. Ф. Щербина был также близко знаком с сестрами Хвощинскими.

[3] Ср. В. П. Семенников, ук. соч., стр. 235.

А. И. Герценом в Лондоне в 1858 г. Потребность в издании «Путешествия» давно, разумеется, ощущалась в радикальных кругах русского общества, но ему неизменно препятствовала цензура. Однако, названная книга ни в коей мере не могла удовлетворить эту потребность. Не желая рисковать, опасаясь, что книга, выходившая без предварительной цензуры, будет арестована, издатель напечатал «Путешествие» в совершенно исковерканном виде: три главы («Хотилов», «Выдропуск» и «Торжок») были исключены вовсе, а в других были сделаны изъятия политически наиболее острых мест.

«Путешествию» были предпосланы «Несколько слов от издателя», написанные в весьма благонамеренном духе, и биография Радищева, занимающая четвертую часть всей книги (63 стр.). Не имея научного значения, она в какой-то степени способствовала все же ознакомлению широкой читающей публики с жизнью и судьбой Радищева. Автор обильно использовал и цитировал «Житие Ф. В. Ушакова» Радищева, статью П. А. Радищева о своем отце, опубликованную в 1858 г. в «Русском вестнике», а также вопросные пункты Радищеву, его ответы и завещание, напечатанные в «Чтениях в имп. Обществе истории и древностей российских» в 1865 г. Биография написана в спокойном повествовательном тоне, но с явным сочувствием Радищеву.

Биография появилась без подписи. Однако, можно указать ее несомненного автора. Это — писатель-шестидесятник И. А. Кущевский, впоследствии прославившийся романом «Николай Негорев или благополучный россиянин», опубликованном впервые в «Отечественных записках» Некрасова в 1871 г.

Уроженец Сибири, И. А. Кущевский в середине 1860-х годов, еще юношей, приехал в Петербург, сотрудничал здесь в мелкой прессе, едва зарабатывая на кусок хлеба, и испытал страшные мытарства «писателя пролетария», как он сам себя называл. В 1868—1869 гг. ему пришлось обратиться за помощью в Литературный фонд. Заявления Кущевского заключают в себе важный для его биографа материал. В одном из этих заявлений, в середине сентября 1868 г., Кущевский, перечисляя свои литературные работы и упоминая о сотрудничестве в разных газетах и журналах, писал между прочим: «Кроме этих журнальных работ я могу указать на биографический очерк — А. Н. Радищев, напечатанный при книге: „Радищев и его Путешествие из Петербурга в Москву"» (Рукописное отделение Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив Литературного фонда, т. 19, л. 591).

Факт этот представляет известный интерес как для биографа Кущевского, так и для исследователя, изучающего судьбу литературного наследия и идейной традиции Радищева в 1860-е годы

И. Я.

К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ» РАДИЩЕВА

В комментариях к фотолитографическому переизданию «Путешествия», касаясь истории изданий книги Радищева в XIX в., Я. Л. Барсков сообщил сведения относительно первого, так называемого «шигинского», издания «Путешествия» 1868 г.[1] Данные эти исследователь почерпнул из дел Главного Управления цензуры № 85, хранящегося в Центральном Государственом историческом архиве г. Ленинграда. Из документов,

---

[1] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву «Academia», М.—Л., 1935, т. II, стр. 333—334.

использованных комментатором, явствует, что издание Н. А. Шигина послужило поводом к отмене цензурного запрета «Путешествия».

От внимания Я. Л. Баркова ускользнул еще один — печатный — источник по истории снятия цензурного запрета книги Радищева.

В конфиденциальных «Материалах для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», печатавшихся в весьма ограниченном количестве экземпляров, есть специальный раздел «Об отмене запрещения на сочинение Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву"».[1] Ввиду того, что этот документ имеет некоторые штрихи, отсутствующие в материалах, изложенных Я. Л. Барсковым, и ввиду исключительной редкости издания, в котором он помещен, приводим его полностью:

«Об отмене запрещения на сочинение Радищева: „Путешествие из Петербурга в Москву".

Указом императрицы Екатерины II-й, от 4 сентября 1790 года, коллежский советник Радищев, за издание сочиненной им книги, под заглавием «Путешествие из С.-Петербурга в Москву» был лишен чинов, ордена, дворянского достоинства и сослан в Сибирь на десять лет. Изданная же им книга была конфискована. Главная вина книги состояла, кроме высказанных в ней автором весьма свободных мыслей, в ярком изображении страданий крестьян под гнетом помещиков.

Хотя в 1796 году Радищев и был возвращен из ссылки, восстановлен в правах и даже определен вновь на службу, но сочинение его, бывшее причиною наказания, осталось попрежнему под запрещением. Вследствие сего сочинение Радищева «Путешествие из С.-Петербурга в Москву» с того времени ни разу не было разрешаемо к напечатанию.

В ноябре минувшего года упоминаемое сочинение Радищева было напечатано одним из петербургских книгопродавцев, без предварительного разрешения цензуры, как заключающее в себе более 10 печатных листов. При сем издателем исключены из этой книги наиболее резкие места, противные действующим ныне постановлениям о бесцензурной прессе. Тем не менее, ввиду высочайшего указа 1790 года, издание это, по распоряжению здешнего цензурного комитета, было подвергнуто аресту, необходимым последствием которого должно быть, на основании закона, судебное преследование, хотя, по содержанию своему, сочинение это не представляет поводов к такой мере.

По этому частному случаю, повторение которого можно предвидеть и на будущее время, совету главного управления по делам печати предстояло обсудить общий вопрос относительно сказанного сочинения, именно: при тех правах, которые даны у нас печатному слову законодательством 6-го апреля 1865 года, существуют ли достаточные основания для оставления под запрещением упомянутого сочинения Радищева, рассматриваемого только со стороны его содержания? По рассмотрении этого сочинения, совет находил, что, при изменившихся, против прежнего времени, обстоятельствах и в особенности после упразднения крепостного права, сочинение Радищева не только не может иметь никаких вредных последствий, но даже, по устарелости идей и языка, едва ли может произвести какое-либо впечатление на читающую публику. Поэтому совет полагал возможным ходатайствовать о высочайшем соизволении на

---

[1] Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870, ч. II, стр. 5—6.

отмену наложенного на сочинение Радищева запрещения, с тем чтобы новые его издания были подчинены общим правилам действующих ныне узаконений о печати.

Соглашаясь с мнением совета главного управления по делам печати и находя сверх того, что упоминаемое сочинение Радищева представляет интересный памятник языка и понятий того времени и что новое издание этого сочинения, составляющего теперь библиографическую редкость, было бы небесполезно для истории отечественной литературы, министр внутренних дел повергал изложенные соображения на воззрение его императорского величества.

Вследствие сего государь император, в 22 день марта 1868 года, высочайше повелеть соизволил запрещение наложенное впоследствие указа 4 сентября 1790 года на сочинение Радищева «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», отменить с тем, чтобы новые издания сего сочинения подлежали общим правилам действующих ныне узаконений о печати».

Таким образом, из данного документа и из материалов Я. Л. Барскова с несомненностью следует, что ловкий ход Н. А. Шигина, спекулировавшего на имени Радищева, с одной стороны, и обошедшего цензурные запреты устранением «недозволенных» мест, с другой, заставил цензурное ведомство снять специальное запрещение перепечатки «Путешествия». Это однако, как известно, не помешало цензуре уничтожить ефремовское издание «Сочинений» Радищева (1872).

Я. Л. Барсков, говоря о шигинском издании, дал, между прочим, сводку отзывов критики по поводу этой книги; всего здесь было указано пять рецензий. На самом деле, их было значительно больше. Полагая, что для будущей полной библиографии А. Н. Радищева собранные мною материалы могут быть небесполезными, привожу все известные мне отзывы критики на шигинское издание 1868 г. (расположены в алфавите периодических изданий, в которых они были помещены):

1. А. Н. П[ыпи]н, «Вестник Европы», 1868, т. IV, № 7, стр. 424—432.
2. «Голос», 1868, 25 апреля, № 114.
3. «Дело», 1868, май, № 5, Современное обозрение, Новые книги, стр. 86—98.
4. М.—«Иллюстрированная газета», 1868, 11 июля, № 27, стр. 31.
5. И. Шишкин.—«Неделя», 1868, № 34, стлб. 1073—1081; № 35, стлб. 1109—1114.
6. М. Н. Лонгинов,—«Русский архив», 1868, № 11, стлб. 1811—1818.
7. Незнакомец [А. С. Суворин]. Г. Шигин и книга Радищева.—«Санкт-Петербургские ведомости», 1868, 21 апреля, № 107.
8. [В. П. Буренин]. Г. Лонгинов, заявляющий, что у Радищева ум зашел за разум. — «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, 12 ноября, № 310.

Кроме того, следует учесть несколько беглых указаний об этом издании в статьях В. Мияковского «К истории цензурных гонений на сочинения А. Н. Радищева» («Русский библиофил». 1914, № 3, стр. 9): В. Е. Якушкина («Русская старина», 1882, № 9, стр. 525—526); Н. П. Павлова-Сильванского при издании «Путешествия» А. Н. Радищева (СПб., 1905, стр. LXVIII) и в «Сочинениях» Павлова-Сильвинского (СПб., 1910, т. II; стр. 149—150).

Среди отзывов критики о шигинском издании «Путешествия» некоторый интерес представляет заметка некоего М. в «Иллюстрированной газете», (см. выше, № 4). Фраза, которой она начинается, сразу заставляет насторожиться: «Небольшая книжка „Радищев и его книга", изданная и редактированная неизвестно кем, вероятно, тоже господином вроде

Некрасова, уничтожившего в ней все резкие места, не удовлетворяет главному условию, без которого нельзя и приниматься за издание. Это условие — добросовестность издания». Из этой фразы можно было бы сделать вывод, что уничтожил «все резкие места» в «Путешествии» — Некрасов. На самом деле здесь не только грамматическая ошибка, — (вместо «уничтожившим» напечатано «уничтожившего»): неизвестный рецензент воспользовался случаем, чтобы возвести злобную и напрасную клевету на великого русского поэта. Что это так, убеждает предшествующая заметка, в которой рецензируется «Шекспир в переводах русских писателей», эта заметка кончается так: «Для чего только на книге выставлена редакция г. Некрасова, знающего английский язык так же, как и китайский, и ровно ничего тут не редактировавшего?—Этого мы понять не можем».

Таким образом, ясно, что Н. А. Некрасов к шигинскому изданию не имел никакого отношения.

П. Н. Берков

РАДИЩЕВ В ОЦЕНКЕ М. А. АНТОНОВИЧА

В предисловии к VIII тому «Истории восемнадцатого столетия» Шлоссера, изданному в 1871 г.,[1] М. А. Антонович с позиций революционных демократов дал высокую оценку философским воззрениям и общественной деятельности Радищева. Эта оценка, затерявшаяся на страницах многотомного труда, быстро утратившего свое значение, не привлекала в дальнейшем внимания, подобно тому, как, например, долго упускались из виду аналогичные сопроводительные статьи Чернышевского во «Всемирной истории» Вебера. Впрочем, вскоре после появления статьи Антоновича, В. Е. Якушкин, перечисляя в своей статье «Суд над русским писателем в XVIII веке» перепечатки из «Путешествия» Радищева, отметил и предисловие Антоновича.[2] После этого статья Антоновича совершенно не упоминалась в литературе о Радищеве.[3] Между тем она приобретает тем большее прогрессивное значение, что она обращена против наблюдавшихся после реформы 1861 г. реакционных и либеральных попыток исказить идейный облик Радищева. Например, В. Я. Стоюнин и В. П. Острогорский требовали введения в школьные программы разделов о Новикове и Радищеве, чтобы ознакомление учащихся с личностями Новикова и Радищева вселило в них благоговение к «памяти великого царя-освободителя».

Особенно ярко эти тенденции проявились в 1865 г., когда царское правительство формально сняло запрет с «Путешествия из Петербурга в Москву», «с тем, чтобы новые издания сего сочинения подлежали общим правилам действующих ныне узаконений о печати».

Вышедшее в этом же году издание «Путешествия»[4] вполне отвечало самым далеко идущим пожеланиям цензуры: книга была изуродо-

---

[1] Ф. К. Шлоссер. История восемнадцатого столетия. СПб., 1868—1871.

[2] «Русская старина», 1882, сентябрь, стр. 525.

[3] В новейшей литературе о Радищеве на оценке М. А. Антоновичем философских взглядов Радищева остановился М. А. Горбунов в книге «Философские и общественно-политические взгляды Радищева» (М., 1949, стр. 132).

[4] Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву», СПб., 1867.

вана выпуском целых глав и «дерзких мест». При отборе материала издатель руководствовался стремлением выставить Радищева только отрицателем крепостного права.

Выход в свет книги Радищева вызвал ряд отзывов, которые совершенно отчетливо выявляют две идейно-общественные группировки: реакционную и либеральную.

М. Н. Лонгинов поместил в «Русском архиве» 1868 г. рецензию, в которой с неприкрытой злобой глумится над Радищевым, над революционными демократами, видевшими в Радищеве своего предшественника: «...знакомясь с тем, что он написал, нельзя не убедиться, что ум его, как говорится, зашел за разум» (стр. 1813). Лонгинов считает, что революционность Радищева выдумана Герценом и ему подобными, а «на самом деле это был смирный, образованный чиновник, считавший за счастье получить Владимира в петлицу из рук Екатерины». Одобрил Лонгинов и пропуски в книге «...и теперь нельзя печатать выходки, подобные, например, знаменитому сновидению, которое будто бы привиделось автору в Спасской Полести» (стр. 1815).

А. Н. Пыпин в статье «Крылов и Радищев» и рецензии на указанное выше издание книги Радищева, опубликованных в «Вестнике Европы» (1868, №№ 5 и 6), сделал попытку либерального осмысления общественной деятельности Радищева. «В этой книге, — пишет Пыпин о «Путешествии», — заключалась целая участь человека: в ней он высказал то, чем была наполнена его внутренняя жизнь, и что теперь 19 февраля 1861 года перешло окончательно в нашу внутреннюю жизнь... ее [книги] лучшая сущность — горячие мысли о свободе крестьян — теперь составляют прочно приобретенный факт нашей гражданской жизни» («Вестник Европы», 1868, № 6, 423). О других сторонах содержания книги он говорит, как о заблуждении Радищева или как о манере того века преувеличенно и риторично выражать мысли, когда «...способ выражения не представлял вполне характера самих практических понятий». Общественно-политические взгляды Радищева приобретают под пером Пыпина мирный, умеренный характер, в философских воззрениях Радищева он не увидел ничего, кроме отзвуков западной философии, умозрительности и несостоятельности.

Почти также характеризует Радищева другой представитель умеренного либерализма 1860-х, 1870-х годов, историк В. В. Андреев. Говоря о внутренней политике Екатерины в конце ее царствования, Андреев касается дела Радищева. О самом Радищеве Андреев отзывается так: «Сначала казеннокоштный студент в Лейпцигском университете, потом таможенный чиновник, человек очень образованный, но угрюмый, сдержанный и редко бывавший в обществе, Радищев никак не мог быть вожаком революции в России. В прежнее время книга его едва ли жестоко отозвалась бы на судьбе автора, да и едва ли могла появиться. Теперь она явилась и вызвала гневное преследование. Екатерина была напугана событиями 1789 г. во Франции».[1] Обращаясь к идейному содержанию книги Радищева, Андреев, подобно Пыпину, старается свести дело к борьбе Радищева с крепостным правом: «В книге его.. видят много злых нападок на Екатерину. Конечно, все представлено аллегорически, но аллегория была ясна для тех, что брался объяснить ее... Общее мнение говорило, что гонение всего более обрушилось на Радищева за то, что он в своей книге явился ревностным сторонником освобождения крестьян. В начале своего правления Екатерина давала понять, что освобождение крестьян было бы ей приятно... Но в последние годы жизни и царствования ее... она уже восстает против защитников осво-

[1] В. В. Андреев. Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870, стр. 230—231.

бождения крестьян. На книге Радищева она сделала заметку: «уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает».[1]

Таким образом, Андреев старается провести мысль, что мирный, далекий от революционных идей Радищев явился жертвой того, что несвоевременно выпустил в свет свое «Путешествие».

Революционные демократы Герцен и Добролюбов высоко ценили личность Радищева, и если Добролюбов[2] не смог в условиях подцензурной печати прямо заявить о преемственности революционных идей, то Герцен в «Колоколе» и в предисловии к своему изданию «Путешествия»[3] указал на близость Радищева революционно-демократическому лагерю.

В обстановке, когда реакционные и либеральные круги пытались исказить идейную сущность деятельности Радищева, М. А. Антонович ответил литературно-политическим противникам, разбивая их попытки поставить знак равенства между политической программой Радищева и реформой 1861 года.

Антонович показывает, что требования Радищева не сводились только к вопросу о крепостном праве, что Радищев был противником монархического образа правления и в нем, прежде всего, видел основу всех социальных зол: «Радищев же, — говорит Антонович, противопоставляя Радищева Новикову, — видел и понимал страдания своего отечества и полагал главную причину их не в невежестве или бедности, а в других неблагоприятных обстоятельствах, заключающихся в самом общественном строе» (стр. XXVIII).

Антонович подчеркивает непримиримость Радищева по отношению к Екатерине, его понимание изнанки блестящей фразеологии екатерининского царствования.

В политической программе Радищева Антонович отводит важное место требованию свободы слова и ума, доказывая, что Радищев здесь пошел гораздо дальше требований, которые выставлялись в 60-е годы либеральными кругами: «Самый вопрос о свободе слова поставлен Радищевым гораздо шире и глубже, чем он ставился в наше время, он понимал, что она невозможна без многих необходимых условий, забываемых нынешними публицистами».

Антонович цитирует главу «Торжок», которая из издания 1868 г. вообще была исключена. Встает вопрос об источнике, которым он мог пользоваться. Вероятно, это был какой-нибудь рукописный список «Путешествия», так как текст цитат отличается и от лондонского издания и от издания 1790 г., но ближе к первому, чем ко второму (см. сопоставление текста на стр. 296).

Всего Антонович привел двадцать шесть разного объема отрывков из «Путешествия»; в общей сложности эти цитаты составили несколько больше двадцати страниц книги Радищева (по изд. 1790 г.); если принять во внимание, что «Путешествие» в первом издании Радищева 443 стр., получается, что Антонович привел почти 5% всей книги. Выбраны Антоновичем преимущественно цитаты, характеризующие философские взгляды Радищева, а также его отношение к вопросам цензуры. Повидимому, из цензурных соображений Антонович не касался тех мест «Путешествия» Радищева, где идет речь о цареубийстве и о крестьянской революции.

Не желая подвергать все издание опасности конфискации, Антонович, тем не менее, ввел в текст своей статьи едва ли не самые важные

---

1 Там же, стр. 232.

2 Полн. собр. соч., ГИХЛ, т. I, стр. 319.

3 «О повреждении нравов в России» кн. М. Щербатова и «Путешествие А. Радищева». London, 1858.

Вот, например, случай, когда текст Антоновича ближе к изданию Герцена:

Изд. 1790 г.	Лондонское изд.	Антонович
Здесь на почтовом дворе встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург, на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения, завести в сем городе свободное книгопечатание.	Здесь на почтовом дворе встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург для испрошения дозволения завесть в сем городе свободное книгопечатание.	Здесь на почтовом дворе встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург для испрошения дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание.
(стр. 289)	(стр. 247)	(стр. XXXII)

Но встречаются в статье Антоновича и другие случаи:

Изд. 1790 г.	Лондонское изд.	Антонович
Переводчик следуя Автору говоря о любви назвал ее: лукавым богом. Мундирной ценсор, исполненный духа *благоговения*, сие выражение почернил, говоря: «неприлично Божество называть лукавым». Кто чего не разумеет, тот в то да немешается. Если хочешь благоразтворенного воздуха, удали от себя коптильню; если хочешь света, удали затмевание; если хочешь, что бы дитя небыло застенчиво, то выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там *служители* пьяницы, воры и того еще хуже.	Переводчик, следуя автору, назвал «любовь лукавым богом». Мундирный цензор, исполненный духа *благочестия*, почернил сие выражение, говоря: «неприлично Божество называть лукавым». Кто чего не разумеет, тот в то да не мешается. Естьли хочешь благорастворенного воздуха, то удали от себя коптильню; естьли хочешь света, удали затмение; естьли хочешь чтоб дитя не было застенчиво, то выгони лозу из училища. В доме где плети и батожье в моде, там *слуги* пьяницы, и еще того хуже, воры.	Переводчик, следуя автору, назвал «Любовь лукавым богом». Мундирной цензор, исполненный духа *благоговения*, сие выражение почернил, говоря: «неприлично Божество называть лукавым». Кто чего не разумеет, тот в то да не мешается. Если хочешь благоразтворенного воздуха, удали от себя коптильню; если хочешь света, удали затмевание; если хочешь, чтобы дитя не было застенчиво, ты выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там *служители* пьяницы, воры и того еще хуже.
(стр. 293—294)	(стр. 249)	(стр. XXXII)

отрывки «Путешествия», из которых читатель, в руках которого было только искаженное издание 1868 г., мог получить более полное и правильное представление о Радищеве.

Характеризуя философскую систему Радищева, Антонович прежде всего подчеркивает ее материалистические начала: отрицание дуализма человеческой природы, признание законности естественных стремлений человека и т. п.

Особенно высоко оценены им рассуждения Радищева из области политической и общественной философии. Антонович видит в Радищеве не простого ученика западных просветителей, как это делали либералы, но считает, что система взглядов Радищева — «последнее слово философии XVIII века» и, главное, не отвлеченное учение, а практически направленное на нужды и потребности отечества, с учетом способов этого применения. Настойчиво проводится мысль о полной осознанности философско-политической системы, о том, что нельзя отрывать вопроса о крепостном праве от остальных положений книги, так как книга «представляет собою очерк полной философской системы с политической философией и общей моралью» (стр. XXIX).

Отстаиванием материалистических и революционных взглядов Радищева М. А. Антонович резко выделяется на фоне либеральной фальсификации образа Радищева, выступая в этом вопросе достойным продолжателем революционно-демократических традиций.

Это обстоятельство дает ему право на сочувственное внимание советского читателя.

А. И. Дуденкова

ПИСЬМО АННЫ РАДИЩЕВОЙ К Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

В архиве Литературного Фонда сохранилось письмо дочери А. Н. Радищева — Анны Александровны Радищевой к председателю Литературного Фонда Ег. П. Ковалевскому, в котором она, обращаясь за пособием, сообщает о себе некоторые небезынтересные сведения (рукописное отделение Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив Лит. Фонда, т. XV, лл. 151—152). Письмо поступило в Литературный Фонд, как это видно из пометы на нем, 15 ноября 1865 г. Согласно принятым правилам, одному из членов, в данном случае акад. Я. К. Гроту, было поручено посетить просительницу, и на основании его заключения (л. 159), также не лишенного известного интереса, А. А. Радищевой было выдано пособие в размере 75 р.

В письме Радищевой останавливает на себе особенное внимание одна фраза. Она пишет, что обращается к Ковалевскому как к председателю «благотворительного Литературного Общества, из среды которого, сколько мне известно, не исключены имена покойного отца моего Александра Николаевича и брата моего Николая Александровича Радищевых».

По данным разыскания П. Н. Беркова А. А. Радищева родилась не в 1795, а в 1792 г.

Как указывает Радищева в письме к Ковалевскому, в 1812 г. она окончила курс в Воспитательном обществе благородных девиц, а с 1814 до 1841 г. служила там классной дамой (это подтверждается данными, приведенными в книге Н. П. Черепнина «Имп. воспитательное общество благородных девиц», том 3, 1915, стр. 507). Сохранился отзыв о Радищевой одной из ее учениц. «Не могу не вспомнить добром, — писала она, — классных дам, которые относились к нам справедливо,

внушая хорошие и честные правила. Особенно из них была прекрасная личность Радищева, которая обращалась с нами, как мать с детьми» (там же, том 2, стр. 119). Из того же источника (том 2, стр. 412) известно, что уже в 1870 г., через пять лет после обращения в Литературный фонд, Радищева жила в помещении Смольного института.

Упомянутый Я. К. Гротом Боголюбов — известный художник-маринист Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896), автор «Записок моряка-художника».

И. Я.

«Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!

Воспитываясь в Смольном монастыре, в Обществе благородных девиц, я, окончив курс в 1812-м году, оставалась в Обществе кандидаткой и в 1814-м году 1-го октября поступила на службу в звании классной дамы и оставалась в оной почти до конца 1841-го года, т. е. до той поры, пока тяжкая болезнь не заставила меня просить увольнения. По выходе моем из службы мне положено было 285 рублей 71 копейка серебром ежегодного содержания. Будучи еще очень слаба и не совсем поправившись от моей болезни, я по совету доктора должна была продолжать лечиться, но здоровье мое медленно поправлялось и только по истечении двух лет я совершенно поправилась. В продолжение этого времени мои небольшие средства видимо истощились, и чтобы несколько поправить их, чувствуя притом себя совершенно здоровою, я начала снова трудиться, преподавая уроки в частных домах, чем поправила свое расстроенное хозяйство, и готова уже была оставить мои занятия, как старшая сестра моя известила меня, что будучи уже на смертном одре, она подала просьбу в Опекунский совет о принятии и помещении троих сирот наших родственников, и просит меня не оставлять их, если Опекунский совет уважит ее просьбу и поместит детей в С.-Петербурге, что вскоре и воспоследовало, двое мальчиков определены были в бывший тогда Александровской малолетний корпус, а сестра их в Николаевской сиротской институт. Оба племянника мои, в первом возрасте, были очень слабы здоровьем, что и требовало с моей стороны попечения, и я не упускала случая помогать им сколько могла, пока силы мои позволяли мне трудиться, что и продолжалось семь лет. Наконец здоровье мое начало ослабевать, зрение от постоянных занятий испортилось, слух почти совсем потерялся, и я сделалась неспособною ни к какому труду, отчего средства мои совершенно истощились, и я вошла в долги, которые и тревожат меня и лишают покоя. В таких затруднительных обстоятельствах, не имея покровителей, я долго не решалась утруждать кого-либо просьбою, опасаясь тем лишить помощи людей более меня нуждающихся и имеющих право на пособие, но мысль, что в преклонных моих летах (мне около 70 лет от роду) я могу вдруг лишиться жизни, не удовлетворив моих обязательных кредиторов, прекратила мои колебания. Слыша притом о всегдашней готовности Вашей пособить просящему каким бы то ни было от Вас зависящим способом, понудила меня обратиться к Вашему Высокопревосходительству как главному члену и председателю благотворительного Литературного Общества, из среды которого, сколько мне известно, не исключены имена покойного отца моего Александра Николаевича и брата моего Николая Александровича Радищевых, и почтительнейше просить Вашего милостивого представительства у сего Общества, не соблаговолит ли оное оказать мне, если это возможно, единовременную помощь, чем совершенно успо-

коит мою старость и заставит вечно молить бога о всегдашнем преуспеянии благотворительного Литературного Общества.

С чувством глубочайшего уважения имею честь быть, Милостивый Государь, вашею покорною

Анна Радищева»

«Посетив, по поручению Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам, девицу Анну Александровну Радищеву, имею честь донести, что я нашел в ней старушку, сколько можно судить по разговору, очень почтенную. Все сказанное в ее просьбе оказывается совершенно справедливым. Она родилась в Сибири в 1795 г. от второго брака А. Н. Радищева и по возвращении на службу отца своего была принята, по повелению императора Александра I, на казенный счет в Смольный монастырь, тогда как два брата ее поступили таким же образом во 2-й кадетский корпус. Последующий ход ее обстоятельств можно видеть из помянутой бумаги. Один из племянников, в воспитании которых, как сирот, она участвовала, с пожертвованиями, есть известный живописец Боголюбов. Кроме пенсии в 285 руб. г-жа Радищева не имеет никаких средств к пропитанию и очевидно терпит нужду, хотя и обеспечена квартирою; о том свидетельствует скудная и ветхая обстановка ее маленького помещения: стул, на который я случайно сел, с шумом отказался служить, и я должен был прибегнуть к другому. Разговор с г-жою Радищевой весьма затруднителен по причине ее почти совершенной глухоты, так что она по необходимости прервала уже почти все сношения с близкими; к этому недостатку присоединяется ревматизм в правой руке, от которого она должна лечиться. От служанки ее услышал я, что старушка к концу каждого месяца остается без денег и с трудом перебивается до получения их в начале следующего. При таком стесненном положении престарелой и болезненной дочери известного писателя, я полагал бы сообразным с целями нашего Общества назначить ей в единовременное пособие от 50 до 75 руб.

Я. Грот.

29 ноября 1865».

ДОЧЬ РАДИЩЕВА

В номере 147 «Санктпетербургских ведомостей» от 3 июля 1846 г. под ст. 1546 появилось, среди массы других, следующее объявление:

«Имп. Воспитательного Дома Московск. опекун. Совет сим объявляет, что в оном будет продаваться с акуцион. торга заложенное и просроченное недвижим. имение из дворян девицы Екатерины Александровны дочери Радищевой, Саратовск. губ., Кузнецкого у., в дер. Тарлаковой из 16—13 душ по 7-ой ревизии. Оное имение будет продаваться с рожденными после ревизии, со всею принадл. к нему землею и всяким на оной строением, и с переводом долга Совета, кто пожелает, по старому свидет. на правилах Сохранной Казны на 26 или 37 лет. Торг же назнач. быть 18 июля 1846 г. Почему желающие купить благоволят явиться в Опекунский Совет в назначенный торг в 10 ч. утра и подписаться к оному».

«Из дворян девица» Екатерина Александровна Радищева, дочь А. Н. Радищева от первого брака с А. В. Рубановской, родилась в Петербурге в 1782 г. Так, по крайней мере, за отсутствием других дан-

ных, нужно понимать показание Радищева на следствии у Шешковского от 11 июля 1790 г. «дочь Катерина по 8-му году».[1]

Как известно, свояченица Радищева, Елизавета Васильевна Рубановская, заменившая осиротевшим 3 августа 1783 г. детям Радищева мать, после отправления Радищева в ссылку распродала все свое имущество, оставила всех близких и, захватив младших детей Радищева, Павла и Катерину, отправилась с ними к их отцу в Сибирь. Героическая русская женщина, предварившая воспетый Некрасовым подвиг жен декабристов, прибыла в Тобольск 2 марта 1791 г.[2], а 30 июля того же года пустилась с Радищевым и привезенными ею двумя младшими его детьми в далекий и суровый путь в Илимск. Юной путешественнице—Катерине Радищевой в эту пору исполнилось лишь 9 лет. Все свое детство и раннюю юность, вплоть до 1797 г. Катерину Радищеву окружали снежные сугробы и неприветливый пейзаж Илимска. О дальнейшей жизни Катерины Радищевой — сведений очень мало.

В 1922 г. В. П. Семенников опубликовал в «Радуге», альманахе Пушкинского Дома, помеченное 18-м августа письмо А. Н. Радищева из Петербурга к родителям в с. Аблязово.[3] В этом, очень интересном в биографическом отношении, письме Радищев сообщает о своей болезни, о переездах «с квартеры на квартеру», а главное, о своем последнем адресе: «В Семеновском полку в прежней 4-й роте в доме купецкой жены Лавровой № 606 четвертого квартала Московской части». К письму трогательная и нежная приписка «послушной внучки Катерины Радищевой».

В. П. Семенников явно ошибался, относя это письмо к 1801 году. 18 августа 1801 г. Радищев, если еще не уехал в Москву сопровождать своего начальника на коронационные торжества, то был, во всяком случае, слишком поглощен своей новой работой в «Комиссии сочинения законов» и приготовлениями к дороге в Москву. Ему было явно не до переездов «с квартеры на квартеру». В это время, насколько известно, Радищев был здоров. Во всяком случае, о своей поездке в Москву, так же как и вообще о значительных событиях в своей жизни в эту пору, он не преминул бы уведомить своих родных, если бы письмо было действительно написано 18 августа 1801 г. Оно не могло быть написано и в «Петербургский» период жизни Радищева (1771—1790), так как после женитьбы (1775 г.) Радищев жил в доме тестя на «Грязной» улице (Ныне ул. Марата № 14 в Ленинграде) и не было никакой нужды переезжать «с квартеры на квартеру». Не может быть и речи о датировке письма промежутком с 1771 до 1775 г. хотя бы потому, что дочери Катерины тогда еще не было в живых. Следовательно, письмо могло быть написано т о л ь к о в 1802 г. Упоминаемый в письме дом Лавровой был снесен в 1908 г. О том, что квартира в «Семеновском полку» была, во всяком случае, последней квартирой Радищева, мы можем говорить с полной уверенностью, на основании свидетельства сослуживца Радищева по «Комиссии сочинения законов» П. С. Ильинского.[4]

Письмо Радищева от 18 августа интересно и в другом отношении. Оно удостоверяет, что Катерина Радищева — верный спутник Илимского узника, была с ним до последних минут его жизни. В эти же годы, когда имущество Катерины Радищевой назначалось к продаже с аукциона, в весьма бедственном положении находился и другой верный спутник Радищева по сибирской ссылке, младший сын Павел, влачивший жалкое существование домашнего учителя в г. Таганроге.

И. Д. Смолянов

---

1 А. Н. Р а д и щ е в. Избранные сочинения, М.—Л., ГИХЛ, 1949, стр. 682.

2 Письмо Радищева гр. А. Р. Воронцову из Тобольска от 8 марта 1791 г., т а м ж е, стр. 531.

3 Радуга. Альманах Пушкинского Дома, Пг., 1922, стр. 9—14.

4 Воспоминания о моей жизни. «Русский Архив», 1879, № 12, стр. 416.

К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ" в 1860-е годы

Как известно, в 1872 г. библиограф и редактор русских классиков П. А. Ефремов выпустил собрание сочинений Радищева, которое, как только вышло в свет, было арестовано, а затем уничтожено.

Оказывается, что мысль об издании Радищева (правда, не собрания его сочинений, а только «Путешествия из Петербурга в Москву») возникла у Ефремова еще в 1865 году. В декабре этого года он писал члену Главного управления по делам печати Ф. Ф. Веселаго:

«Я к Вам обратился многоуважаемый Феодосий Федорович, как к окончательному решителю моих судеб по изданию «Путешествия» и вышел от Вас очень смущенным. Рисковать другими занятиями и службой для Радищева я не желаю. Поэтому прошу Вас сказать просто, как человеку Вам знакомому: н е т, и я все брошу, пока еще время есть (до субботы). Я бы зашел к Вам минуты на 2, и если Вас не застану, то передайте прислуге, чтоб только сказала мне д а или н е т. Иначе кровь моя возопиет на Вас.

Всегда преданный Вам
П. Ефремов.

15 дек. 1865»

(Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

Нет сомнения, что Ефремов получил в ответ: «нет».

И. Я.

БИБЛИОГРАФИЯ

Т. А. КАРПЕНКО, С. К. СИМКИНА

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА 1949 года ОБ А. Н. РАДИЩЕВЕ

(Библиографический указатель)

Исполнившееся 31 августа 1949 г. 200-летие со дня рождения А. Н. Радищева, — великого русского писателя и борца, одного из родоначальников революционной мысли в России и основоположников русского философского материализма, — было широко отмечено печатью всего Советского Союза. На знаменательную дату откликнулись почти все советские газеты и журналы; к памятным дням и непосредственно вслед за ними вышло в свет много новых изданий его сочинений, книги о нем, юбилейные памятки, библиографические справки, каталоги посвященных ему выставок и т. д. Литература о Радищеве сразу пополнилась несколькими сотнями номеров. Для всякого исследователя Радищева разыскание и учет всей этой обширной литературы представляет значительные трудности не только по количеству и малодоступности многих книг и статей о нем, напечатанных в 1949 г. в многочисленных культурных центрах нашей страны — от Москвы до Владивостока, от Ленинграда до Одессы, от Киева до Ташкента... Энциклопедичность знаний Радищева, удивительная широта его интересов, глубокое и прогрессивное разрешение им самых разнообразных проблем научной и общественной жизни его времени, — все это оказалось причиной того, что мимо Радищева не прошли даже специальные советские периодические издания, посвященные самым разнообразным научным отраслям, куда не всегда может заглянуть историк и литературовед. Статьи и заметки о Радищеве, порою заключающие в себе весьма ценные наблюдения или разыскания о нем специалистов, были помещены в таких, например, изданиях как «Советская агрономия», «Социалистическое сельское хозяйство», «Медицинский работник», «Вестник статистики», «Советское государство и право» и т. д. Ряд статей, посвященных Радищеву, в юбилейные дни напечатали философы и экономисты, психологи и географы, юристы и биологи, археологи и статистики... В этом нельзя не видеть замечательного свидетельства всенародности признания Радищева, любви и уважения к его памяти всего советского народа, которые так ярко проявили себя в юбилейные дни 1949 г.

Этим и определяется в значительной степени задача предлагаемого ниже опыта библиографической сводки литературы о Радищеве за 1949 г. Составители стремились к тому, чтобы добиться полноты своего перечня; регистрации подлежали и были включены в указатель издания сочинений Радищева, а также все книги, брошюры, статьи, листовки и т. д. о Радищеве, напечатанные на русском языке в пределах Советского Союза и вышедшие в свет в 1949 г. (до 1-го января 1950 г.). К сожалению, в указатель не могли быть включены издания сочинений Радищева в переводах на языки народов Советского Союза — украин-

ский, белорусский, грузинский, армянский, узбекский, эстонский и т. д., так как такая работа могла бы составить особую библиографическую задачу, а выполнение ее потребовало бы участия библиографов отдельных национальных республик. Кое-какие данные о переводах сочинений Радищева и юбилейной литературе о нем на различных языках были собраны составителями:[1] некоторые образцы таких изданий читатель найдет в иллюстрациях, прилагаемых к настоящему указателю и в пояснениях к ним; сознавая, однако, неполноту и отрывочность данных, оказавшихся в их распоряжении, составители принуждены были отказаться от их опубликования. Необходимо сделать и другую оговорку. В указатель включена лишь юбилейная литература 1949 г. об А. Н. Радищеве, относящаяся к нему непосредственно; книги и статьи общего и специального характера, в которых лишь упоминается Радищев, или такие, в которых идет о нем речь попутно, как правило, в указатель не включались; сделано было лишь несколько исключений, — в тех случаях, когда называемые работы, посвященные другим писателям (например, Пушкину), имели прямое отношение к Радищеву. В указатель не могли быть включены также те работы о Радищеве, которые вышли в свет до юбилея, в частности, в предъюбилейные годы.[2] Однако ряд ссылок на подобные издания читатель найдет в статьях о Радищеве, публикуемых в настоящем сборнике.

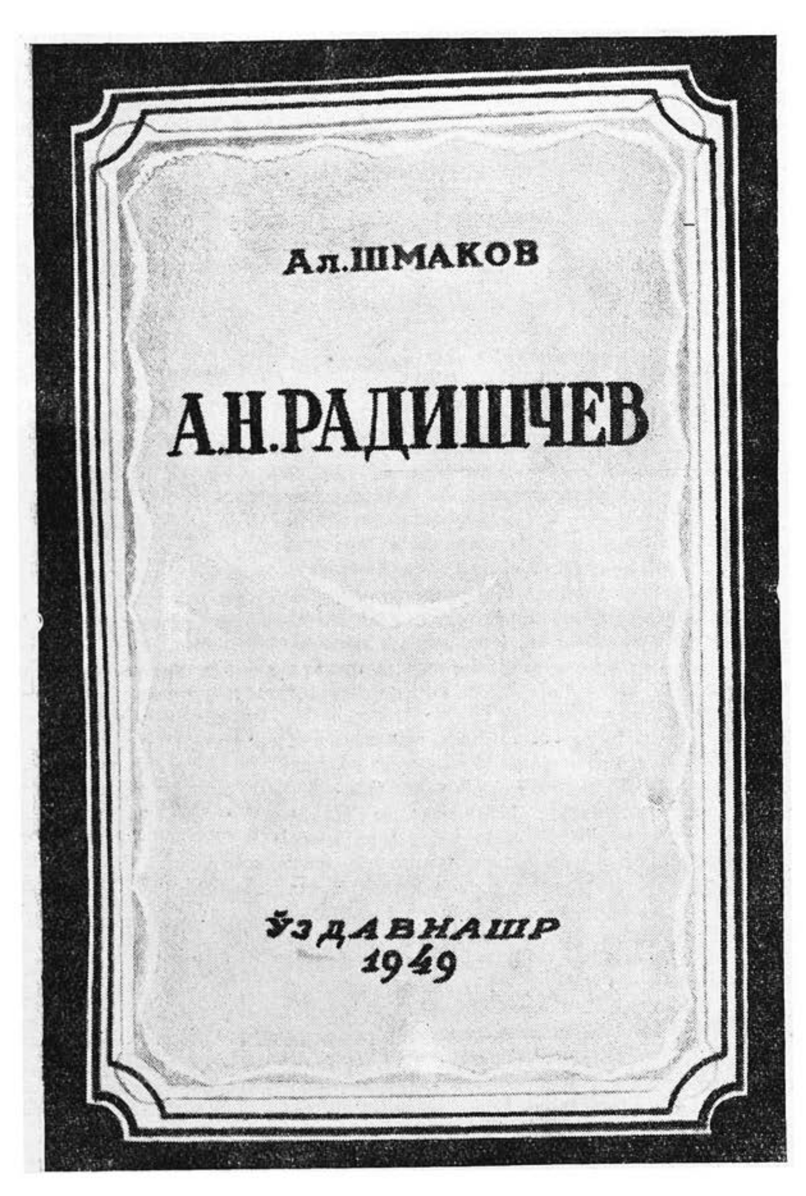
Следует напомнить, в связи с этим, что библиография Радищева за предшествующие годы разработана относительно хорошо. Первой обстоятельной сводкой литературы о нем была «Библиография А. Н. Радищева», составленная Р. С. Мандельштам под ред. Н. К. Пиксанова.[3] В этом перечне зарегистрирована основная русская дореволюционная ли-

---

[1] Ал. Шмаков. А. Н. Радищев. Первый дворянский революционер и просветитель, Изд. Қзыл. Узбекистан и «Правда Востока», Ташкент, 1949 г. 4 стр. (на узб. яз.). — Его же. А. Н. Радишчев, Уздавнашр, 1949. — А. Турчинский. А. Н. Радищев — великий русский писатель-революционер. Таллин, 1948 г., 32 стр. (на эстонском языке) и др.

[2] По этой причине в указателе отсутствуют, например, указания на статью И. П. Плотникова «К вопросу эволюции стиля в творчестве Радищева» (главы из монографии «Радищев» — «Известия Воронежского Гос. Педагогического Института», 1948, т. IX, вып. 3, стр. 5—28), продолжение которой, сколько знаем, не появилось; или на статью Н. В. Фридман «Батюшков и поэты-радищевцы»—Доклады и сообщения Филологического факультета Моск. Гос. Университета, вып. 7, М., 1948, стр. 40—49.— В указатель не вошли также многочисленные юбилейные статьи о Пушкине 1949 г. (в которых нередко шла речь об его отношениях к Радищеву), или о других писателях, где идет речь о таких же личных или творческих отношениях к Радищеву (см., напр., книгу Н. Степанова: «Крылов. Жизнь и творчество», М., 1948, стр. 16—19, 80—82). Следует, однако, указать, что накануне юбилея интерес к Радищеву настолько усилился, что его имя стало попадаться в научной печати по самым разнообразным поводам. Отметим, для примера, статью И. В. Луньевича «Два неизвестные произведения Маркович-Лобач (Марко Вовчок)» в издании Киевского университета: «Філологичний Збірник» № 2 (Київ, 1948), в которой делается недостаточно убедительная, с нашей точки зрения, попытка доказать, что для рассказа украинской писательницы «Путешествие во внутрь страны. От Петербурга до Москвы» (1871) «образцом» послужило «Путешествие» А. Н. Радищева (стр. 138—140).

[3] Р. С. Мандельштам. Библиография Радищева. «Вестник Комм. Академии», 1925, кн. XIII, стр. 282—301, 1926, кн. XIV, стр. 312—334, кн. XV, стр. 334—352 и отд. отт. (54 стр.).



Обложка книги А. Шмакова «А. Н. Радищев»
(на узбекском языке)

1749—АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИШШЕВ—1949

А. Н. РАДИШШЕВ

Азадлыг

ОДА

1.

Сән, эй уча көнләрин ән мүгәддәс не'мәти,
Эй бүтүн хейр ишләрин түкәнмәйән гүдрәти,
Эй азадлыг, азадлыг, йохдур сәнин гиймәтин,
Ичазә вер бир гула сәни тәрәннүм этсин!
Долдур мәним гәлбими сән өз һәрарәтинлә,
Чушә кәлсин һәр тели сәнин өз гүввәтинлә:
Әсарәт зүлмәтини дөндәр ишыглы күнә,
Әмр эт Брут илә Телл гиям этсинләр енә.
Һакимиййәт башында дуран о залым чарлар,
Титрәсинләр дәһшәтли сәсиндән һөкмүдарлар.

2.

Сән дә вардын мәнимлә дүняя кәлән күндә,
Голумда-аяғымда нә зәнчир, нә дә күндә;
Өз әлими азадча узадыб һәр заман мән
Өз лоғмамы алырдым, ейирдим өз сүфрәмдән.
Кедирдим аяғымла үрәйим һара десә;
Динләйирдим һәвәслә көнлүм нәйи истәсә;
Дүшүндүйүм һәр шейи мән сөйләйә биләрдим,
Мән истәсәм севәрдим, истәсәм севиләрдим.
Бачарардым хейр ишлә һөрмәт-иззәт газанмаг,
Мәнчә еканә ганун—азадлығымды анчаг!

3.

Бәс бу азадлығымы нәләрдир тәһдид эдән?
Һәр ердә истәйимә бир әнкәл көрүрәм мән!
Доғру халгын ичиндән үмуми һакимиййәт,
Һәр бир һакимиййәтә о верди бир нәһайәт.
Һәр бир ишдә чәмиййәт артыг табедир она,
Һамы екдиллик илә уймуш онун руһуна,
Үмуми мәнфәәтчин һүдуду йохдур онун,

Страница перевода на азербайджанский язык оды А. Н. Радищева «Вольность».
Из журнала «Революция и культура», Баку, 1949.

тература о Радищеве (библиографические указатели, сочинения и письма Радищева; научная литература о Радищеве, систематизированная по темам; юбилейная литература 1902 г.; популярная и учебная литература; иконография Радищева; смесь), а также советские издания до 1925 г. включительно. Продолжением этой работы является обзор И. Д. Смолянова: «Библиография А. Н. Радищева»,[1] в которой перечислены все основные работы о Радищеве преимущественно на русском языке, вышедшие в свет между 1925—1939 гг. Предлагаемый перечень юбилейной литературы о Радищеве 1949 г. является естественным продолжением указанных двух работ. Для облегчения пользования настоящим указателем важнейшие или представляющие интерес в том или ином отношении книги и статьи о Радищеве снабжены аннотациями.

I. Сочинения А. Н. Радищева[2]

Избранное. Л., «Молодая гвардия», 392 стр. 11 л. илл. Вступительная статья «Жизнь и творчество А. Н. Радищева» (стр. 3—64), редакция текста и примечания (стр. 367—378) Л. И. Кулаковой. Иллюстрации художника А. Н. Самохвалова.

Содержание: Жизнь и творчество А. Н. Радищева. — Путешествие из Петербурга в Москву. — Дневник одной недели. — Письмо к другу, жительствующему в Тобольске. — Житие Ушакова с приобщением некоторых его сочинений. — Беседа о том, что есть сын отечества. — Отрывок путешествия в *** И. Т.

Избранные сочинения. Вступительная статья Г. П. Макогоненко М.—Л., Гослитиздат, LVIII, 855 стр., 1 л. портр. фронт., 4 л. илл.

Вступительная статья «Александр Радищев», стр. III—LVIII.

В книгу вошли почти все основные произведения Радищева, прозаические и поэтические. Кроме того, по текстам, приготовленным для академического издания, впервые напечатаны: «Опыт о законодавстве», «О добродетелях и награждениях», «К российской истории» [разрозненные заметки]. В отделе «Письма из сибирской ссылки» напечатаны письма Радищева к А. Р. Воронцову (впервые в русских переводах). В печатающиеся по сохранившимся неисправным копиям «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири» внесены значительные исправления на основании географических данных; к изданию приложена карта пути Радищева в сибирскую ссылку, составленная П. П. Померанцевым.

Избранные философские сочинения под общей редакцией и с предисловием И. Я. Щипанова. Л., Госполитиздат, 559 стр. (Академия Наук СССР, Институт Философии).

---

[1] И. Д. Смолянов. Библиография А. Н. Радищева, «Советская библиография», 1941, № 1 (13), стр. 118—133.

[2] Все упомянутые в настоящей библиографии издания вышли в свет в 1949 г.; поэтому в каждом отдельном случае год не указывается.

Содержание: И. Я. Щипанов. А. Н. Радищев.—Путешествие из Петербурга в Москву. — Письмо к другу, жительствующему в Тобольске. — Житие Федора Васильевича Ушакова. — Беседа о том, что есть сын отечества. — О человеке, его смертности и бессмертии. — О законоположении. — Вольность. — Мелкие стихотворения: Ода к другу моему. — Ты хочешь знать. — Почто мой друг. — Журавли. Басня. — Осмнадцатое столетие. — Письма А. Н. Радищева к А. Р. Воронцову.

Рец.:

Евграфов В. Избранные философские сочинения А. Н. Радищева. «Культура и жизнь». 11/VIII № 22.

Покровский В. Юбилейная литература о Радищеве. «Советское государство и право», № 9, стр. 80—83.

Прокофьев В. Родоначальник революционной мысли в России. А. Н. Радищев. «Избранные философские сочинения» под общей редакцией и с предисловием И. Я. Щипанова. Госполитиздат. «Большевик», 1949, № 22, стр. 70—75.

Путешествие из Петербурга в Москву. Приложение: Вольность, ода. — Отрывок путешествия в.*** И.*** Т.*** Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 256 стр., редакция, вступительная статья («А. Н. Радищев и его Путешествие из Петербурга в Москву» стр. 3—48) и примечания Д. С. Бабкина.

II. Книги о Радищеве

А. Н. Радищев. 1749—1949. Пенза, Пензенское областное издательство, 172 стр. (Музей А. Н. Радищева в селе Верхнем Аблязове, Кузнецкого района Пензенской области).

Содержание: М. Молебнов. Александр Николаевич Радищев. — И. Эвентов. Радищев в оценке В. И. Ленина и марксистской печати дооктябрьских лет. — М. И. Калинин о Радищеве. — Л. Б. Светлов. «Путешествие из Петербурга в Москву». — А. А. Шмаков. Радищев в сибирской ссылке. — А. Храбровицкий. Радищев в Верхнем Аблязове после сибирской ссылки. — А. Ткачев. Верхнее Аблязово сегодня. — Высказывания Радищева. — Высказывания о Радищеве. — Основные даты жизни и деятельности А. Н. Радищева. — Литература (библиографическая справка).

Александр Николаевич Радищев. 1749—1802, 200 лет со дня рождения. Саратов. (Саратовский государственный музей им. А. Н. Радищева).

Описание связанных с именем А. Н. Радищева экспонатов отдела русского искусства Радищевского музея (портреты А. Н. Радищева, его жены, деда, сына, виды с. Аблязова и др.). Фотографии этих экспонатов (всего 17 илл.).

А. Н. Радищев. (1749—1949). Тезисы лекций Центр. лекционного бюро Управления лекционной пропаганды Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР. М., 1 л., слож. в 6 стр.

А. Н. Радищев (1749—1949). Памятка читателю, Ворошиловград. 4 стр. (Ворошиловградское областное отделение культурно-просветительных учреждений. Государственная областная библиотека им. М. Горького).

А. Н. Радищев — писатель, мыслитель, революционер (рекомендательный список литературы к 200-летию со дня рождения). Пенза (Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова), 3 стр.

Бабушкин Н. Ф. Выдающийся русский писатель-революционер А. Н. Радищев. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в г. Томске в 1949 г. Томск, 22 стр. (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Томское областное отделение).

Благой Д. Д. А. Н. Радищев. Пенза, Пензенское областное издательство, 47 стр.

Благой Д. Д. Александр Радищев. 1799—1949. М., Гослитиздат, 64 стр.

Рец.:

Степанов Н. Л. Новые книги о Радищеве. «Вестник АН СССР», № 11, стр. 117—123.

Горбунов М. А. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М. Госполитиздат, 171 стр., 1 л. портр. фронт.

Содержание: Радищев и его эпоха. — Общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. — Философские и социологические воззрения Радищева. — Влияние Радищева на развитие русской общественной мысли XIX в.

Рец.:

Александров С. Обзор юбилейной литературы о Радищеве. Изв. АН СССР. Отд. экономики и права, № 6, стр. 470—475.

Покровский В. Юбилейная литература о Радищеве. «Советское государство и право», № 9, стр. 80—83.

Степанов Н. Л. Новые книги о Радищеве. «Вестник АН СССР», № 11, стр. 117—123.

Евгеньев Б. Александр Николаевич Радищев. 1749—1802. М., «Молодая гвардия».

Содержание: Гражданин будущих времен.—На заре жизни.—Годы учения. — Путь борьбы. — «Путешествие из Петербурга в Москву». — Испытание. — Последние годы. — Основные даты жизни и деятельности А. Н. Радищева.

Краткая библиография.

Замятнин В. Н. Социально-экономические взгляды А. Н. Радищева. Воронеж, 40 стр. (Труды Воронежского Государственного университета, т. XVI, вып. 3).

Рец.:

Александров С. Обзор юбилейной литературы об А. Н. Радищеве. Изв. АН СССР. Отд. экономики и права, № 6, стр. 470—475.

Кальянова А. Д. А. Н. Радищев. Материалы для библиотеки. Саратов, 23 стр. (Саратовский областной отдел культурно-просветительной работы. Саратовская областная библиотека).

Кулакова Л. И. А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. Л., Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 115 стр., 1 л. портр.

Коршунова Л. А. Александр Николаевич Радищев. 1749—1802. Памятка читателю. Новосибирск, 13 стр.

Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. М., Гослитиздат, 192 стр., 1 л. портр. фронт.

Рец.:

Александров С. Обзор юбилейной литературы об А. Н. Радищеве. Изв. АН СССР, отд. экономики и права, № 6, стр. 470—475.

Степанов Н. Л. Новые книги о Радищеве. Вестник АН СССР, № 11, стр. 117—123.

Михайлов В. Н. Общественно-политические и философские взгляды А. Н. Радищева. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 г. в Лектории Общества в г. Саратове. Саратов, 39 стр. (Всесоюзное об-во по распространению политических и научных знаний, Саратовское отделение).

Рец.:

Гольцберг В. и Костин В. Путаная лекция. «Коммунист» (Саратов), 20 ноября.

Муратов М. В. Жизнь Радищева. Научный ред. И. Сергиевский. М. — Л., Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 248 стр. с иллюстрациями, 1 л. портр. фронт.

Содержание: Детство. — В Москве. — При дворе Екатерины II. — В Университете. — Снова в Петербурге. — На новой службе. — Возникновение замысла. — «Путешествие из Петербурга в Москву». — Следствие и суд. — В ссылке. — Последние годы жизни.

Орлов В. Радищев и русская литература. М., ГИХЛ, 111 стр.

Новые данные о современниках Р., его единомышленниках в борьбе с самодержавием. Влияние Р. на Общество друзей словесных наук, запрещенное в 1790 г. Связь молодого И. А. Крылова и А. И. Клушина с кругом Р. Радищевские идеи в обширной подпольной рукописной литературе конца XVIII—начала XIX в.

Рец.:

Степанов Н. Л. Новые книги о Радищеве. «Вестник АН СССР», № 11, стр. 117—123.

Панкратов А. и Мишков Н. Жизнь и общественно-литературная деятельность А. Н. Радищева. Нальчик, 48 стр. (Кабардинское республиканское лекционное бюро Управления по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Кабардинской АССР. В помощь лектору).

Содержание: Вступление. — Жизнь и деятельность А. Н. Радищева. — Литературная деятельность А. Н. Радищева. — «Путешествие из Петербурга в Москву». — Социально-политические и философские взгляды А. Н. Радищева. — Значение А. Н. Радищева. — Краткая библиография [12 названий].

Приказчикова Е. В. Экономические взгляды А. Н. Радищева. 2-е исправленное и дополненное издание. Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 156 стр. (Академия наук СССР, Институт Экономики).

Рец.:

Александров С. Обзор юбилейной литературы об А. Н. Радищеве. Изв. АН СССР. Отд. экономики и права, № 6, стр. 470—475.

Смолянов И. Д. Великий писатель-революционер Александр Николаевич Радищев. Псков, Псковиздат, 32 стр., 1 портр. фронт., 2 л. илл.

Стр. 24—32. Краткая летопись жизни и творчества Радищева.

Степанов Н. Л. Жизнь и творчество А. Н. Радищева. 1749—1949. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории О-ва в Москве. М., «Правда», 31 стр. (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний).

Степанов Н. Л. Пушкин и Радищев. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории О-ва в Москве. М., «Правда», 24 стр. (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний).

Шмаков Ал. Александр Николаевич Радищев. Ташкент, Госиздат, УзССР, 87 стр. с илл., 1 портр. фронт.

Содержание: Годы учебы. — Протоколист Сената. — Друг свободы. — Палачи Радищева. — Илимский невольник. — Возвращение из ссылки. — Гражданин будущего.

III. Статьи в журналах

Александр Николаевич Радищев. Вестник АН СССР, № 8, стр. 5—10.

Передовая статья общего характера.

Андреев Е. Александр Николаевич Радищев. «Октябрь» (Кишинев), № 4, стр. 80—83.

Бабкин Д. С. В Илимском остроге. «Огонек», № 35, стр. 12.

Бабкин Д. С. Великий борец за свободу. «Сов. книга», № 8, стр. 18—30.

Бабкин Д. С. Выдающийся русский революционер и писатель. «Пропаганда и агитация», № 15, стр. 17—23.

Белов П. Т. Александр Николаевич Радищев. «Славяне», № 8, стр. 51—53.

Берков П. Н. А. Н. Радищев как критик. Вестник Ленинградского университета, № 9, стр. 66—81.

Критические взгляды Р. в связи с его эстетическими и социальными воззрениями. Р. — вершина критической мысли XVIII в.

Берков П. Н. «Гражданин будущих времен». Известия АН СССР. Отд. лит. и яз., вып. 5, стр. 401—416.

Отношение Р. к крестьянской революции и к Пугачеву. Проблема сентиментализма и реализма в творчестве Р. — «родоначальника русского критического реализма». Датировка «Дневника одной недели».

Благой Д. Д. Александр Николаевич Радищев. «Культурно-просветительная работа». № 7, стр. 5—11.

Благой Д. Д. Выдающийся русский революционер и писатель. «Большевик», № 14, стр. 27—40.

Благой Д. Д. Наш Радищев. «Смена», № 16, стр. 10—11.

Бланкфельд Ю. А. Н. Радищев о земледелии. «Советская агрономия», № 7, стр. 90—92.

Интерес Р. к передовой агрономической науке его времени, его глубокое знание естественно-исторической и агрономической литературы.

Бляхарская Ф. См. Веридорский М. и Бляхарская Ф.

Бобровникова В. К. Педагогические идеи А. Н. Радищева. «Сов. педагогика», № 8, стр. 23—33.

Василевская Е. А. Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву», А. Н. Радищева. «Русский язык в школе», № 4, стр. 6—18.

Веридорский М., Бляхарская Ф. Новые материалы об А. Н. Радищеве. (По материалам Государственной публичной библиотеки УзССР им. А. Навои). «Звезда Востока», № 8, стр. 122—128.

Указаны новейшие печатные работы о Радищеве (всего 13 названий). Все работы аннотированы.

Виленская Э. С. Неопубликованный трактат А. Н. Радищева. «Вопросы философии», № 1, стр. 351—354.

Трактат «О добродетелях и награждениях».

Виленская Э. Исторические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории», № 9, стр. 32—51.

Подробный анализ противоречивости исторических взглядов Р., которую автор объясняет тем, что теория исторического процесса была у Р. идеалистической. Понимание Р. роли народных масс в историческом процессе. Историзм Р., диалектичность его мысли.

Голенченко Я. П. Великий русский патриот, мыслитель, революционер. «Большевик Белоруссии», № 8, стр. 53—62.

Горбунов М. А. Философские и социологические воззрения А. Н. Радищева. Ученые записки (Академия общественных наук), вып. 5, стр. 36—68.

См. книгу того же автора «Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева».

Громбах С. М. Радищев и медицина. «Врачебное дело», 1950, № 1, стр. 83—86.

Громов Н. И. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. «Литература в школе», № 4, стр. 20—28.

Евгеньев В. Радищев в Сибири. «Вокруг света», № 8, стр. 21—25.

К статье 5 иллюстраций П. Я. Павликова: Радищев в санях по заснеженной Сибири, В Илимске, За обжигом керамики, Врачевание населения, За уроком географии детям.

Жизневский Ф. В. Патриот-революционер. Вестник Академии наук Казах. ССР, № 8, стр. 3—12.

Зайцев Л. Великий русский революционер-демократ. «Большевик Казахстана», № 8, стр. 31—38.

Захидов В. Ю. Замечательный русский писатель-революционер. «Звезда Востока», № 8, стр. 88—96.

Иванов С. Глашатай вольности и правды. «Советская женщина», № 4, стр. 36.

Казакевич Т. А. Политические и философские взгляды А. Н. Радищева. Вестник Ленинградского университета, № 9, стр. 82—101.

Кирюшин П. М. А. Н. Радищев — великий русский мыслитель и патриот. Изв. АН БССР, № 5, стр. 3—15.

Коган Ю. А. Свободомыслие А. Н. Радищева. Известия АН СССР, серия истории и философии, № 5, стр. 399—415.

Критика Р. религии и церкви.

Козьмин Б. П. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». Известия АН СССР, серия истории и философии, № 5, стр. 385—398.

По своим политическим взглядам Р. пошел дальше декабристов. Понимание Р. крестьянской революции, отношение к крепостному праву, мысли о будущем России, о воспитании непосредственно перекликаются с пониманием этих вопросов у революционных демократов.

Костарева Н. И. Биографические рассказы об А. Н. Радищеве и В. Г. Белинском в VI и VII классах. «Литература в школе», № 5, стр. 51—58.

Методический очерк.

Кулакова Л. Великий мыслитель-революционер. «Звезда», № 8, стр. 159—166.

Лазутин И. Великий русский революционер-мыслитель. «Молодой Большевик», № 15, стр. 25—32.

Лидин В. В радищевских местах. «Смена», № 16, стр. 12.

На родине Р. в с. Верхнее Аблязово Кузнецкого района Пензенской области.

Лидин В. Колхоз «Родина Радищева». «Новый мир», № 8, стр. 241—246.

В с. Верхнее Аблязово.

Мейлах Б. С. Путешествие из Москвы в Петербург. Известия АН СССР, Отд. лит. и яз., т. VIII, вып. 3, стр. 216—228.

Пушкин и Р.

Орлов В. Радищевец. «Огонек», № 35, стр. 12.

О поэте и публицисте В. В. Пугачеве, последователе Р.

Окладников А. П. А. Н. Радищев и археология Сибири. Изв. АН СССР, серия истории и философии, № 5, стр. 451—453.

Отношение Р. к «науке о древностях» XVIII в. и его взгляд на прошлое Сибири, как на историю коренных племен Сибири. Значение сообщения Р. в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» о находках каменных топоров вблизи сибирских рек.

Остроумов С. А. Н. Радищев как статистик. (1749—1949 гг.). «Вестник статистики», № 3, стр. 78—87.

Р. — основоположник моральной и судебной статистики. Р. вместе с Ломоносовым заложил основы экономической статистики. Стремление Р. использовать статистику для улучшения жизни народа. Приоритет Р. в научной разработке вопросов статистики («О законоположении»).

Петровский А. В. О высказываниях А. Н. Радищева по вопросам естествознания. «Вопросы философии», № 1, стр. 355—359.

Анализ трактата «О человеке, его смерти и бессмертии». Последовательный материализм Р.

— Писатель, революционер, патриот. «Огонек», № 35, стр. 1—2.

Плисецкий М. С. Об антропологических взглядах А. Н. Радищева. «Советская этнография», № 3, стр. 178—182.

Передовые взгляды Р. в области антропологии. Понимание им сходства и отличия строения организма человека и животного. Критика Р. реакционных теорий о неравноценности рас.

Покровский В. С. Государственно-правовые взгляды А. Н. Радищева. «Советское государство и право», № 10, стр. 28—42.

Покровский С. А. Политические взгляды А. Н. Радищева. Известия АН СССР. Отд. экономики и права, № 4, стр. 241—254.

Революционное понимание теории «естественного права» у Р. Разрешение им вопросов теории государства, народовластия, крепостного права и частного землевладения несравненно прогрессивнее, чем у западноевропейских просветителей. Отрицательное отношение Р. к рабству негров в Америке и преследованию Марата во Франции.

Поляков Б. Великий русский просветитель-революционер. «Большевик Советской Латвии», № 14, стр. 19—27.

Приказчикова Е. А. Н. Радищев — зачинатель революционно-демократического направления русской экономической мысли, «Вопросы экономики», № 9, стр. 34—53.

— Радищев — вершина общественной науки XVIII века. «Советское государство и право», № 9, стр. 1—7.

Самойлов В. Социально-политические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории», № 9, стр. 52—64.

Р. — идеолог крестьянской революции, борец против самодержавия. Ни один из западноевропейских современников Р. не поднялся до уровня его революционно-просветительского мировоззрения. Р. не был идейным одиночкой.

Светлов Л. А. Н. Радищев. «Октябрь», № 9, стр. 171—182.

Светлов Л. Б. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. Известия АН СССР, серия истории и философии, № 5, стр. 446—450.

Влияние идей Р. на его ближайших современников. Статья в основном повторяет сведения, сообщенные проф. К. В. Сивковым в работах: «Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в.» («Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 90—95) и «Г. И. Попов, представитель общественной мысли в России конца XVIII в.» («Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 80—87). Дополнением служит статья проф. Сивкова «Подпольная политическая литература в России в последней трети VIII в.» («Исторические записки», 1946, вып. 19, стр. 63—101).

Сладкевич Н. Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова. «Вопросы истории», № 2, стр. 26—51.

Идейная связь Чернышевского и Добролюбова с Р.

Смирнов-Сокольский Н. Заметки библиофила. «Новый мир», № 8, стр. 247—255.

О судьбе ранних изданий сочинений Р.

Соколов Н. А. Н. Радищев и вопросы сельского хозяйства. «Социалистическое сельское хозяйство», № 9, стр. 52—57.

Р. как один из первых и передовых русских агрономических писателей. «Описание моего владения» — «один из ценнейших памятников сельскохозяйственной литературы конца XVIII в.», позволяющий считать Р. одним из зачинателей русской агрономии.

Степанов Н. Л. Выдающийся русский писатель-революционер. «Наука и жизнь», № 8, стр. 41—44.

Степанов Н. Л. Пушкин и Радищев. «Вестник АН СССР», № 8, стр. 11—19.

Раннее творчество Пушкина — идейное продолжение творчества Р.

Степанов Н. Л. Революционер, писатель и философ А. Н. Радищев. «Вестник высшей школы», № 9, стр. 38—43.

Сурков А. Здесь проезжал Александр Радищев. «Огонек», № 35, стр. 2—6, № 36, стр. 6—8.

Путешествие по маршруту Москва—Ленинград. Путевые заметки.

Чувашев И. В. А. Н. Радищев о воспитании в семье. «Семья и школа», № 8, стр. 4—6.

Шмаков А. Пушкин и Радищев. «Звезда Востока», № 6, стр. 100—105.

Шмаков А. Радищев в Сибири. «Звезда Востока», № 8, стр. 12—29.

Эвентов И. А. Н. Радищев в оценке В. И. Ленина и дореволюционной большевистской печати. «На рубеже» (Петрозаводск), № 8, стр. 115—120.

IV. Статьи в газетах

Абрамович А. Ф. Великий русский философ, писатель-революционер. (Обработанная и сокращенная стенограмма лекции, прочитанной действительным членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний А. Абрамовичем для колхозников, рабочих и служащих села Илимск Нижнеилимского района). «Восточно-сибирская правда» (Иркутск), 24 августа, № 167.

Аветисьян А. А. Н. Радищев. «Правда Украины», 31 августа.

Агеев И. Писатель-революционер. «Советская Белоруссия», 31 августа, № 173.

Александр Радищев, «Вечерняя Москва», 30 августа, № 26.

Арташев Б. Осуществленная мечта. «Вечерняя Москва», 30 августа, № 206.

Городня сегодня.

Бабкин Д. Борец, мыслитель, революционер. «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

Бандо-Перемена Е. В Илимске. Очерк. «Кировская правда», 31 августа.

Беднов А. Писатель, мыслитель, революционер. «Правда Севера» (Архангельск), 31 августа, № 171.

Бежанова А. На родине Радищева. «Пионерская правда», 30 августа.

Берков П. Н. А. Н. Радищев в истории русской литературы. «Ленинградский университет», 1 сентября, № 23.

Благой Д. Д. Выдающийся революционер и писатель. «Культура и жизнь», 31 августа, № 24.

Бойков И. См. Петров А. и Бойков И.

Бланкфельд Ю. Радищев о земледелии. «Сталинское знамя» (Пенза), 24 сентября.

Бутенас Ю. Жизнь, отданная народу. «Советская Литва», 31 августа, № 205.

Великий писатель. «Большевистское слово» (г. Пушкин), 1 сентября.

Великий сын отечества. «Сталинское знамя» (Пенза), 24 сентября.

Передовая.

Великий сын русского народа. «Пионерская правда», 30 августа.

Великие традиции русской литературы. «Литературная газета», 31 августа.

Передовая.

Виноградов В. К. В Верхнем Аблязове. «Известия», 17 августа,

Виноградов В. К. К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. «Известия», 25 июня.

О подготовке к юбилею на родине Р. (с. Верхнее Аблязово).

В ознаменование 200-летия со дня рождения А. Н. Радищева. «Ленинградская правда», 30 июля.

О подготовке к юбилею в Институте русской литературы АН СССР.

В честь 200-летия со дня рождения А. Н. Радищева. «Сталинское знамя» (Пенза), 24 сентября.

Торжества в Пензе, Кузнецке и в с. Верхн. Аблязове.

Выдающийся писатель-революционер. «Горьковская коммуна», 30 августа.

Галич Б. и Корольков С. Здесь проезжал Радищев. 1. Клин. — 2. Черные Грязи. «Московский большевик», 30—31 августа.

Гарбузов С. и Коровиков В. Между Ленинградом и Москвой. «Комсомольская правда», 1 сентября.

По радищевским местам.

Гинейтис И. Читая «Путешествие...». «Советская Литва», 31 августа, № 205.

Гловацкий Б. Великий писатель-революционер. «Заря Коммуны» (Оредеж), 31 августа; то же — «Винницкая правда», 31 августа.

Горбенко А. А. Радищев в Тобольске, «Тюменьская правда» (Тюмень), 20 августа.

Гордость советского народа. «Красная звезда», 31 августа.

Передовая.

Горшенин Д. и Жизневский Ф. Великий сын русского народа. «Казахстанская правда», 31 августа.

Григорян К. Провозвестник вольности. «Коммунист» (Ереван), 31 августа, № 205.

Дарахвелидзе Д. Зачинатель свободной русской литературы. «Заря Востока» (Тбилиси), 1 сентября, № 172.

Дашкова П. Набат революции. «Туркменская искра», 30 мая.

О «Путешествии из Петербурга в Москву».

Демин Н. Наша национальная гордость. «Литературная газета», 31 августа, № 70.

Дневник литературы и искусства. «Бакинский рабочий», 21 августа.

О создании при Союзе советских писателей комиссии по переводу на азербайджанский язык отдельных глав «Путешествия...», «Жития Ф. Ушакова», оды «Вольность» и др.

Дом, где жил А. Н. Радищев. «Ленинградская правда», 30 августа, № 204.

Ленинград, ул. Марата, д. 14. Здесь было написано «Путешествие из Петербурга в Москву».

Егоров А. Великий сын русского народа. «Сталинское знамя» (Рязань), 21 августа.

Еремин А. А. Н. Радищев в Нижнем Новгороде. «Горьковская Коммуна», 7 августа, № 205.

Еремин А. Вслед певцу вольности. (Пушкин и Радищев). «Горьковская Коммуна», 30 августа, № 204.

Есипов Д. Александр Николаевич Радищев. «Речной транспорт», 30 августа.

Есипов Д. На родине Радищева. Очерк. «Совхозная газета», 1 сентября.

Жданов В. Неустрашимый борец за счастье народа. «Смена», 29 августа, № 204.

Жизневский Ф. см. Горшенин Д. и Жизневский Ф.

Зайцев Л. Трибун народной свободы. «Советская Молдавия», 30 августа.

Западов А. В. Александр Николаевич Радищев. «Социалистическое земледелие», 31 августа, № 205.

Западов А. В. Писатель-революционер. «Ленинградская правда», 30 августа, № 204.

Захидов В. Борец, мыслитель, революционер. «Правда Востока» (Ташкент), 31 августа, № 172.

Издание произведений А. Н. Радищева. «Литературная газета», 9 июля.

Ионова В. «Что есть Сын Отечества». «Омская правда», 31 августа.

О трактате Р.

История одной замечательной книги. «Комсомольская правда», 14 августа.

О «Путешествии из Петербурга в Москву».

Казакевич Т. А. Великий русский мыслитель-революционер. «Ленинградский университет», 1 сентября, № 28.

К двухсотлетию со дня рождения А. Н. Радищева. «Правда», 2 августа.

О подготовке к юбилею в Пензенской обл.

К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. «Горьк. Коммуна», 30 августа, № 204.

О подготовке к юбилею Р. новых изданий его произведений и книг о нем.

К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. «Литературная газета», 6 июля.

О подготовке к юбилею в Институте Русской литературы Академии наук СССР.

Козьмин М. Отважный провозвестник русской революции. «Коммунист» (Ереван), 26 августа; то же — «Правда Востока» (Ташкент), 23 августа; «Советская Киргизия», 31 августа.

Книга А. Н. Радищева. «Вечерний Ленинград», 22 июля.

О «Путешествии из Петербурга в Москву».

Коллекция Исторической библиотеки. «Вечерняя Москва», 18 августа.

О выставке книг Р.

Кононов Н. Гордость русской нации. «Сталинское знамя» (Рязань), 31 августа, № 171.

Коровников В. см. Гарбузов Е. и Коровников В.

Корольков С. см. Галич Б. и Корольков С.

Корнеев А. В музее А. Н. Радищева. «Комсомольская правда», 18 октября.

Корнеев А. Там, где прошло детство Радищева. «Гудок» (Москва), 31 августа.

Кригер Е. Дорогой Радищева. «Известия», 1, 2 сентября.

Очерк.

Кудрявцев Ф. А. Н. Радищев в Сибири. «Восточно-сибирская правда» (Иркутск), 31 августа, № 172.

Занятия Р. медициной. Жизнь Р. в ссылке.

Кулешов В. Александр Радищев, «Советская Литва», 31 августа, № 205.

Леонидов Н. Радищев. «Известия», 31 августа, № 205.

Лерман А. Беспокойные книги. «Бакинский рабочий», 31 августа, № 171.

Судьба изданий произведений Р. Преследование их царской цензурой.

Лисецкий С. О В. Аблязове. Очерк. «Волжская Коммуна» (Куйбышев), 31 августа.

Литвинов М. Александр Радищев. «Вечерняя Москва», 30 августа.

Лоденко Л. Две таблицы. Новые материалы к родословной Радищевых. «Сталинское знамя» (Пенза), 24 сентября.

Мазманьянц В. Редкие издания произведений А. Н. Радищева. «Красная Звезда» (Харьков), 31 августа.

О «Путешествии из Петербурга в Москву»; «Северный Вестник» 1805 г., где помещен «Отрывок из бумаг одного россиянина»; «Иппокрена, или утехи любословия», 1801 г., где напечатаны «Сафические строфы» Р.

Макогоненко Г. П. Замечательный русский писатель-революционер. «Литературная газета», 31 августа, № 70.

Максимов П. На родине великого писателя. «Смена», 31 августа, № 205.

Малев И. Коллекция книг Радищева. Ценные исследования И. Д. Смолянова. «Вечерний Ленинград», 9 июля, № 159.

О богатейшей в СССР коллекции книг Р. и о Р., собранной И. Д. Смоляновым, и его исследования в области изучения радищевского наследия.

Михайлов В. Писатель, революционер, патриот. «Рабочий Кронштадта», 31 августа.

Мушин Б. Выдающийся мыслитель, революционер. «Удмуртская правда» (Ижевск), 31 августа, № 171.

Назарова Л. Пушкин и Радищев. «Новгородская правда», 26 августа, № 167; то же — «Казахстанская правда», 31 августа.

Накануне юбилея А. Н. Радищева. Еще о пушкинском экземпляре «Путешествия». «Литературная газета», 20 августа.

Накануне юбилея А. Н. Радищева. Потомки писателя. Новые переводы. Научные труды. «Литературная газета», 27 августа.

На родине А. Н. Радищева. «Советское искусство», 27 августа, № 35.

Об увековечении памяти Р.; бюст Р., устанавливаемый в с. Верхнее Аблязово, и реставрация мест, связанных с его именем.

На родине писателя. «Вечерняя Москва», 30 августа, № 206.

О музее Р. в с. В. Аблязово.

На родине А. Н. Радищева. «Советская Литва» (Вильнюс), 31 августа, № 205.

Юбилейные дни в с. Верхнее Аблязово.

Нечаев М. В музее великого писателя-революционера. «Сталинское знамя» (Пенза), 24 сентября.

Описание экспонатов Госуд. музея им. Радищева в с. Верхнее Аблязово.

Нилов А. Великий патриот и революционер. «Калининградская правда», 31 августа, № 171.

Новое о Радищеве. «Вечерняя Москва», 30 августа, № 206.

О документах, связанных с Р. в Иркутском архиве.

Новое о А. Н. Радищеве. «Литературная газета», 16 июля.

О третьем томе полного собр. соч. Р. («Опыт законодательства», «Записки о Российской истории», «Описание Санкт-Петербургской губернии», «Описание Тобольского наместничества»).

Одна из редчайших русских книг. «Вечерняя Москва», 30 августа, № 206.

О редких изданиях «Путешествия из Петербурга в Москву».

Опульская Л. Великий русский писатель-революционер. «Советское искусство», 27 августа.

Орлов В. Замечательный русский писатель-революционер. «Литературная газета», 10 августа, № 64.

Орлов В. Радищев и русская литература. «Ленинградская правда», 30 августа, № 204 (Полнее см. книгу этого автора).

Отмечают юбилей трудовыми успехами. «Сталинское знамя», (Пенза), 24 сентября.

В Кузнецке, Пенз. области.

Памирин В. История книги. «Смена», 29 августа, № 204.

О «Путешествии из Петербурга в Москву».

Памяти А. Н. Радищева. «Вечерний Ленинград», 2 июля.

Памятные места. А. Н. Радищев в Петербурге. «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

Папковский Б. Великий русский революционер и патриот. «Учительская газета», 31 августа, № 68.

Перед юбилейной датой. «Вечерний Ленинград», 28 июля.

Об издании Академией Наук СССР полного собрания сочинений Р.

Петров К. В Верхнем Аблязове. Колхоз «Родина Радищева». «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

Пиксанов Н. К. Имя, которым гордится народ. «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

Пиндюрина Н. Писатель, революционер, философ. «Сталинский сокол», 31 августа.

Пирогов Г. Великий русский писатель-революционер. «Московский большевик», 31 августа.

Подвиг служения народу. «Правда», 31 августа.

Передовая.

По маршруту Радищева. «Учительская газета», 27 августа.

Письма-рассказы читателей: А. Баранцев; М. Иванов; В. Артемьев; В. Подсыпкина; М. Кадецкова; Е. Быстрова; С. Бокарев; Б. Митекин. Коллективный очерк группы учителей из Тосно, Любани, В. Волочка, Медного, Городни и Клина.

Почивалин Н. На родине писателя. «Казахст. правда», 31 августа.

С. Верхнее Аблязово Пенз. обл.

Прокофьев В. А. Н. Радищев. «Красная Звезда», 31 августа, № 205.

Путинцев В. Судьба книги. «Литературная газета», 17 августа, № 66.

О «Путешествии из Петербурга в Москву».

Радищева О. и Радищева А. Землякам А. Н. Радищева — трудящимся Пензенской обл. «Сталинское знамя» (Пенза), 24 сентября.

Приветствие.

Рафили М. А. Н. Радищев и М. Ф. Ахундов. «Бакинск. рабочий», 31 августа, № 171.

Редкое собрание книг Радищева. «Литературная газета», 31 августа, № 70.

О собрании, принадлежащем И. Д. Смолянову.

Резникова Е. А. Н. Радищев. «Пионер», № 8.

Рукою Радищева. «Вечерний Ленинград». 29 августа, № 203.

О пометках Р. на издании русской летописи, хранящемся в Институте Русской Литературы АН СССР.

Саевич П. В. Трудящиеся Белоруссии чтут память А. Н. Радищева. «Советская Белоруссия», 28 августа.

Светлов Л. Великий патриот. «Медицинский работник», 31 августа.

Сметанин И. Революционер, мыслитель, борец. «Кировская правда», 31 августа.

Смолян А. Там, где проезжал Радищев. Расцветает советская земля. «Смена», 29 августа, № 204.

Смолянов И. Д. Имя Радищева живет. «Сталинское знамя» (Пенза), 31 июля, № 149.

О народных откликах о Р. после Октябрьской революции. О литературной традиции маршрутов по «Путешествию...»

Смолянов И. Д. Неопубликованные записки внука Радищева. «Сталинское знамя» (Пенза), 11 июня, № 113.

Соколов К. Радищев и естествознание. «Сталинское знамя», (Пенза), 24 сентября.

Степанов Н. Л. Великий русский писатель-революционер, «Комсомольская правда», 31 августа, № 205.

Степанов Н. Л. Пушкин и Радищев. «Заря Востока» (Тбилиси), 27 августа; то же, «Труд», 31 августа.

Степанова Е. А. Н. Радищев. «Туркменская искра», 31 августа.

Страна готовится к юбилейным дням. «Литературная газета», 24 августа.

Страницы биографии. Новые данные о врачебной деятельности Р. «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

Тимофеев Л. Борец, мыслитель, революционер. «Бакинский рабочий», 31 августа. Перепечатано в: «Казахстанская правда», 21 августа; «Коммунист Таджикистана», 31 августа; «Ленинское знамя» (Петрозаводск), 31 августа; «Советская Латвия», 31 августа; «Советская Эстония», 31 августа; «Северный рабочий» (Ярославль), 31 августа; № 172; «Удмуртская правда» (Ижевск), 27 августа, № 168; «Звезда» (Молотов), 31 августа; «Красная Татария» (Казань), 31 августа; «Тамбовская правда», 31 августа; «Правда Украины», 13 августа; «Тувинская правда» (Кызыл), 31 августа.

Трапезникова Т. Друг народа. «Звезда» (Молотов), 31 августа.

3000 книг. «Вечерняя Москва», 18 августа.

О коллекции И. Д. Смолянова.

Трофимов А. Пламенный революционер. «Московский комсомолец», 30 августа.

Трубецкой Б. Пушкин и Радищев. «Советская Молдавия», 30 августа.

Фролов В. Естественно-научные взгляды А. Н. Радищева. «Социалистическое земледелие», 30 августа, № 204.

О воззрениях Р. по его трактату «Описание моего владения» и др.

Храбровицкий А. Радищев в Верхнем Аблязове. «Сталинское знамя» (Пенза), 1 апреля, № 63

Чагин Б. Выдающийся русский философ. «Ленинградская правда», 30 августа, № 204.

Червяковский С. Книга народного гнева. «Горьковская коммуна», 30 августа, № 204.

О «Путешествии из Петербурга в Москву».

Шарц А. А. Н. Радищев на Урале. «Звезда» (Молотов), 31 августа.

Шиманов Н. Писатель, патриот, революционер. «Патриот Родины», 31 августа.

Шумский А. Великий писатель-революционер. «Совхозная газета», 1 сентября.

Щербина В. Александр Николаевич Радищев. «Правда», 31 августа, № 243.

Юбилейные дни в Литве. «Советская Литва», 31 августа, № 205.

Ясинская З. «Путешествие из Петербурга в Москву», «Коммунист» (Ереван), 31 августа, № 205.

V. Юбилейные сессии, заседания, выставки

Вечер в Доме писателей. Памяти А. Н. Радищева. «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

Вечера и лекции. «Ленинградская правда», 30 августа, № 204.

В ознаменование 200-летия со дня рождения Р.

Выставка в Пушкинском Доме. «Вечерний Ленинград», 29 августа, № 203.

О готовящейся выставке в связи с юбилеем.

Выставка, посвященная А. Н. Радищеву. «Культура и жизнь», 11 августа, № 22.

В Пензенском областном краеведческом музее.

Дорогов А. Выставка, посвященная 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. Культпросветработник, однодневный бюллетень № 1 (Пенза), август.

О выставке в Пензенском областном краеведческом музее.

К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. «Вопросы философии», № 1, стр. 380—385.

Отчет о докладах, прочитанных в Отделении истории и философии Академии наук СССР на юбилейной сессии памяти А. Н. Радищева. Изложены доклады: И. Я. Щипанов. Мировоззрение Р. — М. А. Горбунов. Общественно-политические взгляды Р.

Львова В. Выставка «А. Н. Радищев 1749—1949». «Вопросы истории», № 9, стр. 141—142.

Выставка в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР, Москва.

Научная сессия, посвященная А. Н. Радищеву. «Вопросы истории», № 9, стр. 135—141.

Объединенная сессия Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР. Москва, сентябрь.

Научная сессия, посвященная А. Н. Радищеву. «Ленинградская правда», 13 сентября.

О сессии, организованной АН СССР. Доклады: Н. К. Пиксанова «Р. — человек, гражданин и мыслитель»; Д. С. Бабкина «О новых рукописях Р.»; В. А. Десницкого «Р. в истории русской общественной мысли»; В. Н. Орлова «Р. и русская литература».

Общее собрание Академии наук, посвященное 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева. Вестник Академии наук СССР, 1949, № 10, стр. 13—40.

1. Вступительное слово президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова. 2. На общем собрании. Изложение доклада М. В. Нечкиной. 3. На сессиях отделений. Краткое изложение докладов И. Я. Щипанова, М. А. Горбунова и др.

А. Н. Радищев. Фотовыставка. К 200-летию со дня рождения. Ленфотохудожник, 1949, 25 л. фотоилл. с пояснительным текстом. Автор-составитель Д. Бабкин. Редактор М. Калаушин. Худ. оформление П. Пестунович.

Фотовыставка «А. Н. Радищев» предназначается для библиотек, клубов и школ.

Редкие книги. «Советская Литва», 31 августа, № 205.

О выставке книг Р. в морской библиотеке г. Севастополя.

VI. А. Н. Радищев в художественной литературе

Дробин В. Радищев и Пушкин. «Звезда Востока», 1949, № 8, стр. 11.

Евсеев А. Наш друг. «Вечерняя Москва», 30 августа.

Стихотворение, посвященное Р.

Ежов Александр. Путешествие. «Новгородская правда», 30 августа.

Стихи, посвященные Р.

Лопатин Алексей. Поборник Вольности. «На рубеже» (Петрозаводск), 1949, № 8, стр. 121.

Ольхон Анатолий. Башня в Илимском остроге. «Восточно-сибирская правда» (Иркутск), 31 августа, № 172.

Стихотворение.

Спиров М. В деревне Пешки. «Сталинский Сокол», 31 августа.

Стихи, посвященные Р.

Форш О. Д. Радищев. Трилогия. В кн.: Ольга Форш. Исторические романы, стр. 221—645.

Хаустов Л. Пламенного сердца человек. «Ленинградская правда», 30 августа.

Стихи, посвященные Р.

(Рецензии на пьесу Шаповаленко «Радищев»).

Хорошенко Е. Искажение истории. «Литературная газета», 28 сентября, № 78.

По поводу одного выступления «Литературной газеты». «Советское искусство», 8 октября № 41.

Не надо защищать плохую пьесу. «Литературная газета», 12 октября.

Шток И. Александр Радищев. «Советское искусство», 17 сентября.

Ященко Александр. В Нижнем Новгороде. «Горьковская коммуна», 30 августа, № 204.

Стихотворение, посвященное Р.

СОДЕРЖАНИЕ

Подписано к печати 28-XI-1950 г.
М-33879. Печ. л. $20^{1}/_{2}$. Тираж 5000+50
отд. отт. Заказ 714. Уч. изд. 25,0.
Типография ЛГОЛУ. Ленинград,
Университетская набережная, 7/9.